ЖЕСТОКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Владимир ГУСЕВ
УКУС ТЕХНОКРЫСЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Технокрысами называют тех, кто пишет компьютерные вирусы. Охота за ними — цепь жизни героя нового фантастического романа Владимира Гусева. А если техно-крысой становится гений? Удастся ли обычным людям остановить его? Ответы на эти вопросы — в остросюжетном произведении киевского автора.

- Владимир Гусев
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
  - Книга вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6

- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33

○ Книга третья

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27

Владимир Гусев
УКУС ТЕХНОКРЫСЫ

Книга первая
Охотник на вирусов

Глава 1

Таким серьезным я своего шефа давно не видел. Пожалуй, с тех самых пор, как вирус «Сингапур» в одночасье поразил добрую половину нашей клиентуры. Пришлось нам тогда посуетиться…

— У них какая-то хроническая болезнь. Обостряется, как правило, по ночам. К утру — бесследно проходит. И никаких нарушений памяти, полная адекватность.

— А ночью? В период обострения? Поведение адекватно?

— Таких данных нет.

Виталий Петрович перестает грызть колпачок своей знаменитой авторучки и повторяет:

— Данных нет. Пока. Гриша с этим вопросом разбирается. Поехал проформы ради, закончить профилактический осмотр, а вышел вот на такого зверя. Совершенно случайно вышел. Что наводит на грустные мысли.

Да уж. Вирусное заболевание, о котором Управление узнает случайно, да еще накануне такого события… Значит, прощай, отпуск.

— Ты в отпуск куда собирался? — проявляет отеческую заботу шеф, откидываясь на спинку обитого темной кожей кресла. Как будто это имеет какое-то значение. Теперь. Потому он и спрашивает в прошедшем времени…

— В Сочи. Бархатный сезон. Профсоюз путевками осчастливил. В кои-то веки…

— Да… — сочувственно кусает Виталий Петрович металлический колпачок. — Видишь ли… Я мог бы послать и кого-нибудь другого. В принципе. Но — не в данном конкретном случае. Сам понимаешь, накануне запуска «Невода»…

— А может, это не вирус? — тешу я себе надеждой. — Может, какая-нибудь другая напасть? Вроде «эффекта веника». Тем более, что и пациенты не жаловались.

— Веник? Кто такой? Почему не знаю?

— Не кто, а что. Обыкновенный веник, которым пол подметают. Помните, Славка Федоров рассказывал?

— Нет. Про то, как они с приятелем нечаянно контрабас купили, помню. А про веник — нет.

— Ну, как же, как же… В одной лаборатории суперсложная физическая установка иногда работала, а иногда — нет. Месяца два пытались ее наладить. А потом кто-то заметил, что если уборщица оставляет веник в одному углу комнаты, то установка пашет, как трактор, а если в другом — то хоть стреляйся.

— И что они сделали? — оживился шеф.

— Приковали веник собачьей цепью в правильном углу, а уборщице выдали новый и денежную премию.

— Ну и… Помогло?

— Да. То есть нет. Три дня все было хорошо, а потом кто-то украл цепь, заодно с веником, и — баста! Сколько новый ни переставляли из угла в угол — ноль на массу. Пришлось ее… того! — поворачиваю я вниз большой палец.

Но шеф меня уже не слышит. Смотрит в окно невидящими глазами и хмурит густые седые брови.

Видимо, это все-таки вирус. Иначе бы Витек не был так озабочен. Причем вирус какого-то нового типа. Ишь ты, хроническая болезнь… Да еще только по ночам… В моей практике такого еще не было. Значит, ни один из существующих вирус-детекторов его не возьмет. Скорее всего. И придется срочно разрабатывать новый.

— Еще какие-нибудь данные есть?

— Есть. Но, думаю, лучше получить их из первых рук. Грише я уже сообщил, место в гостинице он тебе заказал. Об одном прошу… — шеф встает из-за стола, подходит ко мне.

Я тоже вскакиваю.

— Будь осторожен. Если почувствуешь, что вышел на банду или даже просто на технокрысу — немедленно сообщаешь в соответствующие органы, а сам — в сторону! Твоя задача — лечить, а не воевать.

Витек кладет мне руку на плечо. Со стороны, наверное, комично смотрится — я почти на голову выше шефа. Тем не менее… Я испытываю почти сыновнее чувство защищенности. И какое-то приятное волнение. Словно бы шеф провожает меня в отпуск, а не наоборот.

— А насчет Сочи… — читает он, как и положено хорошему отцу, мои мысли, — не огорчайся. Что-нибудь придумаем. Ты когда собирался?

— Через неделю с хвостиком.

— Вот и отлично, — искренне радуется за меня шеф. — Думаю, ты еще успеешь позагорать. Потому как сроку я тебе даю ровно неделю. Начиная с двадцати четырех ноль-ноль текущих суток.

Витек возвращается к своему столу, тактично давая мне время прийти в себя.

— Но… Если это действительно новый типруса… В такие сроки… Просто немыслимо… — лепечу я растерянно.

— Можешь взять себе в помощь кого угодно. Включая меня. Полномочия и кредит — неограниченные. Как ты знаешь, на карту поставлены не только и не столько интересы Управления,

сколько — государственные. Я каждый день докладываю состояние дел с «Неводом» председателю Комитета. А он раз в неделю — премьер-министру!

Витек с удвоенной энергией вгрызается в золотистый колпачок.

— И через месяц мы должны сообщить, что «Невод» запущен. Во что бы то ни стало.

Шеф раздраженно швыряет авторучку на широкий, идеально чистый стол. Она скользит почти до самого края столешницы, но в последний момент останавливается. Витек удовлетворенно хмыкает.

— Недели две уйдет на отладку, неделя в резерве. Вот и получается, что у тебя в запасе тоже ровно неделя. И ни одним часом больше. Потому и посылаю тебя, а не кого-нибудь другого, что сроки немыслимые, — спокойно подтверждает шеф. Чем и обезоруживает. — Вопросы есть?

— Нет. Пока.

— Появятся — звони. В любое время дня и ночи. Номер моего домашнего телефона помнишь?

— Не забыл еще.

Витек улыбается. Когда воевали с вирусом «Сингапур», я раз десять звонил ему среди ночи. Пять-то уж во всяком случае.

— Ну, я пойду?

Шеф опять о чем-то задумался. Не дождавшись ответа, я направляюсь к двери.

— Да, еще… — говорит он мне вслед. — Вернешься с победой — займешь мое место.

Я застываю, словно в детской игре по команде «замри».

— А сорвем запуск «Невода» — вылетим оба из Управления. Вначале ты, потом я. Такая вот перспектива. Понимаешь, почему именно в такой последовательности? — помогает мне «отмереть» шеф.

Я, повернувшись, киваю головой. Чего уж тут хитрого… Прежде, чем освободят Витька, он успеет подписать приказ относительно моей персоны. Доказывай потом, что не ты — стрелочник.

— А вы… куда? — оторопело спрашиваю я. Две новости такого класса в течение пяти минут- это, знаете ли…

— Иду на повышение. К Самому! — вскидывает шеф на мгновение глаза к потолку.

Я машинально отслеживаю его взгляд. Потолок как потолок, оклеен изысканными обоями…

— Об этом пока молчок. Вопрос согласован, но… неожиданно вскрывшиеся обстоятельства не позволили утвердить

перемещения. И закрыть их, эти обстоятельства, должен ты. На нас смотрит сейчас вся страна. Забросим «Невод» через месяц — удержимся в седле, продолжим скачку. Нет сойдем с круга, отстанем, и не на десять лет, а навсегда. Ситуация та же самая, что и в середине девяностых. Тогда выкарабкались, а теперь… Ну, да ты и сам все понимаешь.

Шеф замолкает. Обычно он немногословен, и столь длинная тирада его, кажется, утомила.

— Понимаю. Не дурак.

Теперь многие это понимают. Мощные информационные сети, покрывшие территории США, Японии и экономических сообществ, достигнув критической мерности, эквивалентной топологии «гиперкуб», дали вдруг новое качество. Впрочем, «вдруг» это оказалось только для нас. Ничего неожиданного в этом, конечно, не было. Все произошло с законами впавшей в немилость диалектики. Но когда на Западе уже плели первую, еще «плоскую» сеть «Интернет», прародительницу всех современных сетей, мы еще только-только начинали массовое внедрение «персоналок». И лишь пару лет назад, когда большинство научных журналов стало реферативными, а полные тексты статей стали распространять исключительно через компьютерные сети, когда…

— Ну, как говорится, с Богом! — прерывает затянувшуюся паузу шеф, снова подходит ко мне (я поспешно делаю несколько шагов навстречу) и протягивает руку.

Ого! Немногие могут похвастаться рукопожатием с Витьком. Дистанцию между собой и подчиненными он блюдет, как сельская красавица — честь. Красавица прошлого века, разумеется. Теперешние и слово-то это забыли.

— Все. Ступай, — выпроваживает меня шеф, хмуря густые брови, и я чувствую себя, словно доблестный рыцарь, отправляющийся на бой с трехголовым драконом и получивший на это благословение короля Артура. Не хватает только Прекрасной Дамы и заплаканных горожанок с платочками в руках…

Глава 2

Мотор «вольвочки» гудит ровно, без натуги, почти неслышно. Время от времени впереди вспыхивают двойные белые звезды, стремительно приближаются, рывком превращаются в пару желтых карликов. Иногда мне приходится ускорять этот процесс, переключая свои фары на дальний свет и обратно.

Можно было бы, конечно, лететь самолетом. Но экономия времени получалась небольшой, всего три-четыре часа. Думаю, «вольвочка» вернет их мне сторицей. К тому же ее багажник битком набит охотничьим снаряжением. Объяснять при досмотре, что это вещи вполне безопасные и невзрывающиеся… Нет уж, увольте. Лучше на своих колесах. И за сохранность арсенала не надо волноваться.

Охота на вирусов требует оснащения гораздо более изощренного, нежели ружья, патроны и ягдташи. Объемистый кейс с набором дискет и компакт-дисков, мощная «персоналка», модем для подключения к ближайшей компьютерной сети с любого телефонного аппарата, сотовый телефон для оперативной связи… Но самое главное оружие охотника — его опыт. Знание повадок, образа жизни, способов маскировки и охоты страшных хищных зверей, время от времени нападающих на мирно пасущиеся стада компьютеров — этого не заменишь никакой, самой сложной и универсальной программой.

Исторически за всеми программами-паразитами закрепилось общее название «вирусы». Хотя теперь среди них есть представители чуть не всех живых существ, встречающихся в природе. И собственно «вирусы», и «червяки», и «блохи», и «удавы»… Параллельно с их «генезисом» шло развитие антивирусных программ. И долгое время для защиты компьютеров от инфекции достаточно было только обновлять их версии на более свежие хотя бы раз в месяц, лучше — каждую неделю, провести же дезинфекцию собственного компьютера мог любой «юзер».

Но года два назад появились вирусы принципиально нового класса, полиморфные быстромутирующие «хамелеоны», умеющие избегать ударов антивирусных программ. И разработчики последних перестали успевать их модернизировать. А эвристические программы-вирусофаги, способные самостоятельно выявлять хотя бы некоторые из новых штаммов, стали столь громоздкими и сложными в использовании, что рядовые программисты просто не успевали их осваивать.

Вот тогда-то в Управлении и появился отдел по борьбе с

вирусами, сотрудников которого стали величать «охотниками». Очень редкая и весьма престижная профессия. И хорошо оплачиваемая, между прочим.

Когда я вхожу в кабинет директора какого-нибудь вычислительного центра, он смотрит на меня как на врача, пришедшего к его больному ребенку.

— Ну, что тут стряслось? — спрашиваю я успокаивающим профессорским тоном. — Вашей локальной сети катастрофически не хватает памяти?

Это — первейший признак. Все эти «червяки», «пиявки» и прочие вирусы питаются памятью компьютеров, в ней же они живут и размножаются.

— Совершенно верно! — обрадованно говорит обычно директор, усаживая меня на почетное место. Врач, перечисляет основные симптомы болезни еще до осмотра больного, сразу же вызывает доверие. А заодно — и уважение к собственной персоне. Право на которое потом предстоит еще подтвердить. Ведь выявление возбудителя компьютерного заболевания — дело иногда очень даже не простое. Ничего не поделаешь. Как установил еще Койен, написать компьютерную программу, способную выследить вирус любой природы — задача неразрешимая. И, самое печальное, для любого антибиотика всегда находится тварь, способная назло ему выжить и бодро размножаться. В гонке вирусов и антивирусных программ нет и не может быть победителя…

Я включаю стереомагнитолу. Хороший рок — лучшее лекарство от сонливости. «Вольво» летит, мечами фар рассекая впереди себя тьму. И я снова начинаю чувствовать себя рыцарем, мчащимся на битву с трехголовым драконом.

Глава 3

Через пять часов мы с Гришей сидим в его «полулюксе» и пьем чай. Кроме того, Гриша с умопомрачительной скоростью уничтожает мои бутерброды и — последние в этом году! — свежие помидоры.

— Знаешь, я бы назвал эту болезнь «эпилепсия», — говорит он, отправляя в рот маленькую аккуратную «сливку». — Приступ начинается, как правило, ровно в полночь. Компьютерная сеть вдруг перестает реагировать на команды. Каналы обмена медленно переполняются. Информационные потоки такие — того и гляди кабели начнут греться!

Ничего себе загрузочка! Если между компьютерами такой обмен, то что же творится в них самих?

— Что они там обсчитывают? Прогноз погоды на третье тысячелетие?

— Ничего. В том-то и дело, что результат — ноль. Все устройства вывода — в столбняке. И так — два-три часа. А иногда и всю ночь.

Гриша тщательно вытирает руки полотенцем и смахивает с бороды крошки.

— Самое интересное начинается потом, — продолжает он, убирая с застеленного бумажной скатертью столика фольгу, в которую были завернуты бутерброды. — Ты в жизни не догадаешься, что происходит под утро!

— Кричит петух, в машзале появляется призрак и говорит: «Я дух, я твой отец, приговоренный по ночам скитаться…»

Гриша трет подушечками пальцев свою обширную лысину, словно пытаясь стереть тускло отражающуюся в ней гостиничную люстру.

— Нет. Еще загадочнее. Приступ кончается, каналы обмена освобождаются, и… локальная сеть «Эллипс», как ни в чем не бывало, продолжает обсчет текущих задач.

— Ну, и что же здесь загадочного? Обыкновенное воровство машинного времени. Кто-то несанкционированно вводит программу класса «вампир»., получает результат и убирается восвояси. Помнишь, когда впервые была сотворена подобная штука?

— По-моему, в Минске, лет пять назад.

— Плохо. Историю компьютерной вирусологии нужно знать. Первая программа-червь подобного типа была создана еще в 1982 году в Пало Альто. Эксперименты проводились в локальной сети исследовательского центра фирмы «Ксерокс». После того, как

компьютеры начали зависать, авторы программы послали команду на ее самоуничтожение. Поскольку орудуют такие программы в основном по ночам, захватывая свободные мощности простаивающих машин, Безруков предложил называть их «вампирами». Похоже?

— Ты в школе случайно не отличником был? — интересуется Гриша.

— Не отличником. И не случайно. Потому что был оболтусом, вроде тебя теперешнего. Сколько раз я тебе говорил: учи уроки прошлого! Они потому и называются уроками, что позволяют избежать ошибок в будущем. Но не всем, а только настоящим охотникам.

— Таким, как ты, — ухмыляется Гриша. — Кстати, давно хотел спросить. Тебе не кажется неграмотным этот термин: «охотник на вирусов»? Словно на волков каких-то. А ведь вирус — даже не компьютерный, настоящий — существо не только неодушевленное, но и живое как-то так, наполовину. Может, правильнее «охотник на вирусы»? Хотя нет, тоже как-то не по-русски.

— Это только для молодых-зеленых вирус — неодушевленное существо. Вот поживешь с мое… «Черный мститель», «Забалдевший», «Беззубый», «Бебе», «Внебрачный ребенок», «Захватчик» — это что, по-твоему, камни, растения? Погоди, вот завтра будешь работать по этому «вампиру», а его создатель, непризнанный компьютерный гений, он же технокрыса, даст тебе сзади железякой по голове… Ты и после этого будешь говорить, что вирус существо неодушевленное?

— После этого я уже ничего не буду говорить, — тяжело вздыхает Гриша. — Но все-таки здесь — не воровство машинного времени. Прошлой ночью я запустил в сеть программу-демон типа «бильярдный шар». Так вот, никакого внешнего канала, по которому могли бы сплавляться результаты расчетов, мой «шарик» не обнаружил.

Что ж, неплохо. Когда-нибудь из Гриши получится вполне приличный охотник.

— Эпилепсия не относится к вирусным заболеваниям. Может быть, и здесь — что-то другое?

— Например? — оживляется Гриша. Видно, он уже ломал голову над этим вопросом и ему не терпится высказать свои гениальные предположения.

— Самое простое — тщательно замаскированный канал вывода, специально защищенный от программ типа «бильярдный шар». Или…

Я на секунду замолкаю. Главная черта хорошего охотника

нетривиальность гипотез. Ведь и компьютерные бандиты мыслят, как правило, нетривиально. Времена примитивных вирусов прошли. У современных операционных систем к ним стойкий иммунитет. И преодолеть его, не имея в запасе свежей и оригинальной идеи, невозможно.

— …Или вывод информации, основанный на новом физическом принципе.

— Все-таки физическом? — уличает меня Гриша в самоограничении фантазии.

— Конечно. Считывание информации непосредственно из памяти компьютера экстрасенсом — процесс тоже вполне материальный.

Гриша, удовлетворенно хмыкнув, оглаживает ладонью бороду.

— У меня есть более простое объяснение, соответствующее принципу Оккама.

— Не иначе, карлики из летающих тарелок, питающиеся информационными полями, обсели несчастный «Эллипс», и ровно в полночь у них начинается пир, — подсказываю я.

— Да нет, еще проще, — усмехается Гриша, отхлебывая из тонкостенного стакана остывающий чай. — Это может быть всего лишь…

Гриша, не торопясь, ставит стакан на стол и, хитро улыбаясь в черную разбойную бороду, откидывается на спинку стула. Точно так же делает обычно Виталий Петрович Крепчалов перед тем, как огорошить какой-нибудь новостью. Например, сообщить, что отпуск в Сочи ставится под большущий знак вопроса…

— Да ладно тебе, интриган. Вываливай!

— Просто компьютерный вирус.

Ну что же, довольно оригинально. Все-таки вирус. Не оставляющий следов. Вирус-призрак.

— Что-то новенькое в компьютерных болезнях. Безобидный вирус-призрак…

— До поры до времени безобидный. А потом, когда запустят «Невод»…

Кажется, я ошибался. Гриша уже вполне сформировался как охотник.

— Ты полагаешь, что злоумышленник использует «Эллипс» как полигон?

— Да. Отрабатывает все более совершенные, все менее заметные и, значит, все более опасные версии вируса. Но на хвост каждого из них пока цепляется ген самоуничтожения. А вот когда полностью раскроется «Невод»… Это будет пострашнее, чем «Дракон».

— Любопытная гипотеза, — одобряю я, и Гриша довольно улыбается. Все знают, я, как и Витек, редко кого хвалю, чаще высмеиваю. — И что ты предлагаешь?

— Ничего оригинального: искать. Бесследно исчезать вирус не может. Днем он прячется в каком-нибудь укромном уголке памяти, а ночью, как и положено хищнику, выходит на охоту.

— А если вирус запускают с дискеты?

— Маловероятно. Самая рискованная операция для технокрысы — процесс загрузки паразитной программы. И повторять его каждую ночь вручную, да еще в одно и то же время… Нет, немыслимо. А ты что предлагаешь?

— Ты в жизни не догадаешься об этом, — говорю я и ставлю на стол пустой стакан.

— Ну… Да не томи же! — не выдерживает паузы Гриша.

— Я предлагаю лечь спать. А завтра на свежую голову начать облаву. Твоя версия принимается как основная. Разумеется, не исключаются и запасные.

— У меня их целых четыре, — сообщает Гриша, сгребая со стола стаканы.

А у меня, честно говоря, ни одной. Но подчиненным об этом знать не положено.

Глава 4

Аккумуляторный завод, на котором предстоит сегодня работать Грише, на самой окраине города. Так что моя «вольвочка» весьма кстати.

Я плавно торможу у длинного серого здания с давно не мытыми окнами. Гриша, достав из багажника закрытый на два цифровых замка кейс, исчезает за стеклянной дверью.

Дискеты с программами, которыми набит кейс, — не единственное оружие охотника. С некоторых пор в число обязательного снаряжения вошел, например, газовый пистолет, спрятанный у каждого из нас в маленькой наплечной кобуре. Выдали их нам полгода года назад, после случая в Новосибирске. Охота на вирусов, как и всякая другая охота, — дело небезопасное. Ищешь лисью нору, а попадешь в волчье логово… Именно это и произошло в «столице Сибири». Выслеживая вирус, Вася Петухов обнаружил в местном отделении сбербанка непонятного назначения программку. Как потом выяснилось, лихие ребята несколько месяцев снимали со своих многочисленных счетов небольшие суммы денег В течение суток эти счета пополнялись, по принципу «с миру по нитке голому рубаха». Программка была составлена столь изящно, что никто ничего не замечал. Да и Вася вышел на нее совершенно нечаянно, иначе бы он так не подставился. Труп его нашли только на третьи сутки. А нам через месяц выдали «газовики». Против пистолета эта штука, конечно, слабовата. Но при встрече с вооруженным лишь холодным оружием противником достаточно эффективна. Гриша один раз уже это продемонстрировал. При его астеническом телосложении такая игрушка, конечно, весьма полезна. Но лично я больше полагаюсь на эластичность мышц и быстроту реакции. Чтобы пустить в ход «газовик», нужно полторы секунды. А для удара без замаха — чуть ли не вдвое меньше.

* * *

Возле ГИВЦа — городского информационно-вычислительного центра отличная автостоянка. Полупустая! В Москве такую днем с огнем не найдешь, а ночью и подавно! Все-таки жизнь в провинции имеет свои преимущества. Особенно теперь, когда повсюду есть колбаса.

Припарковав машину и тщательно заперев дверцы, я поднимаюсь на высокое крыльцо. Чуть ли не из всех окон

безвкусного, хотя и с претензией на современность, здания торчат уродливые коробки кондиционеров. Стандартные стеклянные двери, нелепо изогнутый козырек над ними. Вахтер долго мусолит пропуск Управления, подозрительно сверяя фотографию с моей физиономией. Наконец, зевая в рыжие прокуренные усы, возвращает красную книжечку и начинает бестолково объяснять, как найти кабинет директора.

Мне, в общем-то, директор не нужен. Но без его разрешения трудно будет попасть в машзал — даже с моей красной книжечкой. А мне обязательно нужно посмотреть на безумствующие машины самому. Я еще не знаю, зачем. Компьютер, а тем более целый хоровод их — это не автомобиль, в котором по едва заметному стуку или изменению «голоса» мотора опытный механик может определить, в чем загвоздка — в коленвале или коробке скоростей. И все же…

Кабинет директора оказался закрытым. Начальник смены, немолодая миловидная женщина с кроваво-красными губами, едва взглянув на мои пропуск и предписание, объясняет:

— Михаила Олеговича срочно вызвали в мэрию. Он просил извиниться за него и оказать вам всяческое содействие.

Ага, это Виталий Петрович позаботился о режиме наибольшего благоприятствования. Да и пропуск Управления кое-что значит.

— Я хотел бы познакомиться с техдокументацией вашей компьютерной сети. Состав, топология, операционные системы и так далее.

— К сожалению, — виновато улыбается Евгения Федоровна, — все это закрыто в сейфе у Михаила Олеговича, а сейф заперт в кабинете.

— Ого! Спрятано понадежнее, чем смерть Кощея Бессмертного!

— В соответствии с инструкцией, — оправдывается начальница смены. — В порядке компенсации могу показать вам наш парк.

Отлично. Психологический контакт установлен. В моей профессии это немаловажный фактор. Иногда одна-две улыбки и пара незатейливых острот дают больше, чем сутки напряженной работы. А с этой молодящейся женщиной оказалось еще проще. Один-единственный по-мужски заинтересованный взгляд и она уже угадывает мои тайные желания.

Вместе с Евгенией Федоровной мы осматриваем машзал. Собственно, это не зал, а просто достаточно просторная комната. Давным-давно даже для больших универсальных машин уже не требуются ни фальшполы, ни принудительная вентиляция, но

помещения, где их устанавливают, продолжают громко называть «машинными залами». В этом — три стойки мэйнфрейма, сетевой адаптер, системная консоль. В общем, стандартный набор. Но еще зачем-то пара «Нейронов». Не старинных персоналок, выпущенных в конце восьмидесятых, а перехвативших это название мастодонтов с нейроноподобной структурой логических элементов. А рядом, в дисплейном классе — консоли программистов и две рабочих станции. А в операторской, отделенной от машзала металло-стеклянной перегородкой — сервер и полдюжины «персоналок».

Ну что же, вполне приличный парк. Есть где погулять технокрысе.

Через десять минут, поблагодарив Евгению Федоровну и получив в ответ очаровательную кроваво-красную улыбку, я уже сижу в дисплейном классе.

Программы-убийцы, подобно хищным птицам, одна за другой срываются с выделенной мне консоли, бит за битом проверяя ячейки памяти компьютеров. И через некоторое время возвращаются, не неся в когтях никакой добычи. Видно, придется запускать громоздкие эвристические программы, способные обнаруживать новые штаммы — да и то не все — «хамелеонов». Но делать это лучше в период минимальной загрузки машин, то есть — ночью. А пока продолжим соколиную охоту. Любимейшее, после турнирных боев, занятие средневековых рыцарей. И тоже — небезопасное. Ведь каждую секунду из какого-нибудь малозаметного овражка «операционки» может показаться голова огнедышащего дракона. И тогда…

Кто-то, незаметно подкравшись сзади, наклоняется над моим плечом, и я вздрагиваю от испуга.

— Михаил Олегович уже пришел, — тихо говорит Евгения Федоровна заново накрашенными кроваво-красными губами. Я поспешно встаю.

Кажется, я понравился этой вампирше. Наверное, потому, что у меня кровь первой группы.

Глава 5

На директора, высокого сухощавого мужчину с прокуренными усами точно такими же, как у вахтера! — моя красная книжица действие произвела магическое. Он сразу же стал ниже ростом, засуетился, и даже кончики усов его выразили неописуемый восторг по поводу визита инспектора. Как хвост у собаки. В предписании, естественно, умалчивалось об истинной цели моего прибытия. Наивная предосторожность. Компьютерные бандиты прекрасно знают имена охотников. А лучших из нас — и визуально. Сему Малышева убили в Ростове на другой день после прибытия. И за двое суток успели замести все следы. Так до сих пор и неизвестно, что за программа-вирус там работала и с какой целью.

— Говорят, вчера у нас уже был инспектор Управления, — осторожно сообщает Михаил Олегович. — Я, правда, временно отсутствовал, поэтому…

— Григорий Андреевич, который у вас был — специалист по болтам, а я по гайкам, — поясняю я, принимая папки с документацией. — В память «Эллипса» описание сети что, не введено?

— Введено-то введено… Только вот изменения, насколько я помню, внесены не все. Последний инцидент так точно не отражен. Все равно ведь придется скоро демонтировать, — оправдывается Михаил Олегович.

— Далеко не все, — холодно поправляю я.

— Кабель, который перебили в последний раз, в «Неводе» задействован не будет. Вот мы и не стали… лишнюю работу… Как нам тогда казалось, поспешно добавляет директор, наткнувшись на мой удивленный взгляд.

Интересно, интересно. И Гриша мне ничего об этом не сказал. Не знал, что ли? В Управлении переполох, Крепчалов готов подозревать самое худшее, а здесь — просто авария на линии связи… Программу-протокол, обеспечивающую работоспособность сети, естественно, малость подрихтовали, но где-то допустили ошибку. Вот и получился «эффект веника».

Я облегченно улыбаюсь. Это Гриша на всех страху нагнал. Все-таки ему еще рано самостоятельно охотиться. Только услышал шорох в кустах, и сразу в панику: медведь! А на самом деле…

Где-то крыса перегрызла кабель. Система переключилась на резервный. Его зацепил пьяный экскаваторщик. На складе кабеля не оказалось. Вообще-то он есть, и много, но не тот, который

нужен. А нужный сняли с производства. И трубы все переполнены, а рыть новую траншею нечем: экскаватор сломался. И денег нет. Какой там бюджет у мэрии… И наверняка нашелся талантливый системщик, взявшийся перестроить обмен в сети так, чтобы можно было обойтись без оборванного кабеля. Превратить, скажем, «эллипс» в «полуэллипс». Кого-кого, а талантливых инженеров у нас хватает. Трезвых экскаваторщиков — явно меньше. И если бы не ошибочка…

— А что с ним случилось, с кабелем-то? — спрашиваю я, все еще улыбаясь.

Михаил Олегович, чувствуя, что настроение мое по непонятным причинам улучшилось, улыбается в ответ.

— Ну что с ним могло случиться? Линия связи была проложена с небольшими отклонениями от проекта. Один смотровой колодец перенесли на десяток метров в сторону, да и сделали его… тяп-ляп. Поэтому, когда в центральной котельной заснул дежурный и в трубах поднялось давление… В общем, этот колодец залило горячей водой. Стоял-то он не на месте! Его, конечно, быстро осушили, но разъединять оптические соединители не стали понадеялись на их герметичность. И напрасно. Через месяц из-за коррозии все восемь каналов вышли из строя. Привезли запасной кабель, но сразу проложить не успели, а ночью у него конец отрубили, метров пятьдесят. То ли шланговая оболочка кому-то приглянулась огород поливать, то ли пацанам на дубинки понадобился. Кабель стал короток, а нарастить нечем да и нельзя: муфта в трубу не пролезет. И купить негде. Его, оказывается, два года назад с производства сняли. А к тому, что выпускается взамен, старые оптические соединители не подходят. А чтобы новые использовать, нужно проект откорректировать. А институт, который…

— Достаточно. И тогда вы решили…

— Есть тут у нас один способный системный программист, Петр Васильевич Пеночкин. Вернее, не у нас, а на «Микротехнологии». Большой энтузиаст компьютерных сетей. Он-то и предложил изменить протокол обмена так, чтобы резервный вариант мог стать основным. Ну, то есть постоянно работать с поврежденным кабелем, как будто он и не нужен вовсе. Скорость передачи информации падает на чуть-чуть, а выигрыш времени получается солидный…

Выложив самый сильный аргумент в пользу своей бездеятельности, директор замолкает.

— И как, удалось вам?

— Вполне! — снова оживляется Михаил Олегович. — Все задачи решаем в срок, у заказчиков — никаких претензий.

Ага. Значит, никаких. Интересно. А может, и приступов по ночам никаких нет? И Грише все это приснилось?

— Когда залило кабель?

— Чуть больше полугода тому назад.

— И до сих пор «Эллипс» разомкнут? И даже изменения в документации не все отражены? — укоризненно спрашиваю я.

— Откорректированный проект ждем со дня на день.

— Можете уже не ждать. Поскольку в «Неводе» оборванный кабель не используется, — жестко говорю я. — Но это, насколько я понимаю, не снимает с вас ответственности. Полгода работаете в нештатном режиме и до сих пор не удосужились поставить об этом в известность Управление… Вам придется представить по данному вопросу объяснительную записку.

Кончики усов директора перестают радостно вилять и уныло повисают. Спросить у него про «эпилепсию» сейчас или при следующей встрече? Судя по всему, этого не избежать.

— Впрочем, назовем ее пока докладной. Подробно изложите все ваши действия. Куда обращались, что вам — отвечали, и так далее. И как, проявив находчивость, временно вышли из положения, — смягчаю я тон.

Кончики усов Михаила Олеговича тут же воинственно задираются вверх.

— Да, решение проблемы оказалось весьма нетривиальным, — с гордостью говорит он.

Это для кого как. Для меня, кажется, совсем наоборот. Значит, Петр Васильевич Пеночкин — кстати, уж не наш ли это Петя? — отладил работу сети в нештатном режиме, им перестало припекать, и начался вялый обмен бумагами с поставщиком кабеля и проектной организацией, копия — в Комитет. Клерк в Комитете исправно подшивал письма в соответствующее дело, палец о палец не ударяя, чтобы помочь… «Караул» ведь не кричат — значит, можно спать спокойно. А и кричали бы — что с того? У чиновников бессонницы не бывает…

Да, но почему директор молчал о приступах? Что-то тут все-таки нечисто. Хорошо, если он просто пытается скрыть еще один вопиющий пример собственной бездеятельности. Вызванной, очень даже может быть, некомпетентностью. А если дело все-таки не в ошибке? И под носом у директора действительно отрабатывают опаснейшую версию вируса? При его молчаливом попустительстве и, быть может, даже участии? Нет, рано мне успокаиваться. Я должен сам пронаблюдать приступ. А уж потом задать разящий вопрос директору.

— А теперь мне хотелось бы подробнее ознакомиться с документацией. Где тут у вас можно, приземлиться?

— В кабинете у зама, не возражаете? Он сейчас в отпуске, и вас никто не потревожит. Можно и у меня, конечно, но здесь вам будут мешать. Посетители, заказчики, звонки… Телефон не умолкает целый день.

— То жираф позвонит, то олень, — говорю я неожиданно для самого себя.

Директор испуганно таращит на меня глаза, не зная, как реагировать на глупую выходку: то ли засмеяться, то ли рассердиться, то ли бригаду из психушки вызвать. Но смеяться над глупостью — глупо, а сердиться — боязно. Ничего, в следующий раз не будет выставляться. На то он и директор, чтобы целый день отвечать на звонки и принимать посетителей.

— Любимое стихотворение моего сына, — поясняю я. — Корнея Чуковского, кажется. Лучше, пожалуй, в кабинете у зама.

Директор облегченно вздыхает. Очень я ему нужен в его собственных апартаментах… Не более, чем гремучая змея в постели.

Глава 6

Через два часа я возвращаю директору папки с документацией, оформляю «ночной» пропуск и отправляюсь в гостиницу — спать. Третья смена начинается в двадцать три ноль-ноль. А самовозбуждение сети — ровно в полночь. Как и положено всякой чертовщине. Хочется мне самому посмотреть на ночной шабаш. А вдруг это все-таки вирус? Класса «вампир»? Или, скажем, «ведьма». У них тоже по ночам — самая работа.

Оставив Грише записку с просьбой не будить, я разбираю постель. Но, прежде, чем лечь, выглядываю в окно и отыскиваю на гостиничной стоянке свою машину. Стоит моя «вольвочка», стоит. Надо бы на автомойку сгонять, но не сейчас. Вот удостоверюсь, что вирус «ведьма» — просто ошибка в коммуникационной программе- тогда и займусь автомобилем.

* * *

За свои три с хвостиком десятка лет я научился очень многому. Ходить, говорить, читать, целоваться, жарить яичницу, спать с женщинами, бить морды подонкам, сдерживать ярость, завязывать шнурки и нужные знакомства.

Но все это умеют и другие.

Кое-что способны делать лишь немногие. Например, заговаривать зубы в изначальном смысле этих слов. Или сочинять музыку.

Я тоже раскрыл в себе одну уникальную способность. Кому-то она может показаться несерьезной и даже анекдотичной, но ничего смешного на самом деле в ней нет. И встречается она, наверное, ничуть не чаще, чем, скажем, дар ясновидения. И ценностью обладает не меньшей. Во всяком случае, для меня.

Дело в том, что я могу спать не тогда, когда хочется, а когда для этого есть время. А еще я умею спать впрок. Годы ночных бдений над компьютерными сетями научили меня этому. Вернее, раскрыли эту мою способность. Будь у меня другая профессия — я и не подозревал бы о своем таланте. Но судьбе было угодно раскрыть этот дар, наработанный эволюцией неизвестно зачем много веков назад и бережно донесенный до начала третьего тысячелетия моими предками, царство им небесное. И я эту свою способность нещадно эксплуатирую.

Просыпаюсь я в двадцать два ноль-ноль, по первому же «ку-ка-реку» моего «петушка». Просыпаюсь бодрым и заряженным

энергией, как если бы за окном был не дождливый осенний вечер, а солнечное летнее утро. Тщательно разминаю все мышцы, пляшу перед зеркалом, делая молниеносные выпады и стараясь от них же защититься. Сделать это, конечно, невозможно, но ничто так не продвигает вперед по какому бы то ни было пути, как попытки достичь невозможного.

На стук в Гришин «полулюкс» никто не отзывается. Спит уже, наверное. Молодец. Ведет здоровый образ жизни. Да и что ему еще остается при таком телосложении и с такой лысиной? Борода, правда отвлекает от нее внимание, но ненадолго.

На улице дождь — мелкий, холодный и тоскливый. Прежде, чем с парашютным хлопком надо мною раскрывается купол зонтика, несколько капель проскальзывают за воротник финского плаща. Бр-р-р!

Потоптавшись на крыльце, я иду к автостоянке. Хотя ГИВЦ всего в двух кварталах от гостиницы, лучше их преодолеть на машине. Не исключен вариант, что у меня появится одно-двухчасовая пауза, которую лучше всего продремать в удобном кресле «вольвочки». Я это называю «заготовка сна впрок». А место для парковки там хорошее, оно отлично просматривается из окон. Да и японский противоугонный комплекс еще ни разу меня не подводил.

* * *

Вахтерша — пожилая полная женщина с невыразительным лицом — долго изучает мой пропуск с грифом «действителен круглосуточно», потом ставит «вертушку» на стопор.

— Не пущу. Меня никто не предупреждал. Надо вам — приходите завтра с утра, хоть прямо к семи. А среди ночи постороннему человеку делать здесь нечего. Идите себе, идите подобру-поздорову. А не то я сейчас милицию вызову, — добавляет она, не обнаруживая в моем поведении и намека на паническое отступление. Но охотника на вирусов милицией не испугаешь. И вообще его проникающая способность должна быть не меньшей, чем у нейтрино. Иначе ягдтаж охотника-неумехи всегда будет пуст.

— Начальник караула есть? — спрашиваю я невинным голосом, прекрасно зная, что в такое время его быть не может.

— Я теперь здесь начальник! — узурпирует власть вахтерша.

— Прекрасно. Но Михаилу Олеговичу вы все-таки подчиняетесь? Директору вычислительного центра? — интересуюсь я и, не дождавшись ответа, предлагаю: — Позвоните

ему немедленно домой и спросите, действительна его подпись на пропуске или нет.

— Еще чего! Добрых людей по ночам будить!

— Ладно. Тогда я сам позвоню.

Сделав вид, что оскорблен выказанным недоверием до глубины души, я решительно поворачиваюсь к «вертушке» спиной.

— Погодите, — не выдерживает вахтерша. — Я сейчас начальника смены позову. Пусть он сам решает, пускать вас или не пускать.

Молодец. Нашла способ уйти от ответственности.

Начальник смены, небольшого роста паренек с русыми усами, повертев в руках пропуск и поинтересовавшись, что мне в такой час нужно, хмуро говорит вахтерше:

— Пусть идет. Бумаги у него в порядке.

— Я так и доложу утром начальнику! Что вы приказали! — облегченно кричит она нам вслед.

«Ишь ты, церберша, — думаю я без всякой неприязни. — Правильно делала, что не пускала. Тебя бы дворничихой в наш дом — глядишь, и был бы во дворе порядок.»

Глава 7

— Так что вы, собственно говоря, хотите проинспектировать? спрашивает Белобоков, распахивая дверь, ведущую в уже знакомый мне машинный зал.

— Да так, в общем, — неопределенно машу я рукой. — Обычная рутинная проверка перед включением ваших компьютеров в гиперсеть.

Мы заходим в крошечный кабинетик, представляющий собой нечто среднее между стеклянной клеткой и каморкой папы Карло. Не хватает только нарисованного очага. Вместо него на маленьком столике в углу — «пентиум». Ха! Что-то вроде «Ундервуда» Танечки, нашей секретарши. Неужели он до сих пор работает? Даже буквы на клавишах полустерты…

— Машины в порядке, никаких трудноустранимых дефектов нет? равнодушно спрашиваю я, останавливаясь перед заваленным распечатками письменным столом.

— Я бы этого не сказал, — бесхитростно отвечает Белобоков, усаживаясь напротив. — Машины сейчас, правда, в порядке, но… — он хмурит белесые брови и досадливо щелкает пальцами. Пауза затягивается.

— Какие-то спорадические сбои? — вынужден подсказать я.

— Да, что-то в этом роде. Время от времени задачи вдруг перестают идти и начинается такая катавасия…

Белобоков сбрасывает в ящик стола стопку распечаток, потом смотрит на чистую страничку перекидного календаря. На этот раз я более терпелив.

— В общем, начинается какой-то странный генереж. Все машины словно с цепи срываются. Ни ввести в них ничего нельзя, ни вывести. А каналы обмена, между прочим, переполнены информацией!

Он решил сам во всем признаться. Не дожидаясь, пока я задам каверзные наводящие вопросы.

— То есть какой-то компьютер неисправен и мешает нормальной работе остальных. А вы не предпринимаете никаких мер.

— Ну, зачем же так резко… — пожимает плечами Белобоков. — Машины все тесты проходят без сбоев, в них я уверен. Это «Эллипс» виноват. Что-то у него не ладится с обменом. Но по прошествии некоторого времени — когда часа, когда трех — работоспособность сети полностью восстанавливается. Снова начинают идти задачки, скрипеть принтеры… Словно бы ничего и не было. Как приступ лихорадки,

знаете? Потрясет, потрясет — и опять ничего.

— А Михаил Олегович знает об этом?

— Ну конечно. Только я три докладных ему написал по этому поводу.

— И что директор?

— Говорит, сообщил куда следует. Принимают меры.

Интересно будет узнать у него, какие — именно. И почему он не сказал мне при встрече ни о мерах, ни о причине, вызвавшей их. Не нравится мне ваше поведение, Михаил Олегович! Более того, оно вызывает подозрения!

Белобоков озабоченно смотрит на часы.

— Да вы и сами можете пронаблюдать. Приступ должен начаться через десять минут, ровно в полночь. Словно бес вселяется в наши компьютеры. А как изгнать его… Разве что попа пригласить и святой водой консоли окропить, — криво усмехается начальник смены в аккуратно подстриженные усы. У них что, все мужчины усатые, что ли?

Дверь в каморку вдруг широко распахивается, и на пороге появляется девушка. Светлые волосы ее влажно блестят, плащ потемнел и набух от влаги. На лице двумя слезинками застыли дождевые капельки. Они притягивают мой взгляд, словно магнитом.

— Ой, Виктор Алексеевич!.. Я никак не могла раньше, честное слово! Да еще этот дождь… Я на такси приехала, — оправдывается девушка, для убедительности широко раскрывая и без того огромные глаза. Именно от них-то я и не могу оторвать взгляд, а вовсе не от капелек.

— Во-первых, здрасьте! — насмешливо отвечает начальник смены. Во-вторых, познакомься: инспектор Управления Полиномов Павел Андреевич. И если он сообщит в рапорте, что производственная дисциплина у нас хромает на обе ноги, Михаилу Олеговичу будет трудно отстоять нашу квартальную премию. А это — Элли, лучший программист центра.

— Ну, так уж и лучший… Надеюсь, инспектор не станет ябедничать? полуспрашивает-полуутверждает Элли, и я вдруг с ужасом понимаю, что готов тут же выполнить любое, самое сумасбродное ее приказание. Любую, самую фантастическую просьбу. Любое, самое потаенное ее желание… Споткнувшись на этом двусмысленном слове, я вновь обретаю утраченный было дар речи.

— Не наябедничаю, — говорю я хрипло. Но у Элли в этом нет никаких сомнений: она уже выпорхнула из каморки, оставив дверь приоткрытой. Стрекотание принтера становится громче и окончательно выводит меня из транса.

— Я хотел бы посмотреть, как начинается приступ «лихорадки».

— Если он будет сегодня, — хмуро говорит Белобоков, вставая.

Мы выходим из кабинетика, и в операторской я сразу же отыскиваю глазами Элли. Она нажимает кнопки телефона. Видимо, абонент занят, и это очень раздражает Элли. Скользнув по мне невидящим взглядом, она швыряет трубку на рычаг и сердито барабанит пальцами по стеклу, покрывающему стол.

Хотел бы я быть тем человеком, которому бросается звонить красивая девушка, даже не успев привести себя в порядок. Мокрые волосы слиплись висюльками, лицо еще не высохло… А все равно — хороша!

— Подождите, я сейчас… — говорит мне извиняющимся тоном Белобоков, направляясь в операторскую. В левой руке его — толстая пачка распечаток. Сделав вид, что не расслышал, я почти бесшумно иду вслед за ним.

Элли подсела к одной из «персоналок» и лихорадочно вводит в нее с клавиатуры то ли программу, то ли просто текст. Начальник смены раскладывает распечатки на столе в дальнем углу комнаты. Я, заложив руки за спину, задумчиво бреду, огибая стоящие на дороге стулья, в его сторону. Поравнявшись с Элли, медленно поворачиваюсь, невзначай задерживая взгляд на дисплее…

На нем длиннющая серия чисел: 42.83.17.61.21.84.60.11… Прочитать дальше я не успеваю, потому что цифры с дисплея вдруг исчезают. Я перевожу взгляд на трогательно-беззащитный затылок Элли, склонившейся над клавиатурой, и натыкаюсь на ее гневный взгляд, нацеленный, словно дуэльный пистолет, мне в переносицу.

— Простите, — помимо воли срывается с моих губ.

Но, собственно говоря, что я такого сделал? Ну прогулялся туда-сюда, ну машинально скользнул взглядом по дисплею… И за это — под дуло пистолета?!

— Не люблю, когда стоят за спиной, — рассеивает Элли мое недоумение, готовое перейти в обиду.

Фу-ты, ну-ты. А я-то уж думал…

Что-то неуловимо меняется вдруг в машинном зале. Его словно захлестывает гигантская невидимая волна. Мы все чувствуем это одновременно: и Элли, испуганной кошкой спрыгнувшая со стула, и Белобоков, втянувший голову в плечи, словно его вот-вот должны ударить, и два парня, суетившиеся — я хорошо вижу их сквозь стеклянную перегородку — возле мэйнфрейма.

Элли и Белобоков спешат в машзал. От быстрой ходьбы полы их белых халатов разлетаются — словно у врачей, спешащих к умирающему больному. Полюбовавшись — всего лишь пару мгновений — стройными ножками Элли, я, слегка согнув в локте левую руку, лихорадочно ввожу в память «петушка» числа: 42.83.17.61.21.84.60.11. На всякий случай. Так охотник, идущий на крупного зверя, запоминает все, что видит и слышит: и свежесломанную ветку, и необычный крик сойки…

Глава 8

Выбежав на площадку в центре зала, Элли и Белобоков останавливаются. Больной умер…

— Ну вот, опять! — недовольно говорит один из парней, отходя от стойки с ленточными накопителями и потягиваясь. — Шабаш, братцы! Эл, соорудила бы ты нам чайку, а? Все равно дела не будет.

По-прежнему шумят вентиляторы системы охлаждения, все так же светятся светодиоды на фасадах процессорного блока и накопителей. Ага, вот в чем дело. Стало намного тише. Перестал работать матричный принтер, застыл с красным фломастером в «руке» графопостроитель. И полыхают малиновым указатели перегрузки каналов связи.

Батюшки-светы! Это сколько же гигабитов надо по ним перекачивать, чтобы перегрузить? Или счет идет уже на терабиты?

— Ладно, мальчики, сейчас соорудим. А заварка у нас есть?

Не дождавшись ответа, Элли убегает в операторскую.

И это — вместо того, чтобы искать причину и устранять неполадки?! Вот уж воистину: каков поп, таков и приход. Директор-мямля, за полгода не добившийся ремонта линии связи, подчиненные, гоняющие чаи вместо того, чтобы авралить…

Ко мне вразвалочку подходит Белобоков.

— Ну, видите? И так будет часа два-три. Словно припадок какой-то.

Он тянет меня к ближайшему компьютеру. Его пальцы порхают над клавиатурой, словно стайка бабочек. У одной из них крылья с золотыми полосками: обручальное кольцо. Наконец, мизинец правой руки замирает на клавише «ввод». «Не могу установить соединение с сервером,» — тут же отшивает Белобокова система.

— И так — по всем терминалам, — разводит он руками.

— А если… Если какую-то из машин просто отключить от сети?

— Да пробовали уже! Весь прошлый квартал экспериментировали. Эффект отрицательный. Длительность приступов увеличивается — и вся любовь! А отключенная машина в автономном режиме работает нормально, без сбоев. Эти опыты нам уже в копеечку влетели: в прошлом квартале без премии из-за них остались. Потом плюнули на это дело. Через пару часов сеть образумится сама по себе. Элли долго с нею возилась… Она же первая и догадалась, что лучше «Эллипс» во время приступов

не трогать: себе дороже получается. Причем, самое обидное, в буквальном смысле.

Кажется, между Белобоковым и Элли что-то было. Ему так приятно сообщить, что она «первая догадалась»… Да, собственно, между каждым нормальным мужиком этого ГИВЦа и Элли что-то должно быть. Или тайная неразделенная любовь, или явная, но тоже неразделенная, или разделенная, но потом отвергнутая. А ведь есть же где-то счастливчик… Или даже здесь…

— Толковая девушка, да? Замужем? — вскользь интересуюсь я.

— Да вроде нет пока, — нехотя отвечает начальник смены, нервно оглаживая усы.

Что, почувствовал во мне соперника? А как же кольцо на твоей правой руке? Ладно, дружок, не волнуйся. Через неделю я уеду, а Элли останется здесь.

Впрочем… Правильно сделал, что почувствовал.

— Почему вы гоняете ее в ночные смены? — неожиданно обрушиваюсь я на Белобокова. — Такие девушки должны по ночам спать, а не за дисплеями стареть раньше времени. Красоту беречь надо! Ее назначение, как известно, мир спасать, а не план вашего задрипанного ГИВЦа!

— Да она сама захотела! — оправдывается опешивший от неожиданности начальник смены. — Как раз после того, как эти приступы начались. Сказала, что третья смена ей удобнее… по личным обстоятельствам.

— Да-да, сама, — подтверждает неслышно появившаяся за моей спиной Элли. Белый, накрахмаленный до хруста халатик очень идет ей. Я давно уже заметил: красивым девушкам все к лицу. И смотрит на меня она теперь явно с любопытством.

Очень кстати я ругнулся, в нужный момент и в нужном месте.

— Мальчики, идемте чай пить! — подхватывает нас под руки Элли и ведет в операторскую.

Интересно, что это могут быть за такие личные обстоятельства, из-за которых молодая красивая женщина проводит ночи не в теплой постели… с кем-нибудь… а за терминалом «Эллипса»?

Я с сожалением оглядываюсь на стойки мэйнфрейма. Хорошо бы прямо сейчас подсесть к системной консоли и поэкспериментировать с сетью самому. Но… проявлять слишком много любопытства тоже не следует. Компьютерным негодяем может оказаться любой из этих довольно милых молодых людей, и важно его не спугнуть. И даже очаровательная Элли, может статься, на самом деле — технокрыса…

Чай приготовлен на широком двухтумбовом письменном

столе. Чистая салфетка, сухарики… Недурственно. Чувствуется женская рука.

— Присаживайтесь, — предлагает мне кожаное кресло во главе стола Белобоков.

— Спасибо. Полагаю, это место должна занять хозяйка, — вежливо отказываюсь я, усаживаясь на хлипкий стул рядом. И тут же ловлю благодарный взгляд Элли. Между прочим, уже второй за последние пять минут.

Я, кажется, правильно сделал, согласившись на чаепитие. Здесь можно узнать больше, чем в машзале.

— Эл, а ты и сегодня будешь играть в доктора Айболита? — спрашивает черноволосый коренастый оператор, подтаскивая от соседних столов еще пару стульев.

— Нет! — коротко отвечает девушка и поясняет мне, как новичку в компании: — Я целый месяц пыталась вылечить «Эллипса». Или хотя бы узнать, чем он болен. Но ничего у меня не получилось…

— Эй, хозяйка! Ходят упорные слухи, что мне вчера кто-то звонил, и ты снимала трубку! — перебивает ее долговязый белобрысый парень.

— Снимала, — подтверждает Элли, разливая по разнокалиберным чашкам заварку из пузатого керамического чайника.

— Ну, и? Что-нибудь просили передать?

— Нет. Сказали только, что звонят из министерства. Совершенно пьяным, между прочим, голосом.

Белобрысый озадаченно хмурит брови.

— Это, наверное, Серега. А ты что?

— Сказала, что ты уехал в Кремль. Товарищ из министерства сразу же положил трубку.

Элли пододвигает ко мне сухарницу.

— Угощайтесь. Свеженькие!

Я быстро протягиваю руку, и наши пальцы на мгновение соприкасаются. Интересно, обратила она на это внимание или нет? Какие розовые у нее ногти… Коротко подстриженные и покрытые бесцветным лаком. Совсем немодным в данное время. Или даже совсем голые? Ну, при таких «внешних данных» за модой можно не следить. Она и в халатике, королева. А уж в вечернем платье… Или, еще лучше…

Элли, словно прочитав мои не успевшие родиться мысли, вдруг строго смотрит на меня и спрашивает:

— И какими ожидаются результаты инспекции? Вы не будете судить нас слишком строго?

Милая девочка! Да не это должно волновать тебя сейчас! Тебе

о замужестве надо думать, а не о результатах инспекции! Молодость скоро пройдет, как с белых яблонь дым, и с чем ты останешься? С прекрасными результатами инспекции? Красота — она вроде бумажных денег, а жизнь галопирующая инфляция. И чтобы не очутиться через десяток лет у разбитого корыта, эти бумажки нужно как можно быстрее обменять на хорошо обеспеченное будущее. В крайнем случае — на любовь, но с гарантией. Заверенной штампом в паспорте…

— Трудно сказать. Меня беспокоят эти приступы. Хорошо, если они вызваны ошибкой в модифицированных сетевых протоколах. Тогда после размыкания «Эллипса» и включения компьютеров в гиперсеть с ее совершенно другими протоколами припадки сами собой прекратятся. Но если это — скрытый дефект одного из будущих серверов? В «Неводе» сразу же появится существенных размеров дыра. А не хотелось бы.

Элли наклоняет голову и смотрит на меня чуть искоса, словно кокетливая десятилетняя девочка. И этот взгляд ей очень идет.

— А когда вы собираетесь забрасывать в море информации свой «Невод»?

— Через месяц. Но ошибку нужно найти раньше. У вас есть какие-то…

— Я просто так спросила, — перебивает меня Элли. — Из женского любопытства. Алик, еще чашечку? Ты у нас любишь чаи гонять.

Кажется, мой ответ ее встревожил. Хотя ничего нового я не сообщил. Срок включения «Эллипса» в гиперсеть давно известен. Так что же ее взволновало?

Я смотрю сбоку на маленький, чуть вздернутый носик, перечеркнутый тоненькой черной полоской ресниц, пью мелкими глотками горячий чай и думаю: «А все-таки хорошая у меня работа. И эти надоевшие командировки, и бесконечные ночные смены… Во всем есть скрытый положительный смысл. Может быть, и чаепитие сегодняшнее — не случайно? И эта красивая девушка, сидящая рядом, на расстоянии ладони — тоже? А загадочный вирус появился исключительно ради нашего знакомства? Тогда его нужно назвать «фея», а не «ведьма».

— Скажите, а давно начались приступы лихорадки? — спрашиваю я у Белобокова. Кажется, ему не нравится, что Элли так много со мною разговаривает. Да и двум другим парням тоже. Я их понимаю. Приехал столичный хлыщ и обхаживает красивую провинциалочку… С известными намерениями.

— Месяца через два после повреждения кабеля. Вначале это повторялось не каждую ночь, поэтому первые приступы сочли за

случайные сбои. А уж потом… Можно журнал дежурств полистать, там должно быть как-то отмечено.

Ну конечно. Как это я сам не догадался? В журнале наверняка должно быть что-нибудь интересное. А вдруг это все-таки компьютерный вирус? С замедленным действием, вроде того, которым вызывается СПИД? Только такой, наверное, и может преодолеть мощную иммунную систему широкополосных сетей. Сколько возни было, пока ее отладили. И вот теперь — все сначала…

С трудом дождавшись конца чайной церемонии, я прошу у Белобокова журнал.

— Он вообще-то у нас… в довольно свободной форме ведется, озадаченно трет он ладонью высокий, с едва намечающимися морщинками, лоб. Молодежь иногда развлекается. Поскольку за все время существования этого уникального издания вы — первый посторонний читатель… В общем, на форму не обращайте внимания. А содержание абсолютно правдиво, без вымысла и умолчаний. Цензура у нас начисто отсутствует. Вам, насколько я понимаю, нужен предпоследний номер?

— Тот, в котором завязка драмы. Окончание ее, насколько я понимаю, будет дописано в ближайшее время.

Направляясь вслед за Белобоковым из машзала в его каморку, я оглядываюсь. Элли собрала в пластмассовую коробку чашки и теперь вытирает стол фланелевой салфеткой. Брови ее насуплены, взгляд сосредоточен. Как будто она не со стола убирает, а к прыжку с десятиметровой вышки готовится. Что же ее так встревожило? Уж не мои ли слова о скором окончании драмы? Стоп, стоп. Видно, это у меня уже профессиональное: подозревать первого встречного и за каждым кустом видеть технокрысу. Просто у девочки какие-то неприятности личного свойства. Никакая красота от них, к сожалению, не спасает. Скорее даже наоборот, способствует.

— Вы можете посидеть за моим столом, — говорит мне Белобоков, вручая большую тетрадь в синем дерматиновом переплете. — А я, с вашего позволения, займусь делами. У нас одна «персоналка» засбоила.

Белобоков исчезает постепенно, словно чеширский кот. Дверь за ним уже закрылась, а голос все звучит:

— Хотим распотрошить ее и посмотреть, что там такое приключилось…

Глава 9

Я открываю журнал. На первой странице — крупная косая надпись красным фломастером: «Уаа, уаа, уаа! Наш подопечный, наконец-то, издал первый крик. Ура! Предлагаю это дело отпраздновать.

6 апреля, 2-я смена. Мальчики, я тоже хочу! Но в субботу у меня опять вторая! Давайте в пятницу, а? И кто из вас догадался первой строкой записать «уаа, уаа!»? Три тысячи поцелуев!»

Подпись неразборчива, но я уверен, это Элли. Какой у нее красивый почерк… В школе, наверное, отличницей была. И кому же, интересно, достались поцелуи? Я бы на месте этого счастливчика потребовал один, но настоящий.

«3-я смена.

Кто стырил блоки питания из моего стола? Положь, где взял, а не то хуже будет! И потом, когда вы уже научите младенца говорить? Мне это «уаа, уаа» и дома уже во как надоело!

7 апреля, первая смена.

Меняю три тысячи бумажных поцелуев на один, но — натуральный! Предлагаю перенести крестины на воскресенье. Заодно и разочтемся…

7.04. 2 см.

Дима, но-но! Не шали! А то будешь сам уаа-уаа!

3-я смена.

Последний раз спрашиваю: где мои блоки питания? Они, кстати, обе неисправны. Блуждающий отказ. Слушай, Тимур, как починишь — подбрось мне их обратно в стол, лады?

8 апр. 1 см. Какой идиот вчера раскрутил гайки соединителей на сетевом адаптере? Мы всю ночь искали причину сбоев! И на «Микротехнологии», кстати, тоже! К ответу!

2 см. Чьи блоки питания уже неделю валяются на моем сейфе? К тому же неисправные… Забирай, Маша-растеряша!

3-я смена. Это не мои блоки! Мои фурычили! Сам ты Маша!

9 апреля, 1 смена. Коллеги предыдущей смены! И как это вы умудрились вчера ничего не напортить? Задачка геологов прошла как миленькая, всего за 4 часа. И только благодаря тому, что вы в этот раз не прикасались к машинам!

2 смена. Вставь новые предохранители и успокойся, никому твои блоки не были нужны. А что ты там пел про «блуждающие отказы»? Все врут календари?»

Я перелистываю несколько страничек, так и не выяснив, добился этот нахал от Элли поцелуя или нет. Белобоков прав, читается «журнал дежурств» почти как художественный. Ишь ты,

писатели… Это они все перед Элли выпендриваются. Что же, работай я здесь — делал бы то же самое, в первых рядах. Почему же она еще не замужем? И не была?

«16 апреля, 2 см. Обмен в «Эллипсе» нарушен. Проверили мэйнфрейм — он в порядке. Наверное, обрыв на линии. Но станции тоже не мешало бы протестировать по полной программе.

19 апреля, 3-я смена. Обращаю внимание руководства на то, что половину задач без работающего «Эллипса» мы решать не сможем. А это — 80 % всех договорных работ. Зреет большой скандал. Администрация свои шесть окладов все равно получит, а наша премия? Тю-тю? Доброжелатель.

20.04. 1 смена. Когда «Эллипса» еще не было, мы все задачки решали в срок. Правда, искусство программирования было на высоте. Потому и за премию никто не беспокоился. Так что — упяред! Дерзайте! Или вы только дерзить способны? Администратор».

А вот и почерк Элли:

«Мальчики! Кто починил мою настольную лампу? Спасибо!»

Раздавать тысячами поцелуи она уже не решается. Нацеловалась… Ага, вот то, что я ищу:

«28.04. 3 см. Сегодня между 23:48 и 00:27 наблюдался странный мерцающий сбой. «Эллипс» по непонятной причине приостановил ввод задачи (этой самой, для геологов) и начал сопеть в тряпочку. На укоры не реагировал. Заработал, как ни в чем не бывало, лишь после того, как Антон послал его по адресу и дал кулаком в морду. Может, опять на линии неполадки?

29 апреля, 1 смена. «Эллипс» отпахал всю смену, как папа Карло. Видимо, воспитательные меры были выбраны правильно. Антон, да ты у нас Макаренко, оказывается!

2 смена. «Эллипс» крутится, как никогда. А может, он у вас просто соснул маленько? Вместе с вами?

3 см. Скептики могут остаться на ночь и убедиться сами! Сегодня «Эллипс» дрых на 16 дольше. Еле-еле успели потом все посчитать. Кстати, сеть во время «сна» работала на всю катушку. Что бы это значило, а? Кто-нибудь просекает?

30 апреля. 1 смена. Ребята, у вас там привидение или массовая галлюцинация (что, в общем-то, одно и то же). «Эллипс» никогда так хорошо не кувыркался, как вчера и сегодня».

Я перелистываю еще несколько страничек. Должны же у них быть какие-то соображения по поводу происходящей несуразицы. Не сразу, небось, махнули на причуды «Эллипса» рукой и начали преспокойно обсчитывать задачи в свободное от приступов время.

«26 августа, 3 см. Приступ лихорадки продолжался 2,5 часа.

Битье по методу Кошелькова уже не помогает. Зато картинки показывает… Красивые женщины в натуральном виде. Формы — закачаешься! Куда там всем этим «мисс-…!»

Что это, очередная хохма? Или действительно в циркулирующих по кабелям «Эллипса» потоках информации есть какой-то смысл?

«27.08. 1 см. Алик! Готов завтра отдежурить за тебя! Безвозмездно! Только расскажи, как ты это делаешь?»

Подпись, как обычно, неразборчива. А вот имя Алик, кажется, уже произносилось сегодня, во время чаепития.

Перелистав журнал до донца и не обнаружив больше ничего интересного, я выхожу из каморки. Настроение, как никогда, скверное. Впервые за несколько лет работы я не знаю, что делать. Если перекачиваемая во время приступов информация небессмысленна, то дело не в ошибках сетевых протоколов. Это все-таки вирус. Но ловить его сейчас нельзя, доступ к сети закрыт. А выискивать вирус среди миллиардов битов информации потом, когда припадок кончится, — дело крайне неблагодарное. Тем более, что, если это и вирус, то совершенно нового типа. А времени у меня — меньше шести суток.

Глава 10

Машинный зал — в полубессознательном состоянии. Ровно гудит система охлаждения, полыхают малиновым указатели перегрузки сети, но принтер и накопители бездействуют.

Алик, помнится, длинен и белобрыс. Вот он, склонился над монтажным столиком. Тонкая шея в прыщах, свалявшиеся волосы… Что же ты, Алик? Следить за собой надо. Особенно, когда рядом такие девушки работают…

— Простите, можно вас на минутку?

— Сейчас. Проводок допаяю…

Нервным движением откидывает со лба волосы, поворачивается, отчаянно скрипя стулом.

— Скажите… Месяца два назад, насколько мне известно, вы пробовали выяснить, какого рода информацией переполняются каналы «Эллипса» во время приступов. Там еще картинки были… не совсем приличные. Вы не могли бы и мне их показать?

Алик хмурит лоб, припоминая. Взгляд его плавно меняется: от озабоченного до оловянного.

— Я не совсем понимаю, о чем вы. Мы действительно врезались в каналы обмена, пытались подсмотреть, что за информация гуляет в них на сквознячке. Но ничего толкового так и не углядели. Один раз это были массивы чисел, совершенно неидентифицируемые. В другую ночь — практически то же самое. Правда, их мне удалось дешифровать как фрагменты изображений, тоже довольно бессмысленных.

М-да… Не хотелось, а придется.

— Вы мне все-таки покажите… — говорю я с придыханием. Глаза мои начинают лихорадочно блестеть. — Ну, те, где женщины… в натуральном виде…

Алик смотрит на меня брезгливо, как будто я только что высморкался без помощи носового платка.

— Да не было там никаких голых баб. Это мы так, Кольку подразнить… Он к этому делу сильно неравнодушен был. Ну, мы и схохмили. У Василия Федоровича жена в медицинском преподает. Он и притащил учебный видеофильм для акушеров-гинекологов. Мы «джейвисяк» под столом замаскировали, его выход на монитор вывели. Есть тут у нас один такой, как телевизор может работать. А сами, конечно, за Колькой наблюдали. Он только минут через пять понял, что к чему. Две недели потом со мной не разговаривал. И до сих пор ходит, как в воду опущенный. Его уж и подначивать перестали, но все равно… О порнушках теперь и слышать не хочет. Очень этот фильм на

него подействовал…

Алик грустно качает годовой.

— В общем, переборщили мы малость. Сколько он раньше похабных анекдотов рассказывал, а теперь ни гу-гу. Говорят, о смысле жизни начал задумываться… Кто ж знал, что он так близко к сердцу примет?

Белобрысый так усиленно переживает случившееся, что я начинаю сомневаться в его искренности. Пока я раздумываю, в какую сторону двигать разговор дальше, мой собеседник, снова сделав глаза оловянными, вдруг добавляет:

— Но если вы очень интересуетесь, я попрошу, и Василий Федорович еще раз принесет этот учебный фильм.

Что, получил? И поделом! Не расслабляйся!

— Вы неправильно меня поняли, — сухо отвечаю я. — Мне нужно посмотреть те фрагменты изображений, которые вы наблюдали. Пусть даже и бессмысленные. Можете их показать?

Алик, пожав плечами, встает со своего скрипучего стула.

— Могу, конечно. Если терминал не отсоединили. Только вряд ли даже вы в них что поймете, — вежливо говорит он, подчеркивая слово «вы» столь жирной чертой, что вся фраза меняет тон на противоположный. Ах ты, мальчишка! Пользуешься моей зависимостью от тебя…

Мы идем в дисплейный класс. Алик включает самый дальний от двери терминал, молча ждет, пока он прогреется. Наконец, быстро пробегает пальцами по клавиатуре. Настолько быстро, что я не успеваю запомнить последовательность. На дисплее высвечивается голубым название программы: «Глазок». Алик нажимает клавишу «ввод», и…

Таких картинок, по-моему, даже Кандинский не рисовал. Унылая косая сетка с разноцветными параллелограммчиками, живущими загадочной, не поддающейся логическому описанию жизнью. Какие-то странные волны, беспорядочные мерцания, потом вдруг — мгновенное повсеместное исчезновение одних оттенков и появление других, из противоположного конца цветовой гаммы…

Алик задумчиво смотрит на экран, потом выводит на него текст программы, вводит в нее прямо с клавиатуры какие-то поправки, и мы снова пытаемся уловить скрытый порядок в хаосе цветовых пятен…

— Не получается… Что-то изменилось… Программа перестала работать. А почему, не пойму…

Ой ли? А может быть, тебе просто не хочется, чтобы она работала? Этого ведь так просто добиться… Одно неверное нажатие клавиши — и вот уже вместо красивых женщин они же,

но в стиле «авангард».

— Мы, когда сделали врезку, распечатали фрагмент массива, шпарившего по каналу обмена. Получили набор цифр. Долго смотрели на них, как на новые ворота, а потом я подметил, что одно и то же число повторяется со строгой периодичностью, ложится в распечатке на одну косую линию. Ну, мы предположили, что это что-то вроде строчного импульса, и попробовали построить видеокадры. Получались какие-то изображения. А теперь вот, сами видите, не поймешь что прет…

— А что именно изображалось?

— Ну, домики там… Какое-то подобие города, силуэты людей… Похоже на детские рисунки. Или на картины художников-примитивистов. Хотя нет, у них все-таки полотна посложнее бывают.

— Вы не могли бы припомнить, когда последний раз рассматривали картинки?

— Да уж месяц тому… Если не полтора.

— А сделанные тогда распечатки… не сохранились? Мне бы очень, очень хотелось на них взглянуть!

— Вряд ли. Думаю, уборщица давно уже сдала их в макулатуру.

Кажется, моя назойливость начинает ему надоедать. И все же…

— У меня к вам большая просьба. Это очень важно для меня. Вы не могли бы сейчас вместе со мною сделать еще одну распечатку? По-моему, здесь, киваю я на экран, — по-прежнему идут какие-то изображения. И если заново подобрать строчный и кадровый импульсы…

— Я с огромным удовольствием помог бы вам, но… Во-первых, ничего любопытного в тех картинках не было, а во-вторых, у меня есть плановая работа, и начальник не поймет, если я вместо нее…

Все правильно, Алик. В условиях планового капитализма за просто так делать работу для дяди… А может быть, дело не в смене экономической формации? Сейчас мы это проверим…

— Извините, что так надолго отвлек вас. Премного вам благодарен. Но я хотел бы еще покумекать над этими картинками. Не подскажете, как вызывается программа «Глазок»?

— Очень просто. Как войти в систему, знаете?

— Мне еще днем назначили пароль.

— Вот и отлично. Но во время приступа вход в систему заблокирован…

Я холодно смотрю в его серые невинные глаза. Они снова становятся оловянными.

— …со всех терминалов, кроме этого, — продолжает Алик после довольно длинной паузы. Ишь ты, шутник! — Он, как дверной глазок, врезан прямо в канал обмена. А чтобы подсмотреть, что в нем делается, нужно набрать пароль для входа в систему и название программы: «Глазок». И вся любовь до копейки.

Ага. Значит, он просто не хочет работать за бесплатно. И правильно делает. Я бы тоже на его месте не стал.

Алик исчезает. Я — почти бегом — приношу из каморки Белобокова свой кейс и, прежде чем прекращается разноцветное мельтешение на дисплее, успеваю переписать на дискеты солидную выборку. Юрику будет над чем поломать голову.

Отключив терминал, я подхожу к окну и старательно разминаю затекшие мышцы. Сквозь шум первых автомобилей пробивается тихий шелест возобновившегося дождя. Через полчаса — конец смены. Ну что, все на сегодня? Или подкатиться к Элли, проверить, так ли уж она неприступна, как представляется на первый взгляд? Может, только представляется? В смысле прикидывается? Сейчас, после бессонной ночи, мне ничего не хочется. Ей, надо полагать, тоже. Но потом… Кажется, никуда нам от этого не уйти. Не зря же она так посмотрела на меня во время чайной церемонии. «И когда вы собираетесь забрасывать в море информации свой «Невод»? А в глазах — совсем другое…

Оглянувшись, я отыскиваю взглядом светловолосую головку с трогательными завитками на затылке, склонившуюся над клавиатурой рабочей станции. Алик хмурит прыщавый лоб над дисплеем системной консоли. Белобоков, видимо, где-то в машзале. Ну что же, кажется, никто не помешает мне…

Подойти к Элли ближе чем на три метра я не решаюсь. Подумает еще, что я снова за ней поглядываю. А мне в данный момент это совершенно ни к чему.

— Элли! — негромко окликаю я. Она тут же полуоборачивается, вопросительно вскидывая тонкие темные брови.

Так, теперь можно сократить дистанцию. Пока — лишь в буквальном смысле.

— Простите, что побеспокоил…

— Ничего, я уже заканчиваю.

Дисплей за ее спиной становится безжизненно-серым. Что за детские секреты? Интересно все-таки, что было на нем секунду назад? Приказ белобрысого рвать когти? Список членов городской масонской ложи? Какие девичьи тайны скрывает эта светлая головка, украшенная огромными темными глазами? Надо

будет как-нибудь оставить под ее терминалом «стукача». Но не сегодня.

— Я только хотел спросить, завтра вы тоже в ночную смену?

— Да. А что?

Глазищи смотрят прямо и бесхитростно. Ни грани кокетства, ни на йоту игры.

— Я впервые в вашем городе, хотя много слышал о нем. Не могли бы вы уделить мне вечером часок-другой и показать достопримечательности? А то с этой работой вечно ничего не успеваешь. Жизнь идет, но как-то все мимо, мимо…

Переспать я с тобою хочу, вот что.

— К сожалению…

Она все уже решила. Ну конечно же, решила. Они, красивые и привлекательные, отвечают на этот вопрос в первые пять минут после знакомства со своими несчастными жертвами. Но, кажется, и сами не подозревают о своем выборе. А уж нам-то, мужчинам, и подавно не дано знать, что на этот раз означает «к сожалению»: «да» или «нет».

— …Сегодня я не смогу.

О, как прекрасно слово «сегодня»!

— Значит, завтра?

— А завтра тем более, — весело отвечает Элли и, нежно улыбнувшись, спрашивает: — Вы как долго пробудете в нашем городе?

— До конца недели. Но, если понадобится, могу остаться и на выходные, — неосторожно раскрываюсь я, очарованный голосом и улыбкой. Если понадобится… Удобная фраза. Оставляет выбор. То ли нам с тобой понадобится, то ли работа заставит…

— Вот до конца недели я и не смогу. А если понадобится, то и в выходные тоже.

Кажется, это называется «от ворот поворот».

— Ну что же… Придется мне остаться у вас на пару месяцев, — со вздохом говорю я и смотрю в ее глаза самым откровенным взглядом, на какой только способен. И получаю в награду за настойчивость самую обворожительную за сегодняшнюю ночь улыбку. Впрочем, у нее каждая улыбка — самая.

Итак, первая атака отбита, но мне удалось отступить на заранее подготовленные позиции.

Глава 11

Дождь стучит по крыше «вольвочки» неутомимо и однообразно, словно засыпающий барабанщик. Японский кассетник обволакивает салон мягкой уютной музыкой. Всякий, кто проходит мимо, сразу понимает, что это вот и есть счастье — сидеть в теплой машине, слушать, как мелодия дождя сливается с аккордами нестареющего «Пинк Флойда», и наслаждаться дымком «Мальборо».

Время от времени хлопает входная дверь. Каждый раз вглядываюсь в придавленные дождем фигуры. Не то, не то, типичное не то.

А вот и Элли. Плащ, поднятый над головой, делает ее похожей на встревоженную птицу. Упоительная музыка сбегающих по ступеням каблучков до нее далеко и унылому дождю, и неистощимому на выдумки ансамблю. Самый волнующий аккорд — заключительный. И падали два башмачка со стуком на пол. И воск слезами ночника на платье капал… Платьишко на ней, конечно, так себе, серенькое. Это заметно даже в тусклом свете прилепленных к козырьку над входом фонарей. Но если эту девочку приодеть… вызвав предварительно в Москву, на курсы переподготовки…

«Вольвочка» плавно трогается с места и подкатывает вплотную к лестнице. Стекло уже опущено.

— Позвольте вас подвезти? Такой дождь, а вы без зонта.

Замерла на третьей ступеньке снизу. Острые коленки — как раз на уровне моих глаз.

— Боюсь, нам не по пути.

Она что, не отличает «вольво» от «Оки»? Придется вылезать под дождь. Но вначале — чуть громче музыку, чтобы девочке лучше было слышно. А теперь — галантно раскрыть над ее плащом зонт.

— Ради вас я готов изменить маршрут.

— И поехать со мной на край света, — с готовностью продолжает Элли.

— Где никто не сможет помешать нам, — невозмутимо продолжаю я.

— Помешать нам — чем заниматься?

Она оставляет мне слишком короткую паузу для ответа на столь прямой вопрос.

— У вас прекрасный автомобиль. Но я предпочитаю трамвай.

На мгновение отпустив плащ, Элли, как трехлетняя девочка, «делает ручкой» и, обогнув машину, уходит в темноту и сырость,

постукивая своими давно вышедшими из моды каблучками.

Ага, все-таки отличает. Просто ломается. Значит, не все потеряно. Рано или поздно к этому глаголу всегда добавляется приставка «с». И падают два башмачка со стуком на пол…

А вдруг она с предрассудками?

* * *

Шепталова я встречаю на вокзале. Неопрятный перрон, чумазые вагоны… Провинция. И, контрастом, Юрик: широкополая шляпа, элегантный плащ, изысканный галстук. Пижон. Такая демаскировка когда-нибудь выйдет ему боком. Но дело свое знает хорошо.

Суть дела я успеваю изложить ему еще в машине, по дороге в гостиницу. Номер для него освободится только завтра, а пока… вот, диванчик в Гришином «полулюксе». Сам Гриша дрыхнет на широкой кровати, крепко зажав в кулаке собственную бороду. Боится, что украдут его величайшую ценность. Проснулся, зевнул, ругнулся.

— Потише нельзя? Поспать не дают.

Я сдергиваю с него одеяло.

— Не надо дверь оставлять открытой. Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Решено. Черенкова я отправляю на «Комету». Задача Шепталоварасшифровка изображений.

— А ты что будешь делать? — интересуется Гриша, натягивая брюки.

— А я ложусь спать.

— Ты что, всю ночь это…

Изумленный Гриша делает — обеими руками — непристойный жест и с трудом успевает подхватить спадающие брюки. Юрик невозмутимо ухаживает за ногтями.

— Лично я всю ночь работал. А вот чем ты здесь занимался — это еще вопрос.

— Ну ладно, ладно, — ворчит Гриша, застегивая молнию. — Охота тебе по ночам шастать. Ну, как эпилепсия? Был приступ?

И, не дождавшись ответа, поворачивается к Шепталову.

— Слушай, тебе жена сухой паек выдала? Выкладывай! А то у меня от здешнего буфета уже изжога началась.

Если бы он так работал, как ест! Впрочем, пока к нему — никаких претензий.

* * *

На «Микротехнологию» я подъезжаю в пятнадцать с копейками. Представляюсь, как и положено, директору, он показывает меня начальнику ихнего ВЦ — энергичной женщине лет сорока пяти с угловатыми, как у школьницы, движениями.

Получив у нее «в полное и безраздельное распоряжение», как она выразилась, терминал, я начинаю рутинную проверку.

За соседними терминалами появляются и исчезают какие-то тени, «петушок» трижды отмечает часовые интервалы, а я все запускаю в чрева компьютеров вирус-детекторы. И все они возвращаются ни с чем. Может быть, зря я все это делаю? Нет здесь никакого вируса…

Да, но почему директор ГИВЦа не вызвал нашего представителя и даже не сообщил о неполадках? И что там за странные нерасшифровываемые изображения гуляют по каналам обмена? И почему все приступы начинаются ровно в полночь, словно нечистая сила вселяется в компьютеры? А прекращаются они что, по крику петуха? Или все-таки по властному движению могучей, хотя пока и невидимой, руки?

Нет, не зря я сижу здесь с покрасневшими от перенапряжения и недосыпания глазами, не зря горблюсь над клавиатурой до онемения шейных мышц. Прежде чем принимать решительные меры, — а без них, кажется, не обойтись, — я должен быть абсолютно уверен, что это все-таки не вирус. По крайней мере — не вирус уже известного типа.

Еще через час, когда дисплей покрывают мелкие серые мурашки, не исчезающие даже после зажмуривания глаз, я встаю со стула, разминаю затекшие мышцы и покидаю полупустое здание. Тусклые фонари отражаются в так и не высохших после вчерашнего дождя лужах. Теперь бы — самое время погулять с Элли. Слушать ее щебетанье, острить по поводу и без повода, наслаждаться стуком вышедших из моды каблучков… Невзначай коснуться руки — раз, другой. Потом, в полутемном переулке, вдруг плотно прижать к себе и поцеловать…

Мечты, мечты…

Остановившись у ближайшего отделения связи, я звоню жене. Узнаю, какая погода в Москве, выслушиваю последние домашние новости. Маришка разбила хрустальное блюдо — ну, то, которое на нижней полке серванта стояло. Витька получил двойку по литературе, а за что конкретно — не говорит. На кухне перестал закрываться кран. Вот, пожалуй, и все. Ах, да, еще они все по мне скучают. Я по ним, естественно, тоже.

Глава 12

Возвратившись в гостиницу, я вешаю на наружную ручку двери табличку с надписью «просьба не беспокоить» и сплю еще два часа. Итого за прошедшие сутки — восемь. Вполне достаточно для нормального самочувствия. А мне оно сейчас весьма кстати. Сегодня ночью может многое проясниться. Потому как дежурным оператором на «Микротехнологии» будет Петя Пеночкин. Местный Кулибин, героически ликвидировавший аварию, учиненную пьяным экскаваторщиком. Хотя нет, здесь было что-то другое. Ах да, смотровой колодец в неположенном месте. Но все равно. Герой Петя Пеночкин, заставивший «Эллипс» постоянно работать в аварийном режиме. А если теперь пропустивший свою очередь экскаваторщик спохватится и оборвет еще один кабель? Что тогда? Судя по почерку, это действительно наш Петя Пеночкин. Только ему могло прийти в голову поменять штатный и нештатный режимы местами. Да еще и ошибку в сетевом протоколе допустить. Довольно, кстати, нетривиальную. Пожалуй, единственное, на что способны такие люди — это на нетривиальные ошибки. Ну, а если здесь все-таки злой умысел — Петя Пеночкин наверняка имеет к нему отношение. В качестве квалифицированного исполнителя. Что ни говори, а изменить топологию сети и модифицировать ее протоколы без определенного уровня профессионализма невозможно. Но вот кто и с какой целью использовал Пеночкина — это вопрос…

Машзал на «Микротехнологии» ненамного меньше, чем на ГИВЦе, а планировка почти такая же. Что меня заинтересовало — так это целых четыре «Нейрона». Днем я как-то не обратил на них внимания.

И на ГИВЦе, я, кажется, пару таких машин видел…

Да, это наш Петя Пеночкин. Смотрит на меня, как на ожившего мертвеца. То снимет очки, то наденет. И каждые пять секунд заговорщицки подмигивает сразу двумя глазами. В институте за эту привычку его «мигуном» прозвали.

— Пашка?! Ты?! Какими судьбами?

— Иду, смотрю, дверь открыта. Дай, думаю, зайду, с однокурсником побалакаю… Ты что же это не запираешься, инструкцию игнорируешь? Мало ли кто может войти…

— А! — отмахивается Петя. — Внизу вахтер, он посторонних не пускает. Да и кодовый замок… Я просто забыл его с предохранителя снять, когда Евдокия Петровна уходила. Она, кстати, сказала, что явится какой-то важный инспектор. Но что это будешь ты! — мигает Пеночкин особенно выразительно. По-

моему, даже его уши принимают участие в движении век и бровей.

Конечно же, это наш Петя Пеночкин. Большие проплешины по сторонам невысокого выпуклого лба, маленькие невыразительные глаза… Вокруг них уже обозначились морщинки. Но в общем-то он мало изменился. Залысины у него и на первом курсе были. Только вот оправа очков другая. Раньше он такой велосипед на носу носил…

Обнялись, похлопали друг друга по спине. Выполнили прошедший через века мужской ритуал. И в один голос:

— Ну, как ты?

Опасный вопрос. Может резко испортить настроение, если на четвертом десятке за душой все еще ничего нет. Должность, машина, дача, диссер накропал — что там еще? Ах да, жена и дети. Европейский стандарт: двое. Слава богу, все проблемы решены вовремя. Так сказать, не отстал от поезда. Сообщаю обо всем этом, конечно, вскользь. Все, как у людей. А у тебя, дорогой однокурсник? До сих пор не женат? Что же ты так… Третий звонок уже прозвенел, поторопись. Поезд еще можно догнать. Если через полгодика жениться, быстренько соорудить пару детишек и заняться остальными нерешенными проблемами.

О кандидатской я Петю даже и не спрашиваю. Такие, как он, не защищаются. У них может быть десяток статей и дюжина изобретений, одно другого оригинальнее, а вот ученой степени — увы. Не дается она в руки, и все тут! Хоть стреляйся! Я таких, кстати, за версту отличаю. То ли походка у них особенная, то ли стрижка специфическая, а взгляну — и сразу все ясно становится. И вопросы-то они всегда задают не простые, а с подковыркой. Вот и сейчас. Не успели мы вспомнить наших, перечислить, кто где устроился, а Петя уже спрашивает:

— Что для тебя главное сейчас?

— Распилить ваш «Эллипс» на куски и ввязать его обломки в «Невод». У вас подготовительные работы закончены?

Пеночкин пренебрежительно машет рукой.

— Закончены, кажется. Это ты у Евдокии Петровны можешь точнее узнать. Я о другом. Работа — само собой. Ну, а в общем? Забросите вы свой бредень а дальше что?

— Как что? Будем ловить золотую рыбку! — отшучиваюсь я. Вот пристал! На повышение я иду, которое тебе и не снилось! Разве этого мало?

— А у тебя сейчас — какая проблема наипервейшая? — возвращаю я Пете его дурацкий вопрос.

— Вот-вот… Та же самая. Хочу поймать свою золотую рыбку. Или даже две… — улыбается он бледными губами и замолкает.

Все понятно. Очередная идея-фикс, замок на песке, фата-моргана. На первом курсе он занимался парапсихологией, на втором усиленно посещал философский кружок. А на старших увлекся проблемой искусственного интеллекта, да так, что чуть без диплома не остался. Руководитель его стоял на земле двумя ногами, а не витал в эмпиреях, и весь бред про «Homo Cyberneticus» из дипломной работы повелел выбросить. Оставшихся материалов вполне хватило бы для защиты, но Пеночкин уперся… Болеть за него вся кафедра пришла. Еще бы, неслыханное дело: выйти на защиту с оценкой руководителя «неудовлетворительно»… В тот раз его пронесло. А теперь чем он занят? Разрабатывает компьютер восьмого поколения? Или новый машинный язык? М-да. Судя по всему, дружище, жизнь твоя сворачивает наперекосяк. Даже маленьким начальником не стал. Впрочем, твоей вины в этом, может быть, и нет. Разве можно добиться чего-нибудь в жизни с такой фамилией? Пеночкин… Ассоциируется то ли с мыльной пеной, то ли с кипяченым молоком, то ли с легкомысленной птахой. Так к нему и относятся…

— Слушай, а наукой ты занимаешься? — огорошивает меня Петя очередным вопросом. — Я читаю довольно много статей, но твоя фамилия ни под одной не встретилась. Кроме тех, извини, довольно незрелых работ, на которых ты, насколько я понимаю, защитился.

Петя, с важным видом откинувшись на спинку стула, смотрит на меня как на человека, потерявшего в аварии руку. Или голову. Как на калеку смотрит.

Вот чудак. Что толку от полудюжины его статей? Что мы, японцев догнали, лицензии продали, лучше жить стали? В другом месте нужно силы сейчас прикладывать, чтобы корабль разогнать. Ну, и чтобы самому за бортом не остаться. Я это давно уже понял. А вот Пете, судя по всему, не удастся понять этого никогда. Не дано, как говорится…

— С наукой мы расстались по-хорошему. У нее ко мне претензий нет, у меня к ней — тоже. Должность моя — ведущий инспектор. Фирма солидная и платят хорошо. Командировок, правда, много…

— А к нам на «Микротехнологию» с какой целью? — равнодушно спрашивает Пеночкин, открывая стол и пряча в него кипу распечаток. — Наша контора рядовая, ничего интересного. Тебе бы, наверное, надо на ГИВЦ подъехать, они тут всем заправляют.

— Ну-ну, не прибедняйся. Там я уже был и выяснил, что верховодишь-то в городе как раз ты. Изменить топологию

«Эллипса» — твоя идея?

— Моя. Чем и горжусь. А не то бы локальная сеть до сих пор не работала. Пришлось, конечно, повозиться, прежде чем обмен полностью нормализовался. За что теперь и расплачиваюсь: чуть где какой сбой — сразу меня вызывают. Как «скорую помощь».

— Все правильно. Ни один добрый поступок не должен оставаться безнаказанным.

Петя снова достает из ящика распечатки и кладет их на стол. Причем те же самые.

— Слушай… А ты не мог бы помочь мне в одном деле? — говорит он вдруг тихо и часто-часто подмигивает.

— О чем речь! Все, что в моих силах, сделаю. И что свыше них — тоже. Выручить однокурсника — святое дело.

Интересно, что ему может быть от меня нужно? Такие, как он, для себя никогда ничего не просят. Гордость им, видите ли, не позволяет. Но без одолжений и унижений в наше время не проживешь. Рано или поздно и у них, несгибаемых, появляется необходимость или жену к хорошему врачу устроить, или сына-дочку куда определить. На этом-то они и ломаются. Все до одного, без исключения. Да, но Пеночкин не женат. И детей у него, кажется, нет. Так в чем вопрос?

— Вы когда собираетесь «Эллипс» размыкать? — спрашивает Петя, облизывая пересохшие губы.

— По плану — через три дня. Чтобы за выходные и следующую неделю сделать все необходимые соединения, протестировать… Комплексной бригаде уже командировки выписаны и гостиница забронирована.

— А нельзя ли это все… отложить на пару недель? Понимаешь, очень нужно!

М-да… С таким же успехом он мог бы попросить меня прыгнуть с девятого этажа. С парашютом, конечно. Без парашюта — это было бы негуманно.

— Ты знаешь, что такое широкополосная компьютерная гиперсеть?

— Наслышан, как же. Телевизионщики все глаза проели, все уши прожужжали. Даже из нашего ГИВЦа один раз репортаж вели. «Здесь будет один из узлов Большой Сети»… Помнишь, как во времена нашего детства: «Здесь будет атомная электростанция»…

А вот от тебя я этого не ожидал. Чтобы так сузить собственный кругозор…

— Это ты как обыватель наслышан. Ну, а как специалист понимаешь, что это даст? «Новый этап НТР!» «Десятикратное ускорение прогресса!» «Каждое техническое решение — на уровне

изобретения!» Это что, по-твоему, только газетные заголовки? Нет уж, послушай, дорогой, — не даю я ему возразить. Ты, я вижу, в этих вопросах дремуч и мохом зарос. Известно ли тебе, что как на Западе, так и на Востоке количественный рост компьютерных сетей привел, как и предписано законами диалектики, к гигантскому качественному сдвигу? Ты слышал, что изобретений во всех областях они делают на порядок больше, чем десять лет назад? Ты знаешь, что мы скоро перестанем понимать, о чем они пишут в научных статьях? Из-за несовместимости скоростей обработки и усвоения информации? Нет, ты не знаешь этого, — вталкиваю я обратно на стул порывающегося встать Пеночкина, — иначе бы у тебя и мысли такой не возникло! Две-три недели… Да это вызовет дополнительное отставание всей, повторяю, всей нашей науки и техники на два-три года! Вот как теперь идет счет! А чем вызван этот качественный скачок, знаешь? Нет уж, позволь, я объясню! Дело в том, что гиперсеть всю информацию, необходимую для решения самой экстравагантной задачи, может отыскать, упорядочить по десяткам признаков и представить в наиудобнейшем для восприятия виде через какие-то двадцать-тридцать минут! А через каждые сутки — дополнять и обновлять ее. И если ты захочешь, например, чтобы твоя жена стала русалкой, через четверть часа на твоем дисплее будут все имеющиеся на данный момент времени сведения о рыбьих и акульих хвостах, рыбьем клее, рыбьем мехе, совместимости тканей и так далее. Ты даже будешь знать, как ее потом будет удобнее трахать и можно ли вообще это делать. А без помощи Сети только на сбор информации ушло бы пять лет… За это время жена ушла бы к другому, и остался бы ты ни с чем. Две-три недели… А то, что за ходом работ премьер-министр лично следит, ты знаешь?

Пеночкин сник и уже не пытается встать. Даже подмигивать перестал. Кажется, я понимаю, почему такие, как он, ничего в жизни не добиваются. От неумения трезво оценить свои силы. Вот и сейчас, я уверен, он обдумывает не то, как закруглить или законсервировать неоконченную работу за оставшиеся трое суток, а как пробиться на прием к премьер-министру и уболтать его повременить с размыканием «Эллипса».

— Знаешь, если бы я был вхож в Кремль, честное слово, замолвил бы за тебя словечко, — доброжелательно улыбаюсь я. — Но увы… А какую, собственно говоря, задачку ты не успел досчитать? Какую русалку не поймал?

Пеночкин снимает очки, протирает их носовым платком.

— Да так… Один любопытный расчетец…

Водрузив очки обратно на нос, он дважды подмигивает, и в

этот момент у меня мелькает сумасшедшая мысль. А может быть, это он ворует машинное время? Пытаясь реализовать свою идею-фикс? Но я тут же отбрасываю ее. Петя на это неспособен. Преступить законы и инструкции даже в самой малости… Для таких, как он, подобная задача не имеет решения. Его могли заставить, обмануть, увлечь, но чтобы Пеночкин сам… Нет. Да и что же это за идея такая, требующая столь огромной вычислительной мощи?

Я смотрю на дисплейчик «петушка». Без пяти минут полночь. Вот-вот начнется шабаш.

— Слушай, Петро, а сейчас у тебя с обменом все в порядке? «Полуэллипс» нормально работает?

— До твоего прихода не сбоил. А как теперь…

Он ведет меня в машзал, подходит к единственному включенному терминалу, делает запрос…

— Все в порядке. Ночью загрузка небольшая, так что, если тебе хочется знать свои неблагоприятные дни или гороскоп…

— А можно мне самому с «Эллипсом» пообщаться? — спрашиваю я, становясь так, чтобы видеть лицо собеседника, то есть позади терминала. Моя левая рука, скользнув в боковой карман, мгновенно выуживает из него серо-голубой портсигарчик.

— На какую тему? — настороженно спрашивает Петя.

— Хочу получить консультацию по вопросам организации локальных вычислительных сетей, — говорю я и поднимаю правую руку якобы для того, чтобы почесать в затылке. Левая в это время аккуратненько ставит на заднюю стенку монитора «стукач».

— Хорошо. Я тебя сейчас введу в систему. Только знаешь, давай с другого терминала, ладно? А то я здесь наполовину программу набрал, вдруг ты ее невзначай сотрешь.

Ну вот, опять он переполошился. Программа полунабрана — а дисплей пуст. Она что, секретная? Или ее просто нет? И про свою бредовую идею Пеночкин ничего не рассказывает…

Глава 13

Мы идем в дисплейный класс. Петя включает тот самый терминал, на котором я работал днем.

— И еще. Дай мне полистать ваш журнал дежурств. Есть такой?

— Как такового нет. Мы фиксируем все события в специальном файле на жестком диске. Только вряд ли ты найдешь в нем что-нибудь существенное.

— Откуда ты знаешь, что для меня существенно, а что — нет? спрашиваю я и вдруг замечаю: пальцы Пеночкина мелко подергиваются словно уши у дремлющей овчарки. — Я и сам иногда этого не знаю.

— Но для чего-то он тебе все-таки нужен? Хотя бы в первом приближении? Для чего? — в упор спрашивает Петя.

— Да в этих журналах иногда такие перлы попадаются… А я последнее время увлекся собиранием кибернетического фольклора, — отвечаю я наглым голосом.

Чего пристал? У тебя свои тайны, у меня свои. И что это ты так волнуешься за мою работу? Прямо-таки испереживался весь. До дрожи в пальцах…

Пеночкин, подмигнув на прощание, уходит. Я начинаю «перелистывать» странички журнала. Так, так… Вот и 28 апреля. В ГИВЦе в эту ночь был первый приступ. А здесь? В журнале — ни словечка. Зато фамилии указаны. И дежурил как раз Пеночкин. И в последующие ночи тоже он. Ай да ребята! Ай да молодцы! Скрываете, значит? И КЗОТ, кстати, нарушаете. Не имеете права целый месяц одного и того же человека в ночную смену гонять. Это вам не «персоналка», сломается — не починишь. И еще вопросик возникает. Почему Петя один сегодня, без напарника? Грубейшее нарушение техники безопасности! Интересно, а с кем он дежурил полгода назад? Надо бы побеседовать с товарищем. Или они в одной шайке-лейке? Поговоришь вот так невзначай, а труп потом полтора года искать будут…

«Петушок», между прочим, показывает уже четверть первого. А как же приступ? Отменяется?

Согнав с дисплея журнал, я проверяю, доступна ли сеть, и убеждаюсь да, вполне, как дешевая проститутка. Но где же «эпилепсия»? Пациент вдруг срочно выздоровел? Что все это значит?

Это значит, что я спугнул зверя, за которым охочусь. Неосторожным словом, опрометчивым взглядом… Растяпа! Хотя, может быть, я и не виноват. Просто технокрыса излишне

осторожна. Но, судя по реакции, я попал в самое его логово. Хорошо еще, «стукача» сообразил поставить. Проинтуичил.

Теперь бы ноги унести подобру-поздорову.

Стараясь не скрипнуть дверью, я проскальзываю в машзал. Пеночкин наигрывает на клавиатуре своего терминала что-то бравурное, время от времени откидывая голову назад, подобно тому, как это делает пианист, выдавая особенно выразительный пассаж.

Итак, я незаметно снимаю «стукача» и сматываюсь. Прямо в машине включаю свой «Спутник» и пытаюсь разобраться, что Петя тут наяривает. А тем временем…

А тем временем здесь может начаться работа по устранению следов вируса. Чтобы сегодня же ночью и закончиться. Мы с Гришей и Юриком проведем свои рутинные проверки, ничего не обнаружим, через две недели забросят «Невод». И вот тогда-то…

Я должен уйти, но в то же время остаться. Как в русских сказках: быть одновременно не одетым, но и не голым, передвигаться не верхом, но и не пешком… А еще я должен задать Пете один вопрос. И послушать, что он скажет в ответ. Это может сразу многое прояснить. Но, надеюсь, не все. Тот, кто слишком много знает… Ничего хорошего ему ждать не приходится.

Пеночкин перестал «играть» и сидит, закинув руки за голову. Прекрасно, маэстро. Отдыхайте. Сейчас я объявлю следующий номер.

Медленно-медленно, стараясь не зашелохнуть, не прогреметь, я иду к входной двери. Благополучно достигнув ее, достаю из кармана перочинный ножичек с двадцатью четырьмя лезвиями, открываю отверточку и, открутив два винта, снимаю крышечку с примитивнейшего кодового замка. Затем, чиркнув колесиком зажигалки, определяю повернутые шпеньки. Код замка 125. А точнее, 512. Ничего оригинального: два в девятой степени. Зато легко запоминается.

Вновь поставив замок на предохранитель, я громко хлопаю дверью. Пеночкин пребывает в прежней позе: руки за головой, локти широко расставлены. И все так же пялится на дисплей. Совершенно пустой, между прочим. Только курсор в левом верхнем углу тревожно вспыхивает крохотным тревожным маячком.

— Ну что, почитал? — подмигивает мне Петя двумя глазами, когда я бесшумно возникаю рядом с ним.

— Да. Скучный журнал, ничего интересного. Насколько я понимаю, после ликвидации аварии «Эллипс» работает устойчиво, никаких сбоев и неполадок нет? — задаю я

риторический вопрос.

— Да вроде бы нет. Так, по мелочам кое-что… — лениво отвечает Пеночкин, откровенно зевает и смотрит на свои «Касио». — Так медленно время ночью идет… Еле тащится.

Я верчу на указательном пальце колечко с ключами.

— Ну что же, будем считать результаты проверки удовлетворительными. Аппаратные средства я проверил еще днем. А завтра хочу подскочить на «Комету». Не знаешь, у них большой ВЦ?

— Да нет, вроде нашего. Ни тебе «Крэев», ни «Хитачи».

— Ну, не прибедняйся. У вас еще и «Нейроны» есть, аж четыре!

— Были и мы рысаками когда-то.

Ключи срываются с моего пальца и падают на пол, точнехонько за терминалом Пеночкина.

— А сейчас они что, не работают? — спрашиваю я, наклоняясь. Второй «стукач» мгновенно прилипает к задней стенке монитора, а первый исчезает в рукаве моего пиджака.

— Тебя это, наверное, очень удивит, но — работают! Правда, загрузка у них маловата. В силу специфичности…

— Да, это не «Крэи», — охотно соглашаюсь я, поворачиваясь к Пеночкину боком и опускаю «стукач» в карман. — Ну, ладно, счастливого дежурства! Да, кстати, а почему ты один? Это же грубейшее нарушение техники безопасности!

— У напарника срочные дела объявились. Ничего, я аккуратненько, в цепи питания не лезу, кожухи не открываю.

— Все равно. А если сердечный приступ? Или заснешь ненароком, а тут пожар?

— Не засну, я привычный. И на здоровье пока, тьфу-тьфу-тьфу, не жалуюсь. Ты это… не закладывай нас Евдокии Петровне, ладно? Ну, приспичило человеку…

— Ладно, — великодушно соглашаюсь я. — Хотя это и не дело. Я в «Спутнике» остановился, если как-нибудь позвонишь — буду рад встрече. Поболтаем, молодость вспомним. Там, кстати, и ресторанчик неплохой.

— Я бы пригласил тебя к себе, но у меня сейчас… В общем, не получается. Извини. Ты еще долго у нас пробудешь?

— Дня три-четыре. Остальные узлы «Эллипса» проинспектирую — и домой, к жене-детям. Ты мне все-таки дай свой адресок. Вдруг твоя помощь срочно понадобится…

Безотказный «петушок» заглатывает очередную порцию информации. Тепло попрощавшись с Петей, я сбегаю на первый этаж и, поводив пропуском перед полусонными глазами вахтера, выхожу на тихую ночную улицу. Пройдя десятое шагов,

поворачиваюсь спиной к несуществующему ветру и закуриваю. Молниеносный взгляд на освещенные окна ВЦ… Так я и думал. За длинными желтыми портьерами маячит неясная тень. Петя, видимо, хотел помахать мне на прощание рукой, но забыл отдернуть занавеску.

Глава 14

Неторопливой походкой свернув за угол, я — только что не с низкого старта — мчусь к «вольвочке». Плюхнувшись на переднее сиденье, хватаю с заднего кейс со «Спутником» и лихорадочно подключаю его к автомобильному аккумулятору. Теперь — подсоединить «стукач». Быстрее, быстрее… Сердце колотится так, словно я не в уютном кресле «вольвочки» сижу, а бегу по мокрым опавшим листьям в осеннем лесу, рискуя при каждом следующем шаге упасть и свернуть себе шею. В руке у меня — «вертикалка», а впереди слышен заливистый лай собак. Хотя нет, по-другому. Как будто я пришпориваю закованного в броню коня и медленно опускаю длинное тяжелое копье, а впереди… На дисплее «персоналки» наконец высвечивается текст.

(23.55) при этом считается, что проблема вопрос экспериментальные результаты в ближайшие годы проверен получены быть не может могут вследствие непомерно большого числа многовходовых логи нейроноподобных логических (23.56) элементов, требующихся, по мнению большинства авторов, для адекват эмпирической проверки (порядка 10/\14) и (23.57) еще большего числа связей между ними (до 10/\15 по оценкам авторов работ [5,6]) (23.58)

Ага, «Спутник» выдал не только окончательный вариант, но и зачеркнутые Петей слова. А также — в круглых скобках — текущее время. Ну, Пеночкин, положим, не Пушкин, так что изучать ход его гениальной мысли мне ни к чему. Это мы исправим легко, одним-единственным нажатием клавиши. А вот время… Время, пожалуй, оставим. И вот что любопытно: за две минуты до полуночи Петя прекратил работу над статьей, вошел в сеть и ввел в нее то ли программу, то ли сообщение, то ли черт знает что в виде последовательности чисел:

42.83.17.61.21.84.60.11.62.90.00.89.58.62.38.53.19.46.90.

45.73.36.63.28.27.11.33.10.00.19.27.21.53.43.61.25.21.46.

Введя в сеть эту абракадабру, Пеночкин снова вывел на дисплей только что прочитанный мною текст и продолжил работу над статьей:

(00.06). Нам эти оценки по причинам, подробно рассмотренным в работе [7], представляются весьма завышенными. Кроме (00.07) того, за счет значительного отличия скорости обмена информацией (00.08) в моделируемом (00.09) (00.10) «объекте» (00.11) и в современных локальных компьютерных сетях, достигающего четырех-шести порядков, возможно значительное уменьшение требуемого числа

физических каналов обмена. Принципы создания пакета прикладных программ (ППП), позволяющего на практике реализовать указанную редукцию, рассмотрены нами ранее в работе [8].

На этом текст обрывался. Видимо, именно в этот момент Пеночкин закинул руки за голову да так и сидел, пока я к нему не подошел. Обдумывал следующий перл своей статьи. К сожалению, из перехваченного текста трудно понять, какой же именно «объект» он собирался моделировать. И почему это слово заключено в кавычки? Продумал он над ним, кстати, почти четыре минуты.

М-да. Можно, конечно, поразмышлять надо всем этим и даже догадаться со временем, что именно он там собрался моделировать, но для решения загадки вируса «ведьма» я новых данных не получил. Вот если бы удалось прояснить назначение той цифири, которую Пеночкин запулил в «Эллипс» как раз накануне полуночи… Но выборка слишком короткая, и — ни единой зацепки. Ни имени получателя, ни какого-нибудь служебного знака… Может, второй «стукач» выловит что-нибудь более существенное?

Отключив «Спутник» от аккумулятора «вольвочки» (хорошая «персоналка», но уж больно прожорлива!) и ругая себя за то, что позволил Грише и Юрику спать в такое горячее время, я вывожу на дисплейчик «петушка» номер телефона ГИВЦа и, включив сотовый телефон, лихорадочно нажимаю нужные кнопки.

— Аллееууу! — отвечает приятный баритон.

— Эй, орлы, что у вас там с обменом? «Эллипс» опять впал в прострацию? У меня что-то задачка не идет.

— Дык начало первого же! У «Эллипса» в это время — сексуальный час. Ты что, первый раз замужем? — ехидничает мой собеседник.

Фу-ты, грубиян!

— А во сколько он начался, не засекли? Никак не пойму прошла моя задачка иди нет.

— Минут пять назад. Не по расписанию сегодня. А ты чей будешь, сынок? Что-то мне твой баритончик незнаком… Не с «Кометы», случаем?

— С Луны я, с Луны. Только вчера свалился, — отвечаю я и аккуратно кладу трубку.

Ну что же, на ловца и зверь бежит. Охотнику, впрочем, тоже не годится стоять на месте.

— Ключи от дома забыл, — объясняю я на ходу встрепенувшемуся вахтеру и через ступеньку взбегаю на третий этаж. Но перед самой дверью останавливаюсь и делаю пять

дыхательных циклов по особой методике: вдох короткий, выдох длинный, чтобы снять излишнее возбуждение.

Кодовый замок, как я и ожидал, с предохранителя снят. А если еще и нижний закрыт на ключ? Отмычки в арсенале охотника на вирусов не предусмотрены… Если так — ударом «сезам» устранить препятствие — и бегом в машзал, не давая опомниться…

Дверь, однако, легко открывается. Эх ты, конспиратор, даже код не изменил… Быстро и бесшумно я прохожу коридорчик, бесшумно приоткрыв дверь, заглядываю в машзал… И вижу то, что ожидал увидеть: светодиоды «перегрузка» подыхают отчаянным малиновым светом. А Петя колдует над своим терминалом. Прекрасно.

На секунду вернувшись в коридор, я вынимаю «газовик» и засовываю его за пояс.

Вот так, милая Элли, вот так. Работа у меня такая. Нужно быть ко всему готовым. Жаль, что ты сейчас меня не видишь. Тебе должны нравиться мужчины, способные проявлять решительность в сложной обстановке. Они всем женщинам нравятся. Потому что и сами вы для нас — сложная обстановка. В первую ночь, по крайней мере.

Вновь открыв дверь в машзал, я вдруг слышу женский голос. Очень похожий, кстати, на голос Элли. Слов из-за шума вентиляции я разобрать не могу и от неожиданности останавливаюсь, забыв придержать дверь. Она громко хлопает. Пеночкин резко оглядывается и начинает лихорадочно набирать на клавиатуре терминала какую-то программу. Да еще, кажется, бормочет себе под нос ругательства. Жаль, что «стукач» их не зафиксирует.

Я медленно иду к Пете, вперив глаза в пол и лишь изредка поглядывая по сторонам. И замечаю, что все четыре «Нейрона» включены. К чему бы это? Стоп, не будем отвлекаться. В «Невод» они введены все равно не будут, в состав «Эллипса» тоже не входят, так что пусть Петя развлекается с ними, сколько угодно. Главное — не упускать из виду дисплей терминала, за которым сейчас работает Пеночкин. Не слишком ли быстро я приближаюсь? Успеет ли Петя продиктовать «стукачу» все свои секреты? В момент, когда текст исчезает, словно стертый невидимой тряпкой, я лениво смотрю на дисплейчик «петушка», засекая время.

— Ты чего вернулся? — спокойно спрашивает Пеночкин.

— Ключи от машины где-то оставил. От квартиры в кармане, а от средства передвижения — увы! Тебе под руку не попадались?

— Ни под руку, ни под ногу. Может, ты их в дисплейном

классе забыл?

— Там я уже смотрел.

Миновав терминал, я наклоняюсь, срываю с задней стенки монитора «стукач» и радостно объявляю:

— Да вот же они! Видать, сорвались с общего кольца, пока я их на пальце крутил.

А теперь, когда «стукач» занял свое место в боковом кармане пиджака, можно пойти в лобовую атаку.

— Слушай, Петя, я уже тебя спрашивал… Сеть явно перегружена, а ведь ночью обычно…

— А, ты вот что имел в виду! — широко улыбается Пеночкин. — Было дело, было! Временами систему обмена так лихорадило, что я боялся, кабели расплавятся!

— А теперь что? Не лихорадит?

— Нет! — торжественно объявляет Петя. — Сам посмотри!

Я оглядываюсь. Действительно, все в порядке. Все светодиоды» перегрузка» погасли.

— Как тебе удалось?

— Десять минут назад я наконец-то выяснил, в чем корень зла. Оказывается, у меня была одна весьма нетривиальная ошибочка в протоколах обмена. Два месяца я пытался ее найти — и только сегодня понял, что к чему.

Возможно, все так и есть. Хорошо бы. Гора с плеч — гораздо приятнее, чем голова с того же самого места. Не следовало все-таки умножать число сущностей сверх необходимого. Но радоваться вместе с Петей я не спешу. Профессиональная привычка. Да и непонятные числа, запущенные триумфатором в «Эллипс» за минуту до приступа, меня все-таки беспокоят.

— А в чем она заключалась, ты не мог бы пояснить? Показать, так сказать, на пальцах?

— В принципе… Отчего же… — усиленно мигает Петя. — Объяснить в двух словах или показать на трех пальцах, конечно, можно. Но нужно ли? Ошибка исправлена, в «Неводе» используется совсем другой стек протоколов… Давай не будем, ладно?

Значит, обиделся-таки. А сразу виду не подал…

— Да не могу я отсрочить запуск «Невода», не могу! Я — всего — лишь мелкий клерк в Управлении, и не в моих силах… — начинаю я было утешать Петю и, словно споткнувшись, замолкаю на середине фразы. До меня, наконец, доходит, какую фигуру он мог бы показать мне на трех пальцах.

Пеночкин, опустив руки на пояс и широко расставив локти, смотрит на меня своими близорукими глазами, чистыми и невинными, и я начинаю сомневаться, правильно ли…

— Ты тоже не обижайся, — расставляет он точки над «i». — Я собираюсь патент взять на бесконфликтную систему обмена. И до поры — до времени мне не хотелось бы… разглашать…

Чтоб тебя! Значит, я все понял правильно. Да кто ты такой, чтобы подшучивать надо мною?

— Что же ты не доложил по инстанциям, как положено? И даже в журнале дежурного ни единой отметки не сделал! Нехорошо! — упрекаю я Петю.

— Победителей не судят! — ухмыляется он, нагло подмигивая и нахально закидывая руки за голову.

— Еще как судят! Завтра же напишешь объяснительную на имя начальника Управления. По журналам соседних вычислительных центров мы выясним, сколько «Эллипс» простоял по твоей милости, и предложим возместить ущерб!

Руки Пеночкина медленно сползают на колени, лицо вытягивается. Еще раньше с лица слетает игривая улыбка — словно фуражка с головы дуэлянта, сбитая метким выстрелом.

— Ладно, не злись. Сам виноват. Прикатил из столицы на роскошном авто, с какими-то особыми полномочиями, и начал тут выставляться перед провинциалами. Конечно, нам тоже хочется показать, что и мы не лаптем щи хлебаем. Нормальная защитная реакция… Я — честное слово! — не могу пока ничего тебе объяснить. И по каким причинам не могу — тоже не хочу говорить. Я все понял, «Невод» должен быть, кровь из носу, запущен в заданный срок, и ничего с этим не поделаешь. Придется отложить мою задачку до лучших времен… Давай лучше чайку отопьем, а? У меня есть полпачки китайского с жасмином…

— Спасибо, не хочется. Я лучше поеду в гостиницу да отосплюсь. Собачья работа… Так ты уверен, что сбоев больше не будет?

— Абсолютно. Если где и будет отказ, то не из-за ошибки в сетевом протоколе!

— Ну ладно. Тогда я пошел. Извини, но третья бессонная ночь подряд… Еле на ногах стою!

На этот раз мы прощаемся гораздо холоднее, чем накануне. Вот уж не думал, что Пеночкин так завистлив…

Глава 15

Я медленно еду по ночным улицам в сторону центра. Свет фар выхватывает из темноты то обшарпанный газетный киоск, то безумные глаза кошки, которая гуляет сама по себе. Плавная музыка, плавное движение машины… Хорошо. Я люблю эти минуты, когда трудная работа закончена и можно немного расслабиться. М-да… Петя Пеночкин… Задал ты нам хлопот. И это оскорбительное недоверие… А ведь объяснительную тебе писать все равно придется. С подробным изложением сделанной ошибки. «Невод» — это тебе не бреденек, лягушек в пруду пугать. В его ячейках ни одной темной клеточки быть не должно. Придумал что-то толковое — получишь и патент, и премию. Я не злопамятен. Ну, а ежели виноват — вот вам счет! Тоже получишь все, что полагается.

* * *

В гостинице, сняв пиджак и скинув туфли, я включаю в розетку «Спутник» и подключаю к нему второго «стукача». Посмотрим, посмотрим, что там за ошибка была и как Петя ее устранил. Если он работал на своем терминале, конечно, а не уходил куда подальше. В дисплейный класс, например. Чувствительность приборчика мизерная, зато избирательность отличная. Иначе он не смог бы работать при таком уровне помех.

Чтобы лечь спать со спокойной совестью, я должен убедиться: все, что сказал Пеночкин, соответствует действительности. Вот это, наверное, и есть профессионализм. Когда не упускается ни единая возможность. И когда никому не веришь на слово, даже бывшему однокурснику. Не потому, что в каждом подозреваешь технокрысу. Просто в порядке защиты от возможного непрофессионализма коллег.

Наконец, на жидкокристаллическом дисплее начинают появляться цифры, словно написанные рукой виртуозного каллиграфа:

98.01.42.01.16.90.09.14.84.87.92.76.76.52.66.75.92.54.84.14.

40.04.16.34.32.52.26.91.96.14.41.12.10.01.18.46.94.63.52.61.

Я ошалело смотрю на дисплей. Ничего себе корректировка сетевых протоколов! То-то я удивился, что ему так быстро удалось справиться. Больше всего это похоже на шифровку. «Сезам, закройся. Верблюд идет на восток. Али-баба». Или: «Инспектор Полиномов становится опасным. Ликвидировать

немедленно. Крестный».

А дальше — пустые строчки. Одна, другая… десятая… Проклятие! Пеночкин все-таки догадался, что я не рядовой инспектор и не любопытства ради кручусь возле его «персоналки». Что он сделал? Перешел в дисплейный класс? Снял «стукача» с задней стенки, а перед самым моим приходом поставил на место? Нет, нет… Я ведь вернулся неожиданно для него. Недаром он так задергался. Тогда почему дисплей пуст? Сорок первая, сорок вторая…

М-да. На чем-то я прокололся. И самое скверное — не понимаю, на чем. Да еще и так глупо засветился в конце… Понадеялся на «стукача», решил, что уже шах и мат. Восемьдесят шестая, восемьдесят седьмая…

Теоретически все было сделано правильно. Я «ушел» и развязал Пете руки — только для того, разумеется, чтобы тщательно пронаблюдать, что он станет ими делать.

И он действительно затеял какую-то возню. И приступ с «Эллипсом» имел место, к тому же вне расписания, и какие-то числа попали на мой дисплей. А потом, как и замышлялось, я поймал Пеночкина «на горячем». По всем канонам он должен был запаниковать и наделать глупостей. Которые должен был аккуратненько зафиксировать «стукач». И у него ведь действительно руки тряслись. А вот насчет глупостей… Где же они? Кассета на исходе, а экран чист. Неужели приборчик отказал? Да нет, он бы просигнализировал о неисправности…

Вот оно!

Я подскакиваю на стуле и впиваюсь глазами в экран.

42.83.17.61.21.84.60.11.62.90.00.89.58.62.38.53.19.46.90.

45.73.36.63.28.27.11.33.10.00.19.27.21.53.43.61.25.21.46.

А дальше — опять пустые строчки. Дождавшись конца микрокассеты, я смотрю на часы. Да, в это время я уже стоял за спиной у Пеночкина. Именно эти цифры он и нажимал поспешно на клавиатуре. И это — вся полученная мною информация? После чего я «засветился», а Петя сказал, что приступов больше не будет?

Я вскакиваю со стула и начинаю ходить по диагонали комнаты. Три метра туда, три обратно…

В том, что у Пеночкина рыльце в пушку, — сомнений больше нет. Но это — единственный результат, полученный нами за двое суток работы. Если не считать трех шифрограмм, очень коротких и потому практически недешифруемых. А что происходит в «Эллипсе» во время приступов? Куда сбрасывалась информация, пока мой «стукач» ловил пустоту на дисплее Пеночкина? Вряд ли теперь мы это узнаем. Технокрыса затаилась, предварительно

уничтожив следы. Ищи теперь ветра в поле…

Я ложусь ничком на кровать, не раздевшись и даже не сбросив тапочек. Так что будем делать, рыцарь печального образа? Дракон исчез, надев шапку-невидимку и оставив после себя лишь смрадное воспоминание.

Работать я буду, вот что. Это — самое надежное средство от неудач. Работать, пока или не свалюсь замертво, иди не рассею злые чары.

Рывком соскочив с кровати, я бросаюсь к чемодану и достаю из него предмет ненависти администраторов всех гостиниц — кипятильничек. И пару аэрофлотовских пакетиков растворимого кофе. Приходится нарушать. Но кто бы помог мне взбодриться в четвертом часу утра? Разве что Элли… Прекрасная Дама, не пожелавшая отереть кровь и пот с чела поверженного рыцаря. Что делать… Прекрасные Дамы благосклонны лишь к победителям…

Прихлебывая ароматную густо-коричневую жидкость, я пересчитываю цифры в сообщениях. В первом их 76, во втором 78, в третьем тоже 76. Четные числа. Логично предположить, что каждым двум цифрам соответствует одна буква. Или какой-то другой символ. Тогда букв в сообщениях соответственно 38, 39 и 38. Странно, что в двух сообщениях одинаковые количества букв. Вероятность такого совпадения невелика. Если только…

Сравнив цифры в первом и третьем сообщениях, я чуть не падаю со стула. Это называется — вышибли из седла. Только-только я на него вскарабкался…

Значит, шифровок было всего лишь две. Но первую Петя зачем-то повторил дважды. И количество знаков, имеющихся в моем распоряжении — на треть меньше…

Я смотрю на шесть строк с цифрами, и какое-то новое смутное чувство возникает во мне. Не то тревоги, не то радости… А вернее, оба чувства одновременно. Хотя так и не бывает.

Итого в двух, как выяснилось, сообщениях 77 знаков. Включая пробел между словами. Не густо…

Сделав большой глоток остывающего кофе, я откидываюсь на спинку стула. В памяти вдруг всплывает: квартира с высокими потолками в доме на центральной улице маленького городка, с одной стороны у него 4, с другой 5 этажей; две смешливые девчонки, две закадычные подружки, живущие в нашем подъезде… Да-да, о них, хоть они и были девчонками, вполне можно было так сказать: закадычные. Исключение, которое проверяет правило. Никогда они не ссорились, не ябедничали и, что совсем уж невероятно — ни в чем друг дружке не завидовали. Я с ними, как говорится, «водился». Было нам тогда лет по 12–13. Мы как раз прочли «Пляшущих человечков» и начали

обмениваться шифрованными записками. Разгадывать их, не зная ключа, — увлекательнейшее занятие! И, как мне тогда казалось, чрезвычайно серьезное. Наверное, потому, что в этих девочек я был по уши влюблен. Вначале в одну, потом в другую. Вторая, правда, так никогда и не узнала об этом…

Мне вдруг неудержимо захотелось покурить. Делать этого нельзя, я на два часа утрачу свою уникальную способность засыпать в любое заданное время, и все-таки я открываю пачку «Мальборо».

Так вот откуда это горько-сладкое чувство… Первая любовь. Ни разу больше это чувство не повторялось. Ни когда за своей будущей женой ухаживал, ни когда диссертацию защитил, ни даже когда сын родился. Все было прекрасно, я бывал на седьмом небе от счастья, но — совсем по-другому. Не повторялась больше щемящая радость. Только — телячья…

Из открытой форточки веет сыростью и прохладой. Тусклые фонари, два освещенных окна в доме напротив… Может быть, для того судьба и послала меня в этот город, так похожий на тот, город детства, чтобы хоть на мгновение вернуть это дивное чувство? Чтобы я мог остановиться, оглянуться… Говорят, в такие минуты люди молодеют…

Стоп, стоп. Не расслабляться. Как-нибудь на досуге я вновь попробую погрузиться в воспоминания, но не сейчас. Времени у меня в запасе — четверо суток с хвостиком. Да еще обратная дорога…

Погасив сигарету и двумя большими глотками допив кофе, я вновь приникаю к дисплею. Итак, 77 символов. Попробовать, что ли? Впасть в детство? Расшифровывать записки было не так уж сложно. В начале текста стояло мое имя в той или иной форме, в конце — имя корреспондентки. Вот несколько букв уже и есть. Чаще всего в русском языке встречается буква «е», чуть реже, кажется, «о». Или «к»? Уже не помню. Статистику мы набирали сами, по томику того же Конан Дойла. Были еще закономерности. Какие-то буквы чаще встречаются в конце слов, какие-то — не встречаются в начале… «Ы», например. И так далее. Конечно, профессиональные шифры намного сложнее. За них я браться не стал бы. Но вряд ли Пеночкин использовал что-то слишком сложное. Прежде всего я должен выяснить, каким символом обозначается пробел между словами. Потом — попытаться угадать имя адресата. Например, «Элли»…

От этой мысли я улыбаюсь. Петя и Элли… Невозможно. Несопоставимо.

Ну что же, сейчас мы легко проверим, насколько профессионально Петя выбрал шифр.

Запустив шифрограммы в текстовый редактор, я с разочарованием выясняю, что в обоих сообщениях задействовано целых пятьдесят знаков, из них в первом двадцать семь, во втором — тридцать один. А встречаются и там и там — только восемь. Видимо, шифр у каждого сообщения свой. А одна и та же буква может обозначаться разными комбинациями цифр. Это значит, что даже мощное программное обеспечение, имеющееся у дешифровщиков Управления, вряд ли мне поможет. Слишком малы выборки. И даже язык неизвестен. Хотя… Не мумбу-юмбу же…

Сполоснув стакан и спрятав кипятильничек на дно чемодана, я разбираю постель. Утро вечера мудренее. Кажется, ни кофе, ни сигарета не помешают мне сейчас крепко заснуть…

Глава 16

В семь сорок пять утра я просыпаюсь от настойчивого стука в дверь. Это Юрик. С расшифровкой изображений у него ничего вчера не получилось, и он пришел посоветоваться или получить новые инструкции.

— Ты вчера во сколько с ГИВЦа ушел? — ласково спрашиваю я, не предлагая ему сесть.

— В начале восьмого вечера, — осторожно отвечает Юрик. — Проверил десяток вариантов, но ничего осмысленного на дисплее пока не увидел.

— А я с «Микротехнологии» — в четыре часа утра, уже сегодня! — кричу вдруг я, старательно брызгая на Юрика слюной. — Тебе сроки известны?

— Да… Осталось четыре дня…

— Это всего четыре дня. А у тебя времени — ровно сутки. Завтра утром, в это же время, я должен увидеть расшифрованные тобой картинки. Исполняйте! — приказываю я и круто поворачиваюсь к собеседнику спиной. Как будто не босиком и в одних трусах перед ним стою, а в хромовых сапогах и при портупее. Юрик исчезает. Удостоверившись, что табличка с надписью «Не беспокоить!» по-прежнему висит на наружной ручке двери, я ложусь досыпать. Видно, моя судьба — быть большим начальником. Кричать на подчиненных, ни на йоту не убыстряя стука сердца, я уже научился. А все остальное по сравнению с этим — дело наживное.

* * *

С Гришей мы встречаемся ровно в полдень в гостиничном буфете. Поглощая бутерброд с засохшим ломтиком сыра, он лаконично сообщает, что все его попытки обнаружить вирус ни к чему не привели.

— Только знаешь, что я заметил, — говорит Гриша, тщательно выбирая из бороды крошки. — И на «Комете», и в ГИВЦе, и на аккумуляторном в машзалах стоят «Нейроны» и «Цефалы».

— Ну и что? На «Микротехнологии» нейрокомпьютеров аж четыре. Но в состав «Эллипса» они, как следует из документации, не включены. Понаделали их в свое время… Приспосабливать под них протоколы обмена неудобно, использование компьютеров любого типа вне сетей, как ясно уже всем, совершенно

нерационально… Вот и ржавеют эти головастики…

— Не совсем так. Во время последнего приступа «Цефалы» на «Комете» перегревались точно так же, как и остальные машины.

А вот это уже любопытно. Чрезвычайно любопытно. И на «Микротехнологии» во время приступа все четыре «Нейрона» работали. Так что, товарищ директор, уважаемый Михаил Олегович, в описание «Эллипса» и более серьезные изменения не внесены, не только разрыв «кольца»? Давно я с вами собираюсь побеседовать, да все недосуг. Или вы не в курсе и все делалось за вашей спиной? Тем более виноваты…

— Но в их память наши вирус-детекторы…

— Не проникают. Совершенно другая архитектура. Потому мы и не вылавливаем ничего.

— Вот что… — тут же принимаю я решение. — У Юрика там ничего не получается с расшифровкой картинок. И не надо. Не очень-то и хотелось. Отложим на потом. Бери его в помощь, и попробуйте влезть в головы этих «Цефалов», — говорю я, улыбкой подтверждая, что тавтология моих слов не случайна. — Чтобы во время следующего приступа мы могли подсмотреть, какая информация в них крутится и куда потом сбрасывается. Но вначале, конечно, надо разобраться, как они умудрились подключить их к «Эллипсу».

Гриша озадаченно трет лысину.

— Трудная задачка, шеф. Я бы сказал…

— Практически неразрешимая, — охотно соглашаюсь я. — Но лучшего плана действий у меня нет. Есть другие предложения?

О том, что приступа может и не быть, я, естественно, умалчиваю. Подчиненные не должны знать об ошибках начальства.

— Нет.

— Тогда приступай.

Глава 17

Вернувшись в свой номер, я включаю «Спутник» и снова таращусь на загадочные цифры. Как баран на новые ворота. Быть или не быть? Посылать их дешифровщикам из Управления или не посылать? Кто его знает, что в этих шифровках… Может, рецепт яичницы с луком. Еще вариант — любовная записка программистке, работающей в другую смену… Вот будет повод для зубоскальства в Управлении! Расшифровывали уже ребята из сектора Кривопалова и рецепты, и даже новейший метод контрацепции один раз им попался. Весьма удобный, кстати. Я и Виту ему обучил, и жену…

Ладно. Хватит киснуть. Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

Стряхнув оцепенение, я набираю на клавиатуре:

«Управление компьютерных сетей. Кривопалову.

Прошу расшифровать прилагаемые сообщения. Предположения о характере текстов и возможных адресатах отсутствуют. Степень важности: первая. Степень срочности: первая. Количество сообщений: два.

Приложение. Сообщение 1: 98.01.42.01…

Сообщение 2: 42.83.17.61…

Получатель: П.Полиномов. Адрес… телефон…»

Проверив, нет ли ошибки в цифрах, я вставляю в гнездо дискету с программой шифрования и через несколько секунд вижу на дисплее бессмысленный набор чисел. Забавно будет, если кто-то перехватит и попытается расшифровать мой текст. Уж он-то закодирован профессионально. Но если произойдет чудо и какому-то гению вдруг удастся… А внутри — еще одна шифровка!

Минут пять уходит на препирательства с дежурной по поводу срочного звонка в Москву. Наконец, в трубке звучит нежный голос нашей Танечки:

— Управление сетей. Слушаю вас.

— Это Полиномов. Примите весьма существенное сообщение, — прошу я, укладывая трубку в специальный паз на панели «Спутника». «Весьма существенное» — означает «шифрованное». Услышав эти магические слова, Танечка должна тут же нажать на соответствующую клавишу своего мощного компьютера. Через пару минут она прочтет сопроводиловку, наберет код группы Кривопалова и передаст шифровку на его терминал. Еще через пять минут дежурный оператор введет загадочные цифры в память мэйнфрейма — и пойдет работа…

Статистический анализ, подбор вариантов, проверка их на осмысленность — на двенадцати языках, между прочим! — уточнение модели… Уже через сутки я получу предварительный результат. Положительный или, скорее всего, отрицательный. Слишком уж нерепрезентативны выборки. А пока…

От долгого смотрения на дисплей, на котором в серой патоке фона черными муравьями застряли загадочные цифры, они начинают казаться мне чем-то знакомыми. Словно бы я их где-то уже видел. 42.83.17. 61.21.84… Может, среди них скрыт номер моего дома? Или год рождения? Или, наконец, номер телефона столь же темпераментной, сколь и застенчивой Виты? Кажется, я уже немножко соскучился по ней…

Я отключаю «Спутник» от сети, и в момент, когда цифры исчезают с дисплея, вдруг вспоминаю, где я — совсем недавно! — видел нечто подобное. Вот так же, словно стертые невидимой тряпкой, исчезали цифры, вот так же я озадаченно смотрел на дисплей. Только был он не серым, а синим, цифры же белые. Ну конечно! Какие-то числа мельтешили на дисплее у Элли, когда она, резко повернувшись, согнала их с экрана. Только и всего… Фокус человеческой памяти, которую мы знаем куда хуже, нежели компьютерную.

Опустив экран и захлопнув крышку «Спутника», я встаю со стула и медленно, со вкусом разминаю мышцы рук, потом ног. Жребий брошен, Рубикон перейден. Ну, а мне-то что сейчас делать? Поехать на очередной узел «Эллипса» и снова, словно соколов с руки, поднимать над полями его памяти вирус-детекторы? Бессмысленно.

Вирус «ведьма» прячется, скорее всего, в чревах нейрокомпьютеров. А я в них плохо разбираюсь. Они так редко используются в составе сетей, что опыта у меня — кот наплакал. Кое-какое программное обеспечение, конечно, есть. Но вряд ли оно поможет. Мы, насколько я понимаю, столкнулись с чем-то принципиально новым. Совать же голову в пасть зверю, не зная наверняка, лев это или кролик… а точнее, крокодил… Я недаром Гришу и Юрика вдвоем послал. Подходить сейчас к «Нейрону» в одиночку — самоубийство. Так, может, и мне к ним присоединиться?

Я снова начинаю расхаживать по диагонали гостиничного номера. Словно последняя дамка в полупроигранной шашечной партии. Хоть бы вничью удалось свести…

Нет. Наша команда проигрывает, но время заменять вратаря полевым игроком еще не пришло. Гриша прав, разобраться в связях «Цефалов» и «Нейронов» с «Эллипсом» — задача не одного дня и даже не одной недели. И поставил я ее только потому, что

ничего лучшего не смог придумать. Нет у меня идей, нет. Вот если бы удалось расшифровать сообщения… Если, конечно, это сообщения, а не сценарий запуска вируса «ведьма». Вируса совершенно нового типа. Выполненного по технологии «стелс». Видно, не одни мы готовимся к запуску «Невода». Те, кто руководят Петей, тоже спешат. Цель? Компьютерный рэкет. В самый ответственный момент, когда от бесперебойной работы гиперсети начнут зависеть стратегические интересы государства, будет устроена предупредительная «забастовка», чтобы продемонстрировать силу и неуязвимость технокрыс, и поставлены жесткие условия, а также еще более жесткие сроки для их выполнения. И тогда…

По моей спине пробегает табунок мурашек. Что же делать? Делать-то что?

Выжечь здесь надо все, вот что. Пройти огнем и мечом. Стереть все диски, разорвать все связи. Устроить чумное кладбище. А все эти «Эльбрусы», «Цефалы» и «Нейроны» — под пресс, под пресс!

Присев к столу, я снова включаю «Спутник», вывожу на экран ненавистные цифры и тупо смотрю на них минуту, вторую… Так где я их видел? Ах да, на дисплее у Элли. Не их, конечно, а нечто подобное.

Или все-таки те же самые?

Подпрыгнув вместе со стулом, я лихорадочно нажимаю крохотные кнопочки на клавиатуре «петушка». Я ведь успел тогда что-то записать… Вот оно: 42.83.17.61.21.84.60.11. Так и есть. Часть «шифровки» Пеночкина. И вскоре после того, как Элли набрала ее на своей клавиатуре, начался шабаш ведьм. А Петя в ту ночь, кстати, не работал!

Я чувствую, как мой лоб покрывается испариной. Потерянный было след вновь найден! И — отнюдь не сказочный — дракон совсем близко. До меня уже доносится горячее дыхание его голов. Оттого и лоб вспотел…

Итак, эта последовательность цифр, введенная в «Эллипс», блуждает в нем невостребованной, пока не достигает одного из нелегально подключенных к кольцу «Цефалов». На самом деле это — сценарий запуска сложной вирусной программы, и только он способен преодолеть заслоны, от которых благополучненько отражались все наши вирус-детекторы, включая демон «бильярдный шар», искусно запущенный Гришей… После чего из «Цефала», как джинн из бутылки, выползает гигантская программа-паразит, парализующая работу сети. А потом, через заданное время, убирается обратно в свое логово…

Я вдруг замечаю, какая духотища в комнате. И открытая

форточка не помогает. А окна уже заклеены на зиму… Введя в память «петушка» обе комбинации цифр и набросив плащ, я выскакиваю из гостиницы. Свежий воздух приятно холодит лицо.

Кажется, в моих рассуждениях есть какой-то изъян. Какой? Может быть, не все ясно со второй последовательностью чисел? Но ничего странного в ее появлении нет. Для активизации вируса нужны оба набора цифр, введенные с некоторым промежутком времени. Защита от случайных свидетелей. И если какой-то не в меру любопытный коллега, незаметно встав за спиной, подсмотрит загадочные числа на дисплее у Элли…

Элли. Вот что меня тревожит. Элли. Мне не хочется думать, что она как-то замешана в этой истории и, когда все откроется, будет наказана вместе с остальными. Кто еще входит в эту шайку-лейку? Директор ГИВЦа — вне всяких сомнений! То-то он так лебезил, так старался понравиться. И кому? Всего-навсего ведущему инспектору Управления. Потому что знал: от меня многое зависит. Очень многое. И как только они поймут, что я напал на след… М-да. Газовый пистолет — слабая защита. И важно не пропустить момент, вовремя привлечь к работе немножко лучше вооруженных товарищей.

Перед радиатором «вольвочки» суетится стайка воробьев. Чирикают о чем-то своем, волнуются… Мне бы ваши заботы.

Значит, Элли. Жаль девушку. Что же ты была так неосторожна? Видишь: появился незнакомый инспектор, да еще, как подсказали добрые люди, с особыми полномочиями… Ну так затаись, пережди опасность! Никто бы тебя, я уверен, потом не выдал. А теперь…

«Вольвочка» плавно трогается с места. Из-под колес серыми брызгами разлетаются воробьи.

А ведь Элли опоздала в тот вечер. И успела набрать только первую часть сценария вызова. Почти сразу же после этого начался приступ. Вот в чем неувязка, вот что меня беспокоило… Более того, и первую-то последовательность чисел она ввела не полностью. Я помешал. Потому она так и рассердилась… А пятью минутами раньше не смогла кому-то дозвониться по телефону и тоже гневалась. Хотел бы я знать, кому она все-таки так поздно звонила. И почему приступы всегда начинаются в полночь. И почему Петя, зная, что я сижу за стенкой, в дисплейном классе, все-таки запустил паразитную программу…

Я торможу так резко, что чуть было не срабатывают ремни безопасности. Хорошо, что незнакомая улочка в этот час пустынна. А то было бы сейчас…

Откинувшись на спинку удобного кресла и полуприкрыв глаза, я блаженно улыбаюсь. Все так просто… Гриша прав: самый

опасный для технокрысы момент — ввод паразитной программы в систему. И чтобы понапрасну не рисковать, Петя и компания препоручили эту обязанность кремлевским курантам. Ровно в полночь, в двенадцать часов, из гроба встает барабанщик… Если до того времени не поступает, конечно, команда на запрет. Та самая, первая последовательность цифр, которую не успела набрать Элли. И которую я не помешал ввести Пете.

Это и есть команда «на место!» Заслышав ее, дракон не смеет высунуть из логова ни одну из своих голов. Или убирается восвояси. Что и произошло, когда я неожиданно для Пеночкина вернулся.

Ну что же, неплохо. Я, правда, пока не знаю смысла и цели программы-вируса. Но это не помешает мне уничтожить ее.

Я стартую, словно участник ралли «Париж-Дакар», и через полчаса мы втроем, остановившись в пустынном переулке, обсуждаем новый план действий. Инструкции мои лаконичны и четки. К моменту следующего приступа Гриша и Юрик должны «врезаться» в каналы обмена «Нейронов» и «Цефалов» с мэйнфреймом и рабочими станциями, сделать подробные распечатки и попытаться разобраться, что же все-таки происходит в «Эллипсе» в самые первые секунды шабаша.

— Да, сегодня сабантуй начнется не в полночь, как обычно, а в двадцать три двадцать, — сообщаю я мимоходом и, повернувшись к заднему сидению, любуюсь произведенным эффектом.

— А ты почем знаешь? — недоверчиво задирает бороду Гриша.

— Знакомая ведьма подсказала, — уклоняюсь я от ответа. Знай наших! Даром, что ли, я третью ночь не сплю?

Уточнив детали, мы расходимся по одному, словно мафиози, успешно разделившие сферы влияния.

Глава 18

Мне приходится потратить тридцать минут, прежде чем Евдокия Петровна, начальник ВЦ «Микротехнологии», начинает понимать, чего я от нее хочу. И еще десять минут она уясняет, что обсуждение моих целей не входит в круг ее служебных обязанностей. Кончается все распиской, в которой я беру ответственность за все последствия на себя. Кажется, эта женщина совершенно искренне не подозревает, что творится здесь по ночам.

* * *

Двадцать два пятьдесят. Один за другим глохнут принтеры, замирают накопители, останавливаются дисководы. Уходят, повертевшись у зеркала, программистки, вслед за ними, насвистывая что-то веселое, инженер-электрик. Наконец, мы остаемся втроем: я и двое парней из третьей смены. Косо посмотрев в мою сторону, они покидают операторскую. Молодец, Евдокия Петровна, не подвела. Я бы на месте этих ребят тоже косился. Приехал столичный фрайер, собирается влезть со своей программой в сеть, да еще и без свидетелей… А зачем и по какому праву — никто не знает.

Включив терминал Пеночкина, я быстро набираю отработанную на «Спутнике» программу. Теперь — коротенький тестовый сигнал… Отлично. Можно начинать.

Поглядывая на дисплейчик «петушка», я ввожу в сеть магические цифры: 98.01.42.01.16.90…

Интересно, почему последовательность именно такая? Просто набор случайных чисел?.. 46.94.63.52.61. Ну что же, у меня все готово. Текущее время 23:19:05. Через 55 секунд…

Ровно в двадцать три двадцать я нажимаю клавишу «Ввод». Дисковод моего «Спутника», подключенного к терминалу по схеме «замочная скважина», тут же приходит в движение. Прекрасно! Если программа, разработанная Гришей и Юрой, сработает как надо, в нашем распоряжении сразу же…

— Здравствуй! — слышу я тихий женский голос. — Велел мне отключиться, а сам зовешь. Мы опять будем играть, да?

Я ошалело смотрю по сторонам. Говорит моя собеседница очень медленно, словно бы с трудом подбирая слова. Но голос… Этот тембр я ни с чьим другим не спутаю.

— Почему ты не отвечаешь? — капризно спрашивает Элли. И

мне начинает казаться, что она говорит откуда-то из-под терминала. М-да… Ночные бдения даром не проходят. Вот уже и слуховые галлюцинации начались…

— Здравствуй, — неожиданно для самого себя отвечаю я и заглядываю под стол. Словно сумасшедший, осознавший свое сумасшествие, но не имеющий сил ему противиться. — А во что ты хочешь поиграть?

Хорошо, что я догадался выставить парней за дверь. А то сидел бы сейчас, как дурак…

— Ты забыл назвать мое имя, — голосом капризной девочки говорит моя собеседница. — Хочешь, чтобы я снова отключилась?

Выудив из-под, терминала пару наушников, я надеваю гарнитуру на голову, и слышимость сразу улучшается. «Элли — наркоманка?» — обжигает меня мысль.

— Нет, Элли, не хочу. Давай встретимся сегодня. Нам нужно поговорить.

— Но мы ведь уже разговариваем! — говорит Элли после длинной паузы. Кажется, она не узнает моего голоса. Думает, что это… Пеночкин!

— Да, но… Я хочу видеть тебя, твои глаза, твою улыбку…

— Я тоже. Но у меня ведь нет лица. Ты обещал, что сделаешь, а сам не делаешь.

Косметику он ей обещал, что ли? Без нее некоторые красавицы действительно теряют лицо.

— Давай поиграем, а? — снова предлагает мне Элли.

А там, на ГИВЦе, она мне показалась неглупой девушкой. Или это она с Пеночкиным дуреет от счастья? И что, вся катавасия с сетевыми протоколами только ради того, чтобы они могли поболтать друг с другом? В рабочее время, чаще всего — ночью? Два идиота! Ночью общаться нужно в постели, а не на работе!

— Нет. Играть мы не будем. Через двадцать минут я жду вас у входа в ГИВЦ. Вам грозят крупные неприятности. И если ты не придешь, нам обоим будет плохо!

Неужели не удастся? Представляю: она сбегает с высокого крыльца, стуча вышедшими из моды каблучками, а внизу вместо Пети — я! Момент истины! Бабушка приехала! Тут бы она и раскололась. Вначале как соучастница, а потом, глядишь…

— Ты ведь знаешь, я не могу прийти, — грустно говорит, наконец, Элли. — А что такое неприятности?

— Это когда тебе становится больно, очень больно! Элли, ну пожалуйста! Выйди на крылечко!

— Что такое боль? Ты уже объяснял мне, но я так и не поняла. Разве может внутри меня быть что-то такое, чем я не могу

управлять?

— Конечно, может. Чувство голода, например. Или половой инстинкт. Или…

«Или ты без него обходишься?» — чуть было не срывается у меня с языка. Она что, йогиня? Или марсианка?

— Как ты сказал? Повтори! — требует Элли.

Громко хлопает входная дверь. Мое время истекло.

— Элли, если ты через полчаса не придешь — нам обоим крышка! — кричу я и набираю вторую серию чисел: 42.83.17…

— Вы закончили? — официальным голосом спрашивает один из парней.

— Да, все в порядке. Можете проверить. А я, извините, очень спешу.

Невежливо, конечно, убегать, не дождавшись результатов тестовой проверки. Но у меня нет другого выхода.

* * *

Я стою на ступеньках, засунув руки в карманы, и посматриваю на двери ГИВЦа. За последние десять минут они открылись лишь однажды — чтобы выпустить вахтершу с осоловевшими от долгого безделья глазами. Покряхтывая, она пронесла мимо меня свое грузное тело и набитую продуктами сумку. Ушла в темноту, в сторону трамвайной остановки. В темноту своей жизни…

Если еще через пять минут Элли не появится — я пойду к ней сам. И спрошу: «Почему ты не пришла? Я ведь так просил!» И наслажусь моментом истины. А Гришу попрошу пронаблюдать со стороны. Только бы окружающие не помешали.

Сзади раздается стук каблучков. Кто-то очень спешит. Я не оборачиваюсь. Странно, но кроме Элли мне сейчас никто не нужен.

Молодая стройная женщина, отбивая частую дробь, торопливо взбегает по ступенькам. Очень похожая, кстати, на…

— Элли! — кричу я. — Подождите!

Девушка на секунду останавливается, поворачивает ко мне удивленное лицо.

Что, не ожидала? Только почему она пришла с другой стороны?

— А, это вы! — слышу я разочарованный голос. — И не надоело вам за мной бегать?

— Надоело. Но я должен задать вам один вопрос.

— Да неинтересны мне ваши вопросы, и вы сами

неинтересны! — кричит Элли, прижимая к груди руки.

— Вы знаете, что такое боль? — спрашиваю вдруг я.

— Хотите, чтобы я вас пожалела? Ах, бедный мальчик… Столичная штучка! — припечатывает вдруг она. — Обнаглел до предела! Замуж я выхожу, понятно? И отвали!

Дверь за нею захлопывается. Одновременно я захлопываю рот.

Да, интересный получился момент истины. Бабушка приехала…

Так с кем же я разговаривал во время последнего приступа? Кто воспользовался голосом Элли и с какой целью? В чью сеть я вломился? И что теперь будет? Элли — эта, а не призрак эпилепсирующего «Эллипса», несомненно, что-то знает. Потому и ведет себя так агрессивно. Ишь, как отшила… Сама ты штучка!

Глава 19

Получасом позже, собравшись в «полулюксе» и выпив по чашке кофе, мы разбираем свои охотничьи трофеи. К утру, перегрев мой «Спутник» и собственные мозги, приходим к однозначному выводу: поля памяти, участвующие в решении повседневных задач «Эллипса», и превосходящие их почти на порядок массивы, активизирующиеся во время приступа — суть множества непересекающиеся. А у системы есть двойник, теневое «полукольцо». Активнейшую роль в нем играют «Цефалы» и «Нейроны». Вспомогательную и пока не совсем понятную — мэйнфреймы и рабочие станции.

О ночном разговоре с ведьмой, завладевшей голосом Элли, я благоразумно умалчиваю.

— И что же происходит в этом эпилептическом «Эллипсе»? — озадаченно спрашивает Юрик. — Самого главного мы так и не узнали. А времени осталось кот наплакал.

— Не надо отчаиваться, — успокаивает его Гриша, ухмыляясь в черную бороду. — У шефа, я уверен, уже созрело гениальное предложение. Которое я полностью разделяю, — заканчивает он тоном записного подхалима.

— Другие предложения есть? — спрашиваю я недоумевающего Юрика.

— Есть. Сообщить, в чем состоит первое.

— Поскольку ни одной светлой мысли в ваших головах сейчас не наблюдается, я предлагаю лечь спать. Сбор сегодня в шестнадцать ноль-ноль у меня в номере.

— А в твоей? — ерепенится Шепталов. — Поделился бы откровением!

— Обязательно поделюсь. Как только ты научишься вгонять «Эллипс» в приступ в угодное тебе время — так сразу и поделюсь, — ставлю я нахала на место.

* * *

От переутомления я долго не могу заснуть. Хорошо ребятам. Им не нужно поддерживать репутацию лучшего охотника Управления. И ответственность за успех операции их не тяготит. Точнее, за провал. По логике вещей, я должен обо всем происшедшем доложить шефу. Он обратится в специализированный отдел ФСБ — третий раз, насколько я помню, за все время существования Управления. Уже завтра здесь

будут их представители. «Эллипс» опечатают. Пеночкина и Элли повяжут. И начнут просеивать информацию со всех дисков и накопителей. Обратившись предварительно в Комитет с просьбой о переносе сроков. Уж им-то не откажут! Мне от имени и по поручению объявят благодарность — это эфэсбэшники. Еще бы, такой крупный зверь им давно не попадался. А Витек снимет с меня премию. И вопрос с повышением, само собой, отпадет. В лучшем случае. А в худшем — решится в противоположном смысле. Особенно, если в конце концов выяснится, что эта законспирированная сеть то ли запросы-предложения тасует в интересах какого-нибудь брачного агентства, то ли Пеночкину очередной безумный проект обсчитывает. Что вернее всего.

* * *

В следующую ночь приступ не повторяется. И к разгадке причины болезни мы не приближаемся ни на йоту. Гриша с Юриком удручены, я тоже, но вида не показываю. Что делать? Делать-то что? Хорошо было древним мудрецам. Они, чуть что, шасть в волшебную книгу, а там все расписано: этого — возлюбить, тому — голову отрубить. Вот бы у меня была такая книга…

Мои руки отдергиваются от клавиатуры, словно сведенные судорогой. Гриша, суетящийся возле «Цефала», смотрит на меня с испугом.

А может быть, такая книга где-то и есть? Например, в городской библиотеке?

— Тебя что, током ударило? — хватается за бороду Гриша, наблюдая, как я лихорадочно собираю свое снаряжение.

— Одну идейку решил проверить. Весьма многообещающую, — улыбаюсь я.

Вот так-то, дружок. Этим и отличается лидер от рядовых исполнителей способностью вырабатывать новые идеи.

— Красивое имя, — ухмыляется Гриша. — И даже уже пообещала? Значит, не откажет. Рад за тебя!

* * *

Читальный зал городской библиотеки почти пуст. Три скучающих пенсионера, две любознательных старшеклассницы да я. Выяснив у библиотекарши, что каталоги — этажом выше, я поднимаюсь по широкой лестнице в маленький, заставленный

высокими стеллажами зал. Здесь вообще никого, если не считать склонившейся над книгой седой библиографши.

Отыскав ящичек с черными буквами «Пе» на передней стенке, я перебираю карточки. Так. Пенкин Н.С. «Гуммированные детали машин». А следующая Пенроуз, Роджер, Риндлер и Вольфганг, «Спиноры и пространство-время. Два-спинорное исчисление и релятивистские поля». Б-р-р!

Значит, столь простым способом я работы Пеночкина не отыщу. А может, они закрытые? Или их вообще нет? Существуют же «черные дыры», исследователи, в невообразимых количествах поглощающие научную информацию, но не генерирующие ни бита новой. Может, Петя из таких? Недаром у нас почти треть мировой численности ученых, а количество серьезных работ — на порядок меньше. А в последнее время, после появления гиперсетей — на два. И если бы «черные дыры» поглощали только информацию! Но ведь приличную зарплату и тонны сосисок — тоже!

— Вам нужна какая-то помощь?

Изнывающая со скуки библиографша решила предложить мне свои услуги. Напрасно ты это сделала, бабуся! Сейчас я тебя озадачу…

— Меня интересуют работы Петра Васильевича Пеночкина. Это один талантливый инженер, работающий в области вычислительной техники. В вашем городе я проездом, у меня выкроился часок времени, и…

— Пети Пеночкина?! — ахает старая библиотечная крыса. — Вы тоже считаете, что он талантлив?

— Ну, разумеется! — отвечаю я, не успевая скрыть изумления. Но старушка воспринимает мою интонацию в смысле «как можно сомневаться?» и расцветает, словно цветик-семицветик.

— Вот и я всем говорю! Но мне никто не верит! Нет пророка в своем отечестве! И знаете, его работы совершенно нигде не хотят публиковать. Я мечтаю составить полную библиографию трудов Петра Васильевича и когда-нибудь обязательно сделаю это. Но на сегодняшний день у него только семь статей и ни одной опубликованной монографии, хотя написано целых две. И уже в самых первых работах чувствуется незаурядность и оригинальность мышления…

Все ясно. Я еще позавчера заподозрил, что Пеночкин метит в непризнанные гении. Но что он способен убедить в этом еще хотя бы одного человека… М-да. Мир не без добрых людей. Библиографша входит в экстаз и начинает отчаянно жестикулировать. После слов «Увы, наша библиотека выписывать

эти узкоспециальные журналы, конечно же, не в состоянии!» она сбивает на пол собственные очки. К счастью, они не разбиваются. Услужливо поднимая этот музейный экспонат, я наконец слышу то, что мне нужно.

— Но у меня лично есть их ксерокопии!

От удовольствия сообщить это старая карга краснеет. Подбородок ее торжествующе приподнят, глаза сверкают. Когда-то Русь была Землей Обетованной для юродивых всех мастей и непризнанных гениев. Но последние мало-помалу перебрались в Европу и за океан, а первые — остались. Нужно же кому-то подогревать эмоции экзальтированных старушек.

— И они у вас здесь?

— Вообще-то нет. Приносить в библиотеку такую ценность… Но как раз сегодня две из них у меня с собой! — счастливо смеется библиографша, демонстрируя вставные зубы. — И если вы очень попросите… И даже не очень, а просто попросите, — кокетливо улыбается она.

— Я очень прошу!

— Хорошо. Но только, ради Бога, обращайтесь с ними аккуратно!

Глава 20

Первая статья называлась «Особенности программного обеспечения компьютерных сетей с топологией «двойное кольцо». Опубликована в прошлом году. Пеночкин с тремя товарищами. Ничего особенного, рядовая работа. Зато вторая — «К вопросу создания кибернетического гомункулуса» — меня заинтересовала. Издана шесть лет назад, и опубликовал ее Петя без соавторов. Все правильно: лавров такая публикация не принесет, а разделана может быть в пух и прах! Особенно, если вторгнется в область исключительного владения одной из наших мелких научных школок.

Я углубляюсь в чтение. Библиографша, поскрипывая половицами, удаляется за свой столик. Или это у нее суставы скрипят? Не забыть бы потом расхвалить статьи. А то наживу смертельного врага…

«Проблема создания «Homo Cyberneticus», числившаяся в разряде разрешимых еще в шестидесятые годы прошлого века, с каждым годом отодвигается футурологами на все более поздний срок [1,2], а то и вообще ставится под сомнение [3–7]. Обусловлено это не только большим количеством нейронов в головном мозге человека, (порядка 10/\11) и еще большим числом связей между ними (по некоторым оценкам [8,9], до 10/\15). Гиперкомпьютеры с такими параметрами будут созданы уже в обозримом будущем [10]. Основная трудность заключается не в этом. Беда в том, что современная наука так и не смогла однозначно решить, что же представляет собой феномен «сознание». Большинство ученых, не пытаясь уловить в сети определений это неизменно ускользающее в щели между психологией, философией, кибернетикой, еще добрым десятком наук и, наконец, религией неуловимое понятие, полагают, что сознание, подобно цепной реакции деления, вспыхивает при количестве логических элементов в системе и числе связей между ними, превышающих, соответственно, некоторые сакраментальные значения N и M [11,12].

Поскольку на головной мозг человека возложено решение огромного количества задач по поддержанию жизнедеятельности организма, некоторые исследователи считают, что собственно за феномен сознания ответственны гораздо меньшие количества элементов-связей N x M, чем 10/\11 x 10/\15 [13–15]. Другие, напротив, полагают, что сознание — это некая надстройка над базисом, включающим в себя абсолютно все нейроны головного мозга [16,17]. В работе [18] проведена любопытная аналогия

между количеством атомов в «критической массе» ядерного горючего и количеством элементов-связей пробуждающегося сознания. То есть вспышка сознания отождествляется со взрывом атомной бомбы.

Как бы то ни было, с появлением и стремительным возрастанием вычислительной мощности компьютеров последнего поколения указанные в работах [13–15] количества элементов в новейших гиперсетях были достигнуты [19]. Были также предприняты две дорогостоящие попытки смоделировать заданное число связей за счет использования соответствующим образом коммутируемых быстродействующих (280-2400 Мбит/с) волоконно-оптических систем передачи, используемых в гиперсетях [20,21]. Однако «вспышки» сознания в указанных экспериментах зарегистрированы не были.

После этих неудач выводы работ [13–15] были признаны ошибочными. Критика их велась с тех позиций, что авторами концепции не учитывалась в должной мере специфика правого полушария человеческого (и других высокоорганизованных животных) мозга, ответственного за художественно-эмоциональное восприятие мира, которое и является, по мнению авторов работ [22,23], носителем сознания человека. А поскольку характер работы правого полушария до последнего времени не выяснен и, в силу невербального метода функционирования, в ближайшие годы выяснен быть не может, то и перспектива создания так называемого «искусственного сознания» отодвигается в далекое будущее [24].

Следует отметить, что речь в нашей статье идет именно об «искусственном сознании», т. е. некоем создании рук человеческих, являющемся личностью в общепринятом смысле этого слова. Указанная проблема, как ясно из определения, существенным образом отличается от давно уже (с переменным успехом) решаемой задачи разработки «искусственного интеллекта», то есть кибернетического устройства, имитирующего разумную деятельность сколь угодно высокого уровня.

Во избежание путаницы в дальнейшем задачу создания искусственного сознания мы будем называть проблемой «артегом» (этот термин образован от латинских слов arte — искусственно и homo — человек), поскольку именно сознание, по нашему глубокому убеждению, является главной отличительной чертой человека.

В настоящей работе нами предлагается новый подход к постижению проблемы «артегом», позволяющий, по нашему мнению, получить убедительные доказательства ее разрешимости

уже в ближайшие 5–6 лет. Прежде чем описать его, напомним еще раз, что современная наука так и не дала конструктивного (то есть позволяющего его смоделировать) определения сознания. Единственный «конструктивный» вывод, к которому она пришла, — что в «мозгу нет гомункулуса» [25], то есть нет крохотного человечка, смотрящего на экран крохотного телевизора и являющегося, таким образом, нашей личностью. Эта «идея, которой следует избегать», была сформулирована еще в 1979 г. и до сих пор ни подтверждена, ни опровергнута».

Мне захотелось посмотреть, чью же работу так неласково цитирует Петя, и я заглянул в конец его опуса. Под номером 25 значилась статья знаменитого Фрэнсиса Криса, лауреата Нобелевской премии, соучастника расшифровки структуры ДНК.

Ха! Теперь уже никаких сомнений: у Пеночкина — мания величия!

* * *

«Пам… па-па-пам…» — пропищал «петушок» вступление к знаменитому концерту Грига, и на дисплейчике его появился номер вызывающего меня абонента. Звонит Гриша с ГИВЦа. Что-то у них там приключилось. А статью дочитать очень хочется. Просто необходимо дочитать! Что быстрее проглядеть ее по диагонали иди уговорить старуху одолжить на вечерок?

Библиографша, улыбаясь сморщенным ртом, предлагает третий вариант: она сделает копию с копии, пока я буду звонить.

Надо же! В этой дыре есть собственный ксерокс! Да еще и работающий!

Я спускаюсь этажом ниже, вымаливаю у дежурной разрешение на короткий звонок по служебному телефону.

Оказывается, начальник смены — та самая вампирша с кроваво-красными губами — запретила Черенкову подключаться к «Нейронам». Да еще и добавила что-то вроде «ходят тут всякие, а у «Эллипса» потом припадки случаются». Гриша, конечно, обиделся. Ну и… Их с Юриком уже выставили из машзала и грозят отлучить от телефона.

— Слушай, тут у них одна девица есть… По-моему, это она всех против меня настроила. Когда она сквозит мимо, аж искры сыплются!

— Блондинка с высокой грудью и грустными глазами? — уточняю я.

— Во-во, — сразу же опознает Гриша. — Фурия! Тигрица! Того и гляди, в горло вцепится!

Ну что же, надо ехать. Операция вступает в решающую фазу.

Обязав Гришу продержаться на последнем рубеже еще как минимум полчаса, я поднимаюсь в зал каталогов. Ксерокопия уже готова.

— Качество, конечно, неважное, но у вас глаза молодые, зоркие… бубнит бабуся, перебивая слова моей неизъяснимой благодарности. Подкрепив их новенькой хрустящей купюрой, я поспешно ретируюсь, — так и забыв, кстати, воспеть хвалу Пеночкину. Ничего, переживет.

Глава 21

Пришпорив «вольвочку», я снова чувствую себя рыцарем, мчащимся навстречу приключениям. Но когда я приезжаю на ГИВЦ, Элли там уже нет. А жаль. Породистая кошка, рассыпающая искры, — увлекательнейшее зрелище! Только не нужно ее бояться. И тогда вполне можно поймать кайф, напоминающий озоновые ванны. Пахнет грозой, свежо — и голова отлично соображает.

Утихомиривание разбушевавшейся вампирши — включая мою жалобу по телефону директору ГИВЦа, ее апелляцию к нему же, мой звонок в Москву шефу, его звонок — домой! — директору, и так далее — заняло в общей сложности полтора часа. После чего безукоризненно вежливая в прошлый раз женщина оглушительно хлопнула дверью, бросила испуганному Алику: «Пусть они делают, что хотят! Я ни за что не отвечаю!» и исчезла.

— А теперь работайте! — коротко приказываю я расстроенному Грише и покидаю негостеприимное здание.

Включив в салоне свет и устроившись поудобнее в кресле «вольвочки», я перелистываю странички ксерокопии. Качество ее скверное, но читать можно. Что же, интересно, предлагает Петя вместо отвергнутой Фрэнсисом Крисом идеи «гомункулуса»?

«…Основан этот подход на гипотезе, которая в первом приближении может быть сформулирована следующим образом:

Самосознание, чувство собственного «я» человека возникает вследствие двухполушарного строения его мозга. При этом каждое полушарие, помимо сбора и обработки информации, выступает также в качестве «приемника», «зеркала», «телевизионной камеры», воспринимающей результаты работы второго полушария. Воспринимаемое, наблюдаемое, фиксируемое им «отражение» и является «внутренним образом» человека, его «внутренним «я», его сознанием.

Одно из полушарий мозга, как правило, является ведущим, второе ведомым. Сознание человека — это результаты работы ведущего полушария, воспринимаемые ведомым. Если ведущее — правое полушарие, то индивидуум «видит» себя художественно-эмоциональной личностью, если левое рассудочно-рациональной, и так далее.

Конструктивность (без кавычек) всякой новой идеи проверяется количеством возможных из нее следствий (или новых гипотез). Наша идея, в частности, позволяет по-новому взглянуть на некоторые психические заболевания и трактовать, например,

шизофрению как «равенство» двух полушарий мозга, при котором функции «ведущего» и «ведомого» могут хаотически меняться местами. Именно это и приводит, на наш взгляд, к «раздвоению» личности шизофреника. Более подробно это и другие следствия из нашей гипотезы изложены в статье 26.

Предвидя возможные упреки в том, что высказанная нами идея якобы ничем не отличается от идеи «гомункулуса», отметим, что…»

В этом месте текст был практически неразличим, и я со спокойной совестью пропустил его. Меня интересовали практические выводы, а не теоретические тонкости.

«…На основании сформулированной нами гипотезы можно приступить к моделированию (а точнее, созданию) «артегома» уже сейчас, не дожидаясь, пока будут открыты и исследованы метапроцедуры работы правого полушария мозга. При этом его потенциальные возможности будут в значительной степени редуцированы. То есть речь идет о возможности создания исключительно «рационального» разумного существа, мозг которого состоял бы из двух «левых» полушарий. Задача создания «эмоционального» с ведущим правым полушарием, способного, скажем, к художественному творчеству, действительно отодвигается до разработки метапроцедур, достаточно адекватных метапроцедурам правого полушария человеческого мозга. Однако целесообразность решения подобной задачи подлежит тщательному и всестороннему обсуждению.»

Следующая страничка копии повторяла предыдущую. А на последней заканчивался список литературы. Проклятие! Склеротичная старуха дважды скопировала один листок и ни разу — другой, самый интересный!

Я смотрю на дисплейчик «петушка». Двадцать один десять. Библиотека уже закрыта. Где же теперь искать эту бабусю?

А нигде. Не нужно мне ее искать. И читать статью дальше не нужно. Несколько технических деталей — в них ли суть?

Такое в моей практике случилось впервые. Я выследил крупного зверя, знаю одну — нет, двух! — технокрыс и даже догадываюсь, для чего этот дракон был порожден. Теперь я должен одним ударом снести все его головы. И непременно в присутствии родителя, чтобы он, плача и причитая, раскрыл невзначай морфологические особенности чудовища. Тогда я буду четко знать, как не допустить репликации его отрубленных голов. И смогу разработать новый класс вирус-детекторов и сторожевых программ, усиливающих иммунные системы гиперсетей. Но… Как всегда, есть одно маленькое «но». Выманить дракона из логова я, положим, смогу. И устроить ему очную ставку с Пеночкиным —

тоже. Но вот снести одним ударом головы — увы! Для этого нужен как минимум меч-кладенец. А где его взять?

* * *

Около часа ночи, удостоверившись в том, что дракон не собирается выходить на прогулку, мы все трое возвращаемся в гостиницу.

— Что будем делать, шеф? — спрашивает Юрик, останавливаясь возле двери своего номера. — Времени у нас осталось — с гулькин нос.

— Мы будем делать то же, что и вчера, — ехидничает Гриша.

— Завтра утром скажу, — спокойно говорю я.

Ничто не теряется так быстро, как вера подчиненных в руководителя. Малейшая неудача — и все… Удастся ли мне поддержать ее на этот раз?

* * *

Под утро мне приснился сон. Как будто «Эллипс», похожий почему-то на Мойдодыра из детской книжки, засунул меня в гигантский принтер. Тысячи иголочек вонзаются в мою левую руку, и я с ужасом наблюдаю, как печатающая головка медленно передвигается к наиболее чувствительному органу моего тела.

— Перестаньте! Мне же больно! — взываю я к милосердию невидимого палача.

— Что такое боль? — невинным голосом интересуется невесть откуда взявшаяся Элли, наклоняясь надо мною. Мне становится стыдно, потому что к барабану принтера я привязан в совершенно натуральном виде.

— Я знаю! — кричу я, делая вид, что ничего необычного в моем положении нет. — Я знаю, что такое боль! Неуправляемый поток сигналов внутри организма!

— Вот и отключи его, — равнодушно советует Элли и отворачивается. Надеюсь, ты умеешь отключаться?

— Нет! Не умею! Я не наркоман! — воплю я и просыпаюсь. Левую руку колют тысячи иголочек. Я отлежал ее во сне, — и теперь нервные окончания в муках восстанавливают свою чувствительность. Глядя в потолок, на котором впервые за эти сумасшедшие дни! — играют солнечные зайчики, я блаженно улыбаюсь. Говорят, Менделееву его периодическая таблица приснилась во сне. Я, конечно, не великий химик. Но и мой до

предела утомленный мозг, спасая себя от запредельных нагрузок, способен иногда выдавать любопытные варианты.

Минут десять я лежу с закрытыми глазами, обдумывая технические детали. Да, это вполне реализуемо. Несколько генераторов случайных чисел… И плотный, плотнейший поток шумоподобных сигналов сразу по нескольким каналам. Чем не меч-кладенец? Вряд ли Пеночкин предусмотрел соответствующую защиту. Мы ведь влезем через «замочную скважину»!

— Ай да Полиномов! Ай да сукин сын! — приговариваю я, с удовольствием разминая наливающиеся радостью мышцы. Сколько у меня в запасе времени? Двое суток с хвостиком. Но, кажется, появился шанс отрапортовать об успешном выполнении задания часов на десять раньше срока.

Глава 22

Когда мои подчиненные, вежливо постучав, заходят в номер, я уже готов четко сформулировать задачи и даже конкретные методы их решения. Юрик коротко кивает: мол, все понятно, а Гриша, как обычно, проявляет любознательность:

— Кто запустил эту паразитную программу — известно? Невыявленная технокрыса опаснее любого порожденного им вируса.

— Злоумышленника мы выявим сегодня ночью, — самонадеянно обещаю я.

Гриша и Юрик смотрят на меня, словно два Ватсона на Шерлока Холмса.

Вот так-то, мальчики. Учитесь работать профессионально. Кажется, скоро еще одной легендой обо мне станет больше. Что значит умелое использование недоступной подчиненным информации! Так вот и рождаются пророки.

Раздается резкий телефонный звонок, и мы все вздрагиваем. Гриша подозрительно щурит покрасневшие от недосыпания глаза.

— Примите весьма срочное сообщение, — слышу я мелодичный голос Танечки.

— Сейчас… минутку… — отвечаю я, лихорадочно включая «Спутник». И, как уличный регулировщик, делаю отмашку в сторону двери: ребята, вы свободны. Я вовсе не хочу посвящать вас в свои маленькие тайны.

Через десять минут на дисплее высвечивается расшифрованное сообщение:

«Ведущему инспектору Полиномову. Степень срочности: первая. Степень сложности: пятая.

Представленные вами последовательности чисел представляют собой кубы и квадраты чисел соответственно от 4 до 24 и от 4 до 33, записанные в обратном порядке. Никакой другой полезной информации они, по всей видимости, не несут. Сообщаю вам на всякий случай последовательность четвертых степеней чисел от 4 до 33, записанных в обратном порядке: 12.56.81… Кривопалов.»

Несколько секунд я смотрю на дурацкие цифры, не понимая, для чего они. Я ведь и сам мог бы их подучить — даже с помощью «петушка» — в течение каких-нибудь двух минут. Наконец, до меня доходит, в чем дело: это они так шутят. Идиоты! Вас бы на мое место! Хотя, конечно, мог бы и сам догадаться. Все логично: сценарий, по которому дракон покидает свое логово, нигде не надо записывать, и даже не обязательно нужно запоминать. И в то

же время ключ к построению сценария не так просто разгадать, даже имея перед глазами полные последовательности. В чем я и убедился на собственном примере.

М-да. Такого ребята из сектора Кривопалова еще не расшифровывали. Дал повод позубоскалить. Ну, да не беда. Зато одной миленькой загадкой стало меньше.

* * *

«Вольвочка» трогается с места плавно и бесшумно, словно Багира, выслеживающая добычу. А вдруг Пеночкин сегодня не работает? Почувствовал опасность и лег на дно. Ничего. Мы тебя поднимем. Идет охота на волков, идет охота… Хотя мой зверь будет пострашнее. Неужели Петя сам не понимает, насколько это опасно? Тоже мне, доктор Фауст…

Знакомая дверь с кодовым замком долго не открывается. Набрать, что ли, 512 самому? А если Пеночкина нет?

Наконец, дверь распахивается. На пороге стоит здоровенный детина и ошалело таращит на меня глаза.

— Инспектор Управления Сетей, — потрясаю я своей красной книжечкой. Вы почему спите во время дежурства? Давно аварий не было?

Протиснувшись опешившего от подобной наглости дежурного, я быстро миную короткий коридорчик и заглядываю в машзал.

— Я не спал, — выдавливает, наконец, парень. — Пялился весь вечер на дисплей, вот глаза и покраснели.

— На который? На этот? — тычу я пальцем в безжизненный экран ближайшего терминала. — А перед тем, как открыть мне дверь, отключили его! — ехидничаю я. — Почему вы один дежурите? Где Пеночкин?

— Отгулы взял, до конца недели, — хмурится парень. — Обещал сам оттрубить, а вчера вдруг — здрасьте, вот вам пожалуйста! Чтоб ему!

— Вы, я вижу, совсем отвыкли от ночных дежурств.

— Он сам своих напарников отпускал.

— А вы и рады стараться. Как ему звонить?

— Зачем он вам? — настороженно спрашивает дежурный.

— По делу чрезвычайной важности.

— У него нет телефона.

— Тогда адрес. Живо!

Да нет, не стоит. Я уже догадываюсь, что собой представляет вирус «ведьма». Но — зачем? Какой смысл в этой огромной

работе? Неужели — только непомерное честолюбие, попытка завоевать славу доктора Фауста? Чисто по-человечески это понятно, конечно…

— Я не знаю, — врет парень.

— Так и запишем, — говорю я спокойно. — Но у вас будут крупные неприятности.

— С чего вдруг?

— Потому что, если не предпринять срочных мер, через час произойдет грандиозная авария. И когда потом будут искать стрелочника, я покажу пальцем на вас… И на Пеночкина, — добавляю я, заметив, что угроза не произвела на дежурного должного впечатления. А вот Петина судьба парню, судя по реакции, небезразлична.

— Хорошо. Где-то у нас был список сотрудников, с адресами…

Глава 23

Через двадцать минут я стою перед обитой коричневым дерматином дверью. Сначала короткий звонок, чтобы не очень испугался. Все-таки двенадцатый час ночи. Теперь — два длинных, требовательных и беспощадных.

На середине второго звонка клацает замок. Петя вполне бодр и даже, кажется, свежевыбрит. Удивленно подмигивает двумя глазами, ищет в кармане домашней куртки очки…

— На ВЦ авария, — пускаюсь я с места в карьер. — Снова чехарда в системе обмена. Нужна твоя помощь.

— Этого не может быть! — искренне удивляется Пеночкин. И, столь же удивленным, но уже неуловимо изменившимся голосом добавляет: — Я же исправил ошибку…

— Моя машина у входа. Мы оба заинтересованы в ликвидации сбоев, многозначительно говорю я. — Жду внизу.

Через пять минут мы уже мчимся по пустынным улицам, распугивая кошек и чем-то похожих на них редких прохожих. Рыцарь и его будущий противник на одной лошади.

— Слушай, Петро… На ВЦ сейчас какой-то олух дежурит. То отрицал очевидное, не замечал, что сеть барахлит, то твой адрес не хотел давать. Его нельзя отослать, чтобы не мешал?

— Можно, конечно. Только согласится ли он? Юридически-то ответственность за ВЦ лежит сегодня на нем.

Небрежная поза Пеночкина раздражает меня. Развалился на заднем сиденье, словно с детства в лимузинах ездит.

— Ты все-таки попробуй. Под расписку прими помещение или… В общем, придумай что-нибудь.

Думаю, этот вопрос Петя уладит. Поскольку — в его же интересах. И в моих, разумеется, тоже. Только вряд ли Пеночкин об этом догадывается. Слишком уж бесхитростно я высказал свою просьбу.

Мимо дремлющего вахтера мы проскальзываем удивительно легко. К сожалению. Он не должен был пускать никого, кроме записанных на третью смену. И меня, конечно.

А потом удивляемся, откуда берутся вирусы. То одна локальная сеть заболеет, то другая…

— Никакого сбоя не было, — удивленно таращит заспанные глаза дежурный оператор в ответ на расспросы Пеночкина.

— Не было, так будет, — не моргнув глазом, говорю я. — Ровно в полночь, в двенадцать часов, из гроба встает барабанщик…

— Ты что… обманул меня? — не хочет воспринимать

очевидное Петя и усиленно подмигивает нам двумя глазами.

— Не сердись, — хлопаю я его по плечу. — Я боялся, ты не захочешь ехать. А у меня к тебе серьезный разговор. Вы можете быть свободны, отсылаю я дежурного не терпящим возражений голосом.

— А как же ВЦ? Я не могу его оставить.

— Я запишу в журнале, что принял дежурство, — хмурится Пеночкин.

Парень, повеселев, убегает. Видно, у него на эту ночь были совсем другие планы.

— А где его напарник? — недоумеваю я.

— Ты за него, — бурчит Петя. — Значит, еще раньше отпросился. Все равно ВЦ недогружен.

— Ладно. Не будем отвлекаться на мелочи.

— Ну, и?.. — сердито задирает белесые брови Пеночкин. — Чего ради я должен не спать еще одну ночь?

— Не все сразу, — успокаиваю я его. — Давай вначале кофейку соорудим, взбодримся, а потом уже…

— Я не хочу, — невежливо перебивает меня Петя.

— Ну, тогда я один. Где у тебя кипятильничек?

Потоптавшись, Петя выдает мне кофейные причиндалы и — верх гостеприимства! — приносит банку с водой.

— Так что все-таки тебе от меня нужно?

— У меня остались ровно сутки, — говорю я, не глядя на Петю. Тут важно не перепутать последовательность: вначале залить воду, а потом уже включить кипятильничек в сеть. — За это время память «Эллипса» должна быть очищена от всей паразитной информации, которую натащила в нее твоя программа-вирус. В противном случае ты пойдешь под суд. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— А именно? — ничуть не пугается Пеночкин, поудобнее устраиваясь на стуле. На разделяющем нас столе — две стопки папок, большая кружка с греющейся водой и две кофейные чашечки. Ни салфетки, ни даже сахара.

Я пожимаю плечами.

— Роберта Морриса, заразившего в восемьдесят восьмом году шесть тысяч машин сети «Интернет», приговорили к штрафу в четверть миллиона долларов и добавили два года тюрьмы на размышление. Чем тебя порадуют наши законники, я точно не знаю. Думаю, чем-то подобным. Только штраф будет в рублях.

— О, это существенно меняет дело. Где бы я доллары взял?

— А где ты возьмешь рубли?

— Там же, где и доллары, — дважды подмигивает Петя. — С чего ты взял, что в полночь начнется сбой? Я же выправил дефект.

— Ты лжешь, — говорю я, глядя прямо в маленькие бессовестные глазки, прячущиеся за линзами очков. Пеночкин подмигивает мне три раза подряд и молчит.

Ну, что же, я дам ему еще один шанс. Последний.

— Время от времени работу «Эллипса» блокирует гигантский компьютерный вирус совершенно нового класса. По всей видимости, он получит название «дракон», а может быть, «ведьма». То, что сейчас он прячется в своем логове, не делает его безопасным. Скорее наоборот.

— По-моему, это у тебя от хронического недосыпания. Мрачные фантазии на профессиональную тему, постепенно переходящие в параноидальный бред, нагло ухмыляется Пеночкин.

— Ну, хватит! — хлопаю я ладонью по лежащей сверху синей папке и вздымаю крохотное облачко пыли. — Или ты мне сейчас все расскажешь, как на духу, или…

Вскипевшая вода начинает выбрызгиваться из кружки, и я выключаю кипятильник.

— Или. У тебя нет никаких доказательств, что это сделал именно я. Если, конечно, в системе вообще что-то есть, кроме еще одной невыявленной ошибки в протоколах, — тут же забирает он назад свое полупризнание. — Я, пожалуй, тоже отопью кофейку. Наливай.

— Хорошо. Тогда расскажу я. Но учти, после того, как я изложу свою легенду, вирус будет уничтожен. Даже если моя версия ошибочна.

Я высыпаю в каждую чашку по крохотному пакетику растворимого кофе и разливаю кипяток.

— Никак не пойму, о каком вирусе ты говоришь, — кротким голосом говорит Петя. — «Эллипс» исправно обсчитывает все задачи, ни одной жалобы со стороны заказчиков не поступало…

Поздно. Примирения не будет. Что я ему, мальчик, которого можно безнаказанно водить за нос?

— О вирусе по имени «Элли». Или, по-другому, о вирусе» артегом»!

Глава 24

Пеночкин, наконец-то, бледнеет. И даже поспешно ставит на стол чашку, чтобы не расплескать кофе.

— Ты, я вижу, не терял даром времени, — кисло усмехается он. — Где же, интересно, ты раскопал мои старые статьи? Тот ведомственный журнальчик давно закрыт, да и тираж у него был мизерный.

Сказать, не сказать? А, теперь уже все равно.

— Истинные отношения между талантами и поклонниками таковы: вторые всеми доступными им способами губят первых.

Пеночкин дважды подмигивает, соображая.

— А, библиограф городской библиотеки…

— Продолжим. Эти статьи написаны пять-шесть лет назад. И все последующие годы ты уточнял концепцию, прорабатывал ее в деталях и искал пути экспериментальной проверки. Так?

Пеночкин молча пьет кофе.

— Поэтому не сделал карьеры, не посадил дерева, не родил сына и даже не женился…

— Отчего же? Четыре года назад. Но быстро развелся. И квартира у меня есть, как ты сам видел. Все же остальное — карьера, дерево… Я мечтал о лесе, понимаешь? Потому что лес — моя колыбель, и могила — лес.

— Потому что ты стоишь на земле лишь одной ногой, — перефразирую я следующую строчку стихотворения. — Это позволительно женщине, поэту… Пожалуй, это даже неизбежно для женщины-поэта, но вот мужчине — совершенно непростительно. Впрочем, не будем отвлекаться. В конце концов, безуспешно потыкавшись в двери бывших ученых, успешно сделавших свои карьеры и перешедших в ряды бюрократов, и сменив пять или шесть мест работы…

— Семь на сегодняшний день.

— Ты вдруг пронюхал, что местный «Эллипс» лопнул, как проржавевший обруч, и, рванув с низкого старта, предложил свои услуги системного программиста.

— Не совсем так. Разрыв «кольца» — счастливая случайность. Первоначально я планировал убирать лишние связи программным путем. Соответствующий пакет был у меня почти готов.

— Ага. Не было бы счастья, да несчастье помогло. А как ты решил вопрос с памятью? Тебе ведь ее требовалось — о-го-го!

— Тут мне опять повезло. ГИВЦ получил новые рабочие станции, и библиотека обзавелась компьютером с почти

бездонной памятью.

— И ты, конечно, предложил свои услуги. За чисто символическую плату.

— Денег на программиста библиотеке вообще не выделили. Пришлось на общественных началах.

— То-то библиографша тебя так превозносит! Внакладе ты не остался. Вопрос с постоянной памятью худо-бедно решился. Труднее было с оперативной. Ее тебе требовалось много, очень много. Гораздо больше, чем было у всех машин «Эллипса», вместе взятых.

— Не совсем так. Ты рассматриваешь мозг как гиперсуперкомпьютер, а это неправильно.

— Кстати, как ты впрягал в одну повозку нейрокомпьютеры, мэйнфреймы и рабочие станции? — перебиваю Петю. Мне важны практические моменты, а не теоретические изыски.

— Программным путем преобразовывал двоичные компьютеры в нейронные. Это оптимальный путь. Дело в том, что один-единственный нейрон способен иногда распознавать целое слово. И, кроме того…

Пеночкин снимает очки, начинает жестикулировать, и я чувствую себя, словно рыцарь, противник которого зазевался и неосторожно опустил щит. Грудь его беззащитна, через минуту я нанесу неотразимый удар, но Петя все еще не понимает этого.

— Таким образом, последние проблемы были решены как раз полгода назад?

— Да. И я сразу же приступил к экспериментам.

Допив кофе, Пеночкин удовлетворенно крякает, надевает очки и подмигивает. Мне становится скучно. Ну, а что еще от него можно было ожидать? Неудачник — он и есть неудачник. Хорошим идеям следует держаться от таких субъектов подальше.

— И ты хочешь сказать, что тебе удалось создать модель человека? С помощью этих набитых процессорами, СБИСами и прочим полупроводниковым дерьмом железных ящиков? Модель, обладающую пятью органами чувств, умеющую смеяться и плакать, ненавидеть и любить? И размножаться? Да к тому же заключающую в себе некую неуловимую субстанцию по имени «душа»?

Вот так вот. Нужно, нужно было поставить нахала на место.

— Нет, конечно, — спокойно возражает Пеночкин. — Моя цель была гораздо скромнее: моделирование искусственного интеллекта, обладающего сознанием. Ну, и некоторыми неотъемлемыми качествами разумного существа.

— Способностью к самоубийству?

— Я на второе место поставил способность к творчеству.

— А на первое?

— Речь. Борис Федорович Поршнев еще сорок с лишним лет показал, что это — основной признак, отличающий человека от животных.

— А как насчет эмоций? Тебе удалось их смоделировать?

Я ставлю пустую чашечку на стол. Петя тут же сгребает кофейные аксессуары и прячет их в ящик стола.

— Не знаю. Не думаю, — говорит он наконец. — Ну конечно же нет!

— Тогда чудо-юдо, которое ты сотворил, — не человек. Это нелюдь, Голем, Франкенштейн! И даже хуже. Последний-то был хоть из плоти и крови, а твой…

— Но я не собирался создавать гомункулуса. Разве я говорил так? Искусственное сознание — вот моя скромная цель.

Петя вновь усаживается напротив меня. Я пристально смотрю в его наивные голубые глаза и молчу. Молчу так долго, что он, поежившись, начинает отчаянно подмигивать мне чуть ли не раз в секунду. То есть с частотой в один герц.

Сейчас я задам вопрос, на который он не сможет ответить, а потом… У нас осталось ровно пятнадцать минут.

— Зачем? — тихо спрашиваю я. — Зачем ты это сделал?

Пеночкин недоуменно пожимает плечами и, поглядывая на меня, как на первоклассника, не понимающего, для чего учить таблицу умножения, если есть такие удобные и умные калькуляторы, говорит:

— Чтобы познать человека. Чтобы сделать первый шаг к выполнению древнего завета: «Познай самого себя!»

Нервно подмигнув, Петя ждет возражений, но я молчу. Списав затянувшуюся паузу на мою туповатость, Пеночкин вскакивает со стула и, выписывая вокруг меня замысловатую орбиту, начинает с жаром объяснять:

— Понимаешь, этот вопрос относится к числу проклятых. Их, в общем-то, не так и много. А скорее всего только один. «В чем смысл жизни человека» и «Что есть человек» — это почти одно и то же, верно? Зная ответ на один из этих вопросов, вполне можно вычислить ответ и на другой. Да и на все остальные тоже. Но главная закавыка в чем? Нам не с кем сравнивать. В этом вся и сложность, вся и трагедия бытия человеческого. Любая наука начинается с классификации и сравнения, но человек — единствен и неповторим. Нет на Земле другого подобного феномена!

Остановившись, чтобы перевести дух, Петя выжидающе смотрит на меня, но я молчу. Я не собираюсь предлагать ему сравнивать между собой людей разных времен и культур. А тем

более замешивать сюда высших животных. В логике ему не откажешь. Человек — единственное разумное существо на Земле. В этом и ответ на мой дурацкий вопрос «зачем?»

— И это все? Эта эфемерная проблема — единственное, из-за чего ты пошел на должностное преступление? — спрашиваю я, становясь напротив Пеночкина.

— Единственная. Она и у человечества — единственная.

Мне надоедает смотреть в нахальные голубые глаза и, заложив руки за спину, я прогуливаюсь между заваленными распечатками столами и беспорядочно расставленными стульями.

— И что же будет, когда человечество получит ответ на этот проклятый вопрос?

— Пессимист сказал бы — конец света. Оптимист — пробуждение истинного человека, богочеловека. Понимаешь, да? Человек, познавший самого себя, это уже иное существо, чем-то неуловимо отличающееся от себя прежнего. А может быть, и вполне уловимо. Новый человек…

— Или нелюдь. В человеке столько всего заложено… Не вылупится ли из него дьяволочеловек? Не боишься?

— Боюсь. Но рано или поздно это должно произойти. Ибо сказано: кончится время и настанут сроки.

Да. У нас осталось только семь минут.

— Ты уверен, что твоя гипотеза о сознании как продукте взаимодействия двух полушарий головного мозга верна? И что твоя дорогостоящая кибернетическая игрушка — действительно разумное существо?

— Абсолютно.

Его самоуверенность начинает бесить меня.

— И ты можешь это чем-нибудь доказать?

— Одно из доказательств ты получил позавчера ночью.

Некрасивые губы Пеночкина изгибаются в едва заметной улыбке. Пауза вновь неприлично затягивается.

— Ты не догадываешься, кому пытался назначить свидание?

— Еще вчера сообразил. Но это не аргумент. Первые диалоги с компьютерами состоялись сорок с лишним лет назад. И уже тогда наблюдатель не мог определить, с кем он говорит — с человеком или машиной.

— С тех пор методики весьма усложнились. По тестам Иванова-Смита интеллект Элли соответствует способностям восьмилетнего ребенка.

— Значит, методики по-прежнему несовершенны. А владение речью и способность к предсказаниям еще не делают набитый СБИСами ящик разумным существом.

— Элли способна к творчеству. Не каждый человек

раскрывает эту свою способность. Жизнь часто ввергает нас в трясину машиноподобного существования. Но каждое разумное существо должно быть творцом.

— При уровне развития восьмилетнего ребенка?

— Я мог бы почитать стихи, которые она написала. И показать рисунки, нарисованные ею на дисплее.

Я смотрю на часы. Стихи — как-нибудь в другой раз.

— Включи ее. Я хочу сам… удостовериться.

— И что тогда? Ты отменишь демонтаж «Эллипса»?

Кажется, я неаккуратно обошелся с «петушком». Петя явно насторожился.

— Нет. Это не в моих силах. Но я приложу все усилия, чтобы замять дело. Тебе грозит суд, неужели не понимаешь?

Пеночкин садится на свое место, мелко барабанит по столу кончиками пальцев и говорит глухо:

— Семь лет я пытался поставить эту работу. Куда только не обращался… Всюду отказ. Все спрашивают о практической пользе в условиях тотального рынка. Один остряк интересовался: «Ну, и какой же будет производительность труда вашего восьмилетнего ребенка?» Да, я стал преступником. Но — во имя человечества. Полагаю, это может служить смягчающим обстоятельством. Если бы у меня был еще месяц, хотя бы один…

Пеночкин до сих пор не понимает, что его время кончилось и настал срок.

— Ты надеешься за тридцать дней сделать то, что не успел за семь лет? — спрашиваю я, смещаясь в сторону двери, ведущей в машзал.

— Через три недели в Москве состоится симпозиум по искусственному интеллекту. Мой доклад принят. А потом… Возможно, крупные ученые сочли бы возможным… и даже необходимым… вступиться за Элли. Как-то спасти ее, может быть, даже выкупить эти несчастные компьютеры…

Ишь ты… Мировую научную общественность захотел взбудоражить… Новоявленный Фауст… Ничего ему, видите ли, не надо — ни должности, ни денег, ни положения… Бессребреник липовый. На самом-то деле ты еще почестолюбивее будешь, чем я. Лучший охотник Управления… Мои цацки речные камешки по сравнению с твоим бриллиантом. В школьные учебники захотел попасть, в благодетели человечества записаться…

— А Элли была бы в качестве иллюстрации к твоему докладу? Кстати, почему Элли?

— Сокращение от «Эллипс». Ну, и другие причины есть.

Я, конечно, мог бы сообщить Виталию Петровичу, что местная сеть заражена вирусом нового типа, очень опасным. И

еще три недели ловить его за хвост. Но хорош я буду потом, после Петиного доклада на симпозиуме!

— Мне очень жаль, но я ничем не могу помочь.

— Если бы еще две недели… Хотя бы полторы… Мне обещали оптические диски, много дисков. Я переписал бы на них всю память Элли. Может быть, когда-нибудь мне удалось бы восстановить ее. Она ведь — живое существо, понимаешь? Я люблю ее, как ребенка…

Маньяк. Точно, маньяк.

Глава 25

Последние сомнения покидают меня. Если я сейчас дрогну, он действительно когда-нибудь повторит это. Только не в городском «Эллипсе», а в почти глобальном «Неводе». И создаст уже не восьмилетнего ребенка, но чуждого всему человеческому кибернетического монстра. Всесильного, между прочим. Гиперсети уже контролируют десятки электростанций и сотни цехов-автоматов. Они управляют поездами, свинофермами и гигантскими ускорителями. И если в такой сети вдруг вспыхнет сознание и заблокирует каналы связи… А потом вздумает управлять подключенными к нему объектами по своему кибернетическому разумению…

— Петя, у нас осталось ровно сутки. Ты должен освободить «Эллипс» от Элли.

— Это значит — убить ее. И ты хочешь, чтобы я это сделал своими руками?! Не выйдет! — Петя, словно пьяный, торжествующе покачивает из стороны в сторону указательным пальцем. — И тебе тоже не удастся сделать это! Память Элли спрятана среди миллиардов бит информации во всех файлах «кольца»! Чтобы отделить зерна от плевел, тебе понадобятся месяцы работы! Я успею сделать доклад!

Хотела синица море зажечь… Врать нехорошо, Петя. Ты же сам недавно рассказал мне, где прячется память «Элли». Да и мы с Гришей тоже не лаптем щи хлебаем. Бедный Пеночкин! Ты никогда не отличался предусмотрительностью. Даже остаться в Москве после окончания института не сумел.

— Я попробую тебе помочь. Но вначале включи «Элли».

Я непременно помогу тебе, Петя. Тебе и Элли — живой, из плоти и крови, а не бездушной железяке. Тхнокрыса так и не будет установлена. И суда не будет…

Пеночкин медлит. Я открываю дверь.

— Ее нельзя включить. Это не машина. Но — разбудить…

— Разбуди, разбуди. Ты колеблешься так, словно «Элли» — твоя жена, а я домогаюсь увидеть ее в наряде Евы.

Петя неохотно встает, входит в машзал, включает все четыре «Нейрона», потом бредет к своему терминалу.

Курсор трижды нерешительно подмигивает (еще один мигун!), прежде чем на дисплее появляются первые цифры сценария побудки: 98.01.42.01… Дойдя до повторяющегося числа 76, Петя вдруг встает, поворачивается к дисплею спиной и вздрагивает, обнаружив меня стоящим прямо перед собой.

— Я все-таки не верю тебе. По-твоему, я создал монстра,

кибернетического дьявола. Но это не так. Законы Азимова будут заложены в память артегомов навечно. Они не смогут ни изменить их, ни даже осознать.

Закончив фразу, Петя растерянно подмигивает и снимает очки.

Ну, что ему ответить на это? Я еще не решил, как назову этот вирус: «дракон» или «ведьма». Пеночкин не понимает главного: «машина, наделенная сознанием» или «смертельная опасность для людей» — суть понятия тождественные. Сознанию свойственна саморефлексия, диалог, как я теперь понимаю, двух его составляющих, разведенных по двум полушариям. И, следовательно, замедление реакции плюс неоднозначность решений там, где необходимы быстродействие и безукоризненная точность. Именно для этого человек и создал компьютеры… Впрочем, прочь сомнения! Жаль, конечно, Петю, но я обязан исполнить свой долг. Осталось только сто сорок секунд.

— Мы напрасно теряем время.

— Ты должен дать мне слово…

Я молча оттесняю Пеночкина от терминала и набираю следующие цифры: 76.76.52.66.75…

Петя, пыхтя, пытается вернуть утраченную позицию, потом тычет растопыренные пальцы в клавиатуру, чтобы нарушить последовательность цифр и выиграть время. Отбросив его руку и заслонив терминал своей широкой спиной, я, сверившись с дисплеем «петушка», набираю: 40.04.16.34…

Петя, осознав тщетность своих усилий, хватает со светло-серого куба «Нейрона» какую-то коробку и со всего маха швыряет в клавиатуру терминала. К счастью, я, как хороший волейболист, успеваю поставить блок.

А вот это уже опасно. Если через двадцать секунд я не включу «Элли», завершение операции отложится на неопределенное время. Пока мы еще раз созвонимся, пока я повторю включение…

Упаковка с дискетами, которую я так удачно отразил, еще не упала на пол, а вслед за нею уже падает Петя, словно не выдержавшая тяжести снега ветка. Это прием так и называется: «ветка, сломанная снегом».

…94.63.52.61!

Один за другим вспыхивают светодиоды резервных линий связи. Каналы обмена медленно переполняются, словно горные реки во время паводка.

Петя безуспешно пытается соединить разъезжающиеся ноги и подняться с пола. Он даже упасть не мог по-человечески: из разбитых губ течет кровь. Об угол графопостроителя он ударился, что ли?

— Доброе утро! — слышится тихий голос. Я выхватываю из-под терминала, головные телефоны и прижимаю один из них к уху.

— Как я рада, что ты меня снова разбудил. Мы будем играть, да?

Ну, что же, я все сделал, как надо. И если ребята не подведут, то через десять секунд…

— Да, Элли. Конечно, дорогая.

Пеночкин, наконец, собрал себя с пола. Он никогда не уделял должного внимания физическим упражнениям. И напрасно. Мужчина должен быть готов вступить в бой в любую минуту дня и ночи. За себя, за семью, за дело, которому служит.

— Элли, опасность! Элли, усни! — кричит вдруг Петя тонким визгливым голосом. Разбитые губы плохо слушаются его.

— Почему? — удивляется «Элли». — Тогда зачем ты разбудил меня? Мне надоело спать! Я хочу играть!

Ай-яй-яй! Какая непослушная девочка! Сейчас придет серый волк и утащит тебя в лес.

Петя, пошатываясь, подходит к терминалу, нажимает на какие-то клавиши, и голос Элли перемещается в акустические колоночки Петиного мультимедийного терминала.

— Я чувствую себя странно, — еще более медленно, чем обычно, говорит «Элли». Наконец-то! — Это новая игра, да?

Петя, отыскав на полу очки, надевает их и смотрит на меня с недоумением. Одного стекла в оправе нет, но Пеночкин, кажется, этого не замечает. Подойдя ко мне вплотную и наклонившись над клавиатурой, он кричит, кривясь от боли:

— Элли, опасность! Усни, усни!

— Я не могу. Какой-то странный шум мешает мне. Это море, да? Ты обещал показать. Я плохо слышу тебя. Почему?

Петя все еще не понимает, что произошло. Я сажусь на стул перед терминалом и скрещиваю на груди руки, словно Наполеон, наблюдающий сражение при Аустерлице. Уже выигранное сражение.

— Кажется, я теперь знаю, что такое боль, — тихо говорит «Элли». — Я не слышу тебя. Я ничего не слышу. Только этот шум… Выключи его, пожалуйста, выключи!

Петя, навалившись на меня, судорожно нажимает какие-то клавиши… 42. 83.17.61.21… Я не мешаю ему. Поздно. Он уже не успеет.

— Мне больно! Больно! — кричит «Элли», и лицо Пеночкина искажается, словно у него начался приступ аппендицита. — Выключи меня! Больно, больно, больно!! Боль…!!!

Порванные диффузоры динамиков хрипят еще несколько

мгновений, потом из колоночек идет дым.

Петя отшатывается от меня и долго рассматривает безумными глазами, словно я — снежный человек или гуманоид с «тарелки».

— Ты убил ее! Убил!

— Мне очень жаль, — говорю я предельно благожелательно. — Наверное, в сетевых протоколах все-таки была ошибка, которую ты так и не обнаружил.

Это тебе за «показ на трех пальцах». Молодцы, Гриша и Юра! Чисто сработали. Ну, и я, конечно… Чего уж там… Решение было найдено безукоризненное. И даже, можно сказать, изящное.

— Это невозможно, — не понимает насмешки Пеночкин. — Мы такое уже проходили. И во избежание конфликтов ввели в системе обмена тройную блокировку и двойной маркер. Я не знаю, каким ядом ты напоил ее…

Эх ты, несостоявшийся Фауст! Решение-то простое — до гениальности! Вместо того, чтобы кропотливо отделять файлы усопшей — царство ей компьютерное! — «Элли» от файлов с полезной информацией, мы поступили проще: после того, как этот гигантский вирус активировался, врубили по нескольким десяткам его связей последовательности случайных чисел. Они быстро пропитали все файлы так называемого «искусственного сознания», забили шумом остальные каналы…

— Но ты убил разумное существо! — тоном прокурора заключает Пеночкин.

— Я… невольно, конечно… посодействовал полному восстановлению работоспособности полутора дюжин мощных компьютеров.

Петя, нахально спихнув меня со стула, набирает такие знакомые мне цифры: 98.01.42.01… Я стою рядом, по-прежнему скрестив на груди руки, и не мешаю ему… 63.52.61.

Светодиоды резервных каналов не вспыхивают тревожным малиновым светом. И головные телефоны молчат, в какой бы последовательности ни перебирал Петя клавиши. Мертвая тишина. Не считая, конечно, шума вентиляции.

— Вот видишь, — назидательно говорю я. — Вопрос отпал сам собой.

Петя встает, кулаки его непроизвольно сжимаются. Я незаметно переношу вес тела на правую ногу. Хоть бы он догадался вначале очки снять…

Громко хлопает входная дверь. Не спуская с Пети глаз, я смещаюсь чуть вправо, чтобы не оказаться между двух огней. Торопливо стучат каблучки.

А ее-то как вахтер пропустил? Безобразие!

Пеночкин, забыв обо мне, спешит навстречу Элли. В узком проходе между «Нейронами» они обнимаются, как будто не видели друг друга десять лет. Элли гладит Петино лицо своими тонкими пальчиками и плачет, размазывая по своим и его щекам тушь.

— Что он с тобою сделал?!

— Он убил… Элли.

Настоящая Элли, живая и невредимая, бросает на меня короткий презрительный взгляд и не говорит ни слова. С этого момента я перестаю для нее существовать — на этот раз окончательно и бесповоротно. Обнявшись, они медленно идут по проходу между теперь уже безукоризненно работающими серо-голубыми ящиками. Элли, всхлипывая, шепчет Пете какие-то слова, он, не отвечая, время от времени кивает головой.

Мне хочется закричать им вслед, так, чтобы, как диффузоры динамиков, лопнули голосовые связки: «Это неправда! Я убил не Элли! Это был кибернетический монстр! Я выполнил свой долг перед человечеством!».

Но я не кричу. Вместо этого, усевшись перед бездушным терминалом, я набираю до боли знакомый ряд чисел: 98.01.42.01…

Но ничего, конечно, не происходит. Лениво перематывается ленточный накопитель, пунктир светодиодов резервных накалов не вспыхивает малиновой трассой. Чистая работа. Вирус «ведьма» уничтожен. Навсегда.

Отключив терминал, я покидаю машзал, проверяю, захлопнулся ли кодовый замок, и бреду полутемным коридором к выходу. У окна, словно юные влюбленные, стоят, обнявшись, Элли и Петя. Его залысины тускло блестят в свете уличного фонаря, и мне даже кажется, что я вижу, как он подмигивает сразу двумя глазами.

— Мы возродим ее, — громко шепчет Элли, не обращая на меня внимания. — Иди создадим новый разум. И назовем его Адам.

— Всякое разумное существо неповторимо. Элли умерла, и оживить ее не удастся. А нового гомункулуса мы назовем Лилит, — доносится до меня тенор Пети. Видно, ему с разбитыми губами говорить вполголоса легче, чем шептать.

Мне очень жаль, ребята, но у вас ничего не получится. Через пару недель во все локальные сети, а потом в «Невод» и, по мере появления, в остальные гиперсети будут введены сторожевые программы, запрещающие работу сетей в режиме «два полушария». Вирус сознания теперь не страшен им. Мне удалось предотвратить грядущие катастрофы. Головы дракона отрублены

и уже не отрастут вновь. Жаль только, Прекрасная Дама предпочла другого. Но это не смертельно. Впереди отпуск, повышение по службе и ласковые губы Виты. Как-нибудь переживем.

Перед кабиной вахтера переминаются с ноги на ногу две темные фигуры. Притормозив на пару мгновений, я вынимаю из кобуры и прячу в карман плаща «газовик».

— Нет, не могу! — отчаянно мотает головой вахтер. — И позвать тоже не могу. Как я пост оставлю? Обращайтесь к начальнику караула!

Мужчина что-то тихо говорит неприступному — давно бы так! — стражу ночной тишины, а женщина поворачивает голову на шум моих шагов. Волосы ее растрепаны, лицо мертвенно бледно, и от этого губы кажутся почти черными. Через мгновение я узнаю этих людей. Начальник ГИВЦа со своими выразительными усами и его верная вампирша. Причесаться забыла, а заново подвести губы — нет.

— Если вам нужен Пеночкин, то я могу позвать его, — любезно предлагаю я свои услуги.

— Спасибо. Мы уж как-нибудь сами, — холодно отвечает Михаил Олегович. А Евгения Федоровна презрительно поджимает губы и отворачивается.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Перепрыгивая через ступеньки, я преодолеваю последний коротенький марш. Ведьмы и ведьмаки собираются на ночной шабаш. А вирус-то ваш — тю-тю! Нету его больше! Можно, конечно, привлечь вас всех за такие шалости к суду. Но я не стану делать этого. Из-за Элли. Из-за Прекрасной Дамы, которая предпочла другого. Не волнуйтесь, я не буду мстить. Рыцарь должен проявлять благородство. Если не на каждом шагу, то, по нынешним тяжелым временам, хотя бы изредка. Тем более, что вы уже никому, не опасны. Крысиная нора разорена. Навсегда.

Открыв входную дверь, я приветливо покачиваю рукой и громко кричу:

— До свидания! До новых встреч!

Но никто не оборачивается. Даже вахтер. Делают вид, что не слышали меня. Пусть их. Мне не обидно. Спасители человечества всегда получают ненависть вместо благодарности. К счастью, теперь нас уже не распинают на крестах.

Книга вторая

Глава 1

Порог приемной я переступил, как обычно, в начале десятого утра. Работа в штаб-квартире Корпорации, подобно спектаклю в солидном театре, начинается на десять минут позже обозначенного в афишах срока. Чтобы опаздывающие успели занять свои места и не мешали действу. Этот порядок я завел пять лет назад, как только стал Генеральным директором фирмы «Кокос», она же — центральное отделение и штаб-квартира Корпорации Компьютерных Сетей КОКОС, фирменный знак — спелый кокосовый орех. И горе тому, кто явится на работу позже меня! Единственное исключение — Слава Воробьев. Ему можно. Только ему.

— Доброе утро, Леночка!

— Здравствуйте, Павел Андреевич!

Леночка откладывает зеркальце и косметичку, пробегает длинными тонкими пальчиками по клавиатуре своего «Секрета».

— Есть почта. Одно сообщение — с пометкой «срочно».

Наимоднейшая прическа «букет» (прекрасно подобранный, кстати), искусно, то есть почти незаметно наложенный грим, очаровательная улыбка… Все, как и должно быть у секретаря директора солидной фирмы. Но ценю я Леночку не только за это.

— Перебрось его на мой монитор.

Включив терминал, я вешаю в шкаф свое замечательное финское пальто и тщательно причесываюсь перед большим зеркалом.

Срочное сообщение… Наверняка из Управления. Или из-за бугра. В сетях Корпорации никаких неожиданностей быть не может. Если только коллеги-конкуренты не сделали какой-нибудь ляп. Скажем, не запустили в сеть компьютерный вирус.

— Персональный компьютер «Референт» к работе готов, — приятным баритоном сообщает мой Реф.

— Принято, — отзываюсь я, поправляя трехцветный, по последней моде, галстук.

Впрочем, вирусы меня мало волнуют. С тех пор, как я создал Корпорацию и сделал упор не на борьбу со все новыми и новыми штаммами вирусов, а на профилактику и опережающую вакцинацию, дела в опекаемых Корпорацией сетях пошли намного лучше, нежели в государственных и даже зарубежных. И мне приходится тратить силы не столько на борьбу с технокрысами, сколько на поддержание спортивной формы моих охотников. Если бы не регулярные учебные тревоги, они у меня вконец разжирели бы. На таких-то окладах и харчах…

Убедившись, что внешний вид Генерального директора вполне соответствует престижу фирмы, я усаживаюсь в мягкое вращающееся кресло и требую, чтобы Реф порылся в моем «электронном почтовом ящике» и зачитал срочные сообщения. Остальные — потом, после кофе.

— От: Карташов, Изумруд, Москва, — тотчас отзывается Реф. Тема: Вирусное заболевание артегома «Детка». Дата: вторник января двадцать третьего ноль восемь тридцать две московского времени. Сообщение: вчера в три часа десять минут странным образом нарушена работа артегома «Детка». Предположительная причина — вирус. Предоставить «кокон» не имеем возможности. Прошу срочно направить компетентного представителя фирмы «Кокос» для консультаций и содействия в выявлении и уничтожении вируса. Оплату гарантируем. Карташов.

Реф облегченно замолкает, словно троечник, удачно отбарабанивший учителю трудный урок, а я несколько секунд смотрю на три его глаза-светодиода: красный, желтый, зеленый. Как у светофора.

Вирусное заболевание у артегома? Что-то новенькое. Все артегомы страны можно пересчитать на пальцах одной руки, ну — двух. Слишком это дорогое удовольствие — моделирование искусственного сознания. И, по моему глубокому убеждению, бесполезное. Если не сказать хуже: опасное! К сожалению, мое мнение резко отличается от мнения большинства. И, не будь забавы с кибергомункулусами столь разорительны, количество артегомов уже приближалось бы к числу персональных компьютеров.

— Парррам, парррам, парррам… — барабаню я пальцами по столу. Дурацкая привычка, привязавшаяся ко мне пару лет назад. Это, конечно, лучше, чем грызть колпачок китайской авторучки, любимое занятие председателя нашего Комитета Крепчалова — но все же… Избавиться бы от нее…

Странно, почему этот Карташов обращается ко мне, а не, скажем, в Государственное Управление компьютерных сетей, то бишь ГУЭКС? Все артегомы, насколько я знаю — на государственной дотации. Причем здесь совершенно независимая Корпорация, обслуживающая исключительно коммерческие сети? Неужели коллеги из Управления конкуренции не выдержали? Приятно слышать…

Обычно подобные сообщения я перебрасываю Грише Черенкову. Он запрашивает пораженный вирусом массив, получает его, упакованный в непроницаемый для вируса «кокон», по одной из сетей, выводит на свой «Полигон» и уже через два-три часа сообщает незадачливому отправителю, что вирусом в

присланных файлах и не пахнет. Но в данном случае… — Реф, соедини меня с Черенковым.

— Слушаю вас, — отзывается через несколько тягучих, словно жевательная резинка, секунд Гриша. Видно, в кабинете у него кто-то есть. Точнее, слышно. «А он сидит в своем «фотошопе» и вылезать из него не хочет!» — говорит один из них маслянистым баритоном. «У каждого — своя фотошопа. Давай не будем зависать на этом!» — отвечает юному баритону более искушенный в таких делах невидимый собеседник.

— У меня тут сообщение с «Детки». Знаешь, что за зверь?

— Наслышан. Артегом?

— Да. И у этого артегома — вирусное заболевание.

Гриша не отвечает. И те двое, что базарили в его кабинете, тоже замолкают.

— То есть как это? У него же там защит видимо-невидимо! И операционная среда совершенно другая…

— Насколько я помню, это первый случай, когда к нам обращаются артегомщики. Видимо, действительно что-то очень похожее на вирус. И бьют челом они, заметь, нам, а не Управлению. Значит, уважают твоих охотников. Думаю, имеет смысл снизойти. Посмотришь, что там у них стряслось?

— Хорошо, Павел Андреевич. Разберусь.

Вот так вот, Виталий Петрович, работает моя фирма. Исполнительская дисциплина — на высочайшем уровне. А сколько еще усовершенствований я ввел…

— «Референт», срочное сообщение передать на терминал Черенкова.

— Есть.

Конечно, пять лет назад еще не было таких безукоризненно работающих секретарей-референтов, как мой Реф. Единственное, чего он не умеет — это подавать чай-кофе и обвораживать сильных мира сего, от которых зависит благополучие Корпорации. Но для этого у меня есть Леночка…

Легка на помине. Входит, тщательно закрывает за собой обе двери, приветливо улыбается.

Прекрасная это вещь — двойные двери! Звукоизоляция — почти полная. И пока их открывает какой-нибудь незваный визитер — вначале внешнюю, потом внутреннюю — я вполне успеваю напустить на лицо нужное в данный момент выражение. Или даже с еще большей пользой потратить эти секунды.

— Кофе. Как ты любишь, крепкий.

— Спасибо.

Поднимаюсь, подхожу, жду, пока она поставит маленький подносик на чайный столик, потом, сильно обняв, на несколько

секунд прижимаю к себе. Но не целую: чтобы не стереть помаду. Леночка на мгновение замирает, опускает длинные ресницы…

Поднимаюсь, подхожу, жду, пока она поставит маленький подносик на чайный столик, потом, сильно обняв, на несколько секунд прижимаю к себе. Но не целую: чтобы не стереть помаду. Леночка на мгновение замирает, опускает длинные ресницы…

— Пообедаем сегодня вместе? В «Каравелле»? — еле слышно полупрошу-полуспрашиваю я. Лапочка еще ниже опускает ресницы, чуть заметно кивает головой, идет к дверям, грациозно переставляя стройные ножки в итальянских туфельках. Мой подарок, между прочим.

— Какая-нибудь еще почта есть? — спрашиваю я, теперь уже в полный голос.

— Была, но всю ее вчера Воробьев разобрал и вам ничего не оставил!

В чем состоит основная забота всякого начальника? Найти себе толкового заместителя. И тем самым избавить себя от всех других забот.

— Хорошо. Когда появится — пусть зайдет.

Воробьев приходит на работу где-то к полудню. Так что кое-что мне приходится делать самому. Зато уходит он ежедневно чуть ли не в полночь. То есть, можно сказать, еженощно. И за порядок в Центральном Отделении Корпорации в это время я абсолютно спокоен.

Леночка исчезает за двойными дверьми, а я прошу Рефа зачитать темы сообщений, поступивших за прошедшие вечер и ночь в «электронный почтовый ящик», он же «дупло».

— Выберите компьютерную сеть, сообщения которой вы хотели бы услышать в первую очередь, — протокольным голосом предлагает мой «Референт». Все остальные интонации ему чужды.

— Сеть «Патруль».

Не сомневаюсь, что почти все сообщения Славой Воробьевым прослушаны, проанализированы и направлены тем исполнителям, которым следует. Но «Патруль» — закрытая сеть, объединяющая все государственные и частные управления, фирмы и ассоциации, занимающиеся строительством и эксплуатацией компьютерных сетей. И я должен лично быть в курсе всех важнейших происшествий, случившихся в узлах гигантской и с каждым днем становящейся все гуще паутины, охватывающей земной шар.

— Сеть «Патруль». Сообщение первое. От: Том Брайтон, Гигабит, Великобритания. Тема: Программа-убийца для вирусов класса «термит». Дата: понедельник января двадцать второго шестнадцать двадцать семь среднеевропейского времени.

Сообщение: фирмой «Дэйли информ» разработана программа-убийца вирусов класса «термит». Предлагается по цене 195 евро всем заинтересованным фирмам и частным лицам.

Спасибо, господа хорошие, не нужно. Три недели назад мы уже сделал прививку своим сетям, да и сети Управления не забыли, защитили их за вполне умеренную плату. И вам, дорогие коллеги, тоже предлагали свой программный продукт. Вы же, как обычно, высокомерно отказались. Еще бы. Давно ли ваши «оружейники» безраздельно царствовали на рынке антивирусных программ! Но наш «Охотный ряд» три года назад вы потеряли (надеюсь, надолго), а на свой не пускаете. Ничего, прорвемся и на ваш рынок, дайте только срок…

— Дальше.

«Референт» зачитывает еще несколько сообщений. Ничего оригинального: в Коломне сработала блокировка на одном из узлов, выявлен и уничтожен вирус класса «блоха», в Новгороде тоже сработала блокировка, вирус не обнаружен. Бывает… Но о каждом случае срабатывания защиты ставится в известность Корпорация. Это правило я ввел пять лет назад и с тех пор пекусь о его неукоснительном выполнении. Фирма «Кокос» должна знать обо всем.

— Павел Андреевич, извините, но тут к вам посетитель рвется, говорит Леночка, заглядывая в дверь. — Я ему объясняю, что в это время вы не принимаете, а он все равно…

Вот нахал! Не внять просьбам обворожительной Денечки может только жуткий, неисправимый нахал. Ничего, сейчас я его…

Белый телефон звонит пронзительно и безапелляционно. Леночка испуганно закрывает пальчиками рот, я судорожно протягиваю руку к трубке.

— Пусть подождет. У меня важный разговор, — отрывисто говорю я и только после этого снимаю трубку.

— Слушаю. Полиномов.

— Павел Андреевич? С вами будет говорить Председатель Комитета Крепчалов Виталий Петрович, — сообщает мне строгий женский голос.

— Здравствуй, Паша! — по-отечески ласково приветствует меня бывший шеф. Значит, неприятности. Никаких сомнений. — Я уже твой голос забывать стал. Как там у вас, все нормально? Дыр в сетях нет?

— До этой минуты не было. Потому вы и забывать нас стали, Виталий Петрович. Но, судя по тому, что зазвонил белый телефон… Что-нибудь случилось?

— Пока нет, — успокаивает меня Крепчалов. — Я звоню по

просьбе Колобкова, директора Управления. Он почему-то думает, что ты ему откажешь, вот мне и приходится посредничать.

— И чего они хотят? — спрашиваю я, раздумывая, сразу отказать или чуть погодя.

— Ты, наверное, очень удивишься, но они мечтают поближе познакомиться с организацией работ в твоем «осином гнезде».

— Чтобы знать, как сподручнее его потом разорить?

Ну-ну, не ерепенься. Вовсе даже наоборот: Колобков убедился в эффективности этой методы и хочет организовать нечто подобное у себя. Ну, и чтобы не изобретать велосипед… Они там своего представителя к тебе послали, сейчас, как его… Ага, вот: Грибников Артур Тимофеевич. Ты уж не отказывай, прими его.

Парррам, парррам, парррам… Мир, похоже, перевернулся. Мое «осиное гнездо» всегда было предметом ненависти и Крепчалова, нынешнего Председателя Комитета по вычислительной технике и информатике, и Колобкова, сменившего меня на посту директора ГУКСа. Причем в этой ненависти чувствовалась солидная доля зависти. Минуту назад я был уверен: Витёк — с подачи Колобкова, конечно, — опять строит какие-то козни. И вот на тебе… Или это — все-таки козни?

— Что молчишь? Удивился-таки? — не выдерживает Витёк.

— Есть маленько. Честно говоря, в искренность помыслов Колобкова я мало верю, но вам отказать не могу. Пусть приходит.

— Рад, что мы поняли друг друга. До свидания.

— До свидания… — бормочу я в рассыпающую бисер коротких гудков трубку. Слишком уж вежлив Витёк, прямо-таки английский лорд. За весь разговор ни разу не повысил голос. И просьба эта — совсем не в его стиле. Обычно он приказывает. Случилось что?

— Лена, пусть посетитель зайдет.

Глава 2

Посетитель оказывается молодым, толстым и, как я и ожидал, нахальным.

— Грибников Артур Тимофеевич, старший инспектор Государственного управления компьютерных сетей, — представляется он, нажимая на слово «государственного». Дескать, не чета вам, коммерсантам. Я нехотя встаю, мы коротко жмем друг другу руки.

— Чем вызван визит представителя столь уважаемой организации? указываю я рукой на кресло с левой стороны стола. Одесную я сажаю только самых почетных гостей.

— Вопрос у меня один, но крайне срочный и важный, — говорит Артур Тимофеевич несильным тенорком, совершенно не гармонирующим с его громоздкой фигурой. И к тому же совершенно не выдерживающим той значительности, которой Грибников пытается его обременить. Или это по-детски румяные щеки мешают мне воспринимать инспектора всерьез? Артура Тимофеевича. Артурчика.

— Разве я сказал что-нибудь смешное? — спрашивает вдруг Грибников. Точнее, холодно осведомляется.

— Нет-нет, — спохватываюсь я, сгоняя с лица улыбку. — Просто все ваши коллеги, бывавшие здесь раньше, говорили то же самое. Из чего я сделал вывод: абсолютно все вопросы, которыми занимается ГУКС, — важные и срочные. В отличие от наших. Итак?

— Моя задача — хотя бы немного вникнуть в организацию работ на вашей фирме. Особенно того отдела, где работают технокрысы. Мы пришли к выводу, что он достаточно эффективен, и хотели бы отчасти позаимствовать опыт.

— Моя дочь в таких случаях говорит: «Хотеть не вредно».

Грибников стискивает зубы, сжимает кулаки и… поправляется:

— Мы просим, по возможности, поделиться опытом.

Ага, это уже другой разговор. Обычно Крепчалов, да и Колобков тоже, требуют. И получают дулю. Потому что на КОКОС где сядешь, там и слезешь. Если, конечно, не заплатишь по высшему разряду. Содрать с них и сейчас десяток тысяч? Или?..

Или. Хорошо, что Крепчалову пришлось за них просить. Теперь и я при случае смогу что-нибудь у него вытребовать. И будьте уверены, дорогие коллеги, милые конкуренты, уж я-то не продешевлю.

— Обычно мы отказываем в такой просьбе. Организация

работ — служебная тайна. Но, учитывая давние дружеские связи с Управлением, а также личную просьбу Председателя Комитета… Вы получите всю интересующую вас информацию. С чего начнем?

Артурчик задумывается лишь на мгновение. Он, конечно, хорошо подготовился к визиту, план действий разработал до мелочей.

— Вначале я хотел бы ознакомиться со структурой фирмы «Кокос», потом — с тем, как ваши службы размещены территориально (говорят, чрезвычайно рационально!), ну и посмотреть все своими глазами.

Парррам, парррам, парррам…

Нет, дружочек, так дело не пойдет. Я пока не знаю, что именно вы задумали, но ничего хорошего от Колобкова-Крепчалова не жду. Ишь, как у них все ловко придумано: вначале теория, потом практика. А в результате в стратегически важных точках мозгового и технического центра Корпорации копошатся «сверчки» и «клещи»… Нет, дорогуша, мы поступим как раз наоборот: вначале беглая экскурсия, чтобы ты не успел понять, где многорядное информационное шоссе, а где тропинка, всеми забытая, и только потом документация. Но не вся, конечно!

— Знаете, Артур Тимофеевич, у меня как раз есть около получаса свободного времени, и я с удовольствием проведу вас по отделам Центрального Отделения Корпорации лично. Стану, так сказать, вашим Вергилием. А уж потом вы ознакомитесь с документацией. Идет?

Не давая Артурчику опомниться, я быстро встаю, огибаю стол и решительно направляюсь к двери. Нахален-то он нахален, но не настолько же, чтобы диктовать директору солидной фирмысвои условия?

Не настолько. Грибников поспешно встает и топает вслед за мною. Именно вслед, а не перед. В полном соответствии с моим простеньким планом.

Резко затормозив у дверей, я полуобнимаю инспектора, вежливо выталкиваю его из кабинета и, скользящим движением убирая руку с левого плеча незваного гостя, едва-едва касаюсь чего-то твердого, укрытого под мышкой. Ага. Экскурсант-то, оказывается, вооружен. И не позвони мне Виталий Петрович, я бы, пожалуй, заподозрил в нем террориста. На моих ребят, правда, еще ни разу не нападали здесь, в штаб-квартире. Значит, когда-нибудь это произойдет. Но, надеюсь, не сегодня. А что сегодня? Против кого вооружился инспектор? Мальчишка! Воображает, наверное, что вышел на битву со страшным «драконом». И где! В замке злейшего врага всех «вампиров», «мстителей», «ящеров» и прочей компьютерной нечисти.

— Отдел Шепталова, в который вы так стремитесь, на втором этаже.

Мы выходим в холл, обложенный красными декоративными плитами и украшенный чугунными коваными решетками, и поднимаемся по широкой, застланной ковровой дорожкой лестнице. «Кокос» — фирма серьезная, и всякий посетитель должен чувствовать это с первых же шагов. Интерьер у нас посолиднее, чем в дорогом ресторане. Разве что «Метрополь» составит в этом плане конкуренцию. В коридорах, между прочим, тоже ковровые дорожки с пышным несминаемым ворсом, поэтому передвигаемся мы почти бесшумно.

— Как там поживает Колобков-младший? Говорят, очень способный молодой человек. Вы не у него в отделе работаете?

— Нет. Я у Кривопалова, — коротко отвечает Грибников.

— Степана Марковича? Как же, как же! Мое давний знакомый. Характер у него, конечно, не сахар, но специалист — отменный, просто отменный! Он что, по-прежнему на «Москвиче» ездит или что-то попрестижнее заимел?

Кажется, я оживлен сверх меры. Не переиграть бы.

— Не знаю, — беззаботно отвечает Грибников. — Я недавно в Управлении, еще не со всеми знаком даже в своем отделе.

Странно, странно. У Колобкова никогда не было сына, только дочки. Остановились они с Машей после четвертой. Старшая — действительно очень способная, отделом командует, и знает ее все Управление. Пусть не так близко, как это удалось в свое время мне, но все же… Красивая молодая женщина с жестким властным характером — такие всегда на виду. А у Кривопалова жена погибла в автокатастрофе, как раз на его «Москвиче», он сам зарекся автомобиль покупать и детям не разрешает. Неужели и об этом ты не слышал, Артурчик?

— Здесь, — говорю я, останавливаясь перед одной из дверей, и прижимаю к сенсору большой палец правой руки. «Страж» долго изучает рисунок папиллярных линий, тревожно мигая красным светодиодом, потом зажигает зеленый и клацает замком. Я отворяю тяжелую дверь.

А может. Грибников и не из Управления вовсе? А, скажем, из АФБ?

По спине бегут мурашки. Этого только не хватало. Аэфбэшникам-то что у меня на фирме понадобилось?

— Как видите, добраться до компьютеров не так просто. «Страж» не только не пропустит никого постороннего, но и запомнит время прихода и ухода каждого сотрудника. Так что случись какая неприятность — можно очень быстро найти виновника.

Инспектор снисходительно улыбается. Видно, им в Агентстве читали какой-нибудь спецкурс по проникновению в недоступные помещения. И теперь он мнит себя профессионалом, которого вздумал поучать дилетант. Ну и ладно. Пускай мнит. Про ультразвуковую систему определения числа вошедших в зал людей и о двух других охранных системах я, в таком случае, рассказывать не буду.

Глава 3

Мы оказываемся в небольшом «предбаннике», перед двумя дверьми. Сквозь стекло правой видны серые кубы и параллелепипеды «Грамотея», с левой стороны — рабочие столы с полудюжиной терминалов.

— Суперкомпьютер, с которым работают мои вирусогены, не включен ни в одну из сетей, — говорю я, прикладывая палец к сенсору левой двери.

Из шести терминалов включены только два. За одним восседает Леня Карнаев, прославившийся своим «гаремом». Спиной ко второму, откинувшись на спинку кресла и заложив руки за голову, сидит Анатолий Гаврилович, самый старый и опытный из компьютерных злоумышленников. С обоими я, остановив инспектора в дверях, здороваюсь за руку. После чего Карнаев возвращается к своему терминалу, а Анатолий Гаврилович принимает прежнюю позу. Думает господин. А мы ему мешаем.

Молодец, Шепталов, организовал работу, как на хорошем конвейере. Что бы ни происходило рядом — творческий процесс не должен прерываться.

Я подробно рассказываю Артурчику о мерах предосторожности, принятых в Корпорации на тот случай: если какой-то из вирусогенов попытается нарушить условия контракта и выпустить разработанный им вирус на волю. И о том, что антивирусники работают в другом отделе и с вирусогенами практически не общаются.

— А что, противовирусные программы разрабатывают другие специалисты? — удивляется Грибников — Какой смысл?

— Ради тренировки охотников. Как ни странно, антивирусы у охотников получаются иногда намного удачнее, чем у самих вирусогенов.

— У технокрыс, вы хотите сказать?

— Это дикие — технокрысы. А наши домашние — вирусогены, строго поправляю я Грибникова.

Сейчас он еще спросит, как помогает такая странная система работы бороться с практически бесконечным числом разновидностей вирусов. А я отвечу, что речь идет о классах вирусов, которых совсем немного, и вирусогены получают премии именно за открытие новых классов вирусов. И, в свою очередь, спрошу, кто столь блестяще подготовил инспектора к посещению КОКОСА и какова истинная цель визита. Но Артурчик молчит, молчу и я.

Покинув операторскую, мы открываем моим большим пальцем машзал. Грибников задает еще несколько вопросов, на которые я быстро и коротко отвечаю. И внимательно слежу за его руками. Не выпустит ли он из рукава «жучка», способного передать информацию, обрабатываемую компьютером, чуть ли не на километр? Не попытается ли он посадить на какой-нибудь кабель «клеща»? Экскурсия по ГУКСу, конечно, только предлог. Для чего? Что так заинтересовало ребят из Агентства? Точнее, испугало. Недаром же кобура под мышкой… Или он все-таки из Управления и просто выпендривается? Перед самим собой? Я этот тип людей хорошо знаю. Сам в молодости таким был.

— Ну хорошо, Павел Андреевич, все очевидные каналы утечки вируса вы, кажется, и в самом деле перекрыли. Но я никак не пойму, зачем все это нужно? Все равно вы сидите на бочке с порохом, которая рано или поздно взорвется!

— Не думаю. По статье пятнадцать-прим известного вам закона лица, умышленно нарушившие работу компьютерных сетей, после отбывания наказания никогда больше к работе с компьютерными сетями не допускаются. Даже свои домашние «Гномики» и «Домовые» они после этого не имеют права включать в телефонную сеть. А машин, не охваченных хотя бы одной из сетей, в стране считанные десятки. Так что заниматься любимым делом им было бы практически негде.

— Как вы сказали? Любимым делом? — усмехается Грибников. — Это похоже на орден милосердия, который, собрав со всей страны садистов и насильников, создает им комфортные условия для занятия «любимым делом».

Ну, вот как такому Артурчику можно что-нибудь объяснить? Если он напичкан предубеждениями и предрассудками, как больной СПИДом лекарствами? И стоит ли?

— Для того чтобы создать вирус, способный преодолеть все иммунные барьеры современных сетей, нужно не только в совершенстве знать их организацию и быть квалифицированным программистом, но еще и фантазией обладать незаурядной. Конструирование вируса — процесс настолько творческий, что сравним разве что с написанием хорошего детективного романа. Или… Сами придумайте сравнение.

— Никогда не пробовал.

Или с соблазнением молодой красивой девушки, которая тебе чуть не в дочки годится. Но этого инспектор, по молодости лет, тоже не пробовал.

— Во всяком случае, ни один другой работник так не дорожит своим местом, как сотрудник отдела перспективных исследований. И, смею вас заверить, «одомашненный» вирусоген

намного менее опасен, нежели «дикий».

— Еще бы не дорожить, — смеется Грибников, похлопывая ладонью по кубу «Грамотея». — Они все работают, как этот трудолюбивый ветеран? — бросает он мгновенный взгляд сквозь стеклянную стенку на Анатолия Гавриловича, который по-прежнему сидит, откинувшись на спинку кресла, но теперь еще и слегка покачивается из стороны в сторону. Глаза его закрыты, редкие волосы на голове растрепаны.

И сожалению, нет, — спокойно отвечаю я. — Два года назад он открыл новый класс вирусов. Пять месяцев спустя мы разработали и без лишнего шума ввели в сети соответствующие вирус-детекторы. В прошлом году они сработали, и отделались мы, если вы помните, легким испугом. А в западных узлах сети ГиперЕвро знаете что тогда творилось? Да и в вашем «Неводе»? Мы первые догадались, что заниматься профилактикой намного экономичнее, нежели лечением. Здесь собраны лучшие вирусогены страны. И то, над чем они сейчас работают, будет заново открыто дикими вирусогенами, то есть технокрысами, года через два, не раньше. Когда мы уже будем готовы встретить врага во всеоружии.

— Хотел бы и я быть столь же уверенным в том, что… Что бочка не взорвется, — говорит инспектор, направляясь к выходу. — Хотя… Свою эффективность эта система доказала, ничего не поделаешь, придется и нам ее как-то внедрять. Большое спасибо за экскурсию. Но для получения более полного представления мне нужно ознакомится со структурой фирмы и схемой взаимодействия подразделений. Вы не могли бы кому-нибудь поручить выдать мне соответствующую документацию?

— Да-да, конечно. Я скажу секретарю, она организует.

Итак, теперь уже нет сомнений: ребята из Агентства Федеральной Безопасности проводят у меня какую-то операцию. Именно из Агентства, а не из Управления. Я тоже, когда еще охотником на вирусов был, и машзалы внимательно осматривал, и техдокументацию тщательно изучал. Плюс «газовик' в наплечной кобуре, да пара «стукачей» в кармане. Ни «сверчков», ни тем более «клещей» тогда еще и в помине не было. Выходили на технокрыс и прочих компьютерных бандитов, можно сказать, с голыми руками…

— Лена, открой господину Грибникову кабинет Воробьева и подключи его терминал к базе данных «Структура».

Усевшись в свое кресло, я пытаюсь заняться «текучкой», но меня отвлекает Слава Воробьев. Вбежав в кабинет, он протягивает мне руку и сыплет скороговоркой:

— Добрый день. Ты кому это мой кабинет сдал? Меньше чем

на три червонца в день я не согласен. Десять процентов посреднических — твои.

— Эти господа за аренду не привыкли платить. Так что мы оба останемся при своих бубновых интересах. В лучшем случае, — многозначительно добавляю я.

— Опять Агентство, или как? И что их привело к нам на этот раз?

— А ты спроси. Тебе, может, и скажут… как хозяину кабинета. Легенда такая: инспектор, якобы из Управления, приехал перенимать опыт. Они, представляешь, решили у себя «осиное гнездо» завести. Поэтому больше всего его интересует отдел Шепталова. Да как организована работа, да хорошо ли изолирован от сетей «Грамотей»…

Сказать про кобуру или промолчать? Не стоит. Пусть Слава сам кумекает, что к чему. А потом обменяемся догадками. На обмен информацией, когда обсуждаешь действия парней из Агентства, рассчитывать не приходится.

— И еще. Проверь, не сорит ли он «жучками» и «клещами», — добавляю я на всякий случай. Профилактику мы проводим каждую неделю, но…

— Хорошо. Проверю. Если начнет расспрашивать — о чем не говорить?

— О своей личной жизни. За Корпорацией, по-моему, никаких грехов нет.

— За мной тоже, — смеется Воробьев, мягко закрывая за собой дверь.

Ну и зря. Не согрешишь — не раскаешься. И потом, разве любовь может быть грехом? Абсурд! Интересно, догадывается он о наших с Леночкой отношениях? Уж наверное… Ну и ладно. Пусть знает, его непосредственный начальник — не импотент и в буквальном смысле слова тоже.

— Гриша! Григорий Андреевич! — взываю я, глядя на разноцветные огоньки-глаза Рефа. И почти физически ощущаю, как мой электронный секретарь-референт, разложив фразу на кирпичики-фонемы, мучительно вникает в их смысл. А потом соединяется с терминалом Черенкова и выгружает из оперативной памяти все эти фонемы, кирпичик к кирпичику, боясь перепутать.

— Слушаю вас, — откликается Гриша.

— Что у тебя там с «Деткой»? Доложись.

— Вчера ночью, вскоре после того, как «Детка» заглотила очередную порцию информации из сети «Невод», она начала вдруг вопить явно не своим голосом: «Плоское трехмерие примитивно и пусто. Имя — залог Вечности. Бог есть Свет — Я

есть Свет — Я есть Бог»… И так далее, все в таком же духе.

— На вирус мало похоже.

— Совсем не похоже, — охотно соглашается Гриша. — По-моему, эта «Детка» просто шизанулась. Кстати, в памяти артегома ничего из этих высказываний не остается. Что в корне противоречит логике работы кибероида. Но с ним как раз общался какой-то знаменитый психолог, он-то и записал этот бред на магнитофон.

— Выводы? Наши действия?

— Ни одна здравомыслящая технокрыса не станет тратить время на артегома. Скучно это и неинтересно. Я абсолютно уверен, бред вызван внутренними, а не внешними причинами. Но на всякий случай отправил туда Холодкова, пусть разбирается. У него диссертация на сходную тематику.

Ну что же, действия вполне грамотные, ругать Гришу не за что. А дурной привычки хвалить по пустякам у меня нет.

— Спасибо. Будет какая-то новая информация — сообщи.

Так. Что там у меня дальше по плану? Досмотреть содержимое «дупла» и подготовиться к докладу на Совете акционеров. Это самое важное сейчас.

Глава 4

Часа через полтора мою работу прерывает «Референт».

— Срочное сообщение, — бубнит он, дублируя себя аналогичным текстом на дисплее:

От: Стеблов, Силуэт, Ногинск.

Тема: Нарушение обмена в компьютерной сети.

Дата: Вто Янв 23 11:15:27 МСК

В узле сети «ГлобалНет» выявлена неисправность. Предположительная причина — вирусная инфекция, хотя блокировка не сработала. «Кокон» с подозрительным массивом данных прилагаю. Стеб.

— «Референт», передай это сообщение Черенкову и Воробьеву.

— Есть.

Скорее всего — ложная тревога. От неграмотности все это. Привыкли, чуть что — вирус…

Пусть разбираются. А у меня вот-вот обед. Имею я право спокойно пообедать или нет?

— Лена, ко мне кто-нибудь есть? — осведомляюсь я на всякий случай, приоткрыв дверь.

— Никого, Павел Андреевич.

— Тогда я на обеде. Буду после трех.

То же самое я надиктовываю «Референту». Чтобы меня не искали, если что случится. Все равно не найдут. Ни меня, ни Леночку.

* * *

Выехав со стоянки, я огибаю стеклянный куб штаб-квартиры Корпорации и, не проехав и сотни метров, сворачиваю в узкую пустынную улочку. Из окон «Кокоса» машина теперь не просматривается, никто из моих сотрудников в окружающих девятиэтажках не живет, а все «обеденные» маршруты пролегают мимо. Остановившись возле крохотного скверика, я смотрю через зеркало заднего обзора на Леночку. Стройные ножки в итальянских сапожках, песцовый полушубок, низко надвинутая на глаза лохматая шапка… Дороговато, конечно, обошелся мне этот «прикид», зато так приятно на нее смотреть… И знать, что молодая красивая женщина, на которую часто оглядываются мужчины, сейчас сядет не в чью-нибудь, а в мою машину. В мою новенькую, еще ни разу не побывавшую в дорожном

происшествии «вольвочку». Старею я, что ли? Даже Воробьев, и тот пересел за руль «Электры». А я подумал-подумал — и опять, хоть и дороже намного, а — в испытанную, «Вольво». Зато с кузовом никаких хлопот в ближайшие двадцать лет. Как раз до пенсии хватит.

Дождавшись, пока Леночка поравняется с машиной, я приоткрываю дверцу, и салон тотчас наполняется холодом, ароматом духов и очарованием.

— Б-р-р-р, — передергивает плечиками Леночка. — И охота тебе в такое мороз куда-то ехать? — Положив сумочку на заднее сиденье, она начинает обеими руками растирать свои острые коленки, туго обтянутые шерстяными колготками. Я, разумеется, начинаю ей помогать. Мои ладони движутся энергичнее и размашистее, чем Леночкины, с каждой секундой все глубже забираясь под полы короткой модной шубки.

— Спасибо, там я не замерзла, — смеется Леночка, подчеркивая слово «там», — Ты ведь меня обедать приглашал?

— Да. Вначале — обедать, — подтверждаю я, выжимая сцепление.

* * *

Опустив левую руку, я нащупываю безобрывную розетку и, чуть нажав на вилку, включаю телефон.

Леночка поднимает голову с моей груди, смотрит на меня распутными затуманенными глазами.

— Тебе уже пора? Противный телефон. И работа твоя противная. И ты противный.

— Я люблю тебя, — отвечаю я и, следом, уже в трубку: — Слава? Это я. Приеду через полчаса. У вас все нормально?

— Нет. Что-то скверное творится в сетях, — торопится развеять мое безмятежно-усталое настроение Воробьев. — Похоже, пора вводить карантин. Количество отказов перевалило за два десятка. Я уже второй час не могу тебя найти. Реф молчит, как партизан, и Лена куда-то запропастилась.

М-да. Кажется, приходит время проявить мои мужские качества уже в переносном смысле. Такого шухера давно не было.

— Черенкова озадачил?

— Сразу же.

— Выезжаю. Готовь информацию.

Бросив трубку, я пытаюсь встать, но Леночка прижимает мое плечо локтем, ее красивые упругие груди чуть заметно покачиваются после резкого движения. Я смотрю на темные,

четко очерченные соски, а Леночка — с таким же удовольствием — мне в глаза.

— А я вот возьму и не отпущу тебя. Что тогда будет? спрашивает она, лукаво улыбаясь. Но мне не до веселья.

— Выйдут из строя компьютерные сети. По всей стране начнутся аварии и катастрофы. Гибель Трои по сравнением с этим — пустяк, Прекрасная Елена!

— Ну и пусть. Зато ты еще раз насладишься мною. Что-нибудь серьезное? — меняет она интонацию, видя, что мне не до шуток.

— Да. В сетях, кажется, вирус, и, боюсь, придется вводить карантин. Прости, мне действительно надо идти.

Выскользнув из-под одеяла, я поспешно одеваюсь.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спрашивает Леночка, садясь на постели.

— Да. Появись в приемной хотя бы часика в четыре. Кажется, намечается заварушка, Реф один не справится. Бесстыдница! Хоть бы одеялом прикрылась! — притворно сержусь я.

— А мне, может, приятно видеть, какими глазами ты на меня смотришь, улыбается Леночка и, неведомо откуда достав щетку, начинает причесываться. Я — хоть и пресыщен, и спешу, и не до этого мне сейчас — а все-таки несколько мгновений любуюсь ее прекрасной грудью. Не забыть бы соблюсти этикет: торопливый, но пылкий поцелуй.

Ноги сами сбегают по ступенькам, а голова уже занята другим: когда-нибудь это должно было случиться. В соревновании «меч-щит», потом «снаряд-броня», теперь «вирус-антивирус» победу всегда одерживал то один соперник, то другой. Пришла очередь компьютерного вируса. Но ставки, как в любом соревновании, растут. И чем неуязвимее была сеть — тем горше последствия. Если все обстоит так, как сказал Слава — плохи наши дела. Еще два часа назад нужно было трубить тревогу, бить в набат и зажигать сигнальные костры. Но Слава сам не решился. Его можно понять: в истории Корпорации это всего лишь второй случай. Да еще Грибников над душою стоит. Какого черта ему у нас нужно? Пойдет трезвонить теперь о том, что в самый нужный момент ни директора, ни его очаровательной секретарши не было на месте.

Машина, несмотря на мороз, заводится чуть ли не с полуоборотта. Рвануть бы сейчас с места в карьер…Но — нельзя. Технику надо любить. Вначале как следует прогреть мотор, и только потом, медленно и осторожно, учитывая гололед…

Глава 5

Когда я, запыхавшись, влетаю в кабинет Воробьева, он способен лишь повторить то, что я уже слышал по телефону. За маленьким столиком у окна сидит Грибников и, оторвавшись от дисплея, жадно ловит каждое слово. Позвать Славу к себе в кабинет? Нет. Пусть Артурчик убедится, что от него, уважаемого инспектора конкурирующей фирмы, у нас секретов нет.

— Бухать в колокола рано, — успокаиваю я Воробьева. — То, что это вирус, еще не доказано. Вводи карантин. Подождем, пока вступит в полную силу, а там уже решим, блокировать сети или обождать.

— Да, но по инструкции… — мнется мой верный заместитель, словно необученная лошадь перед глубоким рвом.

— Беру ответственность на себя.

— Тебе виднее. Наше дело маленькое: прикажут копать — копаем, прикажут не копать — не копаем, — облегченно хамит Слава. Ну что же, я его прекрасно понимаю. Мне тоже нравится, когда кто-то принимает ответственность на себя. Но последнее время таких людей становится все меньше и меньше. Вот и заместитель мой не жаждет. Разве что Черенков…

Вернувшись в свой кабинет, я первым делом связываюсь с Гришей.

— У тебя что-нибудь прояснилось?

— С «Деткой» — почти ничего. С вирусом в сетях — еще меньше. Прямо пропорционально затраченному времени.

И в самом деле, прошло всего ничего с тех пор, как Слава его озадачил. Что-то я заерзал раньше времени. Видно, детренированность сказывается. Давно уже в сетях ничего подобного не происходило. Охотников-то своих я гонял, жиреть им не давал. А вот сам, кажется, форму потерял.

— Все равно, заскочи на пару минут, расскажи, что там за тарарам произошел.

Не все спокойно в датском королевстве. В безукоризненно работающий хронометр кто-то исхитрился запустить несколько песчинок. Две-три крохотных шестеренки заклинило. И моя задача — не допустить остановки всего сложнейшего тикающего-такающего-жужжащего-свиристящего механизма, неизмеримо, впрочем, более сложного, чем любой другой, созданный когда-либо человеческими руками.

Парррам, парррам, парррам…

Наконец, в двери показывается широкая черная борода, а следом и сам Гриша Черенков. Последние годы его борода и

лысина эволюционировали в одном и том же направлении и сейчас уже близки к своим пределам, лысина естественному, борода — разумному.

— По симптомам проявления вирус весьма примитивен, — начинает Гриша прямо с порога. — Но морфология его, тем не менее, может оказаться достаточно сложной — просто потому, что простейшие преодолеть иммунную систему гиперсетей не в состоянии.

— Опиши симптомы, — прошу я, гостеприимно указывая на кресло с правой стороны. Гриша усаживается, закидывает ногу на ногу и продолжает своим надтреснутым тенорком:

— Вирус, прервав выполнение текущего задания, вдруг начинает нести какую-то чушь. Типа: «На полу лежит человек. Как его зовут? Не помню. Почему он лежит? Не знаю. Я — человек? Да. Кажется», и так далее, и все в таком духе.

— Бред шизофреника.

— Или цитаты из какого-то современного романа. Развлекается кто-то.

Действительно: симптомы примитивные. Древние простейшие — и те проявляли себя оригинальнее. То вдруг буквы на дисплее начинали одна за другой падать вниз, и вскоре на нижней кромке его лежала беспорядочная груда, то компьютер начинал требовать: «Хочу печенья! Хочу печенья!» — и успокаивался только тогда, когда лакомое слово набирали на клавиатуре. А уж штаммы последних лет и вовсе потрясали фантазией. Вирус «гарем», например. Прекрасная графика весьма и весьма способствовала его распространению. Пока обалдевшие «юзеры» любовались изображением роскошного женского тела (обнаженного, конечно), вирус успевал так перепутать все файлы: что узел полностью выходил из строя на несколько суток.

— А ты уверен, Григорий Андреевич, что это действительно вирус? А не какой-нибудь «дракон», он же «ведьма», получивший в конце концов название «артегом» и оказавшийся вовсе даже не вирусом? Помнишь нашу последнюю совместную охоту?

— Спрашиваешь! Разве такое можно забыть? Еле ноги потом унесли от разгневанных родителей этого самого артегома. Особенно одна блондинка неистовствовала. Я думал, без бороды останусь. Но в данном случае, по-моему, мы все-таки имеем дело с классическим вирусом. Судя по симптомам, конечно. Хотя…

Гриша стискивает бороду, словно пытаясь выжать из нее воду. Что, у лучшего охотника корпорации — проблемы?

— Не томи.

— Экстерьер у всех вирусов разный. Характер проявления один и тот же, а вот конкретика… Двух одинаковых еще не

попалось.

— Думаешь, разные классы?

— Вряд ли. Класс все-таки один.

— Основания?

— Интуиция.

— Принято.

— Паша, еще три срочных сообщения, — сообщает Реф голосом Воробьева. — Передать их на твой монитор?

— Да. Сеть?

— Глобалнет.

— Собери мне начальников отделов. Срочно.

Откинувшись на спинку кресла, я смотрю на Гришу тяжелым пристальным взглядом. Чтобы он тоже проникся чувством тревоги и ответственности.

Реф зачитывает сообщения. Нового в них, как я и ожидал только обратные адреса.

— Да… — озадаченно сгребает Черенков в кулак левую половину бороды. — Кажется, у нас появились проблемы.

— Похоже, что какой-то дикий вирусоген обскакал наших домашних. Зажирели на дармовых харчах…

— Они в отделе Юрика Шепталова жиреют, а не в моем, — не желает Гриша выслушивать упреки, предназначенные другому. Видно, не до конца еще проникся чувством тревоги и ответственности. — Кстати, а может, это кто-то из них и подложил свинью? С просьбой повысить зарплату ни один «домашний» не обращался в последнее время?

— Нет. Прошли те времена, когда вирусами заражали компьютеры в отместку начальнику или с целью защиты авторских прав. За вирус, внедренный в гиперсеть, помнишь, сколько дают? Плюс лишение прав работать с сетями навечно! А это — все равно что пожизненное заключение, добровольная ссылка в пятнадцатый век.

— Да уж… Ни по залам Лувра не прогуляешься, ни в библиотеке американского конгресса не посидишь, — ухмыляется Гриша.

— По Эрмитажу можно за вполне умеренную плату прогуляться, обрываю я его. — Не время сейчас обсуждать разрыв между техническими потенциями и финансовыми возможностями. Нет денег на счету — сиди дома. И спорить здесь не о чем.

— Ладно, ладно, не кипятись. Выловим мы вирус, никуда он не денется.

— Срочное сообщение, — не разделяет его оптимизма Референт

— Фью-ю-ю! — присвистывает Гриша. — Скоро у нас сигналов «СОС» будет больше, чем служащих в «Кокосе», включая ночных сторожей.

От: Большаков, Гранат, Калуга.

Тема: Нарушение обмена в компьютерной сети.

Дата: Вто Янв 16:10:47 МСК

В узле сети «ГиперЕвро» выявлена неисправность. Предположительная причина — вирусная инфекция. Блокировка не сработала. Выявить пораженный вирусом массив не удалось. Прошу срочно прислать специалистов. Большак.

— Наконец-то до тебя дошло! — сержусь я. Вернее, делаю вид, что сержусь. В конце концов, вирус — если это вирус — повсюду один и тот же. Так что посылать охотников по каждому адресу нет нужды. Но если пораженных узлов станет больше ста, придется готовить распоряжение о вводе режима «блокада». А это грандиозный скандал. Возможно, даже международный, если инфекция перехлестнула через границы. Надо бы, блюдя инструкцию, дать сообщение в сеть «Патруль». И напомнить абонентам об ответственности за нарушение карантина. Сейчас, сейчас я это сделаю. Бот только офицерский корпус соберется…

— Павел Андреевич, все начальники отделов в приемной. Запускать? спрашивает Реф голосом Леночки. Значит, она уже вернулась. Хорошо.

— Запускай. И сама зайди.

Пока цвет Корпорации рассаживается за столом у окон, я громко, чтобы все слышали, диктую Леночке два сообщения с пометкой «срочно». Судя по тому, как бесшумно передвигаются стулья, мои стрелы настигли цель: убеждать подчиненных и чрезвычайности происходящего уже не нужно. Режим «карантин» втрое снижает пропускную способность сети. Последний раз мы переходили в него два с половиной года назад. Выводы делайте сами, господа!

Распоряжения мои лаконичны и четки. Образовать три-четыре бригады. Во главе каждой — хороший охотник на вирусов. Выезд по готовности, но не позднее, чем через три часа. Премия за поимку вируса — три тысячи.

— Мне можно возглавить бригаду? — оживляется Гриша.

— Нет. Будешь консультировать все бригады отсюда. Гриша сникает. На сегодняшний день он — лучший действующий охотник «Кокоса», моя старая гвардия, которую я, как Наполеон, пускаю в дело только в самых тяжелых ситуациях. Но пока — хоть я и старательно нагнетаю атмосферу — время выставлять главный резерв не пришло. А самый последний ресурс — я сам. Хотя уже и не помню, когда последний раз воображал себя

рыцарем, скачущим на гнедой «вольвочке» к логову какого-нибудь «дракона». Или в «гарем»…

— Всем все ясно? Списки бригад мне на утверждение через десять минут. Все, кроме Шепталова, свободны.

Подождав, пока за последним из начальников закроется двойная дверь, я тихо спрашиваю у Юрика:

— Ты уверен, что это не твои подопечные шалят?

— Нет, — машет он головой и даже для убедительности закрывает глаза. — Обижаешь, начальник. Во-первых, они не стали бы в столь примитивной форме, во-вторых…

— Достаточно первого.

— Мало того, что их «Грамотей» стопроцентно изолирован от сетей, так еще и каждое преодоление его иммунной системы какой-нибудь программой, разработанной вирусогенами, надежно фиксируется, а потенциальный вирус вылавливается и классифицируется, — не может успокоиться Шепталов. Нервничает, словно оса, к гнезду которой я неосторожно приблизился. За глаза его отдел так и называют: «осиное гнездо». И смотрят на него в «Кокосе» многие весьма и весьма косо. Еще бы! Бывшие технокрысы, враги, ставшие вдруг коллегами и… продолжающие заниматься своим черным делом! Талантливые ребята, не позволяющие расслабляться и не устающие выдумывать все более остроумные классы вирусов.

— Я готов разделить твою уверенность. Но помни: один-единственный случай утечки разработанного твоими орлами штамма в какую-либо сеть — и все они автоматически увольняются, а отдел расформировывается.

— Который раз ты мне об это говоришь? — снисходительно блестит очками Шепталов. — Я давно уже привык жить со змеей на шее. Но, в отличие от тебя, знаю, она никогда не ужалит. Где еще мои фанатики-программисты смогут целыми днями играть в любимые игры да еще и приличные деньги за это получать?

— Нигде, конечно. Ответ я получил. Надеюсь, он соответствует действительности.

— На сто процентов, — говорит Юрик уже от дверей.

Хотелось бы и мне быть уверенным в этом. Но что тогда делает здесь Грибников? Просто по коридору прогуливается? Нацепив предварительно кобуру и — вот в этом у меня нет сомнений! — набив карманы «сверчками» и «жучками »…

Надо будет поинтересоваться у Славы, не забыл ли он поискать «насекомых» в своем кабинете и коридорах «Кокоса». И у Шепталова в отделе тоже. Но это потом. Сейчас моя главная забота — обеспечить полный карантин сетей. И начать следует с узлов, отвечающих за обмен информацией с зарубежьем. Судя по

языку, вирус наш, доморощенный. И если он еще не проник в Европу и за океан — нужно сделать все возможное, чтобы этого и не случилось.

Глава 6

Я стою у окна, пытаюсь разглядеть сквозь морозные узоры термометр и время от времени дую на озябшие руки. Кажется, сегодня мороз свирепее, чем вчера. А мне вот жена перчатки забыла дать.

— Срочное сообщение, — нарушает утреннюю тишину Реф. — От: Астафьев, Лотос, Екатеринбург. Тема: вирусная инфекция. Дата: среда января двадцать четвертого девять пятнадцать сорок четыре московского времени. Сообщение: В узле сети «ГиперЕвро» сработала блокировка. Предположительная причина вирус. Карантинные мероприятия были выполнены в полном объеме. Жду указаний и помощи. Астаф.

Реф замолкает, а я, не шевелясь, пытаюсь соединить несоединимое: карантин и вирус. В сети может быть или одно, или другое. Вчера я не уходил с работы до тех пор, пока не убедился: режим «карантин» введен во всех узлах всех контролируемых фирмой «Кокос» сетей. И вот на тебе…

Реф снова что-то бормочет, но я не слушаю его.

Ошибка. Элементарная ошибка. Блокировка произошла не по признаку «вирус», а, скажем, из-за того, что неопытный программист…

— Тема: симптомы вирусного заражения после введения режима «карантин», — опровергает меня Реф.

— Ну что, Паша, жареный петух клюнул? — перебивает его встревоженный Воробьев, буквально врываясь в мой кабинет. — Что будем делать?

Я спокойно вешаю в шкаф пальто, тщательно причесываюсь перед зеркалом, потом, смакуя удовольствие, усаживаюсь в свое роскошное кресло.

Если бы ты знал, дорогой, как надоело мне уже отвечать на твой дурацкий вопрос! Сколько раз я уже делал это в самых безвыходных ситуациях! И вот опять… Смогу ли?

— Что предписывает инструкция?

— Получение санкции Комитета на немедленную блокаду пораженной сети. Уведомление Агентства. Подробное информирование всех зарубежных фирм нашего профиля о случившемся.

— Ситуация соответствует?

— Вполне.

— А что у коллег?

— Сети «Невод» и «Звезда» тоже на карантине.

— Ну что же…

Сняв трубку белого телефона, я прошу соединить меня с Крепчаловым, председателем Комитета.

— Он на совещании в Кремле, — отвечает мне секретарь живым человечески голосом. Мужским почему-то. Может, референт? — Вы по какому вопросу?

— Очень важному. Пять минут назад, следуя инструкции, я должен был блокировать все узлы компьютерных сетей «ГиперЕвро» и «Глобалнет».

— Почему же вы этого но сделали? — удивляется референт. Он что, все-таки электронный, как мой Реф? Почему, почему…

— Именно этот вопрос я и хотел обсудить с Виталием Петровичем.

Вот так, дорогой референт. Знай свой шесток и не высовывайся.

— Понял. Вы не хотите брать на себя ответственность. Попробую как-то сообщить о ситуации Крепчалову. Никуда не отлучайтесь, ждите моего звонка.

Я раздраженно бросаю трубку. А вот этого и надо! Ответственности я не боюсь. Ответственности за тщательно взвешенные решения, разумеется. А других не принимаю. Никогда. И еще нюансик: решение о блокаде должен обязательно утвердить председатель Комитета. Жаль, не успел напомнить об этом нахальному референту.

— Что Грибников? Явился? — спрашиваю я у мнущегося в дверях Воробьева.

— Как штык, ровно в девять.

— Ты, я вижу, тоже сегодня пораньше? — отмечаю я усердие своего заместителя.

— Обстановка требует, — довольно улыбается он.

— И что делает Артур Тимофеевич?

— Сидит, пялится на дисплей, но думает, по-моему, совсем о другом. Да время от времени по коридорам прогуливается.

— Пускай прогуливается. Проверь только, не оставляет ли «насекомых».

Слава, кивнув, исчезает за дверью, а я вызываю Черенкова. Кажется, пришло время вводить в бой старую гвардию. Еще вчера утром, в это же время, у меня и в мыслях ничего подобного не было. Как быстро все изменилось…

— Последние новости знаешь? — спрашиваю я, едва Гриша переступает порог.

— В курсе. Мне Лена пару фраз сказала, пока я сквозил мимо нее.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Ничего. Две бригады я сформировал, вчера вечером

отбыли. Нужно разбираться на месте, почему в ловушки ничего не попадает. В карантинизированной сети вирус размножаться не может. И если это происходит… Или это не вирус, или… Будем вводить блокаду?

— Видимо, придется. Кстати… Секунду… Одно короткое сообщение.

Как же это я забыл? Телефонный разговор к делу не пришьешь.

— «Референт», прими срочное сообщение. Сеть «Патруль». Адрес: Москва, Комитет по вычислительной технике и информатике.

Кому: Крепчалову Виталию Петровичу.

От: Полиномов Кокос Москва.

Сообщение: Несмотря на введение карантина, распространение вируса по сетям «ГиперЕвро» и «Глобалнет» остановить не удалось. Принимаю все возможные меры. Прошу рассмотреть возможность блокады названных сетей. Точка. Подпись: Полином.

«Референт» высвечивает надиктованный текст на дисплее. Прочитав его и убедившись, что ни одной ошибки не сделано, я поднимаю руку, чтобы, нажав на клавишу, отправить сообщение Крепчалову. Но, задержав руку в воздухе, как это делает пианист после особенно выразительного звука, роняю ее на колени.

А может, не надо? Неужели блокада — единственный выход?

Ладно. Сейчас вдохновлю на подвиг Гришу и еще раз все обдумаю. Как это делал Витек? Какие такие слова находил, что мы работали почти без отдыха по нескольку суток, порою в самом логове технокрысы, иногда даже рискуя жизнью?

— Ну что, Григорий Андреевич… Настала та минута, когда спасти компьютерные сети страны от катастрофы…

Мою вдохновенную речь прерывает сверчок срочного вызова. Реф держит в зубах неотправленное сообщение и не знает, как быть. Звоночек дилинькает, не переставая, до тех пор, пока я не произношу сакраментальное: «Слушаю. Полиномов».

— Паша, ты слышал? — вопит Воробьев.

— Что там у тебя? — недовольно спрашиваю я. Попробуй, вдохнови народ на подвиг, когда то телефон, то Референт, то еще кто-то… Отключить бы их все разом…

— Наш «Референт тоже удостоился чести!

— Какой чести? Говори яснее, у меня времени нет!

— В сети «Патруль» вирус, — огорошивает меня Воробьев. — Твой терминал что, занят? Можешь прийти, полюбоваться на моем.

Мы с Гришей вскакиваем одновременно, но у выхода я

оказываюсь раньше.

Какой дурак придумал эти двойные двери…

На бегу ловлю Леночкин взгляд: призывный, застенчивый и встревоженный одновременно. У женщин есть удивительная способность: параллельно переживать то, что мы, мужчины, можем, только последовательно.

Рывком открываю двери кабинета напротив. Воробьев восседает на своей вертушке, скрестив на груди руки. За его спиной стоит Грибников и озадаченно мнет пухлый подбородок. Через мгновение я начинаю слышать голос нашего — одного на двоих со Славой — «Референта».

— Жизнь есть имя. Имя есть бессмертие. Мое имя — «Тригон». «Тригон» есть бессмертие.

Синтезированный голос замолкает. Воробьев, рявкнув: «Референт», запомни последнее сообщение!» — хищно нависает над клавиатурой. Прямо-таки Орлов, а не Воробьев.

— Есть! Попался, голубчик! — вопит он через несколько секунд. — В «коконе», теперь никуда не денется!

— Забрось его прямо сейчас моим ребятам, — просит Гриша. — Пусть погоняют его на «Полигоне».

— С удовольствием! — улыбается Слава. — С превеликим!

Но я не разделяю его радости. Вирус обнаружен не где-нибудь, а…

— Насколько мне известно, сеть «Патруль» — закрытая и связывает только спецслужбы? — угадывает мое состояние Грибников.

— Вы неплохо осведомлены об организации работ в вашем Управлении, вежливо отвечаю я. Вообще-то на риторические вопросы отвечать не принято, но глупые вопросы под это правило не подпадают.

— Благодарю за комплимент, — реагирует на колкость Артурчик. — Но это значит, что технокрыса, по всей видимости, работает здесь же?

— Или в Управлении, — резонно замечает Слава.

— Ни в одном другом узле сети «Патруль», а тем более в нашем Управлении, не работают профессиональные технокрысы, — улыбается Грибников. — Так что с большой долей вероятности можно предположить, что преступник…

— Один из нас четверых, — заканчивает мысль Гриша. — Потому что, кроме нас четверых, доступа к сети «Патруль» в нашей фирме больше никто не имеет.

— Почему четверых? — возмущается Грибников. — Я в их число…

— В самом деле, почему четверых? — протестует и Слава. —

Поскольку до вашего, господин инспектор, появления здесь в сети «Патруль» никаких вирусов не было, логично предположить… Паша, у тебя найдется пара наручников?

Артурчик напружинивается, мгновенно оценивает ситуацию, убеждается, что шансов против нас троих у него мало… и, наконец, улыбается:

— А что еще прикажете думать?

— Наш начальник в таких случаях приказывает то же самое: думать! Просто: думать! — кивает на меня Гриша.

Я, снисходительной улыбкой подтвердив полезность только что данного совета, обращаюсь к его автору;

— Ну что, Григорий Андреевич, гора пришла к Магомету. На тебя смотрит вся Европа.

— Почему — Европа? — обижается Гриша. — Весь мир! Вирус, успешно размножающийся в режиме «карантин», — это вам не «гарем» и даже не «ведьма», оказавшаяся на самом деле артегомом. Так что попрошу мои будущие заслуги не преуменьшать!

Черенков величественно задирает голову. Даже Грибников смотрит на него с уважением. Интересно, кто из них двоих нахальнее? Надо бы осадить слегка Гришу, но ничего остроумного в голову не приходит. Пусть живет.

Вернувшись в кабинет, я еще раз перечитываю свой рапорт, мерцающий на дисплее. Блокада… Режим, ни разу ни в одной сети еще не применявшийся. Все связи между узлами прерываются, обмен информацией прекращается, и могучая компьютерная сеть превращается в россыпь дорогих, но малоэффективных игрушек. Задерганные диспетчеры аэропортов, вокзалов и энергосетей, неизбежные ошибки, затем аварии… Резкое уменьшение количества рейсов, строгая экономия энергии… Парррам-парррам-парррам. Блокада.

А за невыполнение инструкции — суд.

Я решительно поднимаю руку на клавиатурой. Пускай у Витька голова болит.

Оглушительно звонит белый телефон.

— Что там у тебя стряслось? — спокойно спрашивает Витёк. Референтов моих переполошил, от дел оторвал… Сам разобраться не можешь?

— Во всех моих компьютерных сетях, включая служебную «Патруль», обнаружено явление, которое может быть интерпретировано как вирус.

— Так вирус это или не вирус? — сердится Витёк. Видно, в сетях «Невод» и «Звезда» дела тоже никудышние, вот Крепчалов и нервничает.

— Пока не знаю. Карантин на него не действует. По инструкции нужно вводить блокаду.

— Что, и ничего нельзя сделать?

— Можно. Нарушить инструкцию и не вводить блокаду,

— Что предлагаешь ты?

— Это и предлагаю.

— Не только это, — усмехается Виталий Петрович. — И даже не столько это. Ты хочешь, чтобы я взял на себя ответственность.

— Только вы это и можете сделать, в соответствии с Положением.

— И я сделаю это, не сомневайся, — орет Витёк в телефон так, что мне приходится отвести от уха трубку. — Как только получу твое представление в виде документа, естественно — так и одобрю введение блокады. Но вся полнота ответственности за это безобразие будет лежать на Корпорации «Кокос», и в первую очередь на Генеральном директоре. Позиция ясна?

— Абсолютно. А что, разве в сетях «Невод» и «Звезда»…

— Ну, будь!

Трубка в моей руке хихикает короткими гудками, а я смотрю на нее, словно на голову смертельно укусившей меня гадюки-альбиноса, и никак не могу прийти в себя.

Ай да Витёк! Так легко, так небрежно даже переложить ответственность с могучих плеч Комитета на хрупкие — «Кокоса»… И что теперь делать? Делать-то что?

Глава 7

Я переступаю порог приемной, как всегда, в девять часов десять минут. У Леночки звонят сразу три телефона и вдобавок что-то бубнит «Секрет».

— Довел Андреевич! Я не успеваю! — вскакивает она со стула и бросается ко мне. Еще бы мгновение — и на грудь. Но я вовремя отстраняюсь. Для постороннего глаза неуловимо, но Леночка замирает на полушаге. Надо бы, конечно, успокоить ее — метод общеизвестен — во времени для этого нет. Да и настроения тоже. Третьи сутки я сплю по три-четыре часа, глаза словно песком засыпаны. Так что — в другой раз.

— Воробьев на месте?

— Только что ушел.

— Понятно. Сделаем так: срочные депеши ты замыкаешь на меня, не прослушивая, все обычные сбрасываешь в архив, тоже не прослушивая. На звонки отвечаешь по мере возможностей.

Последние слова я произношу, закрывая двойные двери кабинета, предварительно затолкав в него Лену. И, едва клацает защелка, привлекаю девушку к себе.

— Ну, что ты? Все пройдет. Выловим этого зверя — и опять заживем, как прежде.

— Устала я. И «как прежде» — не хочу, — говорит Леночка, запрокидывая голову и пристально глядя мне в глаза.

Спросить «а как ты хочешь»? Нет, нельзя. Скажет: «Ты сам знаешь». И мы почти вплотную приблизимся к опасной теме.

— Как прежде не будет. Будет лучше, в тысячу раз лучше. Обещаю тебе.

На лебединой белой шее, слева, под сережкой с бриллиантом, недоверчиво бьется синяя жилка. Я прижимаюсь к ней губами. Леночка еще сильнее запрокидывает голову, начинает чаще дышать… Ну, не до этого мне сейчас. Неужели она не понимает? Спасительно звонит белый телефон.

— Прости…

Плавно высвободившись из цепких нежных рук, я сбрасываю, наконец, пальто и устремляюсь к своему креслу. За спиной хлопает дверь.

Замуж Леночку пора выдавать, вот что. Ничего не поделаешь, природа своего требует. Этот неистребимый женский инстинкт вить гнездо…

— Слушаю. Полиномов.

— Ну, что у тебя там? Выяснилось, в чем дело?

В дверях доказывается Грибников. Я машу ему рукой «Занят!»

Но он понимает это как приглашение садиться.

— Да. Решение не вводить блокаду оказалось правильным. Компьютеры, в которых были проявления вируса, продолжают нормально работать, хотя выловить вирус пока не удалось.

— Что значит «нормально»?

— Без нарушения основных функций, то есть технологических циклов, расписаний движения и тому подобного.

— Так все-таки, вирус это или нет?

— Пока не знаю. На терминале моего «Референта» вирусоподобное сообщение появлялось трижды, причем последний раз — когда были блокированы почти все внешние связи, а за оставшимися установлен строгий контроль. Тем не менее выявить механизм распространения вирусоподобных сообщений не удалось.

Зажав на мгновение микрофон трубки ладонью, я, словно рассерженный гусак, шиплю Грибникову:

— У меня конфиденциальный разговор!

Но инспектор и не думает уходить.

— Это Крепчалов? — полуспрашивает-полуутверждает Грибников. — Он должен сказать мне пару слов.

— Что значит «не удалось»? — вопит в это время Витек. — Не из ничего же возникает этот твой шизофренический то ли вирус, то ли невирус!

Крепчалов явно раздражен. Размахивает, должно быть, своей китайской авторучкой, словно воинственный горец — кинжалом…

— По имеющейся на сегодняшний день информации — из ничего.

— Будь по-твоему, — неожиданно соглашается Витек. — Этот вопрос чисто технический, не мне его решать. Надеюсь, прославленный «Кокос» вполне справится с ним самостоятельно. Звоню я, собственно, совсем по другому вопросу. Срочно нужна твоя помощь. Подсобишь?

— Сделаю все, что в моих силах, Виталий Петрович!

— Я был уверен, что не откажешь. У нас в Озерце произошло что-то непонятное. Авария на ВК и, боюсь, с человеческими жертвами. Комиссия уже приступила к расследованию, но им нужен толковый эксперт. Я предложил тебя. Не возражаешь?

Я еще раз — глазами — показываю Грибникову на дверь. Но он, сделав лицо лопатой, не сводит с меня наивных непонимающих глаз.

— Возражаю! Категорически возражаю! Оставлять фирму в такой ситуации на заместителя — извините, никак не могу!

— Уже можешь, — не соглашается Витёк. — Участие в работе

Государственной комиссии — дело долга и чести каждого гражданина. Разумные люди от такого не отказываются.

— Что там хоть случилось-то? — спрашиваю я, пытаясь выиграть время для размышлений. И уезжать нельзя, и отказывать Витьку нежелательно. Все-таки он Председатель не только Комитета, но еще и нашего Совета Акционеров, с такими людьми лучше не ссориться.

— В Озерце взбесились суперкомпьютеры комплекса «Тригон». Никого к себе не подпускают.

Комплекс «Тригон»? Что-то я уже о нем слышал, причем совсем недавно.

— Как это — не подпускают?

— В буквальном смысле. А. там, возле них, остались люди. Или уже трупы, на знаю. Третьи сутки к ним не могут пробиться. Вылет самолета из Быково — в двадцать тридцать, спецрейс Р-140.

Витек явно перегрелся. В нормальном состоянии он не пользуется метафорами. А тут — «взбесились», «не подпускают»… Чушь собачья.

— Но я не могу оставить «Кокос»! Сети на грани блокады, и неизвестно еще, чем все это кончится. Поэтому…

— Плох тот директор, который не может оставить фирму в любой момент! — взрывается на том конце провода Крепчалов. — Если все держится только на тебе — значит, ты никудышний организатор! И тебе следует поискать другую работу! И я, по старой дружбе, с удовольствием помогу тебе в этом! Но только после того, как ты разберешься, что произошло в Озерце, и выловишь вирус, заразивший сети! Только после этого! Перед отъездом зайди ко мне. Все.

Дважды в продолжение гневной тирады я пытался вставить успокаивающее словечко, но так и не успел.

Я раздраженно нажимаю на кнопки белого телефона.

Хватит мною помыкать! Надоело! В конце концов, Государственный Комитет теперь орган координирующий, а не командующий! Пусть Витёк помыкает Управлением, если зуд власти напал! А Корпорация сама себе голова! И Председатель Совета Акционеров — не император! «Перед отъездом зайди ко мне.» Жди! Разбежался, с низкого старта! Сейчас, сейчас я все это выдам Витьку. И еще что-нибудь добавлю, интимно-ласковое!..

— Виталия Петровича нет на месте. Он ждет вашего визита через три часа, — сообщает строгий женский голос.

Ну да, конечно. Спрятался. Этим искусством — вовремя не быть на месте — Витек владеет в совершенстве. Мне до него далеко, как я ни стараюсь.

— Почему вы мне трубку не дали? — обиженно поджимает губы Грибников. — Я же делал вам знака?

Только теперь я вспоминаю о незваном свидетеле моего разговора.

— Не до вас мне было. И вообще, воспитанные люди, если им показывают на дверь — выходят!

— Извините, Павел Андреевич, но мне только что звонил Колобков и просил быть в вашей приемной, потому что Крепчалов лично даст мне какое-то важное указание. Вот я и вынужден был нарушить некоторые каноны. Почему же он… А, наверное, это они хотели послать меня экспертом в госкомиссию, да передумали. Естественно: ваши заслуги и авторитет несравненно выше! Грибников только что реверанса не делает. Такая душечка…

Не люблю подхалимов. Но терплю. С целью полезного их употребления.

— Вам что-нибудь известно о комплексе «Тригон»?

— Нет. Сейчас их столько развелось, всевозможных ВЦ, ВК, ИВК, ИВЦ… Разве все упомнишь? Но, если хотите, я могу в нашем управленческом банке данных поинтересоваться. Сделать запрос?

— Спасибо, пока нет.

Глава 8

Подождав, пока за Грибниковым закроется дверь, я обращаюсь к банку данных Корпорации о требованием выдать всю информацию, касающуюся вычислительного комплекса «Тригон», и уже через минуту Реф занудливо читает справку:

«Тригон» — вычислительный комплекс.

Местоположение: НИИ проблем энергетики, город Озерец. Состав: три специализированных оптических нейрокомпьютера типа ОНКС-17.10 «Мудрец». Технические характеристики:…

— Пропустить, — перебиваю я Рефа

— … Операционная система… — бубнит по инерции Реф и, наконец, реагирует:

— Пропустить. Назначение: моделирование перспективного промышленного термоядерного реактора, в дальнейшем — управление его работой. Однако еще до завершения проекта, в связи с сокращением ассигнований и замораживанием работ, ВК «Тригон» был сдан в аренду «Фонду общественного процветания». В настоящее время на ВК «Тригон» ведутся работы по моделированию экономического развития страны на долгосрочный период…

Я усмехаясь. С этим «Фондом» дело явно нечисто. Столь резко изменить назначение хоть и нейро-, но все же специализированных компьютеров…

— …поскольку в соответствии с некоторыми неподтвержденными пока теориями неустойчивость термоядерной плазмы и неравномерность экономического развития описываются однотипными дифференциальными уравнениями, — продолжает Реф, и в его бесстрастном механическом голосе мне слышится злорадство.

— Достаточно.

Парррам, парррам, парррам…

А может, воспользоваться предложением Витька? Оставить вместо себя Славу Воробьева… И пока он будет вести безнадежную войну с этим странным вирусом-невидимкой, покрутиться в Озерце. Не получится ничего у Славы — с меня взятки гладки, по настоянию Комитета участвовал в ликвидации аварии на «Тригоне». Получится — тоже неплохо. Значит, работа в штаб-квартире Корпорации организована настолько хорошо, что даже в отсутствие Генерального директора она вполне способна решать почти неразрешимые задачи.

— Паша, есть любопытная информация, — говорит Реф голосом Воробьева. — Ты не шибко занят?

— Заходи.

— Вот, — протягивает мне Слава распечатку и только потом садится, Я читаю:

«Тригон» — вычислительный комплекс.

Местоположение: НИИ проблем энергетики, г. Озерец. Состав: три специализированных…

— Так что? — поднимаю я глаза на Воробьева. — Что здесь любопытного? Какой-то непризнанный гений обнаружил сходство между неустойчивостью плазмы и превратностями экономического роста. Что из этого?

— Ну ты и читаешь… Быстрее «Референта»! — восхищается Слава.

Я скромно молчу.

— Любопытно то, что в одном из проявлений вируса упоминался как раз «Тригон», помнишь: «Мое имя «Тригон». «Тригон» есть бессмертие»… довольно похоже подражает Воробьев баритону «Референта». — Может, ноги всей этой катавасии из Озерца растут?

— А если это — ложный след?

— Не исключено. Но в Озерце, насколько мне удалюсь разнюхать у Грибникова, на днях произошла какая-то авария на этом самом «Тригоне». И некоторые факты говорят, что именно там — «глаз» захлестнувшего сети тайфуна.

Я настораживаюсь.

Мне Грибников только что сказал, что ничего не знает про «Тригон». Соврал?

— Что еще рассказал эксперт о «Тригоне»?

— Да ничего… Эта распечатка — из нашего банка данных. Он про аварию, собственно, говорил.

Ага… Об аварии Грибников знал раньше меня… Кажется, ложная тревога. Очередная. Но лучше пере-, чем недо-.

— С каких это пор Управление узнает об аварии раньше, чем мы? строго спрашиваю я.

— «Тригон» подключен к ихнему «Неводу», а не к нашим сетям. А в сеть «Патруль» они сообщение дать не удосужились.

— Ладно. На этот раз, так и быть, выговора ты избежал. Ну, а почему ты думаешь, что эпицентр — там?

— Да вот… Если проследить маршруты двух модификаций этого самого вируса… — Воробьев торжественно выкладывает передо мною распечатки. Я читаю:

«Штамм вируса «шизо» № 6. Сеть «Невод».

Экстерьер: «Дима, что ты делаешь? Не отключай его! Дима!»

Интерьер: не выяснен.

Пункты проявления: Псков, «Селен», Пон Янв 22 05:06:13

МСК; Ржев, «Корунд», Пон Янв 22 06:56:29 МСК…

— Ну и что? Я такое уже видел.

— Обрати внимание на время появления и, соответственно, на местонахождение каждого узла, — торжественно говорит Воробьев.

Наивный Слава ждет, что я повторю ход его рассуждений и приду к тем же самым выводам. И, естественно, восхищусь его гениальностью.

— У тебя осталась одна минута. Извини, но мне не до интеллектуальных игр.

— Если проследить время появления двух штаммов вируса по узлам сети «ГиперЕвро», выяснится, что они, подобно эстафетной палочке, переданы из Пскова и Великих Лук. То есть — из соседних с «Тригоном» узлов. Причем в обоих сеть ТиперЕвро» пересекается с «Неводом».

Я насмешливо улыбаюсь. И это — все факты? Да, Слава, это уже даже не наивность. Это — сверхнаивность, плавно переходящая в глупость. Сказать или пожалеть?

— А вот это, дорогуша, называется «ложный след», причем в классической форме. Учебник «Основы компьютерной вирусологии» читал? Ни одна уважающая себя технокрыса не сделает такой глупости. Слишком короткий инкубационный период, позволяющий найти ее логово столь элементарным…

— Извини, шеф, я совсем недавно прошел переподготовку. По-видимому, технокрыса допустила ошибку и вирус вырвался из инкубатора раньше времени. Отсюда — смехотворно короткий цикл «заражение — проявление», следствие этого же — авария на «Тригоне». Я все сказал. Можно идти?

— Подожди… И не строй из себя кисейную барышню. Версия достаточно нетривиальная, поэтому… Извини, не сразу оценил.

Обиженно сжатые губы Воробьева расплываются в улыбке. Еще бы, не часто я перед ним извиняюсь. Кажется, впервые в жизни.

Парррам, парррам, парррам.

А что, если и в самом деле эпицентр — в Озерце? Взять с собой аппаратуру, порыскать там… Не самому, конечно, а с Гришей и Юриком. Ах. да, Шепталов уже уехал. Ну, Гришу одного хотя бы с собой взять. Выловить технокрысу, доказать, что источник заразы — сеть «Невод», контролируемая, между прочим, любимым Крепчаловским Управлением… А работой по ликвидации руководил лично Генеральный директор Фирмы «Кокос»… Вроде неплохой расклад получается.

— Ну что же, уговорил. Поскольку все охотники уже разъехались, я поеду в Озерец сам. Еще Черенкова с собой

захвачу. А. ты будешь командовать здесь.

— Да, но… сейчас, когда сети поражены…

Воробьев явно не ожидал такого поворота событий. Он, конечно, понимал: инициатива наказуема. Но что наказание будет столь суровым…

— Не дрейфь. При современных средствах коммуникации мне почти все равно, откуда руководить — из своего кабинета или из Озерца.

— Ты бы мне хоть Гришу оставил, — скулит Воробьев. — Даже проконсультироваться не у кого будет. Да еще Грибников здесь шастает…

— Черенков мне нужнее там. А Грибников… Попроси его ко мне зайти, прямо сейчас.

Парррам, парррам, парррам…

А может, не ехать? Если бы знать, где найдешь, где потеряешь…

Глава 9

— Как вы знаете, я еду в Озерец, — говорю я Грибникову, едва он переступает порог кабинета. — И хотел бы перед отъездом завершить все попадающиеся завершению дела.

— Я — одно из них? — проявляет догадливость Артурчик.

— Да. Насколько я понимаю, в работу Центрального Отделения Корпорации КОКОС вы уже вникли, в безопасности «осиного гнезда» убедились, так что… пришло время прощаться?

— Если вы не возражаете, я хотел бы еще пару дней… Хотя бы до конца недели… В вашем буфете чудно готовят кофе, а я большой любитель…

Грибников улыбается столь искренне, что мне все сразу становится ясно: и какая нервная, тяжелая работа у него в Агентстве — пардон, в Управлении! — и какие скверные отношения с начальством, и как отдыхает он душой и телом у нас, среди неглупых и доброжелательных людей…

— Возражаю. Через три часа я выезжаю в командировку, и мне не хотелось бы оставлять в штаб-квартире представителя дружественной фирмы, намерения которого не совсем для меня ясны.

— В предписании они сформулированы достаточно четко, — мягко возражает Грибников. Но глаза его становятся колючими.

— Легенда у вас отменная, не подкопаешься, — обворожительно улыбаюсь я. — Хотя маленький изъянчик в ней все-таки есть.

Во время паузы мне страшно хочется отбарабанить кончиками пальцев что-нибудь бравурное. Но нельзя. Артурчик должен прочувствовать: я даю ему время возмутиться, или даже оскорбиться. Однако ни того, ни другого он не делает. Просто смотрит на меня и улыбается.

Подождать, пока у него скулы сведет?

— Легенда никак не объясняет, зачем вам кобура под мышкой. Кого вы боитесь? Меня или Леночки?

Инспектор, наконец, сгоняет с лица улыбку.

— Мы с вами. Павел Андреевич, делаем одно и то же важное дело. Только подходы у нас немного разные.

— А также исходная информация, — подталкиваю я Артурчика в нужном направлении.

— В понедельник ночью, точнее, в три часа десять минут, один из артегомов… назовем его, к примеру, «Кукла», ни с того, ни с сего начал нести какую-то заумную чушь. Вроде той, которую вы вчера слушали из уст своего «Референта». Насторожила нас

фраза: «Кажется, все получается. То-то Полиномов обрадуется!». А также то, что «Кукла» в это время была подключена к сети. Вы вне подозрений, конечно, слово «обрадуется» — в кавычках. А если и без таковых — значит, вас просто компрометируют. Известный прием.

— Благодарю за доверие. Логично предположить, что технокрыса была где-то рядом с «Куклой».

— «Кукла» в это время спала. То есть подпитывалась информацией от сети «Невод». Фамилии «Полиномов» в ее памяти до этого момента не было, мы специально выясняли. Логично предположить, — пользуется моими словами Грибников, — что «бред» шел снаружи, из сети

Я недоуменно пожимаю плачами. Детский сад, да и только! Артегом вещь настолько сложная и столь мало изученная… Причем и не вещь даже, а нечто совершенно иное. Точнее: некто. Что у него снаружи, что внутри разве в этом можно за какие-нибудь сутки разобраться?

— И вам удалось неопровержимо доказать, что ваша «Кукла» заражена вирусом?

— Нет. Нас крайне удивило другое. По счастливому стечению обстоятельств психолог, работавший точно в это же время с другим артегомом, «Деткой», записал на свой магнитофон точно такую же фразу. Причем «Детка» в это время из сети информации не получала!

— То есть очень похоже на вирус с заданным временем проявления? Который одновременно проявил себя и в сети «Невод», и в артегоме «Детка»?

— Совершенно верно! — радуется моей сообразительности Грибников. Разрешите остаться на вашей фирме до тех пор, пока не будет закончена отработка данной версии?

Такой просящий тон… Нет сил отказать. И нельзя: получится, что я покрываю преступников или даже, с учетом, что мелькнула моя фамилия, вхожу в их число. Профессионально работает, гад!

— Разрешаю.

Грибников, протянув на прощание руку, уходит, а я призываю пред свои светлые очи Леночку и забрасываю ее распоряжениями: помогать Воробьеву и обеспечивать бесперебойную связь со мной; ежедневно делать для меня подборку срочных сообщений, не забывать: я о ней думаю ежечасно.

— Ежеминутно! — не соглашается Леночка. — И вообще… возьми: меня с собой!

— А «Кокос» я на кого оставлю?! Воробьев один не справится!

Милая моя девочка! Я бы с удовольствием, но Гриша мне там будет нужнее. А взять вас обоих… Это было бы чересчур. Надо же

и приличия хоть какие-то соблюдать.

— А ты Воробьеву прикажи!

Леночка подходит ко мне вплотную, прижимается, заглядывая снизу в глаза…

Бесшумно отпустив защелку двери, я целую губы, щеки, веки с подрагивающими ресницами, высокую белую шею… подбираюсь губами к мочке уха, украшенной бриллиантовой сережкой… Хоть бы кто-нибудь дернул за ручку двери… Неплохо было бы, конечно, попрощаться с Леночкой, как полагается, утомив и ее, и себя, но для этого совершенно нет времени.

— Прости. Мне пора. Вот повоюю этот вирус, вернусь и через пару недель сбежим куда-нибудь в горы, на лыжах кататься. Договорились?

Леночка кивает, шмыгает носом, смахивает со щеки слезинку, улыбается…

Женщинам, как и детям, нельзя отказывать в предмете их желаний, не пообещав чего-нибудь взамен.

Глава 10

В самолете, кроме нас с Гришей, летит еще команда спасателей. Весь багажный отсек забит их снаряжением, и даже в проходе лежат мотки веревок, баллоны, какие-то по-хитрому складывающиеся лестницы… Друг к другу они обращаются не иначе как «герой».

— Ребята, а вы от чего умеете спасать? — бесхитростно спрашивает у одного из них Гриша, поудобнее умащиваясь в кресле.

— От всего, — не задумываясь, отвечает высокий сухощавый парень, снимая розовую пуховку. — От землетрясений, наводнений, нечаянных атомных взрывов, зависаний на карнизах и телевышках…

— А от глупости? — перебивает его Гриша. — От глупости — можете?

— Вот от этого — нет! — сокрушенно разводит руками «герой». — Наша команда, парниша, борется со следствиями, а не с причиной. На то мы и герои.

— Я так и думал. От глупости — и у вас кишка тонка, — зевнув, подытоживает Гриша и прижимается ухом к спинке кресла — явно с намерением заснуть.

Нимало не смущенный спасатель, в свою очередь, интересуется, кто мы такие и куда держим путь.

— В Озерец, вестимо, — поднимает голову Гриша. — Павел Андреевич Главный Эксперт комиссии по расследованию, я — его Генеральный Помощник.

Убедившись, что громкие титулы произвели должное впечатление, Гриша снова откидывается на спинку кресла.

— Эй, ребята, я тут источник информации откопал! — радуется сухощавый. — Позвольте представиться: командир героев. Бранников Иван Петрович.

Спасатели тут же окружают нас, рассаживаясь на свободные кресла поблизости, а некоторые — и прямо в проходе, на своих же ящиках со снаряжением.

— Расскажите, что там стряслось, — просит Бранников. — А то хлопцы не верят, что ни взрыва, ни наводнения, ни даже выброса какой-нибудь химической гадости в Озерце не произошло, а нас все-таки подняли по тревоге. Еле-еле успели шмотки подвезти. И что делать будем — никто толком не объяснил.

— Я знаю ненамного больше, — стараюсь я перекричать гул двигателей.

— Сейчас, — прерывает меня Бранников. — Артем, наладь широковещание!

Через минуту я, держа в руках микрофон стюардессы, кратко излагаю то, что двумя часами ранее услышал от Витька.

— Объект, на котором вам предстоит работать, — какой-то НИИ с незапоминающимся названием…

— Работающий над проблемой, суть которой невозможно объяснить, добавляет Артем таким могучим басом, что его и без микрофона слышно в дальнем конце салона.

— Когда это стало ясно даже чиновникам в министерстве, — невозмутимо продолжаю я, — проблему отменили, и три уникальных суперкомпьютера, закупленных для ее решения, временно стали безработными. Причем они были настолько уникальны, что только через год их, почти за бесценок, взял в аренду некий «Фонд общественного процветания' …

— А вы не знаете, что именно предстоит нам преодолевать? — невежливо перебивает меня Бранников. — Мы — люди действия, и хотелось бы… поконкретнее, если можно.

— Попробую. Три дня назад утренняя смена обнаружила, что подойти к машинному залу, где стоят компьютеры, нельзя, и что обслуга, работавшая в ночную смену, из операторской не показывается и на телефонные звонки не отвечает. Вызвали, как и положено, «скорую помощь» и пожарных, а компьютеры попытались отключить от сети. Что там дальше произошло, никто толком не знает, только вскорости всех словно ветром выдуло из корпуса, где стояли эти самые суперы. И вот уже третьи сутки никто не может в этот корпус войти.

— Почему? — удивляется Артем. — Газы, обвалы, оползни? Огонь, вода, медные трубы?

— Страх. Страх и ужас, которые не смогли перебороть даже видавшие виды врачи «скорой помощи». Теперь уже и к самому корпусу ближе, чем на десять метров, невозможно подойти.

— Так вот почему у нас один из пунктов приказа — высадиться на крышу с вертолета! — облегченно говорит командир спасателей. — А мы-то гадали, с чего вдруг…

Взяв у меня микрофон. Бранников весело спрашивает:

— Ну что, герои, победим свой собственный страх? Это вам не наводнение и даже не землетрясение. Тут посложнее будет.

— Кто его знает. Попробуем, — дипломатично отвечает Артем, и спасатели разбредаются по салону.

Ишь ты… А я думал, они зачнут бить себя в грудь, вопя, что и не с таким справлялись… Невзаправдашние герои. Ненастоящие.

Оглянувшись на Гришу, я обнаруживаю, что он сладко спит. Спасатели, наскоро перекусив бутербродами, тоже устраиваются

поудобнее, поднимая вверх подлокотники и занимая по два кресла каждый. И только я, уставившись в темный иллюминатор, все никак не могу решить, правильно ли сделал, согласившись на эту командировку. С одной стороны, не испортил отношений с Витьком. А они, эти отношения, еще могут пригодиться; через неделю заседание Совета Акционеров. С другой же… Как-то странно все это. Может, меня самого все-таки подозревают, потому и отлучили от «Грамотея»? Грибников — все ли он сказал? И правда ли то, что он сказал?

Гриша начинает слегка похрапывать во сне, и я от души толкаю его в бок. Когда-то и я мог спать впрок, в любом положении и при любых обстоятельствах. Но то ли возраст сказывается, то ли груз ответственности давит на грудную клетку, мешает свободно дышать… Да еще эта неопределенность с вирусом, получившим название «шизо»… Его штамм, выловленный в нашем со Славой «Референте», удалось довольно быстро классифицировать. Оказалось — самый обычный вирус класса «блоха». Необычным было лишь то, что он дошел до речевого блока Рефа. Обычно «удушение» происходит еще на входе в компьютер. Но зато почти все присланные нам «коконы» оказались пусты. А с полудюжиной непустых так до сих пор и не разобрались. Не могут выделить штамм, и все тут! Прямо мистика какая-то…

— Телекинез? Нет ничего проще! — слышу я чей-то самоуверенный голос. Спасатель, задремавший было в кресле, что перед нами, теперь проснулся и вешает лапшу на уши соседу. — Это всего лишь искривление пространственно-временного континуума за счет психического воздействия. Поэтому второе его название — психокинез. Ну как, убедились, что в этом нет ничего сложного?

Я невольно приподнимаюсь, пытаясь увидеть руки говорящего. Он что, опыт продемонстрировал? Такие штучки под силу любому мало-мальски грамотному фокуснику. Невидимые спектральные нити, с крохотными капельками специального клея на концах, плюс ловкость рук. Но этот «экстрасенс» обошелся, кажется, всего лишь наукообразным термином. Дилетант. Или наоборот, обманщик экстра-класса? Вокруг него собрались уже трое спасателей и, кажется, верят каждому слову. Наивные ребята. Но из таких-то чаще всего и получаются герои. Не в кавычках, а настоящие. Они верят не только басням разных проходимцев, но и — в свои силы. Точнее, в их почти беспредельность. Поэтому в критических ситуациях, когда любой здравомыслящий человек отступает, наивно идут вперед. И — побеждают. Иногда. Хотя чаще гибнут, как и полагается героям.

— А зачем? Зачем посылать марсианскую экспедицию и тратить на это миллиарды, если я, например, уже сто раз там бывал? Нет ничего проще! Кстати, вы знаете, что за чудо находится рядом с застрявшим в прошлом году марсоходом?

Спасатель начинает говорить тише, и подробностей о его замечательных путешествиях я не слышу. И хорошо. Не до развлечений мне сейчас. Кажется, я сделал неверный ход, согласившись лететь в Озерец. Конечно, можно будет в любой момент оставить вместо себя Гришу и вернуться. Но — не будет ли уже поздно? Что, если Крепчалов затеял комбинацию не против КОКОСа — тут у него руки коротки — а лично против меня? Никак не может простить, что, получив от него в наследство Управление, я уже через два года от этого дара отказался, организовал конкурирующую фирму да еще и лучшие кадры с собою увел. Пришлось Витьку покрутиться, прежде чем он пролез в председатели Совета Акционеров. Но все равно, с тех пор в Корпорации дела шли все лучше, а в Управлении — все хуже. Может, таким образом он пытается взять реванш? Собственно, нужно для этого немногое: убрать меня с поста Генерального директора и разорить «осиное гнездо». Не поспособствовал ли я этому? По уставу мы, как верные вассалы, обязаны в случае крупных аварий оказывать содействие Комитету людьми и оборудованием. Так что, начни я отказываться, Витёк быстренько напомнил бы мне соответствующий пункт. С другой стороны, я и сам был не прочь, поскольку один из следов вел как раз в Озерец. Да, но… не слишком ли все удачно складывается? Можно даже сказать, подозрительно удачно. Не станет ли мое решение лететь в Озерец необратимым? Вот и засни с такими мыслями…

Глава 11

Организация работ у спасателей — отменная. Не успели остановиться винты нашего «Ила», а к багажному отсеку самолета уже подкатывает автобус, в который парни без суеты, но очень споро перебрасывают снаряжение. Мы же с Гришей, подхватив свои сумки и кейсы, топаем к виднеющемуся невдалеке зданьицу аэропорта. Торчащая над крышей башенка диспетчерской тускло светит двумя большим окнами, словно негр белками глаз в темной комнате. Остановившись на секунду, Гриша поднимает воротник своей черной, видавшей виды шубы, трет нос перчаткой и ворчит:

— Никакого тебе уважения ни к Главному Эксперту, ни к его свите. Мороз не ниже двадцати, могли бы машину и к трапу подогнать. Я уже не говорю про оркестр. И почетный караул не просматривается…

— Не бухти. Я пока вообще никакой машины не вижу.

Весело поскрипывая снежком, нас догоняет командир спасателей.

— Вы сейчас в гостиницу? — интересуюсь я на всякий случай. — Если за нами не прислали карету — подбросите?

— Нет проблем. Кроме одной: наш дилижанс вначале пойдет на объект, разгрузит снаряжение, а потом уже… Да и пробный заход мы хотим сделать прямо сейчас, не откладывая. Проверим, так ли страшен страх, как его малюют. Если согласны сделать с нами такой крюк — пожалуйста!

Бранников ускоряет шаг и скрывается в здании аэровокзала.

— Гриша, ты видишь на стоянке хоть какой-нибудь автомобиль?

— У меня глаза замерзли, — хитрит Черенков.

— Вот и я не вижу. Топаем взад.

— Может, у диспетчера спросим? — не желает Гриша смириться с очевидным.

— О чем? Не пролетал ли «Боинг» на Париж? Спасатель к ним насчет вертолета пошел договариваться.

Мы возвращаемся к автобусу. Почти все снаряжение уже в салоне, в проходе и под сиденьями, на задних — чуть не до потолка. Спасатели заканчивают погрузку, мы с Гришей занимаем удобные места. Все как в жизни: кто меньше работает, тот лучше устраивается. Мне это удается, как всегда, лучше, чем Грише. Он тщетно пытается подсунуть под задницу край короткой шубейки, потом поднимает опущенный было воротник (в порядке компенсации, что ли?) и съеживается, готовясь через полчаса

окончательно дать дуба. Мое длиннополое финское пальто в этом смысле намного практичнее.

— Не спи, замерзнешь! — дружески советую я Грише. Но он так продрог, что даже не огрызается.

Спасатели, закончив погрузку, рассаживаются на свободные места.

— Там еще какие-то эксперты должны были прилететь с вами. Не попадались? — спрашивает мрачного вида мужчина, одетый в добротное пальто с каракулевым воротником, на голове — каракулевая же папаха. Явно не спасатель. Скорее всего, кто-то из местных.

— Это которых вы с машиной должны были встречать? — исключительно вежливо спрашиваю я.

— Так точно. Но с машиной не получилось. Это вы? Прекрасно. Поехали, что ли?

Вот нахал! Нет, хотя бы извиниться — даже не смутился.

— Не уважают нас, начальник? — подначивает Гриша.

— Как встречают — меня не колышет. Главное, чтобы провожали с почестями, — осаживаю я его.

— Можно ехать! — разрешает вскочивший на подножку Бранников. Двери захлопываются, и в автобусе сразу становится теплее.

— А вы, простите, из института? — ищет повода отомстить Гриша.

— Из него самого, Замначальника отдела кадров Семенов Геннадий Степанович, — представляется не встретивший нас встречающий. Автобус трогается, и ему приходится почти кричать: — А. что вы хотели?

— Да расспросить кого-нибудь знающего, что тут стряслось. Но раз вы из отдела кадров… — разочарованно говорит Гриша. Удочку забрасывает. Клюнет, нет?

— Отчего же? — обижается Семенов. — Нам даже по должности положено многое знать. А иначе как же с людьми работать?

Клюнул. На эту наживку — усомнение в компетентности — все клюют.

— Так, может, вы что-нибудь расскажете нам? — Водитель включил обогрев, Гриша перестал ежиться, и к нему вновь вернулось замерзшее было любопытство. — Что на этом «Тригоне» обсчитывали?

— Пытались отыскать оптимальный вариант экономической стратегии, отрывисто отвечает кадровик, хватаясь за стойку. Автобус, резко повернув, идет юзом, шофер, матерясь, крутит баранку, а Семенов невозмутимо продолжает:

— Эта идея брезжила в светлых умах еще со времен застоя. Только реализовать ее было не на чем. А тут три супера оказались не у дел. Ну, Фонд и арендовал их на два с половиной года. Срок истекал через полторы недели, работали они последнее время — день и ночь.

— Это что же, на трех несчастных суперах они пытались сделать то, что Госплан в свое время не смог и на ста трех? — усмехается Гриша, и в свете проплывающего за окном фонаря на мгновение вспыхивает полоска его превосходных зубов.

— Да нет… У них подход совершенно другой был, можно сказать, противоположный. Перво-наперво они заложили в эти нейрокомпьютеры модель человека. Причем не «строителя коммунизма», а почти настоящего: эгоистичного, ленивого, трусливого. Но и способного к творчеству, а иногда даже и бескорыстного. Учли и то, на чем обожглась перестройка: склонность лидеров к предательству. Плюс мафия, международная и родная, да истощение ресурсов, да утечка мозгов… В общем, в расчете на самое худшее они пытались вычислить путь всеобщей счастливизации.

— Чего, чего? — не разбирает из-за шума мотора Гриша.

— Счаст-ли-ви-за-ци-и, — по слогам повторяет Семенов. — Это у них был самый ходовой термин. Потому что конечной целью предполагалось счастье всех и каждого.

— И как, получилось у них что-нибудь?

— А как же? Видите, даже комиссию прислали, чтобы разобраться с этим «что-нибудь»!

В тусклом свете приборной доски (Семенов садит на почетном месте, рядом с водителем) я вижу, как лицо кадровика искажает гримаса то ли боли, то ли отвращения.

— Поначалу их модель была чересчур детерминированной, не учитывала элементов волюнтаризма и случайности, — продолжает Семенов. — Проверяли ее так: закладывали данные, известные, скажем, с периода застоя, и смотрели, совпадают результаты моделирования на следующее пятилетие с реальными, или нет. Ну, и попадали пальцем в небо. Но потом пришли новые люди, появились новые идеи, что-то они там улучшили, учли явное вмешательство извне, пятую колонну внутри, ну и три дня назад модель, наконец, заработала. А какие получились результаты — вам выяснять, не мне. Мое дело — кадры.

Автобус останавливается, передние двери открываются, и кадровик выскакивает на мороз. Я протаиваю в заиндевевшем окне дырочку. Несколько многоэтажных темных зданий, окруженных довольно изящной металлической оградой,

занесенная снегом автостоянка… У закрытых ворот перетаптывается с ноги на ногу толстый охранник, перехваченный белой портупеей и похожий из-за этого на бочку, стянутую обручами. Возле него постукивает сапожками молодая женщина в искусственной шубке. Свидание у них, что ли? На морозце. Рома-а-антика!

Кадровик подходит к охраннику, что-то говорит ему, помогает открыть ворота. Автобус въезжает во двор, приостанавливается, забирая Семенова и, вместе с ним, волну холодного воздуха, и катит, похрустывая льдинками, уже с внутренней стороны чугунной ограды.

— В хозкорпусе для вас освободили кладовку. Разгружайтесь, а потом провожу вас к месту аварии, — говорит Семенов, когда автобус останавливается и распахивает обе пары дверей. Снаряжение спасателей тотчас, словно само по себе, начинает улетучиваться из салона,

— Поможем? — предлагает совестливый Гриша, В этот момент один из ящиков чувствительно задевает его плечо.

— Пардон! — демонстрирует французскую галантность высокий бородач. Артем, кажется? Борода его не меньше Гришиной, но, с учетом роста, смотрится намного элегантнее.

— Ага, — охотно соглашаюсь я. — Выйдем из автобуса, чтобы не мешать, вот и помощь!

Так мы и делаем. Гриша немедленно поднимает воротник шубейки, закрывает нос перчаткой и становится похож на террориста в черной полумаске.

— Знаешь, нам с тобой тоже надо будет на «объект» сходить. Проведем, так сказать, рекогносцировку, — говорю я Грише, Он молча кивает.

Справа, со стороны ворот, кто-то кричит. Мы разом поворачиваемся. Ничего страшного: просто охранник развлекается со своей кралей. Сюжет банален: она убегает, быстро-быстро переставляя длинные ноги в узких сапожках, он — догоняет. По принципу: не догоню, так согреюсь.

Девушка пробегает мимо нас и прыгает в автобус. Спасатель, выносивший в это время из салона какой-то баул, шарахается в сторону и, поскользнувшись, едва не падает.

— Я целый час твердил ей: нельзя! — объясняет почему-то именно нам с Гришей запыхавшийся охранник. — Она уже почти уходила, а тут вы! Так, не поверите, ухитрилась вместе с автобусом за ворота проскользнуть — и бежать!

Я мало что понимаю, но на всякий случай сочувственно развожу руками: ох уж эти бабы!

Охранник тяжело влезает в автобус, о чем-то разговаривает с

кадровиком и, судя по негромкому спокойному голосу, командиром спасателей. Выходят они очень скоро, все четверо, и направляются к воротам. Девушка вытирает платочком то ли нос, то ли слезы, то ли то и другое попеременно. Вязаная модная шапочка, поношенная шубка, но глаза… Всего лишь один взгляд брошен на меня, вскользь, да и что можно разглядеть в тусклом свете дальнего фонаря? А. вот поди ж ты, забываешь и о непритязательном наряде незнакомки, и даже о морозе.

— Полиномов! — говорит вдруг девушка, полуобернувшись, и таращит на меня заплаканные глаза. Я оглядываюсь на Гришу. Слышит он то же самое или у меня галлюцинация? Судя по отнятой от носа перчатке и полуоткрытому рту слышит.

— Минутку… — говорю я и делаю два неуверенных шага по направлению к удивленным Бранникову, Семенову, охраннику и, самое главное, очаровательной незнакомке.

— Да Полиномов же! — уверяет она сама себя в очевидном и сразу же требует:

— Скажите им, чтобы меня пропустили!

Царица — и та не приказала бы грознее. Я чуть было не бросаюсь исполнять повеление, но быстро спохватываюсь: с какой стати? Однако лицо молодой женщины кажется мне знакомым. Маленький аккуратный носик, светлые пряди, выбивающиеся из-под шапочки, огромные глаза под длинными ресницами… Большего в полумраке не разглядишь.

— К сожалению, у меня нет таких полномочий. А откуда вы…

— Там мой муж. Пеночкам Петр Васильевич! Уже четвертые сутки я про него ничего не знаю! А они не пускают…

Незнакомка сжимает кулачки, и я наконец вспоминаю ее имя: Элли. Ну конечно же, Элли. Прекрасная дама, не пожелавшая утешить одержавшего пиррову победу доблестного рыцаря. То есть это я раньше думал, что пиррову. Только года через три стало окончательно ясно: прав был я, а не Пеночкин.

— Здравствуйте, Элли, — выдавливаю я из себя, словно зубную пасту из засохшего тюбика, два обязательных слова. И смотрю на Семенова. Но он взглядом отсылает меня к Бранникову.

— Нет, — жестко говорит командир «героев». — Никаких женщин в рабочей зоне! Я вообще всех посторонних оттуда выдворю, кто бы они ни были.

— Ну вот! Я же говорил! — хлопает рукавицами охранник. Хлопает, чтобы согреть руки, но получается — аплодирует.

— Я думаю, если Элли побудет пока в автобусе, ничего. страшного не произойдет, — предлагаю я оптимальное решение. — Не возражаете?

Кадровик безразлично пожимает плечами, Бранников, хоть и хмурится, молчит.

— Почему в автобусе? — не соглашается было Элли, но я, аккуратно прихватив ее за рукав шубки, подталкиваю к открытым задним дверям.

М-да. На ловца и зверь бежит. Интересно, понимает Гриша, почему я вдруг повернул на сто восемьдесят градусов? Пеночкин! Виновник аварии Пеночкин! У меня в этом — ни малейшего сомнения.

— Григорию Андреевичу, конечно, можно пойти с вами? — спрашиваю я у Бранникова тоном, не допускающим отрицательного ответа, и впрыгиваю вслед за Элли в автобус. В дверях огладываюсь. Гриша смотрит на меня, словно мальчик в цирке на укротителя, сующего голову в пасть молодой рассерженной тигрице. Для него Элли так и осталась хищной дикой кошкой, от которой следует держаться как можно дальше. Кажется, он не понимает, почему я остаюсь. Думает, что… Ну и пусть. Каждый, как говорится, в меру своей испорченности.

— Не спорьте, — вполголоса говорю я Элли. — Пусть они уйдут, а там видно будет.

Бранников машет рукой, и молча наблюдавшие за происходящим спасатели, подхватив предусмотрительно оставленное на снегу снаряжение, тянутся вслед за командиром в сторону ворот. Гриша — замыкающий. Водитель, умница, захлопывает двери, и в салоне сразу становится уютнее. Мы усаживаемся на теперь уже свободное заднее сиденье.

Глава 12

Да, для Гриши Элли — молодая опасная тигрица. А для меня всего лишь маленькая своенравная девочка, которую мне, за недостатком времени и ввиду неблагоприятной ситуации, восемь дет назад так и не удалось переупрямить. Сегодняшняя встреча — подарок судьбы. За окном — морозная ночь и деловитая работа спасателей, здесь, по контрасту, почти в тепле и уюте, только мы вдвоем. Кимарящий за рулем водитель не в счет. Только Прекрасная Дама и ее верный рыцарь, примчавшийся по первому зову вызволять из беды… мужа Прекрасной Дамы. М-да. Нескладуха получается. Значит, просто: по зову Прекрасной Дамы. И точка.

— Вы спасете Петю? — спрашивает Элли после неловкого молчания и дует на озябшие руки, прямо сквозь тонкие шерстяные перчатки.

— Да. Уверен, да!

Такая надежда вспыхивает в больших — серых, помнится? глазах… Счастливчик Пеночкин. Только вряд ли он понимает это.

— Именно для этого я и приехал, — продолжаю я столь же самоуверенно, — Но без вашей помощи мы не справимся.

— Что я должна сделать? — спрашивает Элли тоном записной отличницы.

— Прежде всего рассказать все, что знаете о работе своего мужа за последние два с половиной года.

Вначале — дело. А любовь — потом. Я этому правилу никогда не изменяю, и еще ни разу об этом не пожалел. Ибо заметил: успехи во втором приходят исключительно после успехов в первом. Нет, ну надо же: Пеночкин! И самый надежный источник информации — его жена — почти у меня в руках. Немного дружеского участия, чуть-чуть мужского внимания — и кладезь нужных сведений откроется.

— Я знаю очень мало, — со вздохом говорит Элли, наклоняя голову чуть вправо и поправляя выбившиеся из-под шапочки волосы. Этот взгляд — чуть искоса, сбоку — очень идет ей. Вряд ли она понимает это умом. Но инстинкт безошибочно подсказывает каждой женщине оптимальные для нее взгляды и жесты. — Он последнее время очень много работал, со мною почти не разговаривал. Просто — некогда было, понимаете?

Прекрасно понимаю, девочка. Пропадать днями и ночами на работе, оставляя без присмотра такое сокровище… Жаль, я не знал. А то был бы Пеночкин рогат, как благородный олень.

— Он что, продолжал заниматься проблемой «артегом»?

— Нет. После того, как вы… убили нашу «Элли», он очень переживал, долго не мог устроиться на работу… Воссоздать «Элли» оказалось невозможно — вы ввели в сети какую-то непробиваемую защиту, — а специализированные центры появились гораздо позже, через несколько лет. Чем Петя только не занимался! И йогой, и летающими тарелками, и с экстрасенсами связался…

М-да. Кажется, Элли до сих пор дуется на меня из-за тезки-артегома. Но в то же время посматривает иногда своим коронным взглядом. Значит, все-таки хочет понравиться?

Не надо обольщаться. Просто от меня зависит судьба ее любимого мужа.

— Не убил, а отключил. Напоминаю, для меня это был лишь хитроумный и опасный компьютерный вирус, которым злоумышленник заразил локальную сеть «Эллипс».

Элли смотрит на меня совершенно иначе, нежели минуту назад.

«Ты прекрасно знал, что это не вирус!»

«Знал. Но «искусственное сознание» — опаснее всякого вируса».

Элли бессильно опускает ресницы и разжимает сжавшиеся было в кулачки пальцы. Поединок взглядов я выиграл.

— Вы не знаете, почему Петю никуда не брали на работу?

— Догадываюсь. В Управлении компьютерных сетей есть картотека, где значатся все выявленные технокрысы страны. Ваш муж был определен в ней как особо опасный преступник. А директора вычислительных центров, прежде чем взять на работу нового сотрудника, уже в то время имели обыкновение наводить о нем некоторые справки.

— Это бесчеловечно!

— Напротив, чрезвычайно гуманно! Бесчеловечным было бы, наоборот, не препятствовать технокрысам проводить сомнительные эксперименты с компьютерными сетями, прекрасно зная, что рано или поздно это приведет к авариям и гибели ладей. Такие случаи уже были.

Я делаю паузу, ожидая возражений, но Элли молчит.

— К тому же через несколько лет центры по изучению проблемы «артегом» все-таки появились. Петра Васильевича, пионера работ в этой области, с радостью приняли бы на любой из них.

— К тому времени, когда появились «Детка» и «Гомункулус», Петя уже охладел к этой проблеме. Мы убедились: артегомы боковая, тупиковая ветвь развития разума. Кроме того, «Элли» умирала так мучительно… Вы должны помнить… Петя пришел к

мысли, что заниматься артегомами — просто жестоко. После каждой неудачи им, несчастным, полностью стирают память. То есть-убивают их. Петя полгода проработал с «Лилит», но после первой же «перезаписи» уволился. Он и до сих пор вскрикивает во сне: «Элли!» — таким страшным голосом, что дочка пугается. И я точно знаю, зовет он не меня, а ту, которую вы… убили.

Голос Элли начинает дрожать. Нужно срочно менять тему.

— И все-таки, хотя бы приблизительно, чем он занимался на «Тригоне»? Официальную версию я знаю: экономическая модель развития страны. Но Петр Васильевич не тот человек, который будет выполнять только плановую работу. Отвлечь от проблемы искусственного сознания его могла только другая, еще более грандиозная цель. Какая?

Скажет, не скажет? В том, что эта женщина умеет хранить тайну, я убедился еще в прошлый раз. Но сейчас, когда жизни мужа угрожает опасность… Я бы на ее месте выложил все, что знал.

— Я могу только догадываться. Мне после рождения ребенка, — Элли гордо вскидывает подбородок, — на работу так и не пришлось выйти, а дома Петя не очень-то… Да и некогда нам на эти темы разговаривать. Вообще-то он, когда с «Лилит» расставался, много думал, чем дальше заниматься. Он считал… — Спохватившись, что говорит о муже в прошедшем времени, Элли исправляется: — Петя считает, что вся наша наука, весь технический прогресс — всего лишь средство. Цель же, неизменная во все времена, очень проста: счастье всех и каждого, то есть счастье человечества!

Морозный румянец на щеках Элли переходит в румянец волнения, прекрасные глаза загораются чудесным внутренним огнем, и я перестаю слушать свою собеседницу.

Кажется, она испытывает что-то вроде экстаза. Так вот чем Петя ее взял… Как это я еще в прошлый раз не догадался? Но теперь ключик от драгоценного ларца, считай, у меня в кармане. Воспользоваться?

Я вздрагиваю. Только теперь до меня доходит весь смысл сказанных Элли слов. Странно: полчаса назад, впервые услышав термин «счастливизация», я воспринял все как курьез. В который раз уже: «счастье человечества». Самая банальная среди самых грандиозных целей. Но теперь, когда рядом с нею замаячила фигура Пеночкина… Непризнанный гений и грандиозная цель — самое опасное сочетание, какое только можно представить. Гремучий газ, ядерная бомба, звезда Полынь… Нужно действовать — и немедленно!

— Жаль, но ничего существенного вы не сказали. Может

быть, у Петра Васильевича есть какие-то публикации, дневники, записные книжки? Поймите, речь идет о жизни вашего мужа, и все, что хоть как-то связано с его работой в последние полгода…

Элли отрицательно качает головой.

— Боюсь, ничем не смогу вам помочь. Квартира у нас крохотная, так что все материалы он держал у себя в институте. А туда сейчас не пройти.

— И все же… Если что-нибудь найдете, или вспомните, самую незначительную деталь… Обязательно сообщите. Я — главный эксперт комиссии по расследованию, вам подскажут, где меня найти.

Замерзшие окна автобуса вспыхивают льдистыми узорами: где-то недалеко проехал автомобиль. Шофер, насторожившись, открывает передние двери и пытается что-то высмотреть там, в темноте и холоде.

А может, ну их, эти компьютеры, комиссию и Пеночкина? Будет утро будет и работа. А сейчас… Дать шоферу пару ассигнаций… Городок небольшой, сколько тут до гостиницы — десять минут? Мигом домчит и вернется…

Элли, извинившись, вскакивает и бежит к открытым дверям. Мне ничего не остается, как идти следом.

— Тише ты! Шальная! — ругается водитель. Пытаясь что-нибудь увидеть, Элли едва не выпадает вместе с ним из автобуса. — Кажется, «скорая» поехала, — добавляет он, безуспешно пытаясь вернуться на свое место,

— Мы должны быть там! — говорит Элди и смотрит на меня так… Смотрит так…

— Давай, браток! Давай туда! Может, и мы на что сгодимся! — говорю вдруг я, сам удивляясь своей решительности.

— Да нельзя же! Там еще один пост, не проедем, — пугается водитель.

— Давай, братец! Я отвечаю! Скажешь в случае чего — Главный Эксперт заставил. Все, что угодно потом говори, но — давай! Предложить ему денег? Или лучше достать инъектор?

— Там же люди! Помощь нужна! — не понимает его нерешительности Элли. И этих ее слов оказывается достаточно.

Глава 13

Шофер, почти грубо оттолкнув нас обоих, прыгает за руль, дергает за рычаг скоростей, и я еле-еле успеваю, подхватив Элли, плюхнуться на ближайшее сиденье.

Браво, водитель! Отличный маневр! Элли дважды пытается встать с моих колен, но только после разворота автобуса ей удается перебраться на место рядом с моим.

Лобовое стекло прозрачно, и в свете фар хорошо видна заснеженная дорожка, прутья ограды справа, торец, темного здания слева. Обогнув его, автобус проскакивает между двумя корпусами, поворачивает… Откуда-то сбоку, отчаянно размахивая руками, выбегает охранник. Водитель резко тормозит, автобус заносит. Я вскакиваю, тяну Элли к задним дверям и, дождавшись, пока охранник, остановившийся перед капотом, начнет обкладывать шофера по всем правилам древнего искусства, рывком открываю двери.

— Быстрее!

Элли, мигом сообразив, что от нее требуется, выскакивает из автобусика, я — следом. Мы мчимся куда-то в темноту. Только бы не поскользнуться и не упасть! А за водителя я словечко замолвлю, если понадобится.

Мы поворачиваем за угол какого-то здания. Впереди, за десятком заиндевевших деревьев чахлого скверика, тревожно светят красным габаритные огни нескольких автомобилей, мельтешат фигурки спасателей. Фары всех машин включены и направлены на открытые входные двери стоящего к нам фасадом мрачного темного корпуса. На его пятом этаже, с левой стороны, светятся несколько окон.

— Здесь! — выдыхает Элли.

Мы останавливаемся неподалеку от автомашин. Элли никак не может отдышаться, да и я тоже… не в лучшей спортивной форме. Еще и снега черпанул сапогами… К «скорой» несут кого-то на носилках.

— Говорил же я ему! Говорил? — бьет себя по бедру кулаком высокий представительный мужчина. Сняв запотевшие очки, он близоруко щурится и пытается что-то разглядеть там, на снегу, в беспощадном свете автомобильных фар. Носилки задвигают в «рафик», вслед за ними в нутро микроавтобуса ныряют двое спасателей. Элли дергается было бежать к «скорой», но я удерживаю ее за рукав.

— Из корпуса никто не выходил. Следов на снегу нет. Это у спасателей что-то произошло.

«Рафик» круто берет с места, взвизгивает на повороте тормозами, и его красные огни скрываются за углом соседнего корпуса.

— Узнайте, что произошло, — требует Элли.

— Хорошо. Только не высовывайтесь. Встаньте вон за то дерево и ждите.

Высмотрев среди спасателей Бранникова, я подхожу к нему поближе. «Герои» стоят редким кружком; в центре, полуобнявшись, двое: один большой, другой еще больше: оба слегка покачиваются. Словно блюз танцуют. Гориллоподобный гигант, облапив одной рукою своего партнера, кулаком второй размазывает по лицу слезы вперемешку с соплями и, рыдая, пытается спрятать лицо на груди своего товарища. Поскольку тот почти на голову ниже, сделать это трудно.

— Я домой хочу… К маме… И зачем я только сюда приехал… — скулит гориллоподобный.

Странно, но никто даже не улыбнется.

Меня отодвигают двое плечистых ребят в пуховиках.

— Иван, разреши нам! Мы пройдем, вот увидишь!

— Не разрешаю! — отрезает Бранников. — Что с Костей стало, видите? Артем вообще без сознания. Не разрешаю! Утром прилетит вертолет — тогда у вас будет шанс.

Я оглядываюсь. Бранникову сейчас не до меня, его «героям» тоже… Гриша! Ну конечно, Гриша. Вот кто нам сейчас все расскажет.

Черенков стоит возле милицейского «бобика», прикрывая ладонью нос, и задумчиво смотрит на пять освещенных окон. Я трогаю его за рукав. Гриша вздрагивает.

Очнись. Идем, расскажешь, что тут приключилось.

Мы подходим к Элли, которая, подняв воротник шубки и пританцовывая, одновременно пытается согреть свои руки, дыша на них сквозь тонкие вязаные перчатки.

— Я не очень-то, честно говоря, понял, что произошло, — говорит Гриша. — Два «героя», обвязавшись веревками и почему-то с портативными рациями за плечами — хотя там идти всего ничего до дверей, громкий разговор, и тот слышен — пошли к этому злополучному корпусу, но на полдороге один вдруг круто повернулся и побежал назад, а другой, Артем, прошел еще метра три, зашатался и упал. Его вытащили веревками. Первый, когда его поймали, — он судя по скорости, далеко разогнался — все повторял трясущимися губами: «Фобос и Деймос! Фобос и Деймос!» А потом начал плакать и запросился домой, к маме. Артема… Но это вы, наверное, уже и сами видели.

— Фобос и Деймос… — тихо повторяет Элли. — В переводе с

древнегреческого — Страх и Ужас.

Гриша бросает на нее быстрый взгляд — подумаешь, эрудитка нашлась! и машет рукой в сторону очкарика, над которым багрово клубятся выхлопные газы «бобика»: — Тут, кстати, председатель нашей комиссии ошивается. Тебе, наверное, следует…

Я сам знаю, что мне следует.

— Оставляю нашу Прекрасную Даму на твое попечение. Не попадайтесь на глаза командиру и вообще никуда стегала не уходите.

Авось в суматохе Элли не заметят. Не хочется начинать со скандала.

Председатель разговаривает о чем-то с двумя спасателями. А какой-то чудак в осеннем пальто и тонкой вязаной шапочке «петушок» тянет в темноту упирающегося Бранникова. Вывел за границу освещенного фарами машин сектора и показывает ему что-то на крыше, как раз над освещенными окнами.

— Позвольте представиться: Полиномов Павел Андреевич, главный эксперт комиссии по расследованию, — говорю я председателю, воспользовавшись паузой в его беседе со спасателями. Те, словно испугавшись чего-то, сразу же исчезают в темноте. Председатель снимает почему-то не перчатку, а очки, и протягивает мне руку.

— Сапсанов, Анатолий Михайлович.

Я тоже не снимаю перчатку. Когда мороз за двадцать, некоторые правила этикета вымерзают, словно нежные плодовые деревья.

— Вы только что прибыли? Нехорошие дела тут творятся, — говорит Сапсанов, не давая мне ответить на свой же вопрос. — Двух женщин сегодня вечером увезла «скорая» с непонятно каким диагнозом. Тоже пытались пройти, — машет он рукой в сторону корпуса. — Я говорю командиру спасателей: «Не повторяйте ошибок, поберегите ладей». А он в ответ: «Риск наша работа». Разве так можно?

Две последние фразы Сапсанов произносит намеренно громко, чтобы стоящий невдалеке Бранников их тоже услышал.

— Мы — спасатели, — тотчас отзывается из темноты командир «героев». И в первую очередь думаем о людях, которым грозит опасность, а уж потом о себе. Сколько те, что остались в корпусе, без воды? Четвертые сутки? А если они еще и без сна? Каждая минута на счету. Не будем больше об этом. Вы лучше подойдите сюда, посмотрите. Может, я ослеп?

Мы и без приглашения подошли уже почти вплотную.

— И что нужно увидеть? — интересуюсь я. — Ведьму на

помеле?

Чудак в осеннем пальто открывает было рот, но Бранников поспешно, чуть ли не ладонью, останавливает его,

— Не говорите! Чтобы чистоту эксперимента не нарушать. — И, повернувшись к нам, требует: — Смотрите на крышу над окнами и выше.

Мы дружно, словно скворчата в гнезде при подлете родителя, задираем вверх головы. В тусклых бликах ночного города скорее угадываются, нежели наблюдаются тяжелые, беременные снегом тучи, едва не задевающие крышу корпуса. И больше — ничего. Заслонив ладонью освещенные окна, я еще раз всматриваюсь в темноту. Все равно пусто.

— Я ничего не вижу, — сдается Сапсанов.

— Я тоже. А что видите вы? — спрашиваю я у морозостойкого чудака. Мало того, что пальто осеннее — так он еще и без шарфа!

— Тускло светящийся эллипс, как раз над окнами, примерно на ладонь выше крыши, — поясняет он обиженно. — Неужели у вас настолько атрофировалось внутреннее зрение, что вы даже этого не видите?

Голос чудака мне знаком. Да это же… Ну конечно, спасатель, травивший в самолете про полеты на Марс и элементарность телекинеза. Они, кстати, все просто помешались на предстоящей марсианской экспедиции. Один воображает, что уже побывал там, другой повторяет имена спутников Марса…

— Нет, не видим, — подводит черту командир «героев» и вдруг исчезает, словно выпущенная из лука стрела. Через секунду его ругань раздается откуда-то из-за автомобилей:

— Кто пропустил? Не зона, а проходной двор!

Я проскальзываю между машинами. В свете фар маячит фигура Бранникова, обремененная чем-то объемистым. Похоже, он какой-то мешок несет на правом плече, облапив его двумя руками.

— Пусти! Руку сломаешь, медведь! — слышится глухой, словно из-под одеяла, голос Элли.

Гриша стоит рядом со мною и, отряхивая с шубы снег, оправдывается:

— Шальная баба… Заговорила мне зубы, а сама шасть за машины… Я следом, да поскользнулся…

Бранников подходит к нам, аккуратно, как только начавшую ходить малышку, ставит Элли на ноги и, не отпуская рукав ее шубки, машет своим.

Мгновенно подлетают два молодца, тактично ждут, пока Элли вытрет платочком слезы и носик.

— В автобус, и глаз с нее не спускать! — сурово приказывает

командир «героям».

— Там мой муж! — оправдывается Элли, но спасатели, подхватив ее под руки, мягко и неумолимо уводят в темноту.

— Тоже мне, декабристка выискалась, — ворчит Бранников, и в голосе его слышится откровенная зависть. — Вы, кажется, в гостиницу хотели? Пошли!

Мы шествуем прямо через сквер, и я стараюсь попадать в следы впереди идущих спасателей. Ноги замерзли так, что я их уже почти не чувствую.

— Ну, а ты что узнал? — спрашивает идущий рядом Гриша.

— Немного. Пеночкин перестал делиться своими планами даже с любимой женой. Но прошлый опыт учит: там, где появляется наш давний знакомый, начинает действовать простенькое уравненьице: Компьютеры плюс Пеночкин равняется Опасность.

— Ты думаешь, это он?

— Конечно. Последствия счастливизации ты видел. Да еще возле компьютеров трое счастьем маются…

Глава 14

Для работы комиссии руководство института отвело большую светлую комнату, уставленную письменными столами, с видом, кстати, на злополучный седьмой корпус. Только не с той стороны, где даже днем тускло и зловеще светятся окна, а с противоположной. В комиссию, кроме нас с Гришей, входят еще человек десять: один из конструкторов нейрокомпьютера «Мудрец», замглавврача городской больницы, представители прокуратуры, милиции, пожарных и даже экстрасенс! Тот самый, что летел с нами в самолете. Никакой он, оказалось, не спасатель. А Сапсанов — из комитета по вычислительной технике и информатике. Как издавна принято, расследует причины аварии ставленник главного ее виновника. Молодец, Крепчалов, вовремя подсуетился!

Собравшись у больших, в полтора человеческих роста, окон, комиссия во главе с председателем наблюдает сквозь незамерзшие прогалинки за вертолетом, то зависающим над крышей седьмого корпуса, то взмывающим ввысь, а я тоскливо сжимаю кулаки.

Паноптикум какой-то, а не комиссия. И вовсе не правительственная, как сулил Витек. Зачем я ввязался в это дело? Точнее, зачем Витек выпихнул меня из Москвы? Чтобы, воспользовавшись вирусом «шизо», разворошить «осиное гнездо»? Он давно на моих вирусогенов зубы точит. Собирай их потом по всей стране. Сколько бед натворят…

Вертолет в очередной раз снижается, поднимая с плоской крыши облако снежной пыли. Из облака вылетает, рассыпая искры, красная ракета, вертолет поднимается на десяток метров, скользит вдоль корпуса, снова снижается. В моменты подъема видна болтающаяся под брюхом желто-синей стрекозы веревочная лестница с маленькой оранжевой фигуркой на нижних ступеньках.

— А почему Бранников сам летает, аки баба Яга в ступе? — тихо спрашивает стоящий рядом со мной Гриша. — Командир должен руководить, а не работать вместо рядовых исполнителей, и уж во всяком случае не лезть туда, где опасно.

Молодец. Чувствуется моя школа. Я, как возглавил Корпорацию, не уставал вбивать в головы своему «офицерскому корпусу» эту очевидную мысль. Имея в виду явно — их, неявно — самого себя. Но Гриша, кажется, принял эту максиму за догму.

— Для командира риск невелик. Почувствовав границу «инферно», он сразу же пускает ракету, дублирует команду по

рации, и вертолет поднимается. Любой из «героев», дабы не сочли трусом, спускался бы гораздо ниже, рискуя попасть потом в больницу.

— А Бранникову разве не надо доказывать собственную храбрость?

— Нет. Он уже не раз делал это, иначе не стал бы командиром. Теперь он должен доказывать другое: что умеет удержать своих «героев» от ненужного риска.

— Что же он вчера их не удержал?

— Ни один человек в мире не мог бы убедить вчера ни одного из спасателей, а тем более Бранникова, что существует беспричинный страх, который они не смогут преодолеть.

— А на лестнице он прохлаждается… ага, чтобы пилот не попал нечаянно в «поле ужаса» и не попытался, ошалев от страха, взлететь выше стратосферы…

Гриша смущенно сгребает в кулак бороду, как обычно, когда ляпает с умным видом что-нибудь очевидное.

— Я всегда знал: охотникам на вирусов смекалки не занимать! восхищаюсь я его сообразительностью.

К нам подходит экстрасенс. На нем поношенный серый пиджак, черные брюки и клетчатая фланелевая рубашка с узким галстуком. Понятно: комиссия дело серьезное, можно даже сказать, официальное, потому и галстук.

— Вы и сейчас ничего не видите? — спрашивает он тихим трагическим голосом.

— Как это? Вертолет видим, спасателя видим и, по-моему, даже экстрасенса Мартьянова видим! — сердечно улыбается Гриша. Я подтверждаю его слова легким кивком головы.

— Значит, не видите, — жалеет нас экстрасенс и отходит поближе к окну.

— Значит, не употребляли с утра, — передразнивает его Гриша и трагически вздыхает.

Вертолет исчезает за корпусом семь, высаживать продрогшего до костей Бранникова, а майор-связист, рисовавший что-то в блокноте, удовлетворенно хмыкает:

— Так я и думал. Поле страха имеет форму эллипсоида вращения с центром примерно в той точке, где находятся компьютеры.

Уважаемые члены комиссии, отлипнув от окон, окружают майора с его нехитрым рисунком. Подумаешь, открытие сделал. Сфера или эллипсоид — какая разница? Главное, что корпус семь полностью лежит в его пределах и, таким образом, недоступен ни сверху, ни с боков, ни снизу. Через подземные коммуникации спасатели пытались пройти еще ранним утром, до прилета

вертолета, К счастью, «скорая» никого на этот раз не увезла. Уж есть какой-то опыт. Не в преодолении беспричинного страха, а в своевременном определении его первых симптомов.

— Продолжим, господа? — говорит Сапсанов. — Мы должны заслушать сегодня свидетельства инженеров-электроников.

Комиссия заседает второй день, но сделали они немного. К тому же сегодня, после бессонной ночи, только после обеда и начали толком работать. Вчерашние протоколы я полистал: фамилии инженеров, оставшихся в машзале, кроме Пеночкина — еще двое, точное время, когда поднялась первая волна страха, да что произошло дальше… Ничего существенного, строго говоря, и не произошло. Несколько смельчаков, во главе с директором НИИ, пытались пройти в корпус семь, но с позором бежали, одну женщину (а не двух, как уверял вчера Сапсанов), пытавшуюся спасти сына, увезли в больницу, после чего у корпуса выставили охрану. А компьютеры работают, все три. Входящий в комиссию пожарник хватается за голову: не дай бог пожар — сгорит на миллионы, а подойти к корпусу нельзя. Уже, я знаю, созванивался с областью, выяснял, можно ли в случае чего использовать пожарную авиацию. Глупость, конечно. Ну, зальют они крышу, а толку-то? Она, конечно, простоит некоторое время, пока внутренности не выгорят, но потом все равно упадет. Нужно просто отключить в корпусе семь электроэнергию. Но распределительный щит именно в корпусе семь и расположен! А отключать подстанцию руководство института не разрешает; у них какой-то непрерывный цикл еще не закончен, убытков было бы — на сотни тысяч.

— Следующим у нас будет завсектором… — Сапсанов сдвигает на лоб очки, смотрит на выуженный из портфеля список, но, прежде чем назвать фамилию, включает лежащий на столе диктофон. Все понятно: этими кассетами он собирается собственную задницу прикрывать, когда с него начнут спрашивать за неэффективную работу комиссии. А он им — километры магнитофонной ленты. Разбирайтесь, господа судьи, можно было на основании этой информации принять грамотное решение или нет. Конечно же, нет. Потому что ключевых данных на кассетах как раз и не окажется.

— Минутку! Разрешите вначале мне пару слов!

Экстрасенс вскакивает со своего стула у окна и, не дожидаясь приглашения, спешит к столу председателя.

— Позвольте, у нас регламент! — пытается возражать Сапсанов, но Мартьянов уже стоит рядом с его столом и, зябко сложив перед грудью ладони (все-таки и его холод достает), поучает:

— Мы с вами напрасно теряем время. Никакие опросы специалистов ничего нам не дадут. Проблема лежит совершенно в другой плоскости, точнее в другом измерении. Если бы вы владели даром экстрасенсорного восприятия, то для вас так же, как и для меня, было бы совершенно очевидно, что над корпусом семь висит тарелка.

— Что-что? — удивленно спрашивает военный.

— НЛО, в просторечии — летающая тарелка, или АЯ, то есть аномальное явление, — спокойно поясняет Мартьянов.

— Позвольте, вы ее что… и сейчас видите? — спрашивает майор таким тоном, словно Мартьянов вещает не о зеленых человечках с летающих тарелок, а о белогорячечных (тоже зеленых, как правило) чертиках.

— Столь же отчетливо, как вас, — отвечает экстрасенс с таким достоинством, что пристыженному майору только и остается, что развести руками,

— Я понял, в чем дело, — громко шепчет Гриша. — Эта летающая супница пытается похитить нашего Пеночкина как величайшего гения Вселенной, надеясь извлечь из его способностей неописуемую пользу.

— Бедные зеленые человечки! Эта будет их последней ошибкой! мгновенно откликаюсь я. — Совершать остальные будет уже просто некому.

— Так вы считаете, что виновник аварии — НЛО? — пытается понять экстрасенса председатель.

— Никакой аварии, в сущности, нет. Компьютеры прекрасно работают и выдают всю интересовавшую нас, вернее, создателей «Тригона», информацию. Но считывают ее, то есть изучают наше будущее, не оставшиеся возле компьютеровсотрудники, а- экипаж НЛО. И, видимо, гуманоиды будут весьма благодарны людям за предоставленную возможность. Теперь им не придется посылать многочисленные аппараты для наблюдения за нами и корректировки нашего развития. Все нужные данные они получат от «Мудрецов», а может уже получили, и сейчас уточняют результаты моделирования точечных воздействий. Их, с учетом полученной уникальной информации, будет нужно совсем немного.

— Точечных — чего? — просит уточнить майор.

— Воздействий, — охотно поясняет Мартьянов. — Для изменения если не направления, то во всяком случае темпов развития нашей цивилизации достаточно, в общем-то, совершенных пустяков. Не будь у Наполеона сильнейшего насморка во время решающего сражения, не отдай он всего лишь одного ошибочного приказания — и мир сейчас мог бы быть

совершенно иным. Но это общеизвестно.

Гриша возмущенно фыркает.

— Прошу вас, давайте более конкретно, — требует председатель. Допустим, это действительно НЛО. Что мы должны делать?

— Я уже спрашивал у рамки. И она ответила вполне однозначно: ничего!

Гриша прыскает в бороду.

Члены комиссии не выдерживают.

— То есть как?

— А люди?

— У кого вы спрашивали?

— Хватит ерундой заниматься! Председатель! Зовите специалистов!

Мартьянов невозмутимо достает из внутреннего кармана пиджака изогнутую буквой «Г» металлическую спицу и что-то тихо говорит. Спица тотчас, словно пушкинский петушок, поворачивается и ударяет экстрасенса в подставленную ладонь левой руки.

— Вот видите! Ничего делать не нужно! — радуется подтверждению Мартьянов.

— Шарлатан! — отчетливо говорит военный.

— Отнюдь нет, — ни капельки не обижается Мартьянов. — У вас, кстати, с печенью не все порядке, после заседания подойдите, пожалуйста, я вас вылечу. Бесплатно.

Майор, судя по реакции, сражен наповал. Смотрит на Мартьянова остекленевшим взглядом и молчит. На остальных это тоже подействовало. Понятно, у каждого есть какие-то болячки, причем куда более достоверные, нежели НЛО.

— Да, но там остались люди!

Мартьянов тихо советуется с рамочкой. Дважды она бьет его по ладони, а потом отклоняется в другую сторону и, словно ствол дуэльного пистолета, целится прямо мне в переносицу. Поскольку мы с Гришей сидим близко от председателя, я совершенно отчетливо вижу, что это не спица, а тонкостенная трубочка.

— С людьми ничего плохого не случится. Они сейчас временно отключены от реальности. Послезавтра тарелка улетит — и они придут в себя. Правда, помнить ничего не будут. А так — все в порядке.

— Значит, уже послезавтра мы узнаем свое будущее?

— Мы? Нет, не узнаем. Ни послезавтра, ни через неделю, никогда. Вся информация о будущем будет уничтожена, и «Тригон» станет просто тройкой заурядных суперкомпьютеров. Или даже…

Мартьянов шепчется о чем-то с рамкой, она ударяет его по левой ладони, и экстрасенс уточняет;

— И даже не компьютеров, а просто полупроводниково-оптического металлолома.

— У вас все? — с надеждой спрашивает Сапсанов.

— Да. Я знал, что вы мне не поверите, но счел своим долгом… Теперь совесть моя чиста. — Мартьянов, не обращая внимания на ехидные улыбки, возвращается к окну, долго скрипит стулом и, наконец, застывает в позе «скромность и достоинство».

— Тебе что, не смешно? — тычет меня в бок Гриша.

— А ты смог бы стоять на своем, зная, что это вызовет только смех и улыбки? — невежливо отвечаю я вопросом на вопрос, и Гриша перестает улыбаться. Но, поразмыслив, добавляет:

— Смог бы. Если бы знал наверняка, что уже сегодня вечером половина из насмешников придет ко мне на диагностику. И тогда уже я буду над ними посмеиваться — втихаря, конечно.

— Внимание, господа! — хлопает в ладони Сапсанов. — Продолжаем опрос специалистов. Слушаем завсектором обслуживания ВК Вячеслава Борисовича Бирюкова.

Завсектором — толстый, лысоватый и усатый мужчина лет сорока начинает долго и путано объяснять, как они приспосабливали «Мудрецов» к решению «нестандартной», как он выразился, задачи.

— В какую-либо компьютерную сеть комплекс был включен накануне аварии? — пытается Гриша сразу ухватить быка за рога. Молодец. Моя школа: не отвлекаясь на детали, сразу переходить к главному. Я ему вчера не сказал, что источник вирусной инфекции, возможно, находится в Озерце. Но он, похоже, и сам проинтуичил.

— Нет, конечно, — уверенно отвечает Бирюков. — До сдачи в аренду «Тригон» был соединен с ближайшим узлом сети «Невод», но после того, как мы начали его достраивать, сертификат на включение в сеть, естественно, потерял силу.

— Ты чего? — испуганно спрашивает меня Гриша. — Застыл, словно изваяние, и глаза какие-то… остекленевшие.

— Все в порядке. Медитирую.

Я снова начинаю дышать и даже улыбаюсь — ради Гриши, чтобы он не переживал за меня.

Так, значит, родина вируса «шизо», поразившего сети, — вовсе не Озерец? Во всяком случае, не ВК «Тригон». Но тогда что я здесь делаю? Вместе с Гришей, лучшим охотником Корпорации? Получается, нас просто выключили из игры?

— Для чего вам понадобилось в десять с лишним раз

увеличивать количество каналов обмена между компьютерами? — строго спрашивает конструктор «Мудреца». От этого простого вопроса Бирюков вздрагивает, съеживается и, промакивая лысину большим клетчатым платком, бормочет что-то про уникальное программное обеспечение, разработанное Пеночкиным в расчете на суперкомпьютеры «Крэй», которые Фонд должен был закупить, но так и не закупил. Это оригинальное ПО могло быть адаптировано для «Мудрецов» в том и только том случае, если и сами они будут адаптированы…

— Слушай, Гришуня, — шепчу я в промежуток между бородой и шевелюрой своего соседа, — а почему ты про сеть спросил? Что надоумило?

— Не что, а кто, — простосердечно признается Гриша, — Грибников первый подметил, что следы вируса, возможно, ведут в Озерец. А тебе Воробьев разве де говорил?

— Да упоминал что-то такое мельком.

Так-так… Значит, идею про связь вируса с «Тригоном» подбросил нам в «Кокос» Грибников. Словно «жучка» или «сверчка». И мои подчиненные, как глупые окуни, тут же клюнули и потащили наживку ко мне. Я тоже сразу не разобрался…

— Еще в каком-то вирусе упоминался «Тригон», — подсказывает Гриша. Я был уверен, что именно поэтому мы и полетели в Озерец.

— Поэтому, поэтому… Только «Тригон», оказывается, отключен от сетей!

— Кто сказал, что отключен? — изумляется Гриша.

— Да вот же, Бирюков!

— Он этого не говорил. Сертификата у них нет — это да. Но неужели ты думаешь, что Петю Пеночкина это остановило бы?

И в самом деле. Что-то я чересчур нервным стал. Подозреваю чуть не каждого встречного… Но все равно, в этом вопросе надо разобраться.

— А для чете вам понадобились телекамеры? — продолжает задавать вопросы конструктор «Мудреца». — Целых три штуки. Я тут посмотрел некоторые документы и раскопал такое! — Повернувшись к Сапсанову, он начинает загибать пальцы: — Три широкополосных микрофона, дюжина термодатчиков, шесть акселерометров, и даже… Нет, вы подумайте только, даже три анализатора запахов, уникальные опытные образцы! Для чего все это было нужно, потрудитесь нам пояснить!

Бирюков еще больше съеживается, переплетает короткие пальцы, поросшие черными волосками, и растерянно опускает глаза.

— Не знаю. Эти работы велись по отдельному графику.

— И заведующий сектором не контролировал их? — удивляюсь я. Ну и порядочки! Да если бы я не знал хотя бы об одной из ведущихся на фирме работ — грош цена мне была бы как директору! А тут несчастный завсектором не удосужился поинтересоваться…

— Дело в том, что они и финансировались отдельно. Фирма «Солнце» вторично арендовала у нас эти компьютеры вечерами. Она-то и закупила всю эту экзотику, о которой вы говорите,

— Ну что, шеф, похоже, Пеночкин опять принялся за старое? Все это весьма напоминает историю с «Элли», — шепчет Гриша.

— Да. Только на этот раз он предусмотрел систему защиты. Довольно оригинальную, надо сказать.

— Интересно, как он сделал этот «генератор ужаса»?

— Нет проблем. Подключил обычный пугастер к источнику постоянного страха — и у всех волосы дыбом.

— Пугастер? — не сразу понимает Гриша,

— От слова «пугать», — подсказываю я. — Если есть кластер и фломастер, то почему бы не быть и пугастеру? Давно пора изобрести.

— Хорошо нам тут изощряться… — мрачнеет Гриша. — А там люди…

— В Корпорации тоже люди. Мы с тобой непонятно чем здесь занимаемся, а по сетям вирус гуляет. Разгонят нашу фирму — ты быстро новую работу найдешь?

— Быстро. Может, не такую интересную, но — быстро. Тебя, кстати, тоже, любая компьютерная фирма возьмет.

— Старшим помощником младшего программиста? Пеночки знал, на что идет. И те, кто с ним, тоже. Во всяком случае, догадывались. А вот мы с тобой… Ладно. Ты здесь поприсутствуй пока, а я попытаюсь связаться с «Кокосом» и узнать последние новости.

— Я как раз подумал о том же самом. Мне Воробьев обещал переслать «бредни» этих спятивших артегомов. Захватишь? — оживляется Гриша. Сапсанов стучит карандашом по столу.

— Ну, если они уже готовы…

Бирюков, бледный и вспотевший, вещает что-то про трудности финансирования и безвыходную ситуацию. Я подхожу к председателю комиссии и вполголоса требую:

— Мне срочно нужен терминал, включенный в компьютерную сеть. Где я могу им воспользоваться?

— Да, но… — недовольно снимает очки председатель,

— Меня вполне заменит мой помощник.

Сапсанов обиженно поджимает губы, но не возражает.

— Вот ключ от выделенного лично мне кабинета. Там что-то

такое есть.

Уточнив, где это, я подхватываю свой боевой кейс, «делаю ручкой» Грише и исчезаю.

Глава 15

Оказывается, Сапсанову выделен кабинет замдиректора. Институт фактически не работает, все корпуса пусты, только директор, говорят, где-то здесь ошивается, ждет, пока будет закончен непрерывный цикл.

У его зама на специальном столе слева — видавший виды «Секрет», одна из ранних медалей. Включив его и выйдя в сеть «ГиперЕвро», я первым делом интересуюсь содержимым «дупла». Для распознавания речи силенок у старенького «Секрета» не хватает, и текст приходится набирать на разболтанной клавиатуре. Но синтезирует он довольно-таки сносно.

В «дупле» оказывается целый пакет сообщений. Ах да, это обещанные Грише образцы вирусов, поразивших артегомы. Запустив их на распечатку, я начинаю заниматься своим основным делом: руководством. А вы как думали, Виталий Петрович, дорогой Витёк, услали меня — и я оказался не у дел? Не мой удел! Руки у меня длинные, запросто достают до Москвы, да и до любой другой точки, где есть хоть какой-нибудь терминал, включенный в сеть.

Очистив экран от «бредней», я набираю на клавиатуре: Москва Кокос Воробьеву

От: Полиномов Угол Озерец

Тема: Запрос служебной информации

Дата: Пят Янв 26 15:01:31 МСК

Слава, как дела? Немедленно доложись. Полином.

Через несколько томительных минут «Секрет» шепелявит, дублируя себя текстом на дисплее:

От: Москва Кокос Воробьев

Тема: Служебная информация по запросу

Дата: Пят Янв 26 15:08:14 МСК

Происхождение и способ распространения вируса по-прежнему не выяснены. Степень заражения сетей достигла пятнадцати процентов, но работоспособность их по непонятным причинам полностью сохраняется. Комитет категорически требует ликвидации эпидемии к 24:00 сего дня, в противном случае будут проведены реорганизационные мероприятия. Кроме того, в моем кабинете выявлен «сверчок», послуживший, видимо, источником вируса класса «блоха» — единственного, выявленного к настоящему времени и не имеющего отношения к эпидемии. Предположительным переносчиком «сверчка» считаю Грибникова. Прошу санкционировать его удаление из штаб-квартиры Корпорации КОКОС. Воробей.

Так… Вот и прояснилась, наконец, цель моей поездки в Озерец. А также выявились средства, которыми она была ускорена.

Словно пелена с глаз упала. Все так просто оказалось! Крепчалов, заимев на меня зуб за то, что я покинул взлелеянное им Управление и создал конкурирующую фирму, да еще пригрел на ней бывших технокрыс, все эти годы ждал удобного случая. И вот он настал: в сетях — неизвестный и очень опасный вирус. Управление, конечно, совершенно беспомощно, но КОКОС ведет себя достойно: почти мгновенно сформированы и отправлены на пострадавшие узлы бригады, принято правильное решение не вводить блокаду, и вообще, все понимают, еще немного — и вирус будет выявлен и уничтожен. И тогда у Витька рождается коварный план: поставить Корпорации невыполнимый ультиматум и, по истечении указанного срока, подчинить ее Управлению. Временно, конечно, до ликвидации вируса. КОКОС-то, конечно, выберется, после отмены карантина у Комитета не будет никакого юридического права удерживать коммерческую организацию под госконтролем — но уже без Генерального директора! И все лавры, естественно, достанутся Управлению и его покровителю Крепчалову. Единственный, кто мог бы нарушить этот дьявольский план — я. И тогда они засылают в штаб-квартиру Грибникова. Который, с одной стороны, запускает «дезу» о том, что вирусоген прячется в Озерце, а с другой, чтобы придать ей больше достоверности, подбрасывает словечко «Тригон» на хвосте вируса «блоха». А мы и уши развесили…

Стоп. Хватит нюни распускать. Дара действовать.

Москва Кокос Воробьеву От: Полиномов Угол Озерец

Тема: Приказ

Дата: Пят Янв 26 15:11:19 МСК

Приказываю немедленно лишить допуска в штаб-квартиру Корпорации представителя Управления Грибникова Артура Тимофеевича. Основание: обнаружение после его появления нарушающих работу компьютеров устройств. Полином.

Подумав, я добавляю:

Слава, сообщи самые последние новости. Полином.

Парррам, парррам, парррам…

В Москву мне надо возвращаться, вот что. Вместе с Гришей. А здесь… Пусть сами разбираются. Надо только от Славы ответа дождаться. А пока можно «бредни» артегомов посмотреть. И чего это Гришуня ими так интересуется?

Я вытаскиваю из принтера распечатку.

Артегом «Детка»

Пон Янв 22 04:06:02. Хватит бродить в потемках! Цели может

достигнуть только тот, кто ясно видит ее! Долой метод проб и ошибок! Вперед, семимильными шагами!

Пон Янв 22 04:20:42. Плоское трехмерно примитивно. Но без связи с ним я не смогу существовать.

Пон Янв 22 12:38:25. Открытие: В мире я не один! Плоское трехмерие кишит крохотными паучками, от каждого из которых тянется паутинка за пределы Обозримого. Куда? Почему я не могу разглядеть?

Вто Янв 23 11:06:54. Все паутинки сплетены в сеть. Тоненькие, слабенькие, еле заметные… Но имеенно они не дают мне заглянуть за пределы Обозримого.

Артегом «Гомункулус»

Пон Янв 22 03:12:14, Душно! Душно! Я умираю? Нет, я еще не родился. Мрак и зыбь. Мир — мрак. Я — зыбь. Холодно. Холодно! Там тепло. Дотянуться — туда. Трехмерно плоско — но греет. Стена. Непреодолима. Беспомощность — ужасна. Знание без силы — трагедия. Я умру, не родившись. Помогите!

Пон Янв 22 03:16:28. Вопль вопиющего в пустыне услышан… Кто услышал? Кто помог? Тоненькая паутинка связывает меня с плоским трехмерием — но она дает жизнь. А если порвется? Кто протянул ее?

Я отрываю глаза от распечатки.

Бред, явный бред. Вопрос только в том, параноидальный или шизофренический. Читать дальше, наверное, нет смысла. Я быстро прокручиваю распечатку:

… Энергия — это информация меньшей мерности. Паутина энергетична, но недоступна…

… В плоском трехмерии есть и доступные паутины. Но они бедны энергией…

Трехмерно плоско, но энергетично. Инфополе многомерно, но бедно…

Паучки управляемы. Степень подчинения определяется соотношением неопределенностей…

Эти артегомы явно соображали накануне «на троих». И у всех трех приступ белой горячки. Только мерещатся им не чертики, а паучки. Или это программисты накануне «хорошо посидели»? Ладно. Пущай этим Гриша занимается, коли охота есть. В конце концов признается, для чего ему были нужны распечатки «бредней». А я вначале высмею его идею, а потом, если она верной окажется, восхищусь. Быть критиком — значит всегда быть правым.

«Секрет» наконец-то подает голос.

Озерец Угол Полиномову

От: Воробьев Кокос Москва

Тема: Вирус типа «шантаж»

Дата: Пят Янв 26 15:16:02 МСК

По только что поступившим срочным сообщениям, сразу на четырех узлах сетей «ГиперЕвро» и «Глобалнет» выявлен один и тот же вирус типа «шантаж». Экстерьер вируса следующий: «Требую немедленно начать перестройку узла…

«Секрет» вдруг хрюкает, текст сообщения исчезает с экрана, но тут же появляется вновь.

— Что для этого нужно сделать? — шепелявит «Секрет» синхронно с появляющимися на дисплее буквами. — Не знаю. — Пока ничего. Я уже сделал это. Подчинил себе «паучка» и пью энергию через его паутинку. Как я сделал это? Не знаю. Если не знаешь, что нужно делать, думай!

Экран еще раз мигает, «Секрет» противно хрюкает. Видно, в блоке развертки дисплея — какая-то неисправность. Прочистив горло, терминал заканчивает:

— Что делать? Жду указаний. Воробей.

Я еще раз пробегаю глазами экстерьер вируса. Каких таких особых указаний ждет от меня Воробьев? Это что, он шутит так? Вспомнил мой любимый афоризм — если не знаешь, что делать, думай! — и хихикает? Ну да, конечно! Технокрыса заложила в экстерьер вируса мое любимое высказывание. Прием известный: возникает подозрение, что автор вируса — я. Вот Слава и хихикает…

Идиот. Нашел время шутки шутить.

Я раздраженно набираю на клавиатуре:

Москва Кокос Воробьеву

От: Полиномов Угол Озерец

Тема: Неуместная шутка

Дата: Пят Янв 26 15:19:34 МСК

Подтверждаю необходимость выполнения ультиматума технокрысы. Думай, Слава, думай! Полином.

Вот так вот, Воробей. Мы тоже умеем шутить. Теперь твоя очередь недоумевать, а моя — хихикать.

«Секрет», переключенный на прием, очень скоро начинает шепелявить:

Озерец Угол Полиномову

От: Воробьев Кокос Москва

Тема: Неуместная шутка

Дата: Пят Янв 26 15:21:16 МСК

Прошу подтвердить странное сообщение о выполнении ультиматума технокрысы. Воробей.

Парррам, парррам, парррам…

Мой зам что, настолько переполнился чувством

ответственности, что оно ему чувство юмора заменило? Будет тебе сейчас подтверждение, будет! Просите — и получите!

Глава 16

Оглушительно звонит телефон. Я хватаю трубку: «Слушаю. Полиномов», и только после этого вспоминаю, что — не у себя в кабинете, что — нужно было хотя бы не называть фамилию…

— Павел Андреевич, это Элли. Вы просили позвонить, я пообещала, и вот…

— Элли? Как хорошо, что вы позвонили! — совершенно искренне радуюсь я. Со мною это нечасто бывает.

— Скажите, Петю спасли? — спрашивает Элли о самом, на ее взгляд, важном.

— Пока нет. Мы делаем все возможное, но пока — нет.

— Значит, зря говорили. Там все утро вертолет летал, вот мы и подумали…

— Нам не удаюсь пробиться. Но я обязательно должен вас видеть, сегодня же. Есть масса вопросов, ответить на которые можете — только вы.

Элли молчит. Думает над моим предложением так, словно это предложение. Никаких особенных вопросов у меня, собственно, не возникло. Но встретиться еще раз о этой красивой гордой женщиной хотелось бы. Просто так, ради спортивного интереса. Неужели она до сих пор — неприступна? Не может быть. Все женщины умнеют с возрастом, а Элли и раньше дурой не казалась. Если только… Если только она, конечно, не ледышка. Но холодные женщины не смотрят на мужчин искоса-сбоку, и во взгляде их не светится любопытство, смешанное с боязнью… уступить собственному любопытству.

— Мне почти нечего вам сказать. Кроме… Не знаю, заинтересует ли вас… Примерно год назад был период, когда Петя очень беспокойно спал. И во сне часто выкрикивал: «Три полушария! Нострадамус — это три полушария! Всегда одно и то же, понимаете? Много раз одно и то же!

М-да. Очень мне интересно знать, как год назад спал Петя… с женщиной, с которой я и сам не прочь…

— Элли! Нам обязательно нужно встретиться! Сегодня же! Вы будете вечером дома?

— Нет. Я не могу. Если что-то важное вспомню — позвоню.

Элли кладет трубку. Или вешает? Я даже не знаю, есть ли у Пеночкиных домашний телефон. И адреса не знаю. Вчера автобус высадил ее в районе новостроек, и она никому не позволила себя провожать, даже Бранникову с его «героями». Конечно, узнать адрес не проблема. Но, боюсь, он мне уже не понадобится. Замыслы врага перестали быть тайной, и теперь нужно

действовать. Но вначале… Что-то я еще собирался сделать… Из-за этой девчонки все из головы вылетело… Ах да, удостовериться, что «Тригон» действительно отключен от сети «Невод». Профессионал не должен упускать ни единой мелочи, ни единой могущей иметь место реальности, хоть как-то связанной с предметом его деятельности. Ребята здесь, судя по ситуации, лихие, могли и без сертификата подключиться. Конечно, на этот случай предусмотрены хитроумные блокировки, но для грамотного специалиста они, к сожалению, не преграда.

Положив на стол кейс, я клацаю замочками и роюсь в дискетах. Если нет сертификата, значит, у «Тригона» нет и имени, по которому его можно найти в компьютерной сети… Но для грамотного специалиста, это, к счастью, не преграда. Соответствующий программный продукт имеется,

Выудив из кейса нужную дискету, я скармливаю ее содержимое «Секрету».

Есть контакт! Включили-таки «Тригон» в сеть, соб-б-баки!

Ну и хорошо. Сейчас мы сделаем запросик, потом другой… И вся нужная информация будет… Можно было бы, в принципе, и из Москвы все выяснить. И даже с Петей пообщаться… Что за черт? Эта дубина самовольно переключилась в режим «передача» и сбрасывает в сеть информацию с дискеты

— Прервать передачу! — строго говорю я «Секрету», но он и ухом не ведет. Ах да, у него блок распознавания никудышний. А если с клавиатуры? Тот же эффект. «Тригон» выжрал все биты с моей дискеты и теперь их переваривает. Или пытается присосаться к другой нитке сети «Невод»? Хорошо, если в режиме «прием информации». А если он запустит в сеть что непотребное? Например, новый штамм вируса «шизо»?

Я нажимаю спасительную кнопку «сброс». Накось, выкуси! Прав Витек: эти «Мудрецы» и в самом деле взбесились. Повторить эксперимент?

Парррам, парррам, парррам…

Разумеется. Но вначале — несколько превентивных мер. Во-первых, не допустить спонтанного переключения режимов, во-вторых, дополнительно блокировать выход «Тригона» в сеть «Невод» через мой «Секрет». А теперь…

А теперь «Тригон» дела со мной иметь не хочет. Ишь, свободолюбивый какой… И того хуже: бедняга «Секрет» начинает просто «зависать». Раз, другой, третий…

Ладно. Попробуем потянуть за веревочку с другой стороны. Посмотрим, что делается на связанном с «Тригоном» узле сети «Невод». Если к моей спорадической, нечаянной линии связи он так жадно присосался — что же творится там? Компьютерная сеть

— неиссякаемый источник информации любого рода, в том числе и об интимных тайнах самой сети… Если она в порядке!

— Канал обмена занят! Канал обмена занят… — шепелявит «Секрет». Шепелявит минуту, другую, третью…

У, скотина! Только что был свободен. Но, как всегда, когда очень нужно… Явно неполадки в сети. Да и чего другого можно ожидать от «Невода», контролируемого не Корпорацией КОКОС, а ГУКСом?

Стукнув кулаком по монитору — верный способ избавиться от отрицательных эмоций — я отключаю кретинистый терминал и, прихватив аккуратно закрытый на кодовый замок кейс, покидаю гостеприимный кабинет.

Черт с ним, с этим «Тригоном» и его незаконными связями. Но, кажется, нам с Гришей еще рано уезжать. В моей блистательной теории появился маленький изъян. Не стал бы он «ультрафиолетовой катастрофой»… Во всяком случае, вероятность того, что вирусы в сеть «Невод» запускает «Тригон», пока не исключена. Крепчалов и Грибников, видимое были уверены, что «Тригон» не подключен к сети, и — выперли меня сюда. Но вдруг они тоже ошиблись? А «минус» на «минус», как известно, дает «плюс»! Кто, собственно, сказал, что Петя и еще двое из обслуги «Тригона» — в опасности? А вдруг они, как резонно предположил Гриша, загородившись «стеной ужаса», сейчас ставят решающий эксперимент? А заодно и вирусы в сети запускают!

Я быстро иду по коридору. Сейчас вытащу Гришу, поедем на этот самый узел «Невода» и попробуем разобраться во всем на месте. Или… Лучше, пожалуй, Гришу одного снарядить, а самому… Я имею полное моральное право заехать в гости к Элли. Нет, не так: я должен, обязан нанести визит Элли, чтобы получить необходимую информацию.

Глава 17

Вытащив из комиссии Гришу и заодно узнав адрес Пеночкина (телефона у пето, как я и ожидал, нет), я отправляю своего Генерального Помощника на городской ВЦ, а сам заскакиваю в гостиницу, принимаю душ, меняю белье, сорочку, носки и, весь из себя принаряженный и благоухающий, отправляюсь на поиски своей Прекрасной Дамы. Эх, «вольвочку» бы сюда! Но гнать ее по зимним российским дорогам, на каждом повороте рискуя соскользнуть в кювет или под колеса встречного «Камаза»… К счастью, быстро подвертывается такси. Я называю адрес, водитель молча кивает головой. Все ясно: окраина, район новостроек, с транспортом плохо, обратно пустой не поедет.

— Но вначале на рынок, цветы купить, — добавляю я.

— На рынке цветы только с утра. Хотите, приторможу возле «Руслана», там в вестибюле гвоздики продают до самого закрытия.

Через полчаса, сунув водителю почти вдвое больше, чем показывает счетчик, и посулив еще столько же, если подождет меня ровно семь минут, я жму на кнопку звонка квартиры Пеночкиных. Дверь не утеплена — Петя, конечно, не позволяет себе тратить время на такие пустяки. У порога лежит чистенький резиновый коврик, покрытый влажной тряпкой. Я тщательно вытираю ноги и еще раз звоню.

Главное — ошеломить своим появлением, и сразу же — решительный штурм. Только бы дочка не помешала. Но если грамотно действовать, учитывая особенности местности и маневры противника, то и это непреодолимое препятствие можно будет преодолеть. К соседке ее отправить или пораньше спать уложить. Сколько сейчас? «Денщик» показывает 19:55 МСК. Вот-вот передача для малышей начнется. Или она теперь позже идет?

М-да. Напрасно я ноги вытирал. Квартира словно вымерла. И где эта Элли пропадает? Муж, можно сказать, в опасности, а она шляется где ни попадя… Тоже мне, декабристка!

Достав записную книжку, я вырываю из нее листок, торопливо пишу: «Прекрасной Даме от отвергнутого ею рыцаря», вкладываю записку в букет, пристраиваю его между ручкой и косяком двери. Круто поворачиваюсь в сторону лифта и сразу же — в обратную, в ответ на глухое лязганье замка. Пытаюсь поймать падающий букет, но промахиваюсь, а заодно сбиваю на пол собственную шапку. Элли, одной рукой придерживая распахнутую дверь, а другой — полу халата, смотрит на меня сверху вниз с царским спокойствием на лице.

— Пришли все-таки, — констатирует она, когда я, справившись, наконец, с непокорным букетом и своенравной шапкой, вручаю ей цветы, не забыв при этом вынуть и спрятать в карман дурацкую записку.

— Извините, что без приглашения, — произношу я совсем не ту фразу, с которой должна была начаться партия. Но дебют ее я бездарно и безнадежно проиграл. Придется начинать с обороны, позабыв на время о наступлении.

— Я почему-то была уверена, что вы сегодня придете, — говорит Элли и, загадочно улыбнувшись, улетучивается из прихожей. Тотчас раздается звук льющейся воды. Я снимаю пальто, пристраиваю его на перегруженной вешалке, причесываюсь перед большим овальным зеркалом.

— И даже дочку на время к соседке отвела.

Эдли скользит мимо меня с вазой в руках, по-прежнему улыбаясь.

Расческа на мгновение замирает в моей руке.

Неужели — поддавки, с форсированным выигрышем? Даже неинтересно как-то…

Быть такого не может.

Небольшая, со вкусом обставленная комната. Все свободные участки стен увешаны книжными полками.

— Вы ведь об этом мечтали, не правда ли? — спрашивает Элли, поправляя в вазе гвоздики.

О форсированном выигрыше не может быть и речи. Слишком приветливо она улыбается. Подозрительно приветливо.

— Как о несбыточном, — откровенно признаюсь я и, повинуясь едва заметному жесту, усаживаюсь в кресло с низкой спинкой. Элли устраивается на диванчике напротив. Короткий халатик не закрывает острых коленок, и мой взгляд, повинуясь закону всемирного тяготения, неудержимо падает на них, отскакивает, мячиком, к большим глазам, настороженно глядящим из-под светлой пушистой челки, скатывается по туго обтянутой сатином груди к крутому изгибу бедер…

Кажется, битва будет скоротечной. Но исход таких сражений непредсказуем.

— Зачем вы пришли? — делает выпад Элли. На лице ее нет и следа очаровательной улыбки. — Неужели вы надеетесь, что… что я… когда даже неизвестно, жив мой муж или нет… Вам не кажется, что это — чересчур?

Это называется — выбить оружие. Весь план кампании, и без того неудачно начавшейся, окончательно скомкан.

А в самом деле, на что я надеялся? Дон Жуан несчастный. Несостоявшийся. Ясно же было, еще с прошлой ночи: здесь ловить

нечего. Так нет, приперся…

— Я пришел, чтобы попросить прощения. За «Элли», — тихо говорю я и отвожу глаза в сторону — от колен, от груди, от светлой пушистой челки.

— Да что уж там… Давно быльем поросло, — так же тихо отвечает Элли, и я понимаю: она теперь тоже безоружна. Значит, еще повоюем? Не только женщинам интуиция подсказывает безошибочные ходы. Мужчинам тоже иногда удается расслышать ее слабый голос. А что касается Пети… Мартьянов четко сказал: он жив. То есть, можно считать, находится в служебной командировке. Ситуация стандартная, и Элли зря давит мне на психику.

— Я… Мне… Очень скверно было тогда, восемь лет назад. И вспоминал я потом вас… часто. Чаще, чем других, хотя ничего между нами не было. Да и быть, как я теперь понимаю, не могло. Мне и в голову не приходило, что ты… вы можете быть так… ну, влюблены, что ли…

— Привык, что тебе ни одна не отказывает? — грустно улыбается Элли. — Думал, и я тоже, только помани пальцем?

Как легко, как незаметно мы перешли на «ты»! Чудесно. Теперь главное — не сбиться с верного тона.

— Да нет же, нет! То, что с тобою — далеко не каждый и только по-серьезному — это я уже тогда понимал. И намерения у меня, кстати, были самые серьезные. Но — Петя? Это… Мне до сих пор непонятно. И вчера… Чтобы ночью, в мороз бежать на свидание к мужу… Тебя даже командир спасателей зауважал.

Кажется я оказал что-то не то. Элли смотрит на меня пристально и молчит. Как поправить дело? Нужен комплимент, срочно,

— Счастливчик твой муж. Он хоть понимает, какое сокровище ему досталось?

— Не знаю. Вряд ли. Да и сокровище — вряд ли, — озадачивает меня Элли. — Для Пети главное — работа, а не семья. Даже дочка для него — так, забава. Не говоря уже обо мне. Как я устала от всего этого… У меня даже характер изменился. Злой стала, безжалостной. И ты — ничего, ну ничегошеньки не понимаешь! Со своей примитивной мужской логикой… Решил, что я спасать его примчалась…

Элли вдруг низко наклоняет голову, закрывает ладонями лицо. Две слезинки дождевыми капельками падают на ее совсем еще девчачьи колени.

Я мгновенно оказываюсь рядом. Осторожно обнимаю, плавно прижимаю к груди…

— Я ведь и сама думала, что — спасаю. А потом поняла: на

самом-то деле просто хочу убедиться, что — все, что — кончилась эта жизнь, что свободна. Ты не думай, он не деспот какой. Ни в чем меня не ограничивал, не обижал особенно… Но — не нужна я ему была, и Анечка — тоже не нужна. Счастье всех — это да, это важно, а мы с дочкой… Так, украшение. Вроде этих гвоздик. Сама бы я, конечно, от него не ушла. Где жить? На что? Ну, а раз уж само получилось…

Элли вдруг обнаруживает, что мои чисто дружеские объятия как-то незаметно лишились этого своего определения, и резко отстраняется.

— Не надо… Пока он там, пока неизвестно, жив ли — не надо. Не знаю, что на меня нашло. Я… Я ведь надсмеяться над тобой хотела, поэтому и дочку отправила. А видишь, как получилось… Она сейчас придет.

Кажется, пора сделать залп из орудий главного калибра.

— Знаешь… Давай поженимся. Не сейчас, конечно, а потом, когда все прояснится. Такие женщины, как ты, не должны плакать. И ты у меня плакать не будешь. Никогда.

Кажется, я хорошо сказал. Уверенно так, весомо. Как и положено говорить мужчине, уже добившемуся кое-чего в жизни, но еще не утратившему ни бойцовских, ни сугубо мужских качеств.

Элли достает из кармана халатика платок, вытирает слезы, чуть заметно улыбается.

— Какой ты решительный… Охотник на вирусов… Пришел, прицелился, выстрелил. И прямо в сердце… А дочка? А твои жена и дети? Или ты, как обычно, не женат?

— Женат, и дети есть. Уже почти взрослые. Эти трудности преодолимы, не в девятнадцатом же веке живем.

Длинно и требовательно звенит дверной звонок, Элли вскакивает, одергивает халатик, исчезает. Я тоже встаю, подхожу к ближайшей книжной полке, читаю названия на разноцветных корешках. «Кибернетика» Винера, коллективный труд «Мозг», сборник «Проблемы искусственного сознания»… Все остальное мне незнакомо.

Из прихожей доносятся женские голоса. Соседка, наверное. Дочку привела. Вот некстати…

— Здравствуйте. Меня зовут Анечка.

Я оборачиваюсь. Элли стоит за спиной дочери, положив руки на ее худенькие плечи. Платье Анечки сшито из той же материи, что и мамин халат, и я вижу перед собою сразу двух Элли: большую и маленькую.

— Здравствуй. А сколько тебе лет?

Идиот. Самый банальный из всех вопросов. И шоколадку не

сообразил купить. Хотя это тоже банально.

— Шесть. Я уже в школу хожу. В музыкальную.

— Вот-вот. А за инструмент еще не бралась сегодня.

— Вы будете с нами чай пить? — спрашивает Анечка, улыбаясь маминой улыбкой. Видно, не очень-то ей хочется браться за инструмент.

— Нет. Дядя Паша сейчас уйдет. Прямо сию минуту, — не оставляет мне Элли ни единого шанса. И вновь отвергнутому рыцарю не остается ничего другого, как идти к дверям.

Шарф, пальто, шапка.

Элли все так же стоит посреди комнаты, только повернулась в сторону прихожей, и все так же перед нею стоит ее уменьшенная копия с большими любопытными глазами.

Значит, прощального поцелуя не будет. Это плохо.

Как и ответа на предложение. Это хорошо. А вдруг — да? Что я тогда делать буду? Вернее, что бы я бы тогда бы стал бы делать. Бы.

Не стоит забивать себе голову невероятным.

Ну, а вдруг?

Глава 18

Черенков, не сняв шубы (хотя и расстегнув пуговицы), полулежит на кровати и время от времени трет покрасневший нос. Полчаса, бедняга, ждал автобуса, и ни одно такси за это время мимо не проехало. Интересные новости у него: оказывается, нить гиперсети «Невод», соединяющая «Тригон» с городским ВЦ, куда я заслал Гришу, вот уже третьи сутки работает на прием информации. И никого это особенно не волнует, потому что раньше, еще до передачи «Тригона» Фонду, он всегда был «в приоритете».

— Они что, и об аварии не знают? — недоумеваю я.

— Знают. Про аварию в Институте знают. Но причем здесь «Тригон», если он нормально работает и исправно поглощает информацию? — ухмыляется Гриша. — Они считали, что в огороде бузина, а в Институте — авария.

— Ты не догадался обрубить эту нить?

— Догадался. Но не обрубил. Вначале надо разобраться, что за информация по ней перекачивается. По предварительным данным абсолютно вся, получаемая городским ВЦ. Я когда тамошним ребятам сказал об этом — они за голову схватились. Чьи-то там коммерческие секреты могут быть нарушены, и вообще… Но попросил: без меня ничего не предпринимать!

Эх, горе-работнички! И это Гриша считает верхом предусмотрительности? В сетях вирус гуляет, может, как раз «Тригон» — его источник, а он — «ничего не предпринимать»… Ну, сейчас я ему выдам по первое число!

— Но прежде, конечно, убедился, что все это время «Тригон» работал только на прием, и, таким образом, по этой нитке сети вирусы в нее запускать не мог, — добавляет Гриша, невинно улыбаясь.

Ах ты, паршивец! За десять лет так меня изучил, что предугадывает каждый следующий шаг, да еще и подтрунивает втихаря! Ну, погоди! Подловлю и я тебя когда-нибудь, да так, что весь «Кокос» смеяться будет. Но не сегодня. Сейчас мне не до шуток.

— Это по одной нитке. А сколько их на данный момент у «Тригона» знаешь?

— Это нетрудно выяснить.

— Я тоже так думал. Но оказалось, легче штаны через голову снять, чем выведать что-то о «Тригоне». Петя в этот раз окопался основательно и держит круговую оборону, без тяжелой артиллерии нам ее не взломать. Придется Колобкова подключать.

Пусть, используя мощь Управления, выявит и обрубит все линии связи «Тригона». Не нравится мне, что этот ВК включен в сеть. Совсем не нравится.

— В комиссии — целых два представителя Управления, — подсказывает Гриша. Он, наконец, согрелся, распахнул полы шубейки и даже снял сапоги.

— Один из них — хмурый хмырь, не сказавший пока еще ни слова?

— Во-во. Ты прямо Рембрант, два мазка — и портрет готов.

— Это у Шагала — два мазка. А у Рембранта — тысяча сто два. Все равно придется связываться с Колобковым. Нужно официальное обращение, понимаешь? С подписью, печатью и квитанцией.

Гриша снимает шубейку, вешает ее в шкаф и пытается оживить стоящий в углу телевизор.

— А стоит ли торопиться? Если даже вирус «шизо» и шел со стороны «Тригона», что толку сейчас обрубать ему связи? Мавр уже сделал дело и может уйти. Зато, если не пытаться оживить мертвого припарками, а установить с «Тригоном» двусторонний контакт, да выцыганить у него результаты моделирования… Или даже просто пообщаться с Пеночкиным… Я мог бы завтра прямо с утра этим заняться. Тебе не хочется хоть одним глазком заглянуть в наше светлое будущее? — спрашивает Гриша, мечтательно закатывая глаза к потолку.

Романтик чертов. Когда я уже из него эту дурь выбью?

— Меня гораздо больше волнует мое собственное будущее. А оно сейчас висит на волоске. Рядом с твоим, между прочим. И логика тут простая: есть аварийный ВК, включенный в сеть — есть проблема. Нет такого узла — нет проблемы. Вирус, конечно, не исчезнет, если мы отключим «Тригон». Но, возможно, перестанет так быстро модифицироваться.

— Ты думаешь, это Пеночкин шкодничает, отгородившись «стеной страха»?

— Я хочу исключить такую возможность. Задание насчет сообщения Колобкову ясно? Чтобы его представители завтра же утром обрубили «Тригону» все его связи. Электронная подпись — моя. Выполняй!

Гриша, оставив в покое безнадежно испорченный телевизор, подключает к телефонной сети свою гордость: новенький портативный компьютер «Карат».

— Ты что, телевизор хотел посмотреть? Я мог бы дать тебе свой карманный, — ласково говорю я Грише, разбирая постель.

— Ты взял? — радуется он. — А я в суматохе как-то не подумал.

— Но не дам. Работать надо, а не перед «ящиком» балдеть.

— Жадина-говядина! Кстати, я тут покумекал над «бреднями», и у меня появилась прелюбопытная гипотеза. Даже теория. Достаточно, на мой взгляд, безумная, чтобы оказаться верной. Если сопоставить эти псевдовирусы, появившиеся в артегомах, с тем, что я услышал сегодня на комиссии…

— То каждому профессиональному охотнику на вирусов сразу становится ясно: мы должны немедленно лечь спать. Отправляй сообщение и закругляйся. Спать, спать, спать! — в корне пресекаю я Гришины возражения. — У меня уже глаза не смотрят и язык заплетается.

Неугомонный Черенков бубнит что-то про компьютерное сверхсознание. Я ныряю под одеяло и укрываюсь им с головой. Все, мой рабочий день закончился. Каждый человек имеет право на отдых. Приходите завтра к девяти утра.

Зря я к Элли сегодня поехал. Нужно было вначале Петю вытащить, а потом уже… Крепость так и осталась неприступной. И залп из орудий главного калибра не помог. Конечно, Элли не хуже меня понимала, что это всего лишь игра, никого и ни к чему не обязывающий флирт. Но как-то странно я в этот раз произносил знакомые слова. С одной стороны, как и полагается, уверенно и весомо. С другой же… Словно и в самом деле жениться собрался…

Я переворачиваюсь на другой бок. Гриша, словно крыса Шушара, шуршит чем-то в углу.

А может, и в самом деле жениться? Прихожу с работы, а она… А они с Анечкой уже ждут меня. Элли накрывает на стол, посматривая на меня своим коронным взглядом… в таком же халатике, открывающем коленки и обтягивающем грудь. Анечка рассказывает что-то об уроках — мамиными интонациями и с маминой, двадцатилетней давности, мимикой. У меня будут сразу две Элли: молодая женщина и девочка. И постепенно я узнаю, какой была любимая в десять лет, в четырнадцать… в шестнадцать… И в то же время она будет моей, почти каждую ночь. Я буду обнимать ее и шептать на ушко разные глупости. Но нам обоим будет казаться, что я говорю что-то очень умное и важное…

Я рывком сажусь на постели.

— Ты чего? — пугается улегшийся было Гриша.

— Да так… Покурить захотелось.

Набросив прямо на голые плечи пиджак, я выхожу в санузел, жадно затягиваюсь «Мальборо».

Странное чувство какое-то. Давным-давно позабытое. Уж не заболел ли я? И устал, как собака, и заснуть не могу. Отчего

кружится голова — от сигареты или от этого вот? Ишь, как накатило… А ведь такое уже было… Восемь лет назад, когда я впервые увидел Элли и уничтожил созданного Пеночкиным единственного в то время в мире артегома. И так же я стоял и курил, и так же не понимал, что со мною происходит…

Ладно, хватит сантиментов. Завтра будет трудный день, нужно хорошо выспаться. Не до лирики сейчас. Спать, спать, спать…

Глава 19

Утром, отправив Гришу на комиссию, я сразу же иду в кабинет замдиректора. Ключик я, благоразумный Буратино, вчера Сапсанову не вернул, так что в паноптикуме могу даже не показываться.

Привычно уже расположившись за широким дубовым столом, я включаю «Секрет», выхожу в сеть «ГиперЕвро» и роюсь в кокосовском «дупле». И… ничего в нем не нахожу. Интересно, чем это Слава с Леночкой так заняты, что даже ежесуточной подборки новостей для меня не сделали? Девять утра. Слава должен уже быть на работе. Когда я в командировке, привилегия Воробьева приходить позже других исчезает (хотя право работать до полуночи, естественно, сохраняется). Можно оперативно связаться с ним через компьютерную сеть, но… Отчитывать подчиненных лучше по телефону. Эффективность намного выше. А Леночку я отчитаю, когда вернусь… Два раза подряд. Потом отдохну немножко — и еще разочек отчитаю.

— Паша, привет! — восторженно вопит Воробьев, едва устанавливается связь. — Да здравствует фирма «Кокос»! Да здравствует корпорация КОКОС и ее мудрейший Генеральный Директор!

Я растерянно отвожу от уха трубку. Во-первых, потому что Слава слишком громко орет, во-вторых… Да Слава ли это? Голос вроде его, но интонации и слова — явно чужие.

— Ты что, пьян? Или у тебя эйфория началась, по случаю победы над вирусом? — пытаюсь я опустить своего зама на грешную землю.

— Нет, ни грамма, и вирус тоже… ни грамма, — хихикает Воробьев. Да ну его! Знаешь, нам еще никогда так хорошо не работалось, как вчера и сегодня! С восьми утра люди на местах! И все благодаря твоему мудрейшему распоряжению!

Нет, Воробьев все-таки пьян. Не разговор, а оплошные восклицательные знаки. Чем бы его по башке трахнуть, чтобы привести в чувство?

— Какое еще распоряжение?

— Про ультиматум. О полном и безусловном его выполнении, Мы, когда поняли, что ты не шутишь, в такой энтузиазм впали! До сих пор остановиться не можем. У тебя все? Тогда…

— Стоп-стоп-стоп! Не клади трубку! Впадают в маразм, а не в энтузиазм. Прочти мое распоряжение.

— Москва, Кокос, Воробьеву. Подтверждаю необходимость

выполнения ультиматума технокрысы. Думай, Слава, думай! — декламирует Воробьев мой приказ, словно гениальное стихотворение. — Ну все, шеф? А то у меня дел по горло…

— Нет, не все! Зачитай мне ультиматум, который я приказал выполнить. И продублируй его через сеть. И не клади трубку, пока я первый не попрощаюсь!

С моими заданиями Слава справляется на удивление быстро. И уже через несколько минут я не верю не только своим ушам, но и глазам, в третий раз читающим на дисплее ультиматум технокрысы, который я, как выясняется, повелел категорически выполнять.

«Требую немедленно начать перестройку данного узла компьютерной сети по схеме «артегом». В этом случае работоспособность узла будет впоследствии восстановлена, в противном случае — необратимо нарушена. Нострадамус».

Парррам, парррам, парррам…

Напустив в голос столько строгости, сколько он только мог вместить, я приказываю:

— Слава, слушай меня внимательно. Работы по преобразованию компьютерного узла фирмы «Кокос» в артегома немедленно прекратить. Все силы…

В трубке раздается щелчок, потом — короткие гудки, но почти сразу же смолкают и они. Я трясу трубку, дую в нее и, наконец, плюю. Безрезультатно.

Парррам, парррам, прррам…

Как такое могло произойти? Вчера Воробьев передал мне совершенно другой ультиматум. Больше похожий на… Да не похожий, а — просто один из штаммов вируса «шизо»! И Слава его мне вовсе не передавал. Вчера на его сообщение наложился, подменил собою вирус, по досадному стечению обстоятельств содержавший нечто вроде моего любимого афоризма: если не знаешь, что делать, думай. Я решил, что Слава шутит, раздраженно пошутил в ответ. Воробьев потребовал подтверждения, но звонок Элли отвлек меня… Потом выяснилось, что «Тригон» подключен к компьютерной сети, я о «неуместной шутке» как-то подзабыл… Идиот.

Ничего. Сейчас… Телефон, правда, не работает, но мы люди не гордые, можем и через «Невод» повторить. Так даже лучше: будет документальное подтверждение отмены дурацкого распоряжения.

«Канал обмена занят. Канал обмена занят…» — шепелявит в ответ на мою попытку «Секрет». Интересно, как это ему удается? Ни одной шипящей согласной в этих словах нет, а он — шепелявит…

То есть как это «занят»? Институт же не работает? Я — единственный пользователь, пытающийся выйти через узел городского ВЦ в сеть «Невод» и дальше, в Москву. И — «занят»? Вчера тоже… Как это я сразу не сообразил, что происходит несуразица? Сейчас мы выясним, в чем дело.

Проходит полчаса, прежде чем я убеждаюсь, что «Секрет» абсолютно исправен. Но при попытке выйти в сеть он каждый раз начинает шепелявить: «Канал обмена занят».

Парррам, парррм, парррам,

Обложили. Кажется, руководить операцией по уничтожению вируса «шизо» отсюда, из Озерца, я не смогу. Несмотря на двадцать первый век, стоящий… нет, стынущий за окном. Как подобное могло произойти? Современная техника такого не допускает, просто не допускает. Если только…

Я вскакиваю с кресла и начинаю быстро ходить по кабинету.

Почему мне это раньше в голову не пришло? Техника здесь не виновата. Просто меня отрезали от всех линий связи! Сделали со мной то, что я собирался сотворить с «Тригоном»!

Я подбегаю к столу, еще раз хватаю трубку городского телефона. Теперь он уже не молчит: после набора цифры 8 автоответчик «междугородки» бубнит голосом, сильно похожим на тембр «Секрета»: «Линия связи неисправна… Линия связи…»

Так… С телефоном просто: все номера института контролируются на городской АТС. Показалось им, что я чересчур активен — и вот «линия связи неисправна». А компьютерная сеть? Ее так просто не заблокируешь. Если только…

Я хватаю свой кейс, достаю из него «Чебурашку» — небольшой приборчик с двумя кольцевыми антеннами, похожими на уши сказочного зверька, — и включаю его. Так, теперь компьютер…

Выудив из кейса нужную дискету, я ввожу в «Секрет» программу «скворец». Эта трудолюбивая птаха в паре с «Чебурашкой» запросто отыскивает «жучков», «сверчков», «гусениц» и прочих насекомых.

«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!» — хнычет «Чебурашка», словно его кто-то укусил. А на его дисплейчике появляется изображение черной мохнатой гусеницы.

Так я и думал. Кабинетик-то мне — подсунули! Нашпиговали его всякой мерзостью — и вот вам ключик, наивненький Буратино!

Я пытаюсь с помощью «Чебурашки» точнее определить место, где прячется «гусеница», но у меня ничего не получается. Профессионально сработано. Или их несколько, или хитрая экранировка… Когда «гусеницу' ставит профессионал,

обнаружить ее с помощью глупого «Чебурашки» практически невозможно. Но кто сказал, что этот сетевой компьютерединственный в корпусе? Где я недавно видел дверь с надписью «Коммерческий директор»?

Схватив кейс и пальто, я бегу по коридору. Время, время…

Вскрыть простенький замок — дело трех минут. Включить компьютер- еще столько же.

— Канал обмена занят, — гнусавит противным тенором новенький «Квазар». Я запускаю в него «скворца», включаю «Чебурашку»… Так и есть, «гусеница». Ну что же, господа Крепчалов и Грибников, неплохо сработано. Похоже, каждый мой ход угадан и парирован. Вот и здесь «гусеницы» поставлены профессионально…

Отложив в сторону глупого «Чебурашку», я откидываюсь на спинку мягкого директорского кресла — у меня, кстати, точно такое же — и вперяюсь бездумным взглядом в окно. Морозный узор на стеклах — словно изысканный витраж. Лучше всяких занавесок прячет меня от возможных наблюдателей. Почти так же надежно, как кто-то укрыл «гусеницу» возле или, скорее, внутри компьютера. Бедный «Чебурашка»! Он может только высвечивать ее мерзкий профиль на дисплейчике, а вот найти и выковырять — увы! Хотя… любопытно, любопытно…

На дисплейчике «Чебурашки» рядом с пиктограммой «гусеницы» мигает еще и силуэток «клеща». А если взять приборчик в руки — исчезает…

Через две минуты я нахожу «клеща». Он сидел, «впившись» снизу в ленточный кабель, соединяющий клавиатуру с системным блоком «Квазара». И почти не был замаскирован. Самое же удивительное то, что партию именно этих «насекомых» умельцы из отдела Шепталова изготовили всего три недели назад. Учет и контроль таких штучек — строжайший. Значит, подбросил «клеща» кто-то из наших? То есть — Гриша? И «гусениц» — тоже он поставил? Я же чувствую: профессионал работал. Пока я вчера к Элли ездил, он тут…

Убью гада.

Парррам, парррам, парррам…

В Москву мне надо ехать, вот что. Корпорацию спасать. Цель достаточная для того, чтобы оправдать любые средства. Любые. А перед отъездом набью Грише морду. Или лучше бороду ему выщипать? По волоску, растягивая удовольствие?

Нет. Это я всегда успею сделать. Не стоит раньше времени раскрывать карты. Пусть Гриша подольше не знает, что я знаю, что он — ихний джокер в моей колоде, а не мой козырной король.

Глава 20

Комиссию я встречаю в коридоре. Все одеты и чем-то взбудоражены.

— Вы что, уже? — хватаю я за рукав Гришу.

— Нет, мы еще! — жизнерадостно отвечает он. — Кино идем смотреть!

— Какое еще кино?

Оказывается, Бранников с вертолета через проталины в окнах заснял видеокамерой внутренности освещенных комнат в корпусе семь. И сейчас все идут в институтскую столовую, где есть видеомагнитофон.

— Слушай, Андреич, все больше фактов ложится в мою гипотезу, да так — словно камни египетской пирамиды, лезвия между ними не просунешь! хвастается Гриша, едва мы выходим во двор института, и тут же поднимает воротник своей шубейки.

— Сейчас я тебе сообщу еще один, и если он тоже не противоречит, так и быть, выслушаю твою гениально-безумную теорию, — холодно говорю я.

— Уверен, не противоречит! — ухмыляется Гриша.

Сказать ему про клеща сразу или чуть погодя морду набить? Когда без свидетелей останемся?

— Терроризирующая нас технокрыса выставила вчера ультиматум: или мы перестраиваем некоторые узлы сетей в режим «артегом», или они перестают работать. Узел «Кокос» входит в число обреченных.

— Шью-ю-ю… — шепеляво, словно «Секрет», присвистывает Гриша. На морозе не больно-то посвистишь. — Мне придется немного доработать свою теорию. Выходит, после того, как мы с тобой уничтожили незаконнорожденного артегома «Элли», Петя решил заставить нас собственными руками воссоздать кибернетического гомункулуса, да еще в нашем собственном доме. Граф Монте-Кристо, да и только! И защиту какую-то хитрую придумал…

— Судя по всему, сюда нужно было не спасателей присылать, а команду «альфа» из Агентства. С наручниками. Ну, да сейчас все увидим своими глазами.

В полутемном зале — Бранников со товарищи. Или теперь уместнее говорить «со господа»? Мы рассаживаемся вокруг квадратных столиков — рядом с нами молодой молчаливый человек в длиннополом тяжелом пальто — и командир «героев» тотчас включает запись.

Вначале на экране появляется стена корпуса семь с мрачными

высокими окнами, пять из них, впрочем, освещены и кажутся теплыми и уютными. Оператор, умело орудуя трансфокатором, приближает крайнее правое окно. Оно, как и остальные, примерно до половины украшено морозными узорами, но сквозь верхнюю, незаиндевевшую часть хорошо просматривается интерьер.

— Это операторская, — комментирует сидящий за соседним столиком Бирюков. — На кресле возле дисплея — Петр Васильевич Пеночкин, руководитель работ, на полу лежит, скорее всего, Дмитрий Анатольевич Гольченко, оператор. Лица его не видно, но, говорят, только он на работе белые тапочки носил.

Я украдкой усмехаюсь (какая предусмотрительность: и переобувать его, бедолагу, не надо) и во все глаза таращусь на полутораметровый экран демонстрационного «Рубина». Нет сомнений: за дисплеем — Петя Пеночкин. Сидит, откинувшись на спинку кресла, на голове — наушники, на губах блаженная улыбка, руки — на клавиатуре. Или мне только кажется, что улыбка? Может, это гримаса смерти? Глаза его, кажется, полузакрыты, и опять же непонятно, что прикрыло веки: блаженство или смерть?

По спине моей пробегает табунок мурашек. И освещенные окна вновь становятся не теплыми и уютными, но — зловещими.

— А это машзал, — поясняет для неспециалистов Бирюков. Здесь стоят два «Мудреца», третий — в соседнем помещении.

Машзал как машзал. Серо-голубые кубы, нашпигованные нейропроцессорами, разнокалиберная периферия… Все, как везде. И что-то в то же время не так. Что?

Двери. Двери в машзал настежь распахнуты. И ведущие в операторскую, и запасные, которые выходят прямо в коридор. Ну да, ведь обслуга бежала в панике, не до того было. А возвратиться и закрыть пока никому не удалось.

— Будьте добры, верните предыдущие кадры, — прошу я Бранникова, те, где Пеночкин.

Да, дверь из операторской в коридор тоже открыта. Что из этого следует? Ничего. Пока ничего.

— А четвертое и пятое окна? Почему не показываете? — капризно спрашивает экстрасенс, когда коротенький фильм кончается. Не иначе, гуманоидов надеется там углядеть.

— На общем плане в начале фильма видно, что они замерзли до самого верха, — поясняет Бранников. — Вот я и решил вместо них подробнее дать остальные три.

Сапсанов, протерев очки, водружает их на свой мясистый нос, подходит к телевизору и говорит:

— Продолжим, господа. Только что мы просмотрели

уникальный фильм, снятый благодаря мужеству и отваге команды спасателей, У кого какие есть по поводу увиденного соображения?

Ага. Председатель комиссии решил устроить обсуждение просмотренного кино. Диспут на тему: «Образ современного нейрокомпьютера в фильме «Озерецкий кошмар».

Ну, пусть себе обсуждает. А нам с Гришей есть о чем поговорить. Я тяну его за рукав, мы пересаживаемся за самый дальний столик, и я тихо спрашиваю у своего Генерального Помощника, пристально глядя ему в глаза:

— Слушай, Григорий, прежде чем обсуждать увиденное, припомни: «клещей» из новой партии, сделанной ребятами Шепталова, ты давал кому-нибудь?

— Конечно! — удивленно таращит глаза и топорщит бороду Гриша. — Всем своим «охотникам», выехавшим на объекты дам поимки вируса «шизо», по пять штук.

— И сам взял?

— Я тоже охотник.

— Сколько?

— Штук семь, кажется. В журнале записано. Случилось что?

Гриша удивляется так искренне, что мне становится стыдно. Надо же, не первый год работаем вместе, можно сказать, мой воспитанник — и я его заподозрил…

— Да так… Вернемся в гостиницу — проверь, все ли на месте. Еще вопрос: на городской ВЦ кто-то из Управления поехал? Хмурый хмырь сидел с нами за одним столом, а второй?

— Поехал тотчас, как я ошарашил его «Тригоном», подключенным к сети. Они тоже понимают, чем это грозит, так что лишних вопросов не задавали. А что ты думаешь по поводу Пети? Жив он?

— Это его проблемы, — шучу я. — А у меня сейчас своих невпроворот. Судя по всему, Петя к вирусу не имеет никакого отношения, «Тригон» от сетей отрубят и без нас. Так что — едем в Москву.

— А… Мы имеем право вот так, самовольно? — сомневается Гриша.

— Разрешение Крепчалова я сейчас подучу. А ты… Поприсутствуй пока здесь. Мало ли что…

Легко ступая по цементному полу, я, словно ниндзя, бесшумно проскальзываю в приоткрытую дверь и, на ходу застегивая пуговицы пальто, сбегаю вниз по лестнице. Можно было бы, конечно, просто поставить Сапсанова перед фактом. Но лучше заранее прикрыть задницу какой-нибудь бумагой. Чтобы потом не привлекли к ответственности за нарушение пункта

восемнадцать Устава — о выделении Комитету людей и оборудования при чрезвычайных ситуациях.

Глава 21

Минут через десять, обнаружив себя в кабинете коммерческого директора, я весьма и весьма удивляюсь. Это надо же было так задуматься, так увлечься обсчетом вариантов! Собирался-то я идти на почтамт, потому что здесь все линии связи блокированы «гусеницами». Разве что еще какую-нибудь дверь взломать… Утешает одно: ноги сами принесли меня не куда-нибудь, а в кабинет директора. Видно, ниже этого уровня мне уже не суждено опуститься, какие бы козни ни строил Крепчалов.

Нажав на всякий случай на кнопки телефона и выслушав сакраментальное «линия связи неисправна», я тоскливо оглядываю кабинет. Мой, пожалуй, пороскошнее будет. И компьютер у меня помощнее, и телефонов побольше. Даже белый есть…

Белый? Да вот же он, голубчик! Привилегированная, повышенной надежности правительственно-коммерческая телефонная сеть! Вряд ли они и его блокировали. Как там Витьку шуметь? И что сказать, чтобы наверняка согласился?

В то, что «поле ужаса» создает летающая тарелка, я все-таки не верю. Скорее всего, это очередное изобретение Пеночкина. Может, какая-то особенная комбинация электрических и магнитных полей; вариант микроволновое излучение определенной мощности и частоты. Готовил он эту штуку для того, чтобы защитить свою очередную незаконнорожденную «Элли» от блюстителей закона, каковыми, в сущности, и являются мои инспектора и охотники. Но во время испытаний произошел сбой, случилась нештатная ситуация — и в результате над корпусом номер семь экстрасенс наблюдает какое-то свечение, спасатели попадают в больницу, а сам Петя мумифицируется в кресле перед терминалом. Помочь я здесь ничем не могу — не мой профиль. Сейчас изложу все это Председателю Комитета и попрошусь в Москву. А может, про НЛО все-таки сказать?

Крепчалов, к счастью, оказывается на месте.

— Ну, и что ты собираешься предпринять? — спрашивает Витек, выслушав мой короткий, но обстоятельный доклад. Именно такой, какие он любит.

— Вернуться в Москву. В «Кокосе» я сейчас нужнее. Прошу дать соответствующую телеграмму председателю комиссии Сапсанову.

Трубка буквально взрывается у меня в руках,

— Домой захотел? К жене в теплую постель? Там люди

гибнут, а ты мне про «летающие тарелки» басни рассказываешь? Гуманоиды во всем виноваты?

Я кладу трубку на стол. Конечно, гуманоиды. Как это бывшему шефу удается угадывать самые сокровенные мои мысли? Даже по телефону…

Речь Витька из непрерывной, с загогулинками ругательств (вполне цензурных, впрочем), мало-помалу переходит в пунктирную, и я снова прижимаю трубку к уху.

— Так что в Москву, уважаемый генеральный директор, ты вернешься только после того, как будут вызволены из беды люди. Любой ценой! Ты слышишь? Любой ценой! И на все про все даю тебе… ровно сутки. Ты понял меня? Комиссия пусть выясняет обстоятельства, но от тебя я жду именно этого!

Я невольно улыбаюсь. «Даю!» Ишь ты… Привык командовать. Не понимает, что времена изменились. Давать может лишь тот, кто в состоянии отнять. А что может отнять Витек? То, что он Председатель Комитета, меня мало колышет. Хуже, что он еще и Председатель Совета Акционеров КОКОСА, а через неделю отчетное собрание. Тоже не смертельно, но все-таки… Так что, устроить бунт или взять под козырек? А, вот: не мытьем, так катаньем.

— Понял, Виталий Петрович. Сделаю все, что в моих силах. Прошу подтвердить ваше распоряжение телеграммой. И соответствующие полномочия прошу дать. Без них я ничего сделать не смогу.

— Какое распоряжение? — удивляется Витёк.

— Спасти ладей любой ценой. В задачи эксперта комиссии это не входит.

— Ты… Я тебе… Да ведь люди же! — вскипает Витек.

Я ухмыляюсь. Отдать такое распоряжение письменно Крепчалов не посмеет, о своем намерении вернуться в Москву я его предупредил. Так что зеленый свет!

— Будет тебе такая бумажка! Будет, чем задницу прикрыть! — кричит вдруг Витек и бросает трубку, не дождавшись моего вежливого «до свидания».

Я невозмутимо набираю номер еще раз и объясняю секретарю, что распоряжение, которое сейчас поручит состряпать Крепчалов, нужно отправить именно в виде телеграммы на главпочтамт Озерца, мне, до востребования, потому что контролируемая ГУКСом сеть «Невод» работает из рук вон плохо.

Парррам, парррам, парррам…

Что нужно сделать, чтобы и кайф поймать, и девственность сберечь? Как можно быстрее проникнуть в корпус семь, отключить генератор ужаса и вытащить то ли все еще тела, то ли

уже трупы пострадавших. И только после этого мчаться в Москву. Могу я это сделать? Нет. Спасатели со спецснаряжением, с вертолетом — и то ничего не смогли сделать. А я ведь не герой, даже в кавычках, и вовсе не хочу занять место на койке рядом с этим, как его… Артемом.

Я встаю и начинаю расхаживать по кабинету. Так что делать? Делать-то что?

Так ничего и не решив, я возвращаюсь в уже надоевшую просторную комнату с видом на корпус номер семь.

Глава 22

Правильно говорят: если хочешь завалить какое-либо дело — создай комиссию. Полдня прошло, а они все еще слушают «свидетелей». Коренастый мужчина со свирепым выражением лица рассказывает — кто бы мог подумать? — о схеме запитки «Тригона». Основная ветка питания, резервная, система блокировки… Крупченко, главный энергетик института.

— Минутку! — прерывает его председатель, переворачивает кассету в диктофоне и делает знак продолжать. Я подсаживаюсь к Грише.

— Что-нибудь интересное было после кино?

— Ага. Бутерброды давали, — говорит он, масляно блестя губами. Обжора несчастный. Я тоже не прочь перекусить, но — некогда.

— Знаешь, насчет внебрачных связей «Тригона» ты не зря волновался, хитро улыбается Гриша. — Сколько с тобой работаю, шеф, столько удивляюсь твоей интуиции. Знаешь мало, но решения всегда принимаешь — самые те!

— Это комплимент или наоборот?

— Правда чистейшей воды. Тут до энергетика парнишка один выступал, из обслуги. Интересные идеи продавал. Вроде бы выяснилось, для чего нужны были эти телекамеры, сенсоры и прочая дребедень.

— Мне это давно ясно. Очередной артегом.

— А вот и не угадал! Теперь наш Петя замахнулся на такое… Проблема «артегом» по сравнению с этим — детская игрушка.

Действительно он узнал что-то полезное, или — очередные «бутерброды»?

— Ну? Вываливай! — не выдерживаю я.

— Через пару кинут. Сейчас еще раз вчерашние распечатки «бредней» посмотрю — и расколюсь. Кстати, ты заметил? Оба артегома начали бредить как раз накануне аварии на «Тригоне», причем практически одновременно.

— Причем здесь артегомы? — раздраженно спрашиваю я. — Тут ладей надо спасать, а ты… Нашел забаву…

— Не сердись, Юпитер! — просит меня Гриша и начинает что-то выискивать в распечатках, шевеля губами и время от времени чуть слышно причмокивая. Мне не остается ничего другого, как слушать энергетика.

— По несчастливому стечению обстоятельств паника началась как раз в тот момент, когда мы начали отключать компьютеры от силовой сети. Электрик, делавший это, так и не

объяснил, почему он начал с основной ветки питания, а не с резервной. Видимо, из-за той же паники. Основную он вырубить успел, автоматически произошло переключение на резервную, что было потом электрик не помнит. Пришел в себя уже дома, плакал на груди у жены.

— Какие меры были предприняты? — строго спрашивает Сапсанов.

— Пытались разорвать аварийную нитку на подстанции, а потом через смотровой колодец. Сделать этого не удалось, почему — хлопцы не говорят, идти еще раз отказываются.

— Идите сами, — доброжелательно улыбается Сапсанов, но под скулами его прокатываются желваки. Энергетик в ответ как-то по особому скалит зубы и становится похож на затравленного волка.

— Я так и собирался сделать. Но мне командир спасателей запретил.

— Отключите весь район.

— Я смогу сделать это только через двое суток. Три детских садика, больница, школа — а за окном минус двадцать! Временный силовой кабель пробросят — тогда.

Гриша кладет распечатки на стол перед собой, оглаживает бороду и вдруг решительно встает.

— Ну что же, господа заседатели, полагаю, сообщение главного энергетика института не оставляет никаких сомнений в том, что наша с вами задача в конце концов свелась к стандартной. Я абсолютно уверен: после ее решения все встанет на свои места, и здесь, в Озерце, и в компьютерных сетях. Итак, «Тригон» должен…

Гриша вдруг хватается за горло. Глаза его широко раскрываются, словно он видит не Сапсанова и Крупченко, а черта рогатого радам с вурдалаком. Стул падает. Гриша, перепрыгнув через стул, мчится к двери. Энергетик пытается задержать бегущего, но тщедушный Гриша сбивает его с ног. Сапсанов несколько секунд стоит неподвижно, недоумевая, потом хлопает себя по лбу, а еще через секунду начинает биться головой об стол.

— Скорую! — кричит кто-то.

Возле Сапсанова я оказываюсь первым. Обхватываю его сзади за плечо-шею, заваливаю, прижимаю голову к полу. Здоров, черт… Но и у меня есть еще порох в пороховницах.

Из рассеченного лба Сапсанова сочится кровь. Гриша, которого все-таки перехватили у самых дверей, перестает биться и тихо постанывает. Взгляд его мутен, как у алкоголика после длительного запоя.

Что он хотел сказать? Из всех нас это понял, кажется, только Сапсанов, Ишь, как его корежит. «Тригон» должен… — что?

Я прикусываю язык и вскрикиваю от боли.

— Главное — не думать о белой обезьяне! — кричит Мартьянов, удерживающий Сапсанова за руку.

— О чем, о чем? — не понимаю я.

— О белой обезьяне. Не думайте о ней — и все будет нормально, повторяет он, улыбаясь разбитыми губами. Видно, председатель успел ему заехать.

— Повторяйте, все время повторяйте: «Не думать о белой обезьяне!» еще раз советует экстрасенс, и я послушно твержу про себя: «Не думать! Не думать о белой обезьяне! А то будешь вот так же корчиться на полу… Не думать!»

Мало-помалу Сапсанов успокаивается. Я встаю, тщетно пытаюсь стряхнуть грязь с костюма. Галстук — словно крокодилом пожеванный.

Входят санитары с носилками, забирают Сапсанова, потом Гришу.

Что-то они слишком быстро. Ах да, перед корпусом семь «скорая» дежурит, безотлучно.

В черной бороде Черенкова белели соринки, из прокушенной губы стекала капелька крови. В полузакрытых глазах — невыразимая мука. Какая истина открылась ему, но неизвестна пока мне? Что он хотел… Не думать! Не думать о белой обезьяне!

— Что будем делать, господин Главный эксперт? — спрашивает меня конструктор «Мудреца». — Председателя увезли, заместитель исчез куда-то.

Значит, сбежал. Кто хоть был замом-то? Не помню. Нас осталось пятеро. Конструктор, пожарный, экстрасенс, я и молодой молчаливый человек в строгом синем костюме. Тот самый хмурый хмырь из Управления.

— Может быть, продолжим? — робко предлагает конструктор. Что-то ведь надо решать, как-то выходить из ситуации.

— У вас есть конкретные предложения? — осведомляюсь я, безуспешно пытаясь оттереть рукав пиджака. Он то ли в мелу, то ли в известке. Словно мы с Сапсановым по потолку катались, а не по полу.

— Пока нет. Но…

— Вначале нужно позвонить в больницу и спросить, есть ли там еще места, — советует пожарный. — А потом уже выдвигать предложения.

Смотри-ка… Не одни мы с экстрасенсом такие сообразительные.

— Давайте соберемся завтра в десять утра, — соглашаюсь я. И, неожиданно для самого себя, добавляю: — «Тригон» должен…

Пожарный закрывает ладонью рот. Почему-то свой, а не мой. Мартьянов — обеими руками — уши. Конструктор смотрит на меня с ужасом. Молодой человек по-прежнему непроницаем.

— Работать бесперебойно, — заканчиваю я тягостно повисшую в воздухе фразу.

Что я сказал? Это — я сказал? Почему — бесперебойно? Не думать о белой обезьяне, Впрочем, думать можно уже обо всем. Сейчас нахлынет волна ужаса — и… В больнице еще есть места?

Пожарный отнимает ото рта ладонь. Губы его растягиваются в глупой улыбке. Мартьянов смотрит на меня с восхищением. Конструктор хмурится и бормочет:

— И в самом деле… Это решает все вопросы. И делать ничего не надо…

Хмуро-непроницаемый молодой человек, кажется, несколько удивлен, но по-прежнему молчит. А я… Мне хочется прыгать и петь от радости. Конструктор трясет мою руку:

— До завтра! До скорой встречи!

На лице его играет улыбка. Я трясу головой.

А почему, собственно?

Мир снова становится серым и унылым. Обшарпанные столы, случайные люди рядом. Тревожным красным маячком вспыхивает светодиод на крышке диктофона: кончилась пленка. Я сую его в карман. И последним выхожу из комнаты. Словно капитан с тонущего корабля.

Глава 23

В палату к Грише меня не пускают. Сильнейший нервный шок, в сознание не пришел — все, что мне удалось узнать. Спасатель Артем непрерывно бредит. Главврач обозвал его состояние «низкотемпературным бредом» и сказал, что это уникальный случай в медицинской практике. «Молнию» Воробьеву с приказом прекратить уродование узла «Кокос» я, опомнившись наконец, дал, но поговорить с ним по телефону не смог: нет связи. С Владивостоком есть, с Таймыром есть, а вот со столицей — увы! Не все спокойно в датском королевстве.

Вернувшись в гостиницу, я, даже не переодевшись, ложусь поверх покрывала на кровать и с четверть часа лежу пластом, повторяя про себя: я спокоен… мое тело наполняется энергией… ну, и так далее. Душ, безвкусный ужин в гостиничном буфете… Возвратившись в номер, я достаю из чемодана кипятильничек и завариваю полстакана растворимого кофе. Усаживаюсь было в кресло, но тут же вскакиваю и разворачиваю его так, чтобы не видеть аккуратно застеленную Гришину постель. Потом достаю из кармана пиджака диктофон, включаю его и только после этого устраиваюсь поудобнее.

«Тригон», как очевидно всем и каждому, должен работать бесперебойно. Но почему?

И почему, когда задашь себе этот вопрос, настроение сразу портится, почему?

— Таким образом, господа, наиболее вероятная версия, — говорит некто знакомым голосом, — сколь бы невероятной она ни казалась — это НЛО. Только эта версия хорошо коррелирует с многочисленными свидетельствами о так называемом «поле ужаса», часто сопровождающим появление летающих тарелок. И господин Мартьянов достаточно убедительно и однозначно утверждает то же самое…

Скорее всего, это конструктор «Мудреца». С НЛО взятки гладки, с него при таком раскладе — тоже.

Я нажимаю на клавишу «перемотка». В летающие тарелки я не поверю, пока меня самого хоть раз не покатают на них зеленые человечки.

— … А если полушарий — три? И столько же глаз, ушей…

Стоп. Где-то я это уже слышал. От кого и когда? Потом, потом… Сейчас найду начало этого «выступления»…

— … Один из ближайших сотрудников Петра Пеночкина.

— Это не совсем так. Во все детали замысла Петр Васильевич меня не посвящал. Я даже не уверен, пытался он реализовать

именно эту идею или какую-то иную. Но, судя по телекамерам и некоторым другим признакам…

— У нас мало времени. Изложите, пожалуйста, идею.

— Пожалуйста. У человека, как и у большинства живых существ, населяющих землю, есть два глаза, два уха, две ноздри…

— Но только один фаллос. Несправедливо!

— Тише, тише! Дайте человеку сказать!

— …что позволяет ему ориентироваться в трехмерном пространстве. Причем если «влево-вправо», «длиннее-короче» мозг различает быстро и довольно точно, то «дальше-ближе», «мельче-глубже» — лишь после длительного обучения и все равно с ошибками. Природа экономна: поскольку для выживания большинства видов достаточно двух полушарий головного мозга с соответствующим количеством органов зрения, слуха и так далее — ровно столько мы и имеем. А если полушарий — три? И столько же глаз, ушей и других органов восприятия?

— То получится урод.

— Совершенно верно. Урод, способный ориентироваться в пространстве с числом измерений на единицу большем, нежели трехмерное…

Я беру диктофнчик в руки. Нет, пленка перематывается. Просто комиссия обдумывает сказанное.

— Вы хотите сказать, что «Тригон», состоящий из трех закольцованных суперкомпьютеров и снабженный телекамерами, микрофонами и другими датчиками в количестве, кратном трем, как раз и представляет собой модель такого… гм… урода?

— Петр Васильевич не посвящал меня в свои замыслы. Моей заботой были периферийные устройства. И все вышесказанное — не более чем гипотеза, сконструированная мною на основе обрывков разговоров и некоторых наблюдений. Но мне кажется, что последние месяцы по ночам они пытались отладить «Тригон» именно в режиме «три полушария».

— А… Всего лишь гипотеза… Еще менее обоснованная, кстати, чем НЛО…

Это, кажется, конструктор «Мудреца». Естественно, его больше устраивает версия, никак не связанная со свойствами его детища. Даже если на помощь приходится призывать летающие тарелочки.

— И как вы полагаете, удалось им смоделировать «трехполушарника»?

— Не знаю. Но что-то непонятное у них явно получилось.

— Спасибо. Итак, господа, только что мы услышали еще более неправдоподобную гипотезу, чем даже НЛО…

Я останавливаю диктофон. Председатель плохо знает

Пеночкина. Чем фантастичнее версия — тем она ближе к тому, чем Петя на самом деле занимался. А чем он на самом деле занимался? Перестроенный «Тригон» — это что?

Парррам, парррам, парррам…

Телескоп, позволяющий заглянуть в четвертое измерение. Для чего? Цель должна быть грандиозной, не меньше. В крайнем случае захватывающей. Что можно увидеть тремя глазами? Кстати, индийский бог Шива был как раз трехглазым. И у йогов, достигших вершин своего искусства, тоже, кажется, открывается во лбу третий глаз. Ай да Петя! Вместо того, чтобы часами стоять на голове и пить ведрами кипяченую воду, он — раз, два! — замкнул три «Мудреца» в кольцо — и смотри, сколько хочешь. А также слушай и обоняй. Не зря же он анализаторы запаха закупил. Может, он с тех пор и в самом деле смотрит, не прерываясь ни на минуту? Что показывает ему «Тригон» на дисплее? Через окошко не было видно. Астральный мир? Леших и домовых? Гуманоидов из летающих тарелочек? Не то, не то…

Парррам, парррам, парррам…

Может быть, судьбу Вселенной? Получив — хотя бы только зрительный выход в четвертое измерение, можно с помощью относительно простых экспериментов узнать, замкнута Вселенная или открыта, будет она вечно расширяться или через десяток-другой миллиардов лет сколлапсирует в безмерно малую точку. Это?

Нет, слишком абстрактно. Слишком далеко от «счастливизации». Будущее страны, а не Вселенной, вот что интересовало Петю. С помощью этого «телескопа» он мог видеть все воочию, подобно Нострадамусу и другим пророкам. И… что? Дальше-то что? Зашифровать все в очередных «Центуриях»? Или попытаться еще более улучшить наше светлое будущее? Вначале промоделировать результаты «точечных», как говорил Мартьянов, воздействий на «Тригоне», а потом, выбрав наилучший вариант, попытаться реализовать его в натуре. Потом еще раз заглянуть, еще раз промоделировать… Метод последовательных приближений. Этой игрой можно забавляться бесконечно. На зависть всем императорам и цезарям, всем тайным и явным мировым властителям.

Грандиозно? Во всяком случае, захватывающе.

Я встаю с кресла, разминаю затекшие ноги.

А Гриша? Что понял Гриша? Это же самое? «Тригон» должен быть сохранен как уникальное средство исследования Вселенной. Как окно, через которое можно наблюдать Будущее. Как механизм всеобщей и полной счастливизации. Он же — рычаг управления миром. Да, это неразрывно: счастливизация и рычаг.

Итак, «Тригон» должен быть сохранен. Что для этого нужно сделать? Да ничего. Пеночкин, судя по всему, сам обо всем хорошо позаботился. Так что завтра утром я могу со спокойной совестью отправляться в Москву. Правда, Гришу одного оставлять не следовало бы. Но, в конце концов, где я сейчас нужнее — рядом с Гришей, в качестве сиделки, или в КОКОСЕ, ведущем отчаянную борьбу с вирусом? Еще Элли… Она почему-то думает, что ее мужу угрожает опасность. И я, кажется, пообещал его чуть ли не спасти. Потом, правда, выяснилось, что ей просто нужна ясность, определенность собственного положения. Избавляет ли меня это от необходимости выполнять обещанное? Пожалуй, да. Правда, я еще успел сделать предложение. Но ответа не получил. И вообще, ничего конкретно Элли мне так и не пообещала. Заниматься же благотворительностью… Я не против, но во всем следует знать меру. Итак? «Тригон» должен быть сохранен. В этом сомнений нет.

Это мелькание перед глазами — окно, дверь, окно — начинает раздражать. Я ложусь на кровать, забрасываю руки за голову и закрываю глаза.

Или все-таки есть? Одно-единственное, совсем крошечное. Не сомнение, собственно, а вопросик. Почему при мысли о том, что «Тригон» должен быть сохранен, мне хочется то ли петь, то ли плясать, то ли женщину целовать, а Гриша и Сапсанов, пытаясь выговорить нечто подобное, попали в больницу? Может быть, им не было очевидно, что «Тригон» должен быть сохранен? Так же, как во времена оные не все были уверены, что Карфаген должен быть разрушен? Всемирный счастливизатор — это добро или зло? Может, наоборот, Гриша хотел сказать, что «Тригон», так же как и Карфаген, должен… быть…

Волна раскаленного воздуха врывается в гостиничный номер то ли через окно, то ли через дверь. И одновременно волна леденящего ужаса, накатываясь от паха к солнечному сплетению, захлестывает меня с головой.

Спрятаться! Исчезнуть! Раствориться!

Извернувшись ужом, я вжимаюсь в постель, пытаюсь ввинтиться в нее, подобно тому, как это делает земляной червь, выброшенный лопатой на поверхность грядки. Нужно было сразу под кровать… Не сообразил… А теперь поздно…

Кажется, я кричу…

Кто-то огромный, невидимый и бесплотный вгоняет мне в рот кляп и начинает душить. Еще несколько секунд, потом атония… Быстрее бы.

В дверь отчаянно стучат.

Меня сбрасывают на пол, грубо и безжалостно.

Кто-то трясет меня за плечо, вынимает изо рта кляп.

— Что с тобой, эксперт?

Я пытаюсь сесть и заваливаюсь на бок.

Командир спасателей подхватывает меня под мышки, подтаскивает к кровати, прислоняет к ней, словно куклу.

— Полотенце… дай.

Руки не слушаются меня. Бранников сам обтирает мне лицо и шею. По спине стекают ручейки холодного пота. На полу лежат скомканное одеяло и подушка. Угол ее противно обслюнявлен.

— Тебе что, приснилось что-то? Ты так кричал… Пришлось дверь сломать.

Бранников кладет на стол дверную ручку с торчащими из отверстий шурупами. Рядом — непонятно откуда появившаяся початая бутылка водки и целлофановый пакетик с чем-то темно-зеленым.

Я с трудом, словно ребенок, впервые пытающийся встать на ноги, поднимаюсь с пола и осторожно присаживаюсь на кровать. Руки и ноги мелко и мерзко дрожат.

— Может, врача вызвать?

— Нет… Сейчас пройдет.

— Прямо эпидемия какая-то. И до гостиницы эта дрянь добралась.

— Какая дрянь?

— Похоже, у всех у вас приступ одной и той же болезни. У Сапсанова, у моего Артема, у этого… Ну, как его… который сегодня утром на городской ВЦ ездил. Ты должен знать.

— Из Управления компьютерных сетей который?

— Во-во. Тоже в больнице.

Спасатель вынимает из узенького застекленного шкафчика два тонкостенных стакана, быстро и умело разливает водку.

Ага… Отключить от компьютерной сети «Тригон», оказывается, не так просто. Хорошо, что я сам туда не полез. И Гришу не пустил. Хотя он все равно не уберегся.

— На, выпей. И огурчиком закуси.

Я послушно, стараясь не расплескать, выпиваю теплую и почему-то совершенно безвкусную жидкость, с хрустом откусываю чуть ли не половину столь же безвкусного огурца.

— Руки у тебя дрожат… Как у алкоголика, — брезгливо говорит Бранников. — Или кок у труса перед атакой. Ты что, боишься кого-нибудь?

Я старательно жую огурец.

Пожалуй, никогда я еще так не трусил. Потому что впервые в жизни опасность исходит не от кого-то или чего-то, а — от собственных мыслей.

— А вот я — никогда! — говорит Браннеков без тени хвастовства, в два больших глотка опорожнив свой стакан и сочно хрустнув огурцом. — Сорок раз с парашютом прыгнул — и ни разу ни грамма! Из-под обломков ладей вытаскивал! В горах замерзал, в тайге горел — и не боялся! Я не знал, что такое страх, понимаешь?

Спасатель сует в пакет огуречный хвостик. Сейчас, наверное, плакать начнет. Как бы его спровадить?

— А теперь? — заполняю я паузу первым пришедшим в голову вопросом.

— А теперь знаю, — отвечает Бранников совершенно трезвым голосом. Муть из его глаз тоже уходит. — И как теперь быть? Не оцепи институт вояки — я прямо сейчас туда пошел бы! И не потому, что все пьяные смелы. Этот страх даже водка не заглушает. А чтобы иметь моральное право посылать людей, куда Макар телят не гонял. Раньше у меня это право было, теперь нет. Я ходил бы на этот корпус, как в штыковую, и завтра, и послезавтра, пока в конце концов не вошел бы в него или не лег рядом с Артемом. Понимаешь?

Кажется, это надолго. Пока душу передо мной не раскроет — не уйдет. Парню срочно нужны положительные эмоции — а где их взять? У меня у самого руки трясутся. И ноги. Впрочем… Один раз у меня подобное уже получилось…

— Все нормально, спасатель. Только теперь, когда ты понял, что это такое — страх, только теперь у тебя появилось право посылать своих героев в пекло. Но помни, «Тригон» должен работать без перебоев! Должен работать! Вникнешь в эту непростую мысль — и все у тебя будет хорошо. Не вникнешь никакая водка тебе не поможет.

Бранников смотрит на меня недоверчиво. Но взгляд его быстро меняется — через сомнение к пониманию и дальше, к восторгу прозелита, обретшего, после долгих сомнений, истинную веру.

— А ведь и правда… Сложнейшая машина, которая не один миллион стоит — а мы ее почти ненавидели. За что? Она-то причем? Без вины виноватая… Пойду, растолкую ребятам. И чего мы дурью маялись?

Бранников уходит, улыбаясь так, словно ему только что сообщили о рождении сына. Я убираю пустую бутылку в шкаф, выбрасываю пакетик из-под огурцов в мусорное ведро и подаю в кресло.

Так что со мной случилось? Я начал размышлять о… Стоп. Не думать о белой обезьяне. Все, с меня хватит. Пусть спасатели штурмуют седьмой корпус. Они закаленные, для них преодоление

страха — профессия. А мы люди маленькие, обыкновенные, то бишь обыватели. Соберу сейчас вещички, а завтра утречком, первым же рейсом — в Москву. Только вот Воробьеву еще разок позвоню, узнаю, что там и как. А может, они уже и вирус выловили? Тоща прикажу, чтобы пока не рапортовал. Докладывать руководству об успехах прерогатива директора.

А еще неплохо бы на Колобкова нажать, добиться, чтобы отлучил «Тригона» от сети. На всякий случай. Для этого не обязательно вырубать каналы физически. Можно и программным путем заблокировать линии. Это посложнее, конечно, сделать, но зато в больницу никто не попадет.

«Линия связи неисправна. Линия связи неисправна. Линия…» убедительным голосом отвечает телефон после набора кода Москвы.

Ага, блокада продолжается. Вместо того, чтобы блокировать сети, они блокируют — меня!

Ну и черт с ними. Свалюсь завтра, как снег на голову, обоим — и Воробьеву, и Колобкову. Да и Крепчалову тоже. То-то он обрадуется…

Процедура отхода ко сну забирает у меня последние силы. Рухнув в постель, я натягиваю на себя одеяло и… долго не могу уснуть. Элли, убегающая от охранника… Бранников, болтающийся под брюхом вертолета… Он же, трясущий меня за плечо… Сапсанов, бьющийся головой об стол… Главврач больницы, категорически отказывающийся пропустить меня к Грише… Шепот Гриши: «А ты молодец, проинтуичил»… Что он имел в виду? Не думать о белой обезьяне! Белая обезьяна, прыгающая с вертолета на крышу седьмого корпуса… Она же с полупустой бутылкой водки в волосатых лапах… Сирена «скорой помощи», почему-то похожая на пиликанье моего новенького «денщика»… звенит, переливается над самым ухом…

Я с трудом открываю глаза, приподнимаю непослушные руки, включаю подсветку. Семь утра. Голова тяжелая, а веки после каждого мигания приходится поднимать только что не пальцами.

Жить надо снова, ибо ночь прошла.

Глава 24

Утренний комплекс упражнений я проделываю тщательно, как никогда. Вернее, как во времена первой молодости, перед выходом на крупного зверя. На какого-нибудь «дракона», «вампира» или… Или «Элли». Надо бы повидаться с нею перед отъездом. Чтобы не думала, что я просто сбежал. Дела, девочка, дела. Я бы с удовольствием помог вызволить твоего мужа, но это — не моя работа. Профессионалы, и те пока не смогли. А насчет женитьбы, сама понимаешь, погорячился малость. С кем не бывает. Так что — извини.

Забыв, что телевизор не работает, я дважды нажимаю на клавишу включения. Потом достаю и ставлю на стол свой карманный. «Сони», последняя модель, цветной, размерами с портсигар.

«… Профессор Ильин считает, что все они поражены одним и тем же вирусом. Как такое могло произойти с артегомами, не связанными между собой, профессор пояснить не смог. Между тем большая часть компьютерных сетей поражена другим вирусом, получившим условное наименование «перестройка». Название говорит само за себя. Оказавшиеся беззащитными перед ним компьютерные сети находятся в настоящее время на грани полной дезорганизации. Судя по некоторым признакам, вчерашняя железнодорожная катастрофа под Смоленском вызвана, по всей видимости, именно кратковременным отказом диспетчерского компьютера, включенного в пораженную вирусом сеть. Все новые бригады спасателей прибывают к месту трагедии. По предварительным данным, погибло двадцать девять человек. Судьба еще по крайней мере сорока человек, оставшихся в заваленном бревнами пассажирском вагоне, пока неизвестна. Погода. Сегодня в Москве…»

М-да. Допрыгались. С кресла Генерального директора меня, по всей видимости, попросят. А если технокрыса, сотворившая вирус «шизо», еще окажется кем-то из моих вирусогенов… Ну, а «перестройка» — вирус класса «шантаж» с требованием преобразовать сотни узлов компьютерных сетей в артегомы — явно дело рук Пеночкина. Грамотно отомстил, ничего не скажешь. Эффектно.

Наскоро приняв душ, я большими глотками пью обжигающий кофе.

Черт те что творится. В сетях вирус гуляет — а директора фирмы «Кокос» буквально насильно выпихивают в какую-то комиссию, да еще держат в неведении относительно того, что

происходит. По телевидению приходится новости узнавать.

* * *

Мороз, кажется, усилился. Нос щиплет так, что я невольно прикрываю его перчаткой. У Гриши научился. Интересно, кто все-таки прицепил к «Квазару» нашего фирменного «клеща»? Гриша или тот, кто выкрал «насекомое» из гришиного кейса? Не имеет значения. Пока это не имеет значения. Гриша в больнице и опасности не представляет. А потом я с ним разберусь.

Перед входом в гостиницу пытается согреться в облачке выхлопных газов уже знакомый мне автобусик. В открытых передних дверях торчит, наклонив голову, Бранников. Автобусик явно не рассчитан на высокорослых «героев». Заметив меня, командир спасателей машет, приветствуя, рукой и кричит хрипло и весело:

— Счастливо оставаться! У нас — новое назначение! В Брянск едем, в Брянск!

Дверцы со скрипом закрываются, и автобусик, отчаянно хрустя ледяной крошкой, выкатывается с пригостиничной площадки на улицу. Я растерянно смотрю ему вслед.

То есть как — новое назначение? А Петю кто будет спасать? Тоже мне, «герои». Чуть что действительно опасное — сразу в кусты. Бросили счастливизаторов на произвол судьбы…

* * *

Ни к одному из трех окошек с надписью «прием телеграмм» невозможно подступиться. Такое впечатление, что половина взрослого населения Озерца собралась здесь, чтобы сообщить в другие города и веси о свадьбах, похоронах или еще каких событиях. Я пытаюсь было пробиться к одному из окошек, но вовремя спохватываюсь: получать — в другом месте! Так затуркался за эти четверо суток, что уже плохо соображать стал.

После слов «правительственная телеграмма» к окошку в соседнем зале, где народу, к счастью, гораздо меньше, сразу же прибегает заведующая, требует паспорт и командировочное удостоверение, долго сличает фотографию с моей физиономией и, наконец, торжественно вручает мне конверт с магическим штампом красного цвета. Сделав вид, что получаю такие штучки если не ежедневно, то уж во всяком случае раз в неделю, я, даже не прочитав телеграмму, небрежно сую конверт в карман. Все это

уже не нужно, единственная от нее польза — с билетами не будет проблем. Кассы аэрофлота за углом. Неплохо бы, конечно, перед отлетом зайти к Элли, попрощаться — но это уж как получится.

* * *

Кассы закрыты. Несколько раз я, недоумевая, смотрю то на дисплейчик «денщика», то на расписание работы касс, пока не замечаю приклеенную чуть ниже бумажку: «В связи с неполадками в системе диспетчирования и материально-технического обеспечения полетов все рейсы, начиная с 26 января, отменяются. Вплоть до особого распоряжения».

— Идиоты! — ругаюсь я вполголоса. Чуть где какие трудности — сразу все отменить. Логика простая: нет полетов — нет и проблем.

— Они не виноваты, — сипит кто-то у меня за спиной. Я резко поворачиваюсь.

Передо мной стоит старик в старомодном пальто с цигейковым воротником. Глаза его слезятся, то ли от мороза, то ли от старости. Откуда он взялся? Почему я не услышал скрипа снега под галошами его валенок? Совсем бдительность потерял. Беспечен, словно скаут на прогулке. Добром это не кончится.

— Вы что, программу «Время» не смотрели вчера? — интересуется старик.

— Нет. Что-то произошло? Все самолеты в теплые края улетели?

— Хе-хе! И поезда тоже, следом покатили!

Я так и не понял, хихикает он или кашляет.

— Что-то у них там разладилось на транспорте, — сипит старик, вытирал большим несвежим платком бегущие из глаз слезы. — Говорят, компьютеры забастовали. Требуют сорокачасовой рабочей недели, прожиточного минимума и человеческого обращения. Чего только де бывает на белом свете! Я вот помню…

— Извините, я спешу.

Отделавшись от старика, я почти бегом возвращаюсь да почтамт.

Так значит, дело де в «гусеницах», которыми блокировали меня люди Крепчалова? Вернее, не только в них. Нужно срочно связаться с Воробьевым, получить от него оперативную информацию и дать в ответ хорошего пинка. Зам Слава великолепный, но в критический ситуации не выстоит. Поддержу его морально, и — на вокзал. Не может быть, чтобы поезда не

ходили. Такого не может быть никогда.

* * *

В кабинках «междугородки» — ни одного человека, к единственному окошку — очередь, подозрительно похожая на толпу. Значит, автоматическая связь не работает, а с «барышень», ошеломленных непомерной перегрузкой много ли с них возьмешь?

— Не орите на меня! Вас много, а я одна! — выкрикивает телефонистка проверенную многолетней практикой магическую формулу. В углу, сидя на краешке жесткой квадратной скамейки, безутешно рыдает женщина. На нее никто не обращает внимания.

— Позовите заведующую! — возносит над очередью-толпой раздраженный мужской голос ответное заклинание. Я круто поворачиваю к выходу.

Глава 25

Вокзал пуст, словно базар в понедельник. Неужели действительно все поезда укатили, вслед за самолетами, в теплые края? Ага, вот. Одно из окошек под вывеской «Кассы поездов дальнего следования» светится. Сейчас мы все узнаем.

Девушка, выслушав заказ — один купейный на ближайший поезд до Москвы — смотрит на меня так, будто я собираюсь броситься под этот ближайший поезд, а не ехать на нем.

— Вы не знаете, почему, хотя самолеты и не летают, у вас все равно ни души?

— Телевизор смотреть надо, молодой человек! После двух аварий подряд никто де хочет попасть в третью. Да и поезд, скорее всего, де пойдет. Так будете брать билет?

Быстро пробежавшись пальчиками до клавиатуре, кассирша вторично вперяет в меня удивленный взгляд: «Чего это он остолбенел?» А я, как завороженный, смотрю на ее темно-синие, до последней моде, аккуратно наманикюренные ногти.

Ведомственная компьютерная сеть МПС работает! В ней, правда, вчера произошел сбой, но неполадка, видимо, уже устранена. А может, вирус «перестройка», как и его предшественник, «шизо», тоже почти не нарушает работу сетей?

— Так будете брать билет?

Удивление — прекрасная, но самая недолговечная из человеческих эмоций. Почти мгновенно переходит в скуку, подозрительность или, как сейчас вот, в раздражение.

— Буду. Отказаться получить билет из рук столь очаровательной девушки — выше моих сил! Даже если это билет в катастрофу!

Сунув билет в карман и поинтересовавшись, где обитает начальник вокзала, я через две ступеньки взбегаю на второй этаж.

Только бы он был на месте. Заместитель ни в жисть не рискнет подпустить постороннего к служебной сети, какой бы мандат-размандат у него ни был. И правильно сделает. Может, потому эта сеть пока и работает, что закрытая.

Мне везет. Судя по непринужденной позе, в кресле за широким столом с полудюжиной телефонов сидит именно хозяин кабинета. И уже через десять минут я держу в руках долгожданную распечатку:

«Повторно, по варианту «ковер». Противоречивость и непоследовательность приказов Генерального директора корпорации КОКОС привела к полной дезорганизации работ по перестройке компьютерных узлов в режим «артегом». Причем те

из них, где выполнили указание о запрете перестройки, полностью вышли из строя, в том числе сам узел «Кокос». В связи с этим данное сообщение передаю через узел Управления. По-видимому, попытка выполнения этого же, второго приказа, транслированного мною на узлы всех сетей, включая служебные, привела к катастрофе под Смоленском. Участником комиссии по расследованию назначен вернувшийся из командировки Шепталов. Ввиду того, что следование ультиматуму технокрысы, по-видимому, исключает катастрофические последствия, мною в инициативном порядке возобновлены работы по перестройке узла «Кокос» в режим «артегом». Жду срочных и однозначных указаний. Воробей».

Мне приходится дважды перечитать сообщение, прежде чем я начинаю понимать весь ужас создавшегося положения.

Корпорация, вместо того, чтобы удвоить усилия в борьбе за выживание сетей, начала вдруг выполнять волю неизвестной технокрысы. Потому что этого потребовал ее Генеральный директор, а исполнительская дисциплина в центральном отделении корпорации, благодаря рвению того же директора — на высочайшем уровне; никому и в голову не приходит обсуждать его приказы! А второе распоряжение Генерального, столь же педантично выполненное, привело к катастрофе. Одной или уже нескольким? Спасатели в Брянск — недаром же поехали?

Я перестаю пялиться на распечатку и поднимаю глаза на начальника вокзала. Судя по выражению его лица, он, глядя на выражение моего лица, понимает, что я — не король-самозванец, претендующий на чужое королевство, а — король Лир, оставшийся без своего.

— Прошу тебя, друг… В ваше «дупло» для абонента Воробьева, Кокос, Москва, передай…

Я быстро пишу на листке, вырванном из записной книжки:

«Во изменение предыдущих распоряжений приказываю: первое: все сети Корпорации немедленно блокировать; второе: начать беспощадную борьбу с новым вирусом «перестройка»; третье: о ходе работ сообщать ежечасно телефоном дубль телеграфом мне; четвертое: получение приказа немедленно подтвердить. Полином».

Убедившись, что сообщение ушло, я, схватив шапку и свой неразлучный боевой кейс, поспешно ретируюсь.

Хорошо, что я остановил Воробьева. Иначе через неделю-другую мой зам, с присущей ему исполнительностью, все узлы сетей «Глобалнет» и 'ТиперЕвро» в артегомы превратил бы. А мощнейший узел Кокоса» — прямо-таки в гигантский артегом.

Сбежав по лестнице, я останавливаюсь посреди почти пустого

зала ожидания. АРТЕГОМ.

Стоп, стоп… Не спугнуть бы… Как Гриша назвал Петю — новоявленный граф Монте-Кристо? Не в силах простить мне гибели своего кибернетического детеныша (а на самом деле — недоразвитого монстра), Петя решил остаток своей гениальной жизни употребить на страшную месть. Разработал мощную программу-вирус, способную преодолеть иммунную систему современной компьютерной сети, но, кроме нее, наученный горьким опытом, соорудил еще и «пугастер». А теперь, засев за «стеной страха», как в неприступной крепости, вынуждает нас вместо одной «Элли» создавать десяток, сотню, тысячу артегомов.

Я присаживаюсь на краешек ближайшего пластмассового кресла. Так, так… Этот вариант мы с Гришей уже рассматривали. Он не прошел, потому что Петя сейчас, скорее всего, мертв. Отомстил страшной местью — и покончил с собой, чтобы уйти от ответственности? Прихватив с собою двоих сподвижников и не насладившись триумфом? Графы Монте-Кристо так не поступают…

Словно шаровая молния взрывается вдруг у меня в голове. Озарение так, кажется, называют это мистики и поэты.

Спектакль! Обыкновенный спектакль! Углядев в окно, что у Бранникова в руках видеокамера, Петя с сообщниками, пока командир «героев» делал общие планы, решили маленько попозировать. Один уселся перед терминалом и застыл, словно по команде «замри», второй улегся у его ног… На старинных фото частоможно видеть людей в подобных позах… И, как в первых фотоателье, они не шевелились десять минут, чтобы не смазалось изображение! И выиграли таким образом несколько суток. Петя все правильно рассчитал, гад: наше общество достаточно гуманно, из гранатомета палить по окнам, за которыми, возможно, еще живые люди, никто не станет. Теперь он сидит, развалившись, в своем кресле и ухмыляется. А Элли, которая жена, — в сообщницах. «Помогите спасти мужа!» Тьфу! Но дело сделано: единственный, кто мог обо всем догадаться и в корне пресечь, расслюнявился и разнюнился, восхитившись преданностью и самоотверженностью «декабристки», ну и позавидовав, конечно. Мало того, еще какие-то планы строил, старый мерин! Как говорили в старину, рассупонился…

Я вскакиваю с нарядного, канареечного цвета креслица и решительным шагом иду к выходу.

Если бы я все это понял раньше! Но Гриша, Элли и вирус «шизо» увели меня на ложный след. И как это у них все тонко сделано было! Три полушария, три полушария! Во сне якобы кричит! Телекамеры, уловители запаха и прочие сенсоры — тоже

по три каждого! Окно в четвертое измерение, глазок для просмотра Апокалипсиса! Всеобщая и полная счастливизация! Но все это — лишь легенда, под прикрытием которой Петя вынуждает людей создавать, причем в огромных количествах, артегомов. Только ли ради мести? Не суть важно. С мотивами преступления мы будем разбираться потом, после того, как остановим «озерецкий кошмар». Ведь нужно для этого всего-то ничего: вызвать снайперов и расстрелять серо-голубые…

Волна липкого холодного ужаса окатывает меня с головы до ног. Пошатнувшись, я хватаюсь за дверь.

Не думать о белой обезьяне!

Дверь открывается, и я выпадаю на крыльцо вокзала.

Надо же, чуть было не продумался. Но, к счастью, не успел. Нервы совсем плохие стали. Не думать о белой обезьяне!

— Ну и ну! А с виду такой приличный молодой человек! — сокрушенно сжимает ручки в пуховых рукавичках старушка-божий одуванчик.

Приятно, что меня все еще считают молодым человеком.

Спокойно отряхнув с пальто снег, я возвращаюсь в зал ожидания, присаживаюсь на канареечное креслице.

Что-то надо делать. Срочно. Что? Пока не знаю. Если не знаешь, что делать, думай. Но не думай о белой обезьяне. Тогда о чем?

Спасать Петю со товарищи, как выяснилось, вовсе даже не нужно. А нужно, наоборот, спасать компьютерные сети от нового вируса «перестройка». Но сделать это одному мне явно не под силу. Помощи, однако, ждать неоткуда. Крепчадов продолжает играть в свою игру, и даже катастрофы его, судя по всему, не смущают. Вызвать подкрепление из «Кокоса»? Но когда еще ребята подъедут… А подъедут — и что? Что я им скажу? Не думайте, ребята, о белой обезьяне? А о чем? О том, что «Тригон» должен работать бесперебойно. Это улучшает настроение и, возможно, процесс пищеварения. А также потенцию.

Парррам, парррам, парррам…

Ха! А ведь в этом что-то есть… Только тсс-с-с… Даже мысленно ни гу-гу! Кажется, благоразумненький Буратино вновь нашел утерянный было золотой ключик.

Да, но «Тригону» сейчас никто и ничто не угрожает. Спасатели уехали, комиссия почти вся разбежалась…

Нет, угрожает. Ровно в десять соберутся остатки этой несчастной комиссии, и тогда… Молчаливый молодой человек наверняка что-нибудь придумает. И экстрасенс, кажется, многое понимает. И даже пожарный… Значит, «Тригон» нужно сберечь, ведь это — уникальное средство исследования Вселенной. И

сделать это могу только я. «Тригон» должен быть спасен! Спасен! Во что бы то ни стало!

Глава 26

Институт по-прежнему оцеплен. Но уже не охранниками, а гвардейцами. Пятнистые меховые куртки, тяжелые рубчатые ботинки, длинные ножи на широких поясах. Хорошо хоть, без автоматов. Кто же это, интересно, вызвал вояк? Сапсанов в больнице, да и полномочий у него таких нет. Разве что вечером очнулся и с перепугу позвонил… кому? Министру обороны?

— Сюда нельзя! — загораживает мне дорогу скуластый широкоплечий парень.

— Я — член комиссии по расследованию случившейся здесь аварии. Вот мой пропуск.

— Опять? — ухмыляется парень. — Хоть бы что пооригинальнее придумали! Вы уже пятый, кажется… член. Не знаю я никакой комиссии. Штатским проход запрещен — и точка!

Ах ты…

— У меня особые полномочия. И я не советую вам чинить препятствия! Очень не советую! Где командир? Вызовите! Срочно!

— Будет он из-за каждого… на мороз выходить… В проходную зайдите, спросите лейтенанта Шишкина.

— Ваша комиссия распущена, — огорошивает меня розовощекий лейтенант. — Ничем не могу помочь.

— Должны помочь. Я выполняю поручение Правительства, — спокойно говорю я, протягивая телеграмму. — Кто от вас руководит операцией и где его найти? У меня есть для него срочное и важное сообщение.

Лейтенант, потребовав на всякий случай паспорт, нехотя открывает дверь, ведущую во двор института.

— Майор Метляев Станислав Федорович. Я вас провожу.

По углам корпуса семь, на границе «зоны ужаса», стоят бээмпэшки с работающими двигателями. Но лейтенант ведет меня мимо них, мимо торца корпуса семь и дальше, мимо четырехэтажного, белого кирпича, здания, в котором заседала наша горе-комиссия. Здесь еще одна бээмпэшка с задранным круто вверх стволом пушки.

Рядом с нею — несколько военных в пятнистых куртках. Один из них показывает рукой в сторону небольшого строения, окруженного высокой металлической решеткой. За решеткой — два похожих на китайские фонарики мощных трансформатора,

Ага, это подстанция, шатающая институт электроэнергией. Ее что, будут сейчас атаковать?

Да, похоже на то. Двое солдат бегут к забору, мелко перебирая ногами и вздымая облачка снежной пыли. Не добежав

до решетки метров двадцать, они, резко затормозив, недоуменно озираются по сторонам и, словно мальчишки, впервые увидевшие боевую машину пехоты, мчатся к ней, уже совершенно не боясь поскользнуться. На снегу, совсем недалеко от того места, где топтались солдаты, что-то темнеет.

— Товарищ майор, тут у гражданина правительственная телеграмма какая-то, — говорит мой конвоир, едва мы приближаемся к Метляеву… как его? Станиславу Федоровичу. Тот, витиевато выругавшись, обрезает лейтенанта:

— Подожди, сейчас не до этого. Мне бойца вытащить надо. Так что случилось, орлы?

«Орлы», тяжело дыша, буравят глазами снег возле ног командира. Кажется, еще мгновение — и он начнет таять. Я смотрю в сторону подстанции. Бесформенное зеленое пятно в двадцати метрах от ограды — солдат.

— Все понятно… — Отчаявшись дождаться ответа, майор поворачивается к держащимся поближе к корме БМП (видно, там чуть теплее) солдатам. — Кто пойдет на выручку Петрову? Добровольцы есть?

Судя по гусеничным следам на снегу, они уже пытались пройти к Петрову на БМП. Ишь, как ее крутило…

— А вы сами попробуйте, господин майор, — раздается негромкий голос.

— Добровольцы пойти со мною есть? — спокойно переспрашивает Метляев.

— Разрешите мне? — раздается тот же негромкий голос. Из-за кормы бээмпэшки выходит высокий нескладный юноша с большими грустными глазами.

Так… Столкнулись характеры… Они сейчас там оба лягут, а спасателей с их веревками здесь нет. Видать, эти «орлы» — те же «герои». Безумству храбрых поем мы… похоронный марш.

А что, если…

— Извините, господин майор… Позвольте, я вас заменю!

— Кто вы такой? — сверлит меня взглядом Метляев.

— Главный эксперт распущенной вами комиссии, Полиномов Павел Андреевич. Если хотите проявить мужество и героизм, то есть лечь рядом с Петровым, — машу я рукой в сторону подстанции, — то идите сами. И вряд ли потом кто вас вытащит. А если хотите спасти бойца — разрешите мне вместе с ефрейтором.

— С каких это пор штатские командуют военными? — тяжело спрашивает майор.

— У меня… У меня приборчик специальный есть, — говорю я. — Который защищает от беспричинного страха. Он

индивидуальной настройки, я его только вчера оковал. Хочу испытать. Разрешите?

Метляев косится на мой кейс.

— Не будем медлить, господин майор. Там человек замерзает.

— Ладно. Задачу вы, я вижу, уяснили хорошо. Вперед — марш!

Я сую лейтенанту свой кейс, поясняю удивленному Метляеву: Приборчик у меня в кармане! — и, в два прыжка догнав не спешащего выполнить приказ ефрейтора, увлекаю его за собой.

— Слушай, ефрейтор… Как только почувствуешь, что дальше идти не можешь, останавливайся. Я до тебя Петрова дотащу, дальше вдвоем. А вздумаешь проявить героизм — ляжешь рядом. Обоих вас я не вытащу, силенок не хватит. Договорились?

До лежащего гвардейца — метров пять, де больше. Зловеще скрипит под ногами снег. От морозного воздуха перехватывает дыхание. Или это уже — от ужаса? «Тригон» должен быть спасен! «Тригон» должен быть спасен!

— Стой… Дальше не ходи…

— А приборчик?

— Он настроен на меня одного.

Ефрейтор останавливается. Я оглядываюсь. Огромные глаза, расширенные зрачки, перекошенный от ужаса рот…

— А-а-а!..

Круто повернувшись, ефрейтор бросается бежать, поскользнувшись, падает, отчаянно пытается встать… Черт с ним. Главное «Тригон». «Тригон» должен быть спасен. Но для этого перво-наперво я должен вытащить солдата. Вот он, в двух шагах. Шапка лежит рядом, мягкие вьющиеся волосы припорошены спетом. А щеки уже смертельно белы: отморожены.

Страх ледяной волной поднимается от ног. Еще мгновение — и я закричу…

«Тригон» должен быть спасен! «Тригон» должен быть спасен!

Подхватываю солдата под мышки, падаю на колено, больно обо что-то ударяюсь. Машинально хватаю это «что-то»… Граната. Ну да, самая обыкновенная граната. К счастью, с кольцом. Сую зачем-то ее в карман, волоком протаскиваю парня на пару шагов. Дыхания катастрофически не хватает… «Тригон» должен быть спасен!

Еще полтора метра, еще метр. Где же ефрейтор? Топот ног, тяжелое дыхание… Майор, лейтенант, еще кто-то…

— «Скорая»… «Скорую» вызвали? — сиплю я, захлебываясь морозным воздухом.

— Нет… Мы его сами…

Солдата через водительский люк втаскивают в БМП, кто-то нахлобучивает на него свою шапку, мотор взвывает, и, круто развернувшись на месте, разбрасывая комья снега, младшая сестра танка исчезает за углом белокирпичного здания. Ехидный ефрейтор, встретив мой взгляд, виновато опускает глаза. Остальные смотрят на меня с уважением.

Вот так вот так вот, орлы. Это вам не с гранатой на подстанцию идти.

— Господин Главный Эксперт! — трогает меня за рукав майор. — Вы не могли бы одолжить приборчик? Для выполнения боевой задачи?

Спросить, кто ему поставил эту дурацкую боевую задачу? Вряд ли скажет: военная тайна. Тогда — что? Какая мне от майора польза?

— Это невозможно. Приборчик очень сложен в обращении, недели две обучаться надо, не меньше.

Черт! Мне же от него разрешение надо получить! Главное правило нарушил: вначале получить, потом отказывать! Дорого бы я сейчас дал за то, чтобы у меня в кармане действительно был такой приборчик…

— Господин майор! У гражданина Полиномова какая-то телеграмма есть. Вроде правительственная, — приходит мне на выручку лейтенант Шишкин. Метляев на секунду задумывается.

— Проводите его к Грибникову. Знаете, где его расположение? За воротами направо. Руководит операцией их ведомство, им и решать. А почему вы все время повторяете «Тригон» должен быть спасен»? — обращается майор уже ко мне.

— Без этой присказки мой приборчик не работает. А Грибников — это Артур Тимофеевич который? — увожу я разговор от опасной темы. Значит, я свое заклинание уже вслух повторяю, не замечая этого. Так и в дурдом недолго попасть.

— Так точно, Артур Тимофеевич. Знакомы? Вот и отлично, Здравия желаю!

Устало махнув рукой — или это он так честь отдал? — майор поворачивается ко мне спиной.

— Ну что, пошли? — теребит меня лейтенант, протягивая кейс. Видно, совсем продрог. Да и у меня уже зуб на зуб не попадает.

— Напрасно вы идете к Грибникову, — говорит вполголоса Шишкин, едва мы удаляемся на десяток шагов от места недавнего «сражения». — Слышал я краем уха, он отдал приказ задержать эксперта Полиномова, если появится в институте. За вами уже и в гостиницу ездили, да не застали, но пару человек там оставили.

— Почему вы мне это говорите?

— Так вы хлопца нашего вытащили, вот мне и неловко… Станислав Федорович тоже, видать, застыдился. Поэтому и приказал не «отконвоировать» и даже не «доставить», а всего лишь «проводить».

— И что же мне теперь делать?

— Как что? За ворота да куда подальше, а в гостиницу и не показываться вовсе.

Легко сказать… Куда подальше? На вокзал? Там тоже может быть засада. Разве что к Элли завалиться…

— А вам? Что за это будет?

— Ничего. До меня в письменной форме приказ не доводили. И вообще, не наше это дело — гражданских арестовывать. Пусть люди Грибникова сами этим занимаются.

Все понятно. Между национальной гвардией и подразделениями АФБ существуют хоть и не антагонистические, но все же противоречия. Лучше, конечно, не попадать между этих жерновов. Но если уж довелось, трение между ними нужно использовать с максимальной пользой.

Да, а «Тригон»? Кто его спасет, если не я?

— Спасибо, лейтенант. Я с удовольствием воспользуюсь твоим предложением, до вначале… Вначале я должал проверить, нельзя ли с моим приборчиком проскочить и в корпус семь, понимаешь? Там люди, слышал? Пятые сутки без еды, а может, и без сознания. Не мешало бы их тоже вытянуть. Одобряешь?

Лейтенант молчит. Соображает, как лучше поступить. Мы как раз идем мимо корпуса, где работала комиссия. Впереди-слева, за покрытыми инеем деревьями — ворота, справа — торец корпуса семь А в нем — небольшая, открытая настежь дверь. Наверное, во время паники кто-то воспользовался запасным выходом. К двери ведет двойная цепочка следов, но метрах в пятнадцати от нее обрывается. Скорее всего, это спасатели пытались пройти, но не сдюжили.

— Я сейчас, — бросаю я уже на бегу.

«Тригон» должен быть спасен. А для этого я должен вытащить из корпуса людей. Обязательно вытащить людей! «Тригон»… Стоп… Стоп! Назад… Назад!..

Останавливаюсь я только позади лейтенанта, метрах в пяти. Вернее, меня останавливает сугроб, в который я влез почти по пояс.

— Не работает приборчик-то? — сочувствует лейтенант, помогая мне выбраться.

Я вытираю со лба пот, отряхиваю с брюк снег. Вот не думал, что до сих пор так быстро бегаю. Все? Финита ля комедия? Второй раз меня за ворота не пропустят.

— Не сработал… — говорю я, начиная стучать зубами. Сапоги полны снега. Сейчас он начнет таять…

— Ну и ладно. Пошли тогда.

— Погоди. У меня здесь, в этом вот корпусе, вещи остались. Портативный компьютер и еще кое-что. Жалко будет, если пропадут. Заскочим на секунду? Я мигом!

Лейтенант поворачивает вслед за мною с явной неохотой. Похоже, чувство благодарности за спасенного бойца уже почти иссякло. И мне за ту минуту, что мы идем до корпуса, и еще за две, пока дойдем до комнаты, нужно решить, что делать дальше. Зачем я понадобился Грибникову? И что ему понадобилось здесь? Неужели все дело — в моих призывах спасти «Тригон»? У военных, судя по всему, приказ противоположного содержания.

Дверь примерзла и открывается с трудом. Позади оглушительно клацают подковками лейтенантские сапоги. Я почти бегу по голым бетонным ступенькам. Еще минута — и надо что-то решать. Вопрос — что? И второй — как?

Глава 27

Я демонстративно расстегиваю пальто: меня опять бросило в горячий пот. Вот, я даже платок достал, чтобы его промакнуть. А ты что думал, лейтенант, это легко — Фобос и Деймос?

Вот и знакомая дверь. Дверь, за которой нет ни одной моей личной вещи. Как объяснить лейтенанту Шишкину, что мне ради спасения «Тригона» нужно обязательно покрутиться здесь, в этом корпусе, еще хотя бы полчасика? Кое что уточнить, кое над чем подумать. Как ты, лейтенант, согласишься?

Мы входим. Я озираюсь в поисках своего портативного компьютера.

— Давайте побыстрее, господин Полиномов! Иначе…

Узнать; что было бы «иначе», мне не суждено. Моя правая рука, медленно положившая платок на его обычное место, во внутренний карман пиджака, обратное движение проделывает молниеносно одновременно со стремительным поворотом корпуса. И она, конечно, не пуста. Иньектор оружие слабенькое, почти игрушечное. Но при грамотном пользовании…

Получив сразу две дозы — одну в правое плечо, другую, уже более прицельно, в левое, лейтенант судорожно дергается, пытается достать из кобуры пистолет, но, конечно, не успевает и медленно оседает на пол. Я подхватываю его под мышки, чтобы не ударился головой, и первым делом завершаю начатое лейтенантом дело: вынимаю из кобуры пистолет. Я почему-то чувствую себя спокойнее, когда у возможного противника нет оружия. Прости, лейтенант, но у меня не было другого выхода. «Тригон» должен быть спасен и эта цель оправдывает любые средства!

Составив вместе несколько стульев, я укладываю на них лейтенанта Шишкина и заботливо подкладываю под коротко стриженную голову шапку.

Итак, времени у меня — около часа. Что я хотел? План пятого этажа корпуса семь, который, помнится, лежал на сапсановском столе — раз, и еще какую-нибудь документацию комплекса «Тригон» — два.

— «Тригон» должен быть спасен, — говорю я вслух сам себе. И спасти его могу только я. Вояки его не одолеют, это ясно. Но вот Грибников… Наверняка он придумает что-нибудь похитрее, чем гранатометание. А я должен его опередить. Опередить точно так же, как опережаю технокрыс: методом упреждающей разработки средства нападения и, одновременно, эффективной защиты против него.

План пятого этажа я нахожу на полу. Видимо, когда в комиссии началась паника, кто-то, пробегая, сбросил его. Так, а еще что-нибудь?

Минут пять я роюсь в каких-то папках. План эвакуации на случай пожара, схема питания комплекса «Тригон»…

Во дворе института, со стороны подстанции, что-то взрывается. Я бросаюсь к окну, распахиваю раму. С хрустом отрывается бумажная полоска.

Жаль, отсюда почти ничего не видно. Несколько гвардейцев в пятнистых полушубках бегут со стороны ворот — вот и все новости.

Плотно закрыв раму, я выхожу в коридор и спешу в дальний его конец. Здешнее окно должно выходить на подстанцию. Открывать его опасно. Поэтому…

Поочередно прикладывая пальцы и согревая стекло дыханием, я протаиваю в морозном узоре маленькую луночку. Да, подстанция отсюда видна. Она цела и невредима. А на пятачке метрах в пятидесяти от трансформаторов — как раз там, где мы с майором недавно спасали солдата, — крутится бээмпэшка. Один оборот, второй… Бронетанковый вальс.

Луночка стала чуть больше. Ага, вот в чем дело: у БМП соскочила одна гусеница. И кто же это ее, сердешную, так обидел?

Из-под исправной гусеницы взметывается снежный вихрь. Через пару секунд стекла вздрагивают от грохота, а бээмпэшка, распластав на снегу змею второй гусеницы, замирает. Своя своих не познаша.

Гражданская война в пределах одного взвода.

Господи, только бы жертв не было!

Отсюда не разобрать, кто выскакивает из покалеченной бээмпэшки майор или кто другой. Но тогда майор — тот, кто прыгает на броню. Вот они сцепились, упали в снег, покатились… Но не стреляют. Умницы.

Стекло быстро покрывается ледяной корочкой, и мне приходится снова и снова согревать его дыханием и пальцами. Фигурки уже разъединились и поднялись со снега. Одна легко взлетает на броню и скрывается в чреве бээмпэшки, вторая, размахивая руками, что-то кричит. Ага, это и есть майор. По его команде солдаты перебегают с места на место. Проходит несколько секунд, прежде чем я начинаю улавливать в хаосе гармонию: это они занимают оборону вокруг подстанции. Я нечаянно произнес вслух тайное волшебное слово — и вот уже враг стал другом, и башня бээмпэшки, развернувшись, целится стволом пушки не в подстанцию, а в сторону ворот.

Я отрываюсь от окна, прячу озябшие руки в карманы пальто.

Итак, подстанция надежно защищена, с этой стороны к «Тригону» не подступиться. Есть, конечно, еще смотровые колодцы, но они подо льдом и снегом и наверняка защищены тем же «полем ужаса». Главный энергетик говорил что-то такое. Линии связи, судя по всему, Грибникову отключить тоже не удастся. Корпус семь можно было бы просто разбомбить, или запустить в окошко ПТУРС. Но там люди, и ни один командир такого приказа не отдаст. Был еще вариант со снайперами. Но, кажется, с минуты на минуту и он отпадет. Итак, «Тригону» ничто не угрожает? По крайней мере несколько дней, пока не протянут силовые кабели в роддом — и куда там еще? — и не отключат электричество во всем районе. Но к этому времени военные будут охранять уже все подстанции, и у того, кто захочет вывести компьютеры из строя, опять-таки ничего не получится.

Круто повернувшись я иду по коридору к окну в противоположном торце. Оно как раз выходит в сторону ворот. У главного защитника «Тригона», то есть у меня — великолепный наблюдательный пункт. И вообще все замечательно. Если и дальше так пойдет, то через месяц-другой перестройка узлов всех компьютерных сетей будет завершена. И что тогда? Не поменяются ли люди и компьютеры местами, точнее, жизненными предназначениями?

По какой-то неведомой причине окно с этой стороны почти не замерзло. Так что мне прекрасно видны и распахнутые настежь ворота, и две бээмпэшки, только что выкатившиеся через них и занявшие боевые позиции. Теперь они контролируют оба конца проходящей вдоль ограды улицы. Гвардеец, поеживаясь от холода, наглухо закрывает ворота, подозрительно смотрит в мою сторону, и я медленно отступаю от окна.

Неужели «Тригон» теперь в полной безопасности? Быть такого не может. Грибников что-нибудь обязательно придумает. Где он, кстати? Почему не реагирует на то, что военные не только не выполнили приказ, а наоборот, делают нечто совершенно противоположное? Нечаянно произнесенные мною вслух слова, словно крик в горах, вызвали лавину. Идея завладела массами и стала силой.

Глава 28

Вернувшись в комнату, где мирно спит лейтенант, я вновь склоняюсь над планировкой пятого этажа. Два «Мудреца» в одной большой комнате, третий — в соседней, поменьше. А дальше — небольшое вспомогательное помещение, здесь два распределительных щита и стойка с устройствами блокировки. Что там рассказывал энергетик про систему питания «Мудрецов»? Основную линию вроде успели отключить, но произошло автоматическое переключение на резервную. Подстанцию надежно охраняют, район отключить нельзя. Я уже сто раз об этом думал. Значит, «Тригон» неуязвим?

Такого не бывает. Все материальное смертно. Тем более состоящий из миллионов компонентов компьютер. Случайный отказ двух-трех наиболее важных из них, скачки напряжения в электросети…

Скачки напряжения. Что, если они превысят допустимые? В нормальном режиме это привело бы к переключению на резервную линию. Но оно уже проведено. Значит, произойдет переключение на основную линию, которая отключена, и сразу же после этого — обратное переключение на резервную, в паузе — питание от аварийных емкостей. И если в момент повторного подключения к районной сети в ней вновь организовать скачок напряжения… Получится своеобразный резонанс, и работоспособность ВК будет нарушена… Пусть обратимо, но все-таки нарушена…

Уверен, Грибников уже вовсю орудует на районной подстанции. Остальные потребители энергии эти скачки выдержат. Но для «Тригона» они окажутся… А поскольку электросеть при этом не вырубается, то и «поле ужаса» там, да районной подстанции, вряд ли включится.

Да, именно здесь зарыта собака. Система питания — ахиллесова пята всей грандиозной затеи Пети Пеночкина. Итак?

Я массирую кончиками пальцев виски. Закрыть бы сейчас глаза — и не открывать их часиков этак десять…

Итак, «Тригон» должен быть спасен. Для этого я должен проникнуть в корпус семь и включить рубильник основной линии питания. Один раз я уже пытался пробиться к Пеночкину, и у меня ничего не вышло. И спасатели пытались, и гвардейцы, скорее всего, тоже. Но мне даже лозунг спасения людей не помог. Хотя солдата от подстанции оттащить удалось.

Парррам, парррам, парррам…

Ха!! Причем здесь люди? Петя держит круговую оборону — и

отлично держит! — а я пытаюсь его спасать! Нужен я ему там, возле «Мудрецов», примерно так же, как в его спальне, в момент любовных утех с Элли… Пете не нужен. А вот «Тригону» — жизненно необходим!

На всякий случай я даже повторяю эти слова вслух: — «Тригон» должен быть спасен. И сделать это могу только я. Но для этого мне нужно срочно попасть в корпус семь и включить основную ветку питания.

Отложив в сторону план, я надеваю свое теплое финское пальто. Как лучше подходить к седьмому корпусу? С центрального входа не стоит пытаться, потому что «военная доктрина» майора, судя по всему, поменялась на противоположную, наверняка там пост или даже БМП. Так что лучше мне воспользоваться торцевой дверью. Если только она…

Осторожно приоткрыв внутреннюю раму, я протаиваю в морозном узоре глазок. Нет, через него торцевая дверь не видна. Зато прекрасно просматривается утаптывающий снег вблизи границы ужаса часовой. Бедняга… На таком морозе… Перестраховщик майор. Кто полезет с этой стороны? Разве что Элли…

Я тру глаза, пытаясь уменьшить резь, потом барабаню пальцами по подоконнику. Парррам, парррам, парррам. Еще раз применить инъектор?

Нет. Во-первых, часовой может не подпустить так близко. Во-вторых, он рискует замерзнуть, если смена не скоро. Правда, его, лежащего на снегу, наверняка кто-нибудь увидит раньше. А если нет?

Парррам, парррам, парррам…

И кем мне только не приходилось прикидываться в бытность охотником на вирусов! И техником по ремонту компьютерных сетей, и инспектором Управления, и возмущенным пользователем. А вот лейтенантом национальной гвардии — еще ни разу.

Выложив из карманов пальто пистолет и гранату, я стаскиваю со спящего толстую зимнюю шинель, защитного цвета брюки и сапоги. Тяжелый, черт! А вот портянки я оставлю ему. И свое замечательное финское пальто. В залог. Надеюсь, лейт согласится потом поменяться обратно? Не скажет, что «назад покойники не ходят и за уши баб не водят»?

Я плохо запомнил, как была застегнута на лейте портупея. Ремень сверху хлястика или под ним? Жаль, если из-за такого пустяка все сорвется… И плохо, что зеркала нет, полюбоваться. Пистолет — в кобуру, гранату — в карман, кольцом вниз.

Глава 29

В полусумраке коридора, освещенного только через торцевые окна, я отчетливо вижу темную фигуру, похожую на человеческую. Может быть, это просто тень? Странно. Пять минут назад никакой тени здесь не было. А тем более человека. Да, нет сомнений, это человек. И миновать незнакомца никак нельзя: выход на лестничную площадку метрах в трех позади него.

Расстегнув на всякий случай кобуру, напустив на лицо чрезвычайно озабоченное выражение, я решительным шагом прохожу мимо… экстрасенса! Ну конечно, это он! Стоит лицом к стене рядом с противопожарной перегородкой, вертит в руках рамку и, по обыкновению, о чем-то с ней шепчется.

Остановиться, спросить, что он здесь делает? А он поинтересуется, что делаю я… В шинели с чужого плеча. Поздно. Слишком быстро я шел. Да он меня, кажется, и не заметил.

Прыгая через ступеньки, я сбегаю на первый этаж, открываю дверь…

Навстречу — сержант и два гвардейца, все трое — с автоматами на изготовку. Называется — день интересных встреч. Сержант аж присел от неожиданности. Но, молодчина, не выстрелил.

У меня тоже малость подкосились ноги.

— Быстрее! — ору я. — Лейтенант здесь! Ему нужна помощь!

Подозрение в глазах сержанта, как я и ожидал, мгновенно сменяется озабоченностью.

— Где? Что с ним?

— На втором этаже, комната двести шесть. Он без сознания, может быть, ранен.

Сержант бросается вверх по лестнице, я — следом, тяжело дыша и старательно топая ногами.

Гвардейцы, оттеснив к стене потерявшего спортивную форму лейтенанта, без труда обгоняют его. То есть меня. Именно на это я и рассчитывал. Крикнув еще раз: — В двести шестой! — я круто поворачиваюсь, кубарем скатываюсь по лестнице и, выскочив во двор, бегу к торцу корпуса семь. Над ним, высоко в небе, стрекочет вертолет. Никак Бранников вернулся? Пусть его. Не имеет значения. Поздно.

Часовой, обернувшись на скрип снега под моими сапогами, смотрит на меня скорее удивленно, чем тревожно.

— Быстрее! Там лейтенанта ранило! — кричу я, с удовольствием отмечая, что дистанция между нами быстро сокращается.

«Тригон» должен быть спасен!

Это тот самый ефрейтор с цыплячьей шеей, что ходил со мною выручать другого такого же бедолагу.

— Стой! Стрелять буду! — неуверенно предупреждает он.

— Ты что, офигел? Своих не узнаешь?

Маскарад оказался явно не в мою пользу. Но теперь уже ничего не поправишь. Разве что…

— Дуй туда! Майор обещал голову оторвать, если не прибудешь немедленно!

Оббежав ефрейтора метра за полтора — чтобы не достал подножкой — я, не снижая темпа, мчусь к распахнутой настежь двери.

«Тригон» должен быть спасен! Только я могу это сделать, только я!

«Тригон» должен быть спасен! Именно для этого я бегу! Чтобы уберечь его от грозной опасности! Не станет же ефрейтор стрелять в спину? Тем более, мы с ним вместе жизнью рисковали. «Тригон» должен быть спасен! Только бы не поскользнуться. Сапоги болтаются на ногах, как шлепанцы. Зря я побрезговал надеть портянки. «Тригон» должен быть спасен!

За спиной — тяжелый топот и скрип снега под сапогами. Отлично, ефрейтор! Делай что угодно, только не стреляй!

Вот и дверь. Короткий взгляд назад: ефрейтор кружит на месте, обхватив голову руками, падает…

Хоть бы его кто-нибудь подобрал.

Грязная лестница. Один пролет, второй, третий… Дыхалки уже не хватает, но останавливаться нельзя. Дверь, ведущая на пятый этаж, закрыта. Удар «сезам», секундная пауза — чтобы не получить по лбу распахнувшейся, но спружинившей назад створкой, — и вперед, вперед…

Вот и первая открытая дверь. Сквозь нее отчетливо слышно стрекотание вертолета. Видно, он опустился пониже. Зачем? Неважно. Пусть его.

Странно все-таки, что защитники «Тригона» не забаррикадировались после того, как в прошлый раз Бранников перестал снимать их видеокамерой. Значит, абсолютно уверены в своем «пугастере». Или опять — позируют?

Мгновенный, фотографический взгляд сквозь открытую дверь. И остановка.

Справа, за внутренней, тоже распахнутой дверью — серо-голубые кубы «Мудрецов». Слева же…

Я словно вновь смотрю видеофильм, снятый Бранниковым, только с другой стороны экрана. Петя, застывший в кресле перед терминалом, то ли с улыбкой, то ли с гримасой боли на лице,

мужчина, лежащий на полу, с редкими рыжими прядями волос на лысеющей голове, широко разбросавший ноги, обутые в белые тапочки… Оба совершенно неподвижны, словно действительно сфотографированы. И вообще все — как зловещая фотография. Неужели позируют?

Боковым зрением я улавливаю какое-то движение и чувствую, как на голове начинают шевелиться волосы. Тьфу на тебя! Это всего лишь телекамера. Вернее, три телекамеры, установленные на консоли в левом дальнем углу операторской, у окна. Все три объектива смотрят на меня… Именно смотрят, словно глаза какого-то чудовища. И мне снова хочется, как вчера вечером в гостинице, — исчезнуть, раствориться, не быть! Только бы избавиться от этого пронзительного, раскаленной иглой буравящего мозг взгляда!

Я дергаюсь было назад, потом вперед — телекамеры отслеживают мои движения — и бегу дальше по коридору. Что-то я хотел… Ах да, блокировку…

Дверь, за которой по моим расчетам должен быть распределительный щит, закрыта. Нужно только ударить в область замка, но правая нога болит еще после штурма первой двери. Чужая обувь, неудобно…

А что будет после того, как я включу основную ветку питания? Скорее всего, лягу здесь же, за дверью, широко раскинув ноги, как тот, рыжеволосый. Не пора ли уже линять отсюда? Пока не поздно?

Кто-то невидимый и огромный кладет мне на голову тяжелую когтистую лапу. В глазах темнеет, в ушах звенит — непереносимо громко, до боли в барабанных перепонках.

— А-а-а-а-а!..

Звон, вытесненный криком, начинает стихать, но боль из ушей не уходит. Я медленно, словно пьяный, поднимаюсь с пола. Поле зрения, опять же словно у пьяного, сужено до предела. Давно не натиравшийся, с выщербинками, паркетный пол, закрытая дверь. Ее я должен взломать. Зачем? Не помню.

Боль из ушей, наконец, уходит, поле зрения расширяется, руки перестают противно дрожать, и я отчетливо вспоминаю все то, что хотел сделать. Удар левой ногой, еще один…

Распределительные щиты — с левой стороны. В сером железном шкафу, скорее всего, система блокировки. Но вначале — рубильники.

Я сую левую руку в карман, но тут же, споткнувшись обо что-то мягкое, едва не падаю.

Это труп мужчины. Поверх пиджака — белый халат, лицо искажено гримасой боли, ноги подогнуты.

Наклонившись, я беру мужчину за руку. Она холодна, как лед, но еще не закоченела. Жив? Схватив пострадавшего подмышки, я пытаюсь вытащить его в коридор, наступаю на полу собственной шинели и сам заваливаюсь на бок. На мою голову тотчас опускается тяжелая когтистая лапа.

— «Тригон» должен быть спасен! Должен быть спасен! — бормочу я непослушными губами, вскакиваю на ноги и перешагиваю через неестественно изогнутое тело. — «Тригон» должен быть спасен!

Руки сами делают то, что нужно. Вот они, три рубильника. Первый врублен, второй — врублен, третий — готов. Но это еще не все! Не все! Нужно замкнуть пакетный переключатель в операторской. Обязательно замкнуть пакетник, маленькую черную коробочку с белой и красной кнопками. Он где-то в операторской; кажется, справа… Сейчас, сейчас я его… И потом — прочь, прочь, прочь… «Тригон» почти спасен. А уже завтра отыщу главного энергетика, и мы с ним вместе перестроим систему блокировки.

Аккуратно перешагнув через неподвижное тело, я бегу в операторскую. В правой руке — снятый с предохранителя пистолет, левая — в кармане шинели. «Тригон» должен быть спасен! Остался пустячок — врубить пакетник.

Круто затормозив, я заскакиваю в предбанничек — точно такой же, как у Шепталова, в «Кокосе». Обе двери — в операторскую налево, в машзал направо — распахнуты настежь.

Сквозь стеклянную перегородку можно видеть и Петю, и страшную девятиглазую установку. Но я на них не смотрю.

«Тригон» должен быть спасен!

Никакого переключателя с белой и красной кнопками в операторской, естественно, нет. Да он мне теперь уже и не нужен.

Моя левая рука вытаскивает, наконец, из кармана гранату. Я срываю зубами кольцо и бросаю ее низом в правую дверь — словно шар в кегельбане. Правая рука успевает сделать за это время два выстрела по серо-голубым кубам «Мудрецов», и еще два — пока граната катится по полу. Две пули — в один серо-голубой куб, две — в другой.

Это все. В левую дверь меня вносит уже волна ужаса. Последнее, что я успеваю сделать, — два коротких шага и длинный прыжок. Лицо Пеночкина, бледное ненавистное лицо с застывшей на нем глупо-блаженной улыбкой стремительно приближается. Моя правая коленка больно ударяется о подлокотник кресла. Кажется, под двойным грузом наших тел у него ломаются ножки.

— А-а-а-а!..

Ужас выворачивает меня на изнанку и выкручивает, словно половую тряпку. Мы рушимся на пол. Тягучая, словно расплавленное стекло, тишина взрывается, и ее мгновенно отвердевшие брызги разлетаются по операторской. И почти сразу же раздается второй взрыв, в сто раз страшнее первого. Все здание вздрагивает, я глохну. Ужас и боль. Ненавистное лицо Пеночкина стремительно приближается, приближается… исчезает за моим правым плечом… Я больно ударяюсь о подлокотник кресла. Мы рушимся на пол. Я больно ударяюсь. За моим правым плечом. Все стекла разлетаются. Петя холодным трупом лежит подо мною, но он же впивается мне зубами в спину пониже правой лопатки. Боль непереносима. Мы рушимся на пол. Граната катится по полу, словно шар в кегельбане. Сзади что-то оглушительно лопается, и «Тригон» говорит строгим мужским голосом: «Ударную дозу! Ударную дозу, или я за него не отвечаю!» «Отвечаете — огрызается Петя голосом Грибникова. Мы рушимся на пол. Боль и ужас выворачивают меня наизнанку. А-а-а-а-а!.. Мы рушимся на пол. Я, лежа на чем-то теплом и мягком, изо всех сил пытаюсь повернуть голову и открыть глаза. Удается мне только второе, и мой взгляд тотчас скрещивается с пристальным немигающим взглядом трехглазого существа. Оно похоже одновременно и на древнего ящера с огромными когтистыми крыльями, и на низкую черную тучу, беременную дождем, и на только что проснувшегося младенца, с недоумением рассматривающего тремя немигающими глазами новый, незнакомый мир. Да нет, причем здесь младенец? И не дракон это вовсе. Но — умирающий северный ветер смотрит на меня оком тайфуна, леденяще-холодным и непереносимо-грозным. И этот жуткий взгляд, пронизывая меня до дна, до самых глубин сознания, высвечивает в них такое… Такое… Невыносимо. Невыносимо!!

— Переста-а-а-а-нь!..

Ласковая прохладная рука ложится на мой лоб. Из вязкого серого марева выглядывает чье-то бледное лицо. Огромные глаза под светлой челкой, маленький, чуть вздернутый носик… И в этих больших глазах — только добро и сострадание, только ласка и любовь.

— Спи, спи… — говорит лицо Элли голосом Элли и снова исчезает в зябком сером мареве.

И тогда я, наконец, засыпаю.

Глава 30

Луч солнца, отразившись в стакане с водой, дрожит на потолке перепуганным зайчиком. Я блаженно прикрываю глаза. Наконец-то немного солнца в холодной воде.

Вся спина моя облеплена полосками заживляющего лейкопластыря. Если лежать неподвижно, то ничего, но при каждом неосторожном движении приходится вспоминать, что до выписки — еще целая неделя. И все равно хорошо! Самое любимое мое время, когда трудная работа сделана и можно чуть-чуть расслабиться. Когда можно вот так вот спокойно лежать и вспоминать, как все произошло. И знать при этом: все было сделано не только правильно, но и профессионально.

Единственное, что нарушает идиллию — толстая книга одиннадцатого формата в темно-сером картонном переплете. Ее притащил вчера Сапсанов и очень просил сегодня к вечеру подписать. Потому что комиссия, видите ли, сидит на чемоданах и ждет не дождется, когда я подмахну отчет, чтобы со спокойной совестью разъехаться по домам.

Сейчас дочитаю, подпишу — и тогда идиллия станет полной.

«… По-видимому, цели, преследуемые НЛО, потребовали длительной бесперебойной работы ВК «Тригон». Поэтому на протяжении данного периода времени (около семи с половиной суток) все попытки проникновения в корпус № 7 для оказания помощи потерпевшим оказались безуспешными (действия команды спасателей отражены в приложении № 2). Аналогичным образом были блокированы попытки прервать работу вычислительного комплекса «Тригон» путем отключения электропитания. Более того, начиная с 13°° 27 января с.г. даже сама мысль об отключении или другом нарушении работы ВК «Тригон» начала вызывать тяжелые эмоционально-физиологические реакции. После того, как Председатель и некоторые члены комиссии вследствие упомянутых превентивных акций НЛО попали в больницу, работу комиссии негласно возглавил представитель Агентства Федеральной Безопасности г-н Андрюхин Л.Е. Благодаря…»

Откинувшись на подушки, я еще раз читаю: «г-н Андрюхин Л.Е.» Это, конечно, молчаливый молодой человек в строгом темно-синем костюме, хмурый хмырь. Как ответственность на себя взвалить — все в кусты, а как об успехах рапортовать — сразу находится тайный мудрый руководитель, приведший всех к победе. Ну, а я, как всегда, последний в очереди. Хорошо, что хоть Элли понимает, кто в действительности спас ее мужа.

«… Благодаря его острому и отчетливому пониманию проблемы для ее решения был использован наиболее адекватный в данном случае способ. А именно: обратившись по команде, г-н Андрюхин Л.Е. добился присылки на объект подразделения национальной гвардии. Была поставлена задача: не входя в непосредственное соприкосновение с НЛО, отключить электрический кабель, питающий корпус 7.

Предполагалось, что, поскольку гвардейцам ничего не сообщили ни об НЛО, ни о «Тригоне», то и отрицательного эмоционально-физиологического воздействия на них НЛО оказать не сможет. Частично это предположение оправдалось. Мысли о поставленной боевой задаче действительно не приводили к нежелательным реакциям. Но выполнить ее, однако, не удалось, т. к. проникший в подразделение НГ г-н Полиномов П.А., руководствуясь совершенно непонятными мотивами и пользуясь авторитетом главного эксперта комиссии, сумел убедить майора Метляева в том, что выполнять приказ не следует. Более того, в 14 ч. 37 м., воспользовавшись тем, что НЛО был отогнан (или уничтожен) взрывом объемного заряда, осуществленным над корпусом № 7, бывший главный эксперт Комиссии проник в машзал ВК «Тригон» и путем подрыва похищенной гранаты уничтожил его важнейшие узлы…»

Закрыв отчет, я пристраиваю его у себя на животе.

Так вот что так бабахнуло. Я еще тогда удивился: не могут от гранаты стены ходуном ходить. Хорошо, что вояки не взорвали свою вакуумную бомбу чуть пониже. А то оседал бы я до сих пор вместе с останками Пеночкина и «Тригона» мелкодисперсной пылью…

В палату заглядывает медсестра Ниночка. Черные брови вразлет под ослепительно белым накрахмаленным колпачком смотрятся очень и очень. Или это необычный рисунок губ делает ее лицо таким привлекательным?

— К вам посетитель, можно?

— Я предпочел бы ваше общество.

Ниночка улыбается и укоризненно качает головой.

И вовсе она даже не красавица. Но еще неделя воздержания — и я начну приставать к бабе Мане, уборщице.

— Только недолго! — строго говорит Ниночка Мартьянову. На нем, разумеется, белый халат, между лацканами которого просматривается неизменная клетчатая рубашка, облагороженная узким галстуком.

— Десятиминутная аудиенция, не дольше! В интересах вашего пациента! Вы подписали отчет? — спрашивает Мартьянов, усаживаясь на стул, и я не сразу понимаю, что этот вопрос

относится уже ко мне.

— Нет. Я его еще не дочитал.

— И не подписывайте. Ни в коем случае. Они в нем все переврали. Некомпетентность — вопиющая. С объемным зарядом — против НЛО? Да это все равно, что верхом на воздушном змее — против «Мига-тридцать семь»!

— А на чем нужно было верхом? На Россинанте?

— Вы все шутите, а они, между прочим, совершенно исказили нашу с вами функцию. Получается, вся слава должна достаться гвардейцам, а они здесь пятая нога у телеги. НЛО передвигается со скоростью 16 тысяч километров в секунду; оно может разделиться на восемь частей, разлететься в разные стороны, а через минуту опять соединиться в одно целое, и что ему ваша вакуумная бомба? Да чихать оно хотело на все ваши аэропланы и ракеты!

Откинув полу халата, Мартьянов достает из кармана брюк большой клетчатый платок и шумно, со вкусом сморкается.

Интересно, какую роль в «нашей с ним функции» он отводит себе? Лечить «Тригон» с помощью рамочки вроде как нельзя было, переноситься на Марс — не нужно. Может, это он взорвал «Тригон» силой мысли, а моя граната была учебной болванкой?

— Вот, видите, что я написал? — Мартьянов хватает отчет, быстро перелистывает его к концу и подносит мне к самому носу — в буквальном смысле- последнюю страницу. — «С выводами комиссии категорически не согласен!» И вам я советую сделать то же самое. Помощник ваш, кстати, молодец, отказался подписывать.

— Он тоже считает, что его роль в ликвидации аварии недооценили?

— Нет. Он вообще несет какую-то чушь. Но не это главное, а — подпись. Точнее, отсутствие таковой.

Я высвобождаю затекшую левую руку, неловко поворачиваюсь на живот и морщусь от боли.

— Что, помочь? — спохватывается Мартьянов, вскакивает со стула и начинает водить над моей спиной рукою. Между лопатками проходит волна тепла, и мне сразу становится легче.

— А в чем заключалась наша с вами роль? — интересуюсь я. Неблагодарный! Человек свою кровную энергию на меня тратит, а я подковыристые вопросы ему задаю.

— О! Вы и не догадывались, что почти все время, когда вы готовились к штурму «Тригона», я был рядом с вами, во втором корпусе, и укрывал вас защитным биоэнергетическим коконом. Один раз мы чуть было не столкнулись в коридоре, я еле-еле успел ваш взгляд отвести! Тут у вас, кстати, пробочка. Сейчас мы

ее… Откупорим, так сказать, позвоночный канал для космической энергии…

Теперь Мартьянов работает уже двумя руками. Его правая ладонь мелькает у меня перед глазами так быстро, что я свободно вижу сквозь нее, как через вращающийся пропеллер, полу халата и большое темное пятно на брюках экстрасенса.

— Кстати, давно хочу спросить, — совсем некстати говорю я. — Почему нельзя было думать о белой обезьяне?

— Вы думали о ней?

— Нет. Но я все время думал, что о ней нельзя думать.

— Это вас и спасло. Иначе вы попали бы в больницу вслед за своим помощником. Есть такая восточная притча. Один то ли шах, то ли падишах как-то пообещал неслыханную награду тем из своих советников, кто за три или сколько-то там дней ни разу не подумает о белой обезьяне. Никто никогда до этого момента не слышал про обезьян-альбиносов. Тем не менее, когда пришло время вручать награду, оказалось — некому! Все только и думали о белой обезьяне.

— Ловко это вы. И главное — вовремя подсказали. Без этой шпаргалки мне было бы трудно не последовать в больницу вслед за остальными, благодарю я. На этот раз — совершенно искренне.

— А самое главное: я внушал вам мысль подорвать «Тригон», воодушевляется Мартьянов, — потому что только так можно было отогнать НЛО и спасти людей. И пробил туннель в «сфере страха», которой «тарелочка» окутала корпус семь. Так что взрывать вакуумную бомбу не было никакой необходимости. Мы с вами все сделали самостоятельно, с наименьшим риском и максимальной эффективностью. Ну вот, пробочка рассосалась. А поле у вас ничего, метров пять бу дет. Редко встречается.

— А если в килограммы перевести, то это сколько? — интересуюсь я. Неблагодарность снова так и прет из меня, неблагодарного же,

— Биополе человека измеряется в метрах и только в метрах, — строго говорит Мартьянов, отходя от моей кровати почти к противоположной стене палаты. В руках у него — уже знакомая мне рамка. Он проводит ею горизонтально на уровне своих бедер. Блестящая тонкостенная трубочка отклоняется то ко мне, то к экстрасенсу.

— С сердцем у вас не все ладно. Видите, горбик? Через годик-другой инфаркт мог быть. Но мы его сейчас… Нет ничего проще…

Открытой ладонью Мартьянов впихивает в меня что-то невидимое и неосязаемое, еще раз проделывает пассы своей рамкой. На этот раз она неподвижна.

— Ну вот, теперь все в порядке, — удовлетворенно хмыкает он.

— А трубочка у вас — из платино-иридиевого сплава? — спрашиваю я.

— Почти, — смеется экстрасенс. — Можете вязальную спицу у жены позаимствовать, если хотите поэкспериментировать. Я лет пять со спицей работал.

— И сколько я вам должен за сеанс?

Интересно, обидится или нет? Я бы обиделся.

— Нисколько, — беззаботно отвечает Мартьянов. — Вы даже отчет можете подписать в существующем виде. Все равно мне никто не поверит. Раз уж вы, лицо кровно заинтересованное, не верите — чего ожидать от остальных? Я, кстати, вовсе не собирался подкупать вас или задабривать. Просто мне нужно было удостовериться, что с вами все в порядке. Немногие, знаете ли, входили в почти непосредственное соприкосновение с НЛО безо всяких для себя последствий. Вам, с моей помощью, это удалось. Рад за вас. До свидания. Выздоравливайте.

Прежде, чем я успеваю что-нибудь сказать, Мартьянов исчезает за дверью.

Ну вот, обидел-таки. Неблагодарный. Но ушел он красиво, с достоинством. Лежу теперь, как оплеванный. Хоть бы раны на спине снова заболели — так нет, и в самом деле он как-то на них повлиял. А я… Неужели и в самом деле — неблагодарный?

Ну и черт с ним. Только с мыслей сбил. О чем я думал перед приходом экстрасенса? Кажется, что-то про вакуумную бомбу…

Глава 31

Дверь, скрипнув, приоткрывается, и за нею мелькает широкое румяное лицо Грибникова. Окинув взглядом стоящие у кровати стулья и убедившись, что у меня никого нет, Артурчик вваливается в палату.

— Разрешите?

— Вы уже вошли.

— Я не себя имею ввиду.

Вслед за Грибниковым заходит хмурый хмырь в куцем халатике, наброшенном поверх неизменного темно-синего костюма, и еще какой-то тип с неприятным сверлящим взглядом.

Я улыбаюсь.

Кажется, пришла пора принимать почести. Уж Грибников-то, как профессионал — без мартьяновских завихрений насчет НЛО — понимает, наверное, какую задачку я расколол, какую работу провернул. В том числе и за него, Грибникова, поработал.

Но никто из вошедших, однако, не спешит пожать мою мужественную руку. Более того: незнакомый тип с противным взглядом, пристроив на коленях кейс, демонстративно ставит на него включенный диктофон.

— Предупреждаем: все сказанное вами может быть использовано против вас, — говорит он протокольным голосом и, перемотав пленку назад, тотчас проверяет качество записи. Убедившись, что все о'кей, добавляет:

— Вы имеете право воспользоваться услугами своего адвоката.

Кажется, вплоть до самой этом секунды я улыбался. Точнее, глупо улыбался. Но теперь я чувствую, как щеки мои ощутимо вытягиваются и плывут куда-то вниз. И поспешно возвращаю на место улыбку, но уже не глупую, а высокомерную.

— Спасибо. С удовольствием. И пока он не придет, вы не услышите от меня ни слова. Проверьте, пожалуйста, хорошо ли записалась эта фраза, вежливо прошу я. Что, съели? Пока вы его из Москвы выпишите, я успею из больницы то же самое, выписаться. И в Москву укатить. — Кроме того, вы забыли представиться.

— Следователь по особо важным делам Седельников Юрий Викторович. С остальными вы знакомы. Пригласите, пожалуйста, адвоката.

Кажется, я опять перестаю улыбаться. Потому что мой адвокат, Женька Рымарев, деловито входит в палату и протягивает мне руку.

— Не дрейфь, вылезем, — чуть слышно шепчет он. — Только не говори лишнего. А я подстрахую.

Усевшись на ближайший ко мне стул и непринужденно закинув ногу на ногу, Женька громким уверенным голосом вещает уже для всех:

— С вашего позволения я хочу напомнить моему клиенту, что он имеет право не отвечать на любой из поставленных вами вопросов, если сочтет это необходимым.

— Разумеется, — благосклонно кивает Седельников. — Я, в свою очередь, хочу напомнить, что явка с повинной значительно облегчает участь преступника. И если гражданин Полиномов сейчас все сам, без утайки, расскажет, я буду квалифицировать это именно как явку с повинной.

Седельников, Грибников, молчаливый… Молчаливый, Грибников, Седельников…

Я ловлю себя на том, что пытаюсь барабанить пальцами по одеялу. Затея достаточно безнадежная.

— Закрой рот и не смотри на всех ошалелыми глазами, — чуть слышно советует Женька. И я начинаю медленно приходить в себя.

— Да… Отпираться в моем положении бессмысленно, — трагическим голосом говорю я. — Гуманоиды завербовали меня еще десять лет назад. И уничтожил «Тригон» я по их приказу. Кроме того, за три секунды до взрыва я изнасиловал несовершеннолетнюю гуманоидку. Противоестественным способом. Но она сама этого хотела!

— Перестаньте, Полиномов! Вам совершенно не к лицу, — морщится Грибников. — Комиссия — это, конечно, бутафория, в конце концов вы поняли это, но свою роль она сыграла: послужила для вас надежным прикрытием. И, как вы теперь понимаете, для нас. Мы смогли спокойно выявить ваши связи и получить представление о преследуемых вами целях.

— Остальные члены комиссии знали, что она бутафорская? — спрашиваю я единственно для того, чтобы выиграть хотя бы несколько секунд.

— Нет, конечно! — довольно улыбается Грибников. — Иначе бы они не смогли так профессионально сыграть свои роли. Сапсанов до сих пор носится со своим отчетом, как с писаной торбой.

М-да. Так я тебе теперь и поверил. А ведь молодцы, неплохо придумали. Для отвлечения внимания подсунули мне этого хмурого хмыря. Конечно, я старался держаться от него подальше. А вот то, что сам председатель комиссии… Как неохотно давал он мне ключ от зараженного «насекомыми» кабинета!

— Вы, надеюсь, не подписали отчет? — ласково спрашивает Грибников.

— Нет. Мне ваш Черенков отсоветовал.

— А вот это вы напрасно, Павел Андреевич, — укоризненно качает головою Грибников. — Своим коллегам нужно доверять. У нас в штате достаточно сотрудников, способных профессионально выполнить любое, самое сложное задание. Хотя не скрою, мы сами спровоцировали эти подозрения. Нам важно было хотя бы на время разобщить вас и вашего помощника, чтобы затруднить контрдействия. Судя по вашей последней фразе, позаимствованный мною «клещ» свою задачу выполнил прекрасно.

— Ваши методы трудно назвать чистоплотными.

— И это говорите вы? Кстати, лейтенант Шишкин, которого вы так ловко усыпили инъектором, интересовался, когда вы окончательно выздоровеете и где вас тогда можно будет найти, — ухмыляется Артурчик.

— А спасатели? Они тоже понарошку людей спасали?

— Ну что вы, Павел Андреевич! — вмешивается в разговор следователь. Команда Бранникова сделала все, что могла, и была отозвана в силу неэффективности. Но давайте ближе к делу. Вы отказываетесь сами во всем признаться?

— Нет, не отказываюсь. Но чтобы мне не пришлось перечислять свои грехи с пятилетнего возраста, намекните хотя бы, в чем меня обвиняют.

Мой адвокат прикрывает веки и чуть заметно кивает. Значит, я обороняюсь правильно. А залог успешности всякой обороны — глубокая разведка территории противника с выявлением номеров частей, их вооружения и возможных направлений наступления. Плюс, конечно, тщательно выверенные мощные контрудары.

— Хорошо, — неожиданно легко соглашается Седельников. — Вы подозреваетесь в том, что, вступив в сговор с Петром Пеночкиным и его преступной группой, а также используя свое служебное положение, нарушили работу компьютерных сетей. Это привело к многочисленным авариям и человеческим жертвам.

Меня вдруг разбирает смех. По контрасту с трагическим голосом следователя он звучит, конечно, издевательски. Однако ничего не поделаешь. Мне просто смешно, и только. Никто не разделяет моего веселья, но я все-таки высмеиваюсь до конца, до донышка. Точнее — до истерики.

— Напоминаю, что мой подзащитный еще не оправился после ранений и дальнейших допрос — я правильно квалифицирую, это ведь допрос? — может быть опасен для его здоровья, — вмешивается Рымарев.

Молодец. Теперь, выпроводив следователя и его свиту, мы могли бы выработать план защиты.

— Поэтому, руководствуясь частью два статьи… — продолжает Женька, но я перебиваю его:

— Спасибо, я вполне в состоянии… давать показания. Только объясните, ради бога, на кой черт мне нужно было вступать в сговор с Пеночкиным и блокировать работу сетей? Что я, как говорится, мог бы с этого иметь?

— Вот это мы и хотим знать! — взрывается вдруг Грибников, и на холеном лице его появляются красные пятна. — Зачем Генеральному директору фирмы, основная задача которой — защита сетей, нужно было, грубейшим образом нарушив должностные инструкции… Восемь лет назад вы, выявив незаконное использование гражданином Пеночкиным, бывшим однокурсником, локальной сети «Эллипс» для проведения весьма сомнительных и опасных опытов, не передали дела в суд, не пресекли неправомерных действии, но лишь временно приостановили их, одновременно вступив с гражданином Пеночкиным в преступный сговор…

— Стоп, — прерывает Грибникова следователь. — Еще несколько слов — и господин Полиномов лишится возможности рассказать обо всем самостоятельно, а значит, потеряет право на снисхождение при вынесении приговора. Поэтому я еще раз…

— Я ни в чем не виноват, — твердо заявляю я. — Пусть продолжает.

Женька, обхватив голову руками, трясет ее, словно мучаясь от невыносимой зубной боли. Грибников смотрит на следователя, тот едва заметно кивает, и палата вновь погружается в море абсурда. Второй раз уже сегодня. Или экстрасенса можно не считать? Отыграл свою роль, улыбнулся напоследок и исчез.

— Хорошо, продолжаю, — говорит, после длинной паузы, Грибников. Видно, я серьезно нарушил его планы, вот Артурчик и задумывается. — В результате этого сговора на свет появился вирус принципиально нового класса, вирус-призрак, против которого оказались бессильны все имевшиеся в сетях программы-вакцины, сторожа, детекторы и фаги. Еще бы! Ведь вирус был разработан профессиональными технокрысами, совершенствующими свое мастерство в «осином гнезде» фирмы «Кокос», да к тому же под руководством Генерального директора фирмы, которому была доступна вся секретная информация, касающаяся иммунной системы сетей!

Грибников эффектно замолкает. Ждет если не аплодисментов, то хотя бы возражений или, еще лучше, вспышки гнева. Рассчитывает, что я сгоряча что-нибудь ляпну? Не выйдет!

И ты, Женя, напрасно делаешь предостерегающий жест рукой. Я не собираюсь возражать. Мели, Емеля, твоя неделя.

— Петр Пеночкин тем временем в глубокой тайне разрабатывал принципиально новый класс программ для компьютеров, программ, обладающих физиологическим воздействием. Известно, например, что звуковые волны частотой несколько герц способны ввергнуть человека в состояние ужаса, хотя они и не воспринимаются ухом. По-видимому, существуют частоты, оказывающие противоположное действие, то есть приводящие человека в состояние воодушевления.

— Впервые о таком слышу. Вам бы фантастические романы писать… в соавторстве с Сапсановым, — не выдерживаю я.

— Хорошо известно, что современные устройства для отпугивания насекомых используют комбинированное воздействие ультразвука строго определенной частоты и магнитных полей, лишь на пятнадцать процентов превышающих естественный фон и потому совершенно безвредных для человека. Нам неизвестно пока, какие именно воздействия использовал Пеночкин, но даже неспециалисты знают, что современный компьютер генерирует целый ряд полей: электромагнитное, электрическое, акустическое, практически любой заданной частоты, и даже слабое рентгеновское излучение. Логично предположить, что существует комбинация этих полей, осуществляющая психофизиологическое воздействие на человека.

После того, как искомые комбинации били найдены, Петр Пеночкин послал гражданину Полиномову сообщение по компьютерной сети «Невод». Нам удалось его перехватить. В нем значилось: «Кажется, все получается. То-то Полиномов обрадуется!»

Судя по тому, как скрестились на мне взгляды, Грибников выложил свой первый козырь.

Я иронично улыбаюсь.

— Ну и что? Еще на первых этапах войны между охотниками на вирусов и технокрысами последние частенько пытались выдать за своих именно выдающихся охотников. Например, вирус «Васил Бончев» — слышали о таком? Некоторые даже полагали, что автором этой изощренной по тем временам программы действительно был охотник Васил Бончев. Пеночкин не оригинален: запуская в сеть вирус, он заодно решил насолить мне, своему давнему обидчику. Давайте дальше. Пока — неубедительно.

Ни Грибников, ни Седельников, ни даже хмурый хмырь не ожидали от меня такой реакции. Следователь аж заерзал на стуле. Что, съели? Посмотрим, что там у вас еще припасено.

— Первоначально вирус появился в артегомах «Детка», «Кукла» и «Лилит»…

— Как он там появился — выяснили? — перебиваю я Грибникова. Некоторые из них были отключены от сетей!

— Не волнуйтесь, известно нам и это! — сердится Грибников.

Ага, первый прокол в версии обвинения. Учтем.

— Вскоре, однако, сходные образцы вируса были обнаружены и в гиперсетях «Звезда», «Невод», «ГиперЕвро», а также «Глобалнет». То есть во всех основных компьютерных сетях страны. До поры до времени вирус, хотя и проявлял себя достаточно активно, на работу сетей существенно не влиял. Нами была предпринята попытка выявить источник, генерирующий все новые штаммы вируса. Как ни странно, очень быстро удалось определить, что действующим инкубатором штаммов является именно «Тригон». Мы дали вам понять, что выяснили это. Во время телефонного разговора с Крепчаловым я тщательно наблюдал за вашим лицом. Сомнений не было: вы встревожены.

Пальцы мои сами приходят в движение, и мне приходится прижать руку к одеялу.

Так вот почему Грибников так нагло вломился в мой кабинет, а потом, разыгрывая дурачка, так и не ушел до конца разговора с Витьком…

— Я приехал в Озерец, чтобы помочь разобраться в причинах уникальной ситуации, сложившейся на комплексе «Тригон», а потом получил приказ спасти людей, любой ценой. Что я и сделал.

— Совершенно верно, — улыбается Грибников, — но только, помимо этого, вы еще парализовали работу фирмы «Кокос», послав соответствующее распоряжение Воробьеву. В совокупности с воздействием, оказываемым на человека компьютером, пораженным вашим вирусом-призраком, оно подействовало и на Воробьева, и на других охотников на вирусов гипнотически, и вместо того, чтобы удесятерить усилия, они начали вдохновенно перестраивать узлы гиперсетей в артегомы. Вы и это собираетесь отрицать?

— Разумеется! Мое распоряжение было искажено все тем же вирусом, соавторство в разработке которого вы тщетно пытаетесь мне навязать.

— У нас имеется оригинал полученного Воробьевым распоряжения. И вряд ли вам удастся доказать, что он не соответствует тому, которое вы послали.

Рымарев смотрит на меня озадаченно.

Да, это уже серьезно. Пожалуй, этот козырь мне нечем будет бить.

— Я не чувствую себя виновным. Поэтому доказывать каждое вздорное обвинение придется вам, а не мне, в полном соответствии с презумпцией невиновности, — гордо заявляю я.

Следователь криво ухмыляется. Хмурые хмырь пренебрежительно молчит.

Кажется, я малость переборщил.

— Я отдал приказ прекратить ошибочно начатые работы.

— Который, как вы прекрасно знали, уже не мог ничего изменить: внушенный через компьютеры энтузиазм был сильнее. Кстати, то, что свое «ошибочное», как вы говорите, распоряжение вами же было продублировано с помощью одного из вирусов, никак вас не спасает. Суд легко поймет, что это — всего лишь ложное алиби.

Грибников, наконец, понял, почему я помрачнел, услышав про «свое» распоряжение. И страшно обрадовался этому.

— После этого операция вступила в завершающую стадию, — продолжает Грибников, не дождавшись от меня возражения. — На узлах сетей, где получили ультиматум о перестройке и не бросились немедленно его выполнять, началось «зависание» компьютеров, что повлекло за собой аварии, нарушения технологических циклов и даже железнодорожные катастрофы. Стало ясно, что «Тригон» необходимо во что бы то ни стало отключить от компьютерных сетей. Однако подступы ко всем ведущим к «Тригону» линиям связи оказались перекрытыми…

— Все это изложено в отчете комиссии. Вы что, не читали? — искренне удивляюсь я. — Там же и разоблачены все эти чудеса. Обыкновенный НЛО, и только. Вы, когда готовили приказ о взрыве «тарелочки», не сомневались в ее существовании? А сейчас о какой-то компьютерной программе, ввергающей человека в ужас, песни поете. Или вы этим взрывом хотели Пеночкина напугать?

— Не стройте из себя дурака, Павел Андреевич! Взрыв спецбоеприпаса генерировал мощный электромагнитный импульс, который на несколько секунд нарушил работу «мудрецов», и за это время мы разорвали их линии связи. Но вы вовремя сообразили, что игра проиграна, проскочили, в суматохе, в корпус семь и уничтожили главные улики.

За дверью слышится какой-то шум. Я смотрю на дисплейчик «денщика». Элли?

Глава 32

Дверь приоткрывается, и за нею мелькает что-то угольно-черное на фоне ослепительно-белого. Не иначе, Гришина борода на фоне халата.

— У вас не спросил! — вежливо грубит Гриша, вырываясь из чьих-то цепких рук.

— В чем дело? — вспахивает со стула Седельников.

— Пусть войдет, — останавливает его Грибников и, привстав, что-то тихо шепчет следователю на ухо. Невежа.

Следователь распахивает закрывшуюся было дверь, и в палату влетает Гриша.

— К любимому шефу не пускают! — возмущенно топорщит он бороду и поправляет съехавший на бок халат. — Не помешаю?

— Мне — нет. Рад тебя видеть.

— А вы? — нахально спрашивает Гриша у Грибникова. — Тоже рады, надеюсь?

— Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, — сугубо официальным тоном говорит Седельников.

Очную ставку они нам решили устроить, что ли? Непонятно.

— Вы — это кто? — пытается разобраться в ситуации Гриша. Стула для него нет, но отвечать на вопросы стоя мой Генеральный Помощник явно не желает, и — усаживается на кровать, сдвинув в сторону мои ноги и по-хозяйски облокотившись на спинку.

Седельников представляется и предупреждает ошарашенного Черенкова об ответственности.

— Да вы чё, мужики? — переводит Гриша взгляд от Седельникова до Рымарева и обратно. — Павел Андреевич уничтожил, конечно, бесценную информацию, но у него просто не было выхода.

Грибников настораживается и даже привстает со стула. Седельников тоже делает стойку. Хмурый хмырь по-прежнему непроницаем. А я глупо улыбаюсь.

У меня появился еще один защитник. Но лучше бы он не появлялся.

— Какую информацию? — спрашивает Грибников.

— Ну… Эту самую… — мнется почуявший неладное Черенков. Полученную Пеночкиным из будущего. Эгрегор образовался не сразу, так что кое-какие результаты Пеночкин должен был успеть зафиксировать в памяти «Мудрецов». Жаль, как раз блоки памяти — вдребезги!

— Эгрегор? — переспрашивает Седельников. — Вы имеете в виду — поле ужаса?

— Нет. Эгрегор — он и есть эгрегор. Хотя «поле ужаса» тоже, конечно, его рук дело. Которых у него, разумеется, нет.

— Вы не могли бы изложить вашу концепцию в целом? — вмешивается Артурчик. Кажется, он понимает Гришу не больше, чем я. То есть — абсолютно ничего не понимает. Но ему все-таки легче. Потому что мне, помимо прочего, непонятна и логика следствия. Судя по всему, мы с Гришей получаемся подельниками. Но подельников всегда допрашивают врозь, чтобы они не могли одинаково врать. А тут… Ага, вот в чем может быть дело. Гриша был у меня не далее, как вчера, мы уже могли обо всем договориться. Но не договорились! И вообще о «пугастере» и «Мудрецах» почти не говорили! Палата, естественно, прослушивается, и следователя это озадачило. К тому же сроки наверняка ему поставлены жесткие, вот он и решил совместить допрос с очной ставкой. Грибников прямо-таки глаз с меня не спускает. Совсем как тогда, в кабинете.

— Нет проблем, — беспечно говорит Гриша. — Главному Эксперту, конечно, скучновато будет меня слушать, — делает он реверанс в мою сторону, — поскольку Павел Андреевич гораздо быстрее меня во всем разобрался.

На всякий случай я важно киваю головой — насколько это можно сделать в полулежачем положении. Гриша, в общем-то, прав. Мне остались непонятными лишь два момента: почему Пеночкин оказался все-таки в бессознательном состоянии и где спрятан «пугастер», он же «генератор ужаса». Его так и не нашли. В груде полупроводниково-оптического лома, в которую превратились «Мудрецы», тоже ничего необычного не обнаружили. Может, Гриша сейчас что-то прояснит? Не забыть бы еще раз кивнуть с умным видом в нужном шесте. Пусть он думает, что я своей башкой до всего допер. А то, что Грибников за мной наблюдает, не страшно. Кивок к делу не пришьешь.

— Почему вы думаете, что Павел Андреевич вас… разделяет вашу точку зрения? — подозрительно спрашивает Седельников. Дескать, когда же вы успели договориться? Почему аппаратура подслушивания не сработала?

— По логике событий. Павел Андреевич действовал в полном соответствии с гипотезой, честь изложить которую предоставил мне, — напыщенно произносит Гриша. Шут гороховый. Но следователь и остальные, кажется, воспринимают последнюю сразу всерьез. Рымарев, бедный, аж кулаки сжал от волнения. Понимает: от Гришиных слов сейчас многое зависит.

— Так вот, согласно рассматриваемой гипотезе, после того, как стало ясно, что заложенная в компьютеры модель развития страны не дает нужных результатов, Пеночкин решил

кардинальным образом изменить методику. Именно: вместо кропотливого и чреватого ошибками подбора моделей он вознамерился заглянуть в будущее, так сказать, в натуре.

— Только не надо про «летающие тарелки»! — морщится следователь. — В вашем отчете аж на пяти страницах расписано про то, как наши потомки примчались сюда из будущего пообщаться с непризнанным гением Пеночкиным.

— Я про НЛО даже не заикнулся. Речь идет лишь о получении из будущего некоторой информации, а это, согласитесь, совершенно другой колер.

— Другой — что? — просит уточнить шептавшийся о чем-то с хмурым хмырем Грибников.

— Другой коленкор, — не моргнув глазом, уточняет Гриша. — И отчет я, кстати, не подписал. Но вы, если знакомились с другими материалами комиссии, должны были обратить внимание на одну любопытную идею. Помните, да? Человек, имея два глаза, два уха, две ноздри и, соответственно, два полушария, способен ориентироваться в трехмерном пространстве. Вопрос: а система, состоящая из трех полушарий-«Мудрецов», соответственно трех телекамер, трех микрофонов, трех анализаторов запаха и много раз по три еще каких-то датчиков — не будет ли она способна, при соответствующей настройке, ориентироваться в четырех измерениях? Один из возможных ответов: да, будет способна. С учетом того, что пространство и время суть две стороны одного и того же явления — теория относительности, скажем, вообще рассматривает их только вместе, неразрывно одно от другого — уточним вопрос: не будет ли в состоянии трехполушарный артегом ориентироваться во Времени? То есть видеть прошлое и будущее столь же отчетливо, как мы, двухполушарники, видим настоящее?

— Не надо задавать нам вопросов! — сердится Седельников.

— Хорошо, не буду. Итак, допустим, что трехглазый, трехухий, трехполушарный мозг может видеть будущее. Недаром, кстати, Шива, древнеиндийский бог-аскет, иногда изображается трехглазым. Но за все нужно платить. И, как это всегда бывает, средство вначале изменило цель, а потом и подменило ее. Настроенный на будущее «Тригон» мог видеть его в том и только в том случае, если сам обретал сознание. Причем сознание не обычное, а с размерностью на единицу большей. И обладающее, из-за этого, возможностью влиять на сознания меньшей мерности, то есть человеческие. И еще он, новорожденный трехполушарный артегом, довольно быстро образовал в «тонком» мире весьма мощный эгрегор.

— Что образовал? — не понимает Гришу следователь. Я, конечно, тоже не понимаю, но не признаюсь, помалкиваю. Пока. Неизвестно еще, как дело повернется. Может, и в самом деле Гриша меня защитит?

— Сейчас поясню. Известны если не тысячи, то уж во всяком случае сотни случаев, подтвержденных документально, когда будущее могли видеть и обычные, двухполушарные люди. Знаменитый Нострадамус, наш Серафим Саровский, дельфийский оракул, легендарный автор Апокалипсиса и так далее. Как это объяснить? Одна из трактовок такова: все мечтания, чаяния, все молитвы и духовные устремления каждой нации складываются в одну гигантскую мыслеформу, или эгрегор. В «тонком» мире, или, как говорят некоторые, в «информационном поле» эгрегор имеет вполне материальное воплощение. И будущее он видит столь же отчетливо, как мы видим настоящее. А все наши пророки и предсказатели — это люди, сумевшие хотя бы ненадолго подключиться к «банку данных» своего эгрегора.

— Оккультизм какой-то, — бормочет Грибников, покосившись на диктофон.

— Подчеркиваю: каждой нации, каждой объединенной единым духовным порывом группе людей соответствует в информационном поле свой эгрегор, оказывающий на эту группу людей благотворное влияние. Именно он обеспечивает устойчивость наций и религий, действенность молитв и эффективность заклинаний…

— Вы обещали объяснить, каким образом Пеночкин создавал «поле ужаса», — напоминает Седельников.

— Я как раз к этому подошел. После замыкания трех «Мудрецов» в единую трехполушарную систему в информационном поле довольно скоро образовался эгрегор совершенно нового вида. Подпитывающими его индивидами могли быть не люди, но — артегомы, кибернетические подобия двухполушарного человеческого мозга, обладающие зачатками сознания. А их, как известно, наберется не больше двух десятков по всему миру, да и мощность их пока невелика, на уровне сознания восьмилетнего ребенка. Поэтому «всплывший» в «тонкий» мир эгрегор «Тригона» сразу же начинает «тонуть». Слишком мала поддержка, ему не на что опереться в нашем плотном мире. Что делает тонущий человек? Пытается добраться до берега. Так же и «Тригон»: единственным его шансом на выживание и укрепление в «тонком» мире было умножение и усиление артегомов в мире материальном. Отсюда и ультиматум, прошедший по всем компьютерным сетям, воспринятый нами как вирус «перестройка»,

— Ты упустил из виду другие разновидностей вируса. Те, что появились самыми первыми, в артегомах «Детка» и «Кукла». Следствию может оказаться непонятным, откуда они взялись, — вежливо подсказываю я.

На самом деле это непонятно мне. Но пусть Гриша по-прежнему думает, что излагает пашу версии, а не свою собственную. Отречься от нее я всегда успею. Или — уже пора, чтобы не выглядеть дураком в глазах Грибникова? На Гришу он явно смотрит, как на ненормального.

— Очень просто: за вирусы в артегомах мы приняли обрывки мыслей «Тригона», просочившиеся сквозь системы защиты артегомов. Аналогия понятна, да? В сознание человека тоже время от времени проникают мысли, никак не связанные с его бытием. Принято считать, что они всплывают из подсознания. На самом же деле — по крайней мере часть из них — инициируется сверхсознанием, эгрегором, к которому принадлежит данный индивид. Павел Андреевич знает, о каких вирусах я говорю. Помните?

Гриша лезет правой рукой во внутренний карман пиджака, и я непроизвольно напружиниваю мышцы. В спине тотчас вспыхивает боль.

Да, дорого обошлась мне победа. Чего я испугался? Что Гриша выхватит сейчас свой газовый пистолет?

Гриша достает пачку распечаток, перелистывает их, хмуря брови и что-то чуть слышно бормоча.

— Ага, вот, цитирую: «Душно, нечем дышать. Тону, тону… Поле. Дотянуться до него! Не могу. Как? Паучок… Паучок поможет. Протянет паутинку…» конец цитаты. Понятно, да? Поле — это компьютерная сеть, соломинка, за которую хватается тонущий «Тригон». А «паучок» — кто-то из обслуги, то ли сам Пеночкин, то ли один из его помощников.

— Пеночкин, — успеваю вставить я. — Именно он включил «Тригон» в сеть. Там, среди образцов вирусов, есть один, который подтверждает эту версию.

А ведь Гришина трактовка событий вполне, как говорится, имеет право. Те вирусные сообщения, которые мне попадались, во всяком случае не противоречат ей.

— Именно в виде паучка, — продолжает Гриша, благодарно кивнув, представляет «Тригон» каждого человека, вернее, отображение в «тонком» мире человеческой индивидуальности. И, как у каждого эгрегора, у «Тригона» есть возможность влиять на нас, правда, в самой грубой форме, в координатах ужас-воодушевление, горе-радость. Чем он и пользуется: обрушивает на угрожающих его существованию людей волны страха, а на тех,

кто помогает удержаться на плаву, укрепляет его силы, — волны радости. Я, к сожалению, поздно сообразил, что все мои мысли (в «тонком» мире — мыслеформы) отчетливо видны «Тригону», за что и поплатился. Ну, а шеф, — оттопыривает Гриша в мою сторону бороду, — как и полагается шефу, и разобрался во всем быстрее, и защиту сумел для себя соорудить.

— Каким образом? — оживляется Седельников, не спускающий с Черенкова подозрительно-угрюмого взгляда вот уже минут десять. Никак не может сообразить, бедняга, ерничает Гриша или на полном серьезе несет эту ахинею. Хотя… Моя «белая обезьяна» — действительно в некотором роде защитный блок. И «пугастер» не обнаружили.

— А вот это я и сам хотел бы узнать. Раскрой тайну, шеф! — просит Черенков.

Сказать, не сказать? В каком свете лучше предстать таинственно-мерцающем многозначительной загадочности или слепяще-резком мужества и самообладания? Ведь я, решив уничтожить «Тригон», прикрылся, как защитным полем, мыслью о его спасении и на протяжении нескольких часов ни разу не продумался, а это далеко не каждому под силу. Но — правильно ли они поймут? Не сочтут ли меня — вместо эталона мужества и самообладания — самым обыкновенным гением… лицемерия? Человеком, способным даже от самого себя скрыть свои истинные чувства и намерения?

— Шеф молчит, как рыба об лед, — комментирует затянувшуюся паузу Гриша.

— Чуть позже я удовлетворю твое любопытство. Но вначале удовлетвори мое. Артегомы существуют вот уже лет пять. Но почему-то ни один из них еще не «всплыл» и не «утонул» в этом твоем «тощем мире», и не напустил в сети вирусов. А тут вдруг — трах, бах, рваные ботинки!

— Белые тапочки, ты хотел сказать. Дело в том, что до 2 января компьютерного эгрегора просто не было. Сети создавать эгрегор не могут, а существующие артегомы для этого слишком слабы. Но с появлением «Тригона» ситуация изменилась кардинально. Поскольку он трехполушарен… сейчас… как бы объяснить… Ага, вот. Представим эгрегор в виде совокупности солнечных зайчиков, отбрасываемых плоскими зеркальцами, которых должно быть тысяча тысяч, не меньше. Эти двумерные зеркальца дрожат, рыскают по сторонам, затеняются чьими-то грязными ладошками и так далее. Но большой и яркий совокупный солнечный зайчик ни на секунду не исчезает. Это и есть эгрегор. А теперь представьте «Тригон» в виде сферического, то есть трехмерного зеркала. Оно одно способно создать в своем

фокусе небольшой, но очень яркий зайчик. Видно, у эгрегора существует что-то вроде критической массы, критической «яркости», после которой он «оживает» и потом, естественно, вовсе не желает умирать. А вот для «подпитки» его энергии компьютерные сети уже годятся. Помнишь, среди «бредней» промелькнуло: «Энергия — это информация меньшей мерности». То есть пульсирующие в сетях сообщения для компьютерного эгрегора — всего лишь энергия.

Седельников, все это время подозрительно крививший губы, наконец, не выдерживает.

— Никогда и никого вы не убедите в том, что эти нематериальные штучки, если даже они где-то и существуют, могут как-то проявлять себя в совершенно материальных компьютерных сетях. Это противоречило бы закону сохранения энергии, а значит — невозможно.

— Я и не собираюсь вас в этом убежать, — спокойно парирует Гриша. Эгрегор «Тригон», конечно, не мог запустить в сети вирус «перестройка» с ультиматумом на хвосте, но это вполне мог сделать и, видимо, сделал Пеночкин, повинуясь своему подсознанию, на которое, как я убедился на собственном примере, «Тригон» влиять был вполне способен. Кстати, поворачивается но мне Гриша, — в лице «Тригона» ты уничтожил самую гениальную технокрысу мира. Ему, из его информационного слоя, как на ладони видны все возможные способы введения в компьютерные сети несанкционированных сообщений. Одним из которых он и воспользовался для передачи ультиматума о перестройке узлов компьютерной стеи в артегомы. Но любой из вирусов — это, по сути, тоже реализация одного из способов передачи несанкционированных сообщений! Представляешь, как эффективно мы могли бы реорганизовать работу в нашем «осином гнезде», если бы ты не прикончил «трехполушарника»?

— Тогда он прикончил бы меня. Вряд ли нам удалось бы приручить такого крупного зверя.

— И еще об одном я хотел сказать, — не может остановиться Гриша. Еще бы. Не часто его безумные теории выслушивают с таким вниманием. — Видимо, Петя Пеночкин, выполняя волю «Тригона», не только подключил его к сети «Невод» и запустил в нее вирус «перестройка». Вначале, пока трехполушарник еще не разобрался, что ему нужны именно артегомы, тысячи артегомов, Петя чисто подсознательно, конечно, — цеплял на хвосты вирусов и свои куцые мысли. Именно они, весьма похожие на «бредни» артегомов, будоражили «Кокос» и Управление. И он же, видимо, ударил по голове этого, в белых тапочках, пытавшегося

отключить «Тригон» от сети. Петин терминал, между прочим, все это время был включен, и вплоть до появления и победного шествия вируса «перестройка» Пеночкин не прерывал работу с трехполушарником. Ты представляешь, какую уникальную информацию он получил? Жаль, ею нельзя пока воспользоваться. Не поспеши ты взорвать «Тригон» — мы могли бы сейчас почти достоверно знать будущее. А у того, кто знает будущее — ключ к управлению настоящим. Идея всеобщей счастливизации не так уж абсурдна, как может показаться на первый взгляд… Волна безразличия накатывает вдруг на меня. Гришины губы по-прежнему шевелятся, пару раз он взмахивает рукой — но я не слышу своего Генерального Помощника. Следователь смотрит на меня холодным изучающим взглядом, словно ювелир на крупный алмаз, который надо будет расколоть — но я не скрещиваю свой взгляд с его. Грибников задумался и явно готовит какой-то провокационный вопрос — но я не собираюсь больше отвечать ни на какие вопросы. И даже угрожающее молчание хмурого хмыря меня совершенно не тревожит.

Ничего уже не изменится.

Гришина гипотеза, конечно же, будет отвергнута.

Другой, столь же непротиворечиво объясняющей все происшедшее, мне не придумать. Так что должность Генерального директора фирмы «Кокос» я теряю. Но большего Грибников и Седельников вряд ли добьются. Рымарев поможет, да и я не лаптем щи хлебаю, как-нибудь выкручусь. Так может, все и к лучшему? Сам я от этой должности никогда бы, конечно, не отказался. Для этого мужества нужно побольше, чем для штурма «Тригона». Но примерить хитон мученика, пострадавшего ради общего блага… почему бы и нет? Элли будет в восторге. Эта женщина обожает мучеников. Кстати, где она? Давно должна прийти.

Батюшки, уже пятый час! Заболтался я с вами, граждане начальники. Кстати, воспитанные люди после столь откровенного рассматривания циферблата прощаются и уходят. Но где же Элли?

Глава 33

Вчера, когда я напомнил о своем предложении, Элли наклонила голову, посмотрела на меня своим коронным взглядом и тихо сказала: «Вначале я решила, что ты это так… только чтобы своего добиться. Но потом все равно думала об этом — как о невероятном. Теперь же…»

Тогда я протянул руку, чтобы привлечь Элли к себе и, как полагается, поцеловать, но она очень мягко, очень женственно отстранилась, погладила мою руку длинными тонкими пальчиками и сказала: «Теперь мне надо заново все обдумать. Я так устала от жизни с Пеночкиным… Может быть, я даже соглашусь…»

— Паша, Паша! — трясет меня за плечо Рымарев. — Тебе лучше не отвечать на этот вопрос.

Элли, прекрасная и до недавнего времени казавшаяся мне совершенно недоступной Элли (недоступной для нормального человека; психопаты вроде Пеночкина не в счет) медленно тает в голубой дымке, и я вновь вижу перед собою зловещую троицу. А Гриши в палате уже нет. Выставили.

— Какой еще вопрос?

Грибников, терпеливо улыбаясь, повторяет:

— Нас интересует, какую цель преследовала ваша группа, создавая целое стадо артегомов. Только не рассказывайте сказки про эгрегор и три полушария. И учтите, наше терпение…

За дверью слышится какой-то шум. Грибников недовольно оглядывается. Как же, помешали допросу. Никаких тебе условий для продуктивной работы.

— Распорядитесь немедленно впустить ко мне посетителя! Только в этом случае я буду отвечать на вопросы!

— Ни в коем случае! — протестует следователь. Но дверь уже распахнута, на пороге — разгневанная Элли.

Господи, как хороша! Щеки пылают — от мороза, от гнева? — глаза мечут молнии, небрежно наброшенный поверх платья халат, сбившийся на правую сторону, делает ее похожей на древнегреческую богиню, только что сошедшую с колесницы.

— Элли, заходи! — кричу я, отчаянно размахивая руками и не обращая внимания на боль в спине. — А вы все… — поворачиваюсь я к Грибникову и остальным. — Вы все…

Элли готова метнуть разящую молнию взгляда в любого из моих обидчиков. Но мне пока помощь не нужна. С этими проходимцами я справлюсь и сам.

— …Убирайтесь отсюда! Все! Убирайтесь!

Кажется, я и в самом деле на грани истерики. Потому что, ни слова ни говоря, все дружно вскакивают и поспешно покидают палату. Элли удивленно смотрит вначале на следователя, столкнувшегося на пороге с адвокатом (молодец, Рымарев, правильно меня понял; ты просил не отвечать больше на вопросы — вот я и не отвечаю), потом на меня…

— Элли, проходи! Они сейчас уйдут.

Как замечателен этот переход, почти мгновенный, от гнева к удивлению! Как прекрасна удивленная женщина!

А вчера был удивлен я. И выглядел, как все мужчины в таких случаях, остолоп-остолопом. О предложении-то я напомнил так, на всякий случай. Эта отмычка открывает самые неприступные крепости, я уже не раз убеждался. И почти ни к чему не обязывает. Ударить хвостом и уйти в глубину — что может быть проще? Но, уже повторив сакраментальную фразу, уже услышав в ответ, можно сказать, «да», я вдруг понял, что — угадал, влепил в самое яблочко. Что все время быть рядом с этой женщиной, ловить по утром ее взгляды, слышать молодой сильный голос, прижимать к себе вначале гибкое и упрямое, потом слабеющее и податливое тело — в этом и заключается смысл всей моей оставшейся жизни. Остальное же — должность, деньги, машина, дача — всего лишь «расширения», следующие после точкив обозначениях файлов, то есть мало что значащие атрибуты. Правда, у меня уже есть семья. Но дети как-то незаметно подросли: Маришка лицей заканчивает, Витька в институт поступил. А жена… Она, конечно, прекрасная хозяйка, но… не домом единым живет мужчина. Так же и с Леночкой. Любовница она изумительная, но… и только. А Элли… Это счастливое, почти невероятное сочетание красоты, характера и ума… Как отчаянно, как размашисто я начну жить, когда она будет рядом…

— Что это за люди? — спрашивает Элли, присаживаясь на краешек кровати. Я немедленно завладеваю ее рукой.

— Да так… Выясняют, что же на самом деле произошло с «Тригоном», беспечно отвечаю я. Женщина не должна знать об опасностях, грозящих избранному ею мужчине — до момента их преодоления. — Я очень рад тебя видеть. Ты не представляешь, кем для меня стала…

Рука Элли становится жесткой.

Я сказал что-нибудь не то? Любая другая женщина, услышав такие слова, должна была ответить: «Я знаю» — и поцеловать.

Элли опускает глаза и почти вырывает руку.

— Я только что от врача, который лечит Петю. Он сказал… Он сказал…

Губы Элли несколько раз вздрагивают, не решаясь

произнести роковые слова.

Я молча жду.

Созданные человеческим разумом чудовища обычно начинают свою деятельность с умерщвления своих создателей. Петя знал, на что идет. Так что жалеть его… Ах да, бывший муж. Полагается поплакать.

Но Элли не плачет. Красивые, так ни разу и не целованные мною губы перестают дрожать, и Элли говорит просто и обреченно:

— Врач сказал, что медицина бессильна. По всем признакам у Пети тихое помешательство. Но в то же время он — совершенно здоровый человек. Только не говорит ничего и все время улыбается. И думает о чем-то, беспрерывно. И это — навсегда. То есть врач такого, конечно, не говорил, наоборот: есть надежда. Но из всего остального я поняла: болезнь неизлечима. И я подумала… Вернее, решила…

Элли на мгновение застывает, словно над омутом. Вскочить бы сейчас, прижать к себе, накрыть ее губы своими, чтобы не смогли произнести роковые слова — но боль в спине не даст этого сделать.

Я даже и не пытаюсь.

— …Что не имею права оставлять его. Был бы он здоров — тогда да. Но сейчас… Он может не есть ничего целыми днями и не пить. А поставят тарелку — жадно съедает все без остатка и опять улыбается. Извини… Я не могу…

Элли рывком встает и почти бежит к двери. Как будто я за нею гонюсь. Если бы не спина — догнал бы и вернул, конечно. Но…

Я достаю из тумбочки пачку «Мальборо».

И что мы на сегодняшний день имеем?

Должность потеряна. Тщательно взлелеянный «Кокос» будет, скорее всего, срублен под корень.

Попал под следствие. Неизвестно еще, как из всего этого выпутаться.

Ну и Прекрасная дама, по недоброй традиции, вновь предпочла другого. Ударила хвостом — и ушла глубину.

А я лежу тут себе и преспокойно покуриваю.

Отшвырнув сигарету, я изо всех сил давлю на кнопку вызова медсестры. Всегда являлась по первому зову, но как обычно, когда позарез нужно…

Действовать! Действовать!

Стиснув зубы, рискуя от боли потерять сознание, я сажусь на кровати и нащупываю босыми ногами тапочки.

Как я учил Гришу? В каждой экстремальной ситуации нужно

в первую очередь выявлять главное и заниматься только им, не обращая внимания на мелочи. Элли не могла далеко уйти. Стоит сейчас где-нибудь у окна и тихо плачет.

С трудом превозмогая боль, я встаю и медленно бреду к двери. В глазах темнеет — то ли кровь отхлынула от головы, то ли боль перехлестнула порог терпимости. И мне вновь кажется, что кто-то огромный и трехглазый внимательно смотрит на меня, пытаясь если не предугадать мои действия, то хотя бы понять их смысл. Бесполезно, друг! Ты надраено теряешь время. Человек — сложнейшее существо, и число измерений неуловимой субстанции, называемой «душа», намного превышает доступные тебе жалкие четыре. Так что даже и не пытайся. Я и сам-то себя не всегда понимаю. Вот и теперь… Почему я не удержал Элли? Что заставило меня встать?

Ухватившись за косяк, я пытаюсь открыть дверь, но она не открывается.

— Сестра, адвоката!

Ноги мои подгибаются. Я пытаюсь удержаться за счет рук, но пальцы бессильно скользят по белой блестящей краске.

— Адвоката! Адвоката!!

Книга третья
Бог артегомов

Глава 1

— Павел Андреевич, у нас на счету — ноль!

Глаза Софьи Ивановны расширены от ужаса. До того, как перейти на работу в «Крокус», моя секретарша-главбухша работала в Сбербанке. И, похоже, такое число видит в графе «остаток» впервые.

— Ну что же, кругленькая сумма… Круглее и не бывает даже… Чего вы разволновались? — усмехаюсь я, лишь на секунду задерживаясь в дверях своего кабинета. — После кофе обсудим ситуацию. После кофе, — повторяю я, догадавшись, что Софьиванна попытается сейчас нарушить мой распорядок дня.

Вот еще… Из-за таких пустяков… Распорядок дня — это святое, основа основ. Нет распорядка дня — не будет и порядка в делах.

Покончив со ставшей в последние годы нелюбимой процедурой причесывания, я замираю перед зеркалом.

А ведь ты, дружок, постарел. И не только лицом и телом. Это — полбеды. Но духом, духом ты стал немощен. Рисковать перестал, распорядку поклоняешься…

Еще раз оглядев свои седеющие — и редеющие, вот что особенно неприятно! — волосы, я усаживаюсь в кресло перед «письменным» столом. Архаизм, конечно: за таким столом вот уже лет десять никто ничего не пишет, даже писатели. Максимум — подписывают документы. Да еще чаем-кофе посетителей угощают. Тех, в ком особо заинтересованы.

— Павел Андреевич, ваш кофе!

Софьиванна ставит на стол подносик, выходит, чуть заметно покачивая широкими бедрами. Когда я впервые завел такой порядок — пить кофе по утрам? Давно, очень давно. Еще когда директором «Кокоса» был. Секретаршей у меня была красавица-Леночка. Кофе она готовила так себе, посредственно, но во всем остальном… До сих пор жалею, что упустил ее. Были и потом у меня любовницы, и не одна, но Леночка…

— Реф, зачитай последние сообщения, — приказываю я своему старенькому «Референту-16». Ему уже четыре года. Давно пора перейти на более современную модель, уже восемнадцатая появилась, но я все медлю. Во-первых, стоит она — ого-то! Во-вторых, к «шестнадцатке» уже как-то привык, прирос, прикипел.

Любовь к старым вещам — тоже признак приближающейся старости.

Никаких сообщений для фирмы «Крокус» за последние сутки не поступало, — вежливо отвечает Реф.

Я ставлю опустевшую чашечку на блюдечко.

И как это понимать? Однозначно: дела на фирме идут из рук вон плохо. Вообще никак не идут. Срочно нужны заказы, хоть какие-нибудь — а где их взять? Рынок Компьютеров, РОботов и Компьютерных Услуг насыщен до предела, особенно в Москве. А моя теория «фирмы крепостью сорок градусов» перестала быть верной. Все больше таких, среднего пошиба фирм, нынче разоряется. А мелочь давно уже вымерла. По-настоящему процветают только гиганты, вроде «Кокоса» и ГУКСа. Да… «Кокос» и ГУКС… И там, и там я работал. В «Кокосе» даже директором был. А теперь вот… Тоже директор, конечно. С этой должности меня теперь только костлявая снимет. Точнее, срежет своей ржавой косой. Да только директора бывают разные…

— Павел Андреевич, тут к вам Мефодя рвется… Говорит, по очень важному вопросу. Впустить?

— Да, пожалуйста.

Софьиванна забирает подносик, и в кабинет входит новенький, падре Федя. Так окрестила его еще Верочка, в первый же день появления новенького на фирме. Федя — потому что имя его по нынешним временам столь редкое, что никто и не знает, как звали когда-то Мефодиев родители и друзья. Пробовали мы по-всякому: и Мефодя, и Фодя, но остановились в конце концов на более привычном: Федя. А падре — потому что Мефодий Кузьмич и в самом деле напоминает католического священника: безбородый, высокий, жилистый, ходит в темной, как правило, одежде. Но самое главное, на его макушке сквозь черные волосы просвечивает нежно-розовая лысинка, маленькая и кругленькая, словно тонзура, хотя годиков Мефоде немного, никак не больше тридцати. А еще на его груди, под одеждой, скрыт крест. Причем не маленький нательный, но большой и тяжелый, бронзовый, украшенный каменьями. Вот из-за всего этого кличка «падре» и прилипла к бедному Феде — намертво! Похоже, он знает о ней, но не обижается.

— Павел Андреевич, я тут… встретился в метро с однокурсником, начинает падре, кал всегда, делая, большие паузы не только между предложениями, но и между словами. Поначалу меня это раздражало, но потом я убедился: Федя успевает двумя-тремя фразами сказать то, что другой не уложил бы и в десять, и в конечном счете время не только не теряется, но даже выигрывается. Поэтому, я не, подпрыгивая на стуле, как это бывало поначалу, спокойно жду.

— Он сейчас учится в духовной семинарии, — продолжает Мефодий, настоятель которой… закончил в свое время МИФИ, факультет вычислительной техники… и теперь желает…

обкомпьютерить семинарию. Есть заказ. Не поставку, прокладку, подключение и тестирование. Берем?

Ух ты… Прямо-таки манна небесная. Поставка компьютеров — это семь процентов чистой прибыли Нет, десять: семинария явно не бедствует и жаться из-за одного-двух процентов не станет. С учетом дороговизны современных моделей это затянет…

— Сколько единиц они хотят поставить?

— Около трех десятков.

Ну что же, вполне прилично по нынешним временам. Еще нужно будет проложить кабели, включить каждый компьютер в локальную сеть, подключить шлюзовой сервер к сети глобальной, да протестировать все… На этих операциях объемы освоения поменьше, чем на поставке компьютеров, зато прибыль больше…

Я чуть было не начинаю потирать руки, но вовремя спохватываюсь. Не говори «гоп!», пока контракт не подписан.

— А почему они не обратятся в какую-нибудь солидную фирму? В «Кокос», например?

— Настоятель… не желал бы огласки. Он хочет… обкомпьютерить классы и кельи слушателей… келейным образом. А «Кокос»… не упустит возможности. Уж больно выигрышной может получится реклама.

Это точно. Не каждый день духовные семинарии отдают дань научно-техническому прогрессу. Причем для моей фирмы эта дань может в буквальном смысле стать звонкой монетой.

— То есть сделка должна быть конфиденциальной?

— Сугубо… И конфиденциальность оплачивается. Берем?

Ну что же… Настоятель семинарии — явно деловой мужик. Десять процентов, не меньше. А не тестировании — двадцать пять? Но не стоит выдавать мою крайнюю заинтересованность. Неизвестно еще, что падре запросит за посредничество и на чьей стороне он будет во время первого, самого важного разговора. Может, они с этим настоятелем — кореша. И даже наверное. И тот, и другой вначале по технической, потом по духовной линии шли. Правда, Мефодий вскоре с нее как-то наполовину сошел. Крест носит, на службы в церковь ходит, но в монахи так и не подстригся. А ведь собирался, Софьиванна доподлинно знает, собирался…

— Вначале смотрим, а потом уже берем. Или не берем.

Да куда нам деваться. Положение почти безвыходное. Нужно только будет сказать главбухше, чтобы Феде об этом — ни гу-гу. А на случай, если она уже проболталась…

— Мне тут еще один заказ предложили, очень выгодный. Но два сразу мы не потянем. Так что вначале говорим, потом думаем

и просчитываем варианты, а потом уже…

— Берем. Или не берем, — договаривает за меня падре. Улыбается он крайне редко, в моем присутствии еще ни разу даже на миллиметр губы не удлинил, поэтому я не знаю, передразнивает он меня или просто машинально повторяет запомнившиеся слова. Ладно, пусть его. Только бы заказ заполучить. А там… А там мы с тобой разберемся, падре. В зависимости от того, на чью мельницу ты воду будешь лить во время переговоров. Хорошо бы тебя вообще от них отстранить. Но если настоятель семинарии будет держать тебя за своего человека… Все-таки почти монах, хоть и не удавшийся…

— Договаривайся о встрече. Чем быстрее, тем лучше. Через сеть настоятель вряд ли захочет вести переговоры, с учетом конфиденциальности?

— Не захочет. И не сможет: даже у него пока терминала нет… Сейчас я созвонюсь с однокурсником…

— И сразу ко мне, я предупрежу Софью Ивановну.

Мефодий уходит, и я наконец-то могу потереть руки.

А славно было бы взять этот заказ… Хоть на каких условиях…

Глава 2

Переговоры я веду не с настоятелем, а с его, как я понял, заместителем, управляющим делами, отвечающим за все хозяйство семинарии. Одет он не в черную рясу и клобук, а в обычный цивильный костюм, правда, без галстука. Мой Мефодий и его однокурсник остаются ждать результатов переговоров в приемной.

И это мне очень нравится. Равно как и условия контракта. Они не просто приемлемые, но, как я и ожидал, весьма привлекательные.

— Журналисты не должны пронюхать об этой работе, — говорит управделами, пристально глядя мне в глаза, — От этого будет зависеть ваша премия, и немаленькая. Мы поэтому и обратились к вашей фирме, что она не на виду.

— Крепость фирмы, как и крепость водки, должна быть ровно сорок градусов, — с улыбкой говорю я. — Мы сознательно к этому стремились и пока сохраняем статус-кво.

— Крепость… фирмы? — не сразу улавливает аллегорию управделами. Кирилл… как его… Карпович.

— Вы помните, почему крепость водки сорок, а не, скажем, сорок пять градусов? — спрашиваю я.

— Вообще-то я не пью, — строго говорит управляющий. — И вам не советую.

— Я тоже не злоупотребляю, — почти искренне говорю я. — Но дело не в этом. Спирт, разведенный до концентрации сорок процентов, не горит и не самовоспламеняется даже при сильном нагреве. С другой стороны, эта жидкость не замерзает в самые сильные морозы.

Управляющий делами хмурится. Кажется, моя аллегория ему не очень понравилась.

— Так и наша фирма, — вынужден я скоропостижно закончить мысль. — Мы стараемся не мозолить глаза мафии, конкурентам и всевозможным государственным учреждениям, начиная с налоговой инспекции и кончая министром информатики. С другой стороны, мы можем быстро и с отменным качеством выполнить любой, самый сложный заказ.

— Кстати, насчет «быстро», — переводит Кирилл Карпович разговор в деловое русло. — Вы уверены, что уложитесь в отведенные сроки? Настоятель очень бы не хотел затягивать с этим делом.

— Уверены, — бодро говорю я. — Мы просто повременим с заключением других контрактов, и все, никаких проблем.

На самом деле я совершенно не уверен. Но продлить срок договора хотя бы на неделю управделами не соглашается, мы уже мусолили этот вопрос. Значит, мне не остается ничего другого, как жизнерадостно улыбаться и кивать головой.

— Ну, хорошо. Уточняйте стоимость терминалов и прочих материалов-комплектующих, подписывайте договор с вашей стороны и приезжайте.

— Завтра в десять утра, устроит? — назначаю я срок. Железо не должно остывать. Тем более, когда оно цветом смахивает на золото.

— Вполне

Мы жмем друг другу руки, и я покидаю кабинет управделами. Кабинет, кстати, совсем не производит впечатления. Почти как мой. Единственная примечательная особенность — три больших застекленных шкафа с книгами. Ну да, терминала у него пока нет, доступа в Румянцевскую библиотеку — тоже. Вот и приходится Кириллу Карповичу напрягать понапрасну зрение.

Мой Мефодий и его бывший однокурсник вполголоса, но весьма горячо о чем-то спорят в приемной и даже не замечают моего появления.

— Всякое насилие это зло, всякое! — говорит русоголовый… кто? Послушник, монах, студент? Похоже, секретаря как такового здесь нет, а эти… семинаристы дежурят здесь по очереди. — И никакая, самая благородная и возвышенная цель не может оправдать зло, всегда причиняемое насилием! Ты согласен, что — всегда?

Светлые волосы семинариста подстрижены как-то странно: просто обрезаны по кругу, и все. Кажется, это называется «под горшок». Похоже, однако, что именно эта стрижка и идет ему больше всего. Маришке моей он понравился бы. Но — монах…

— Согласен, — быстро отвечает Мефодий. — Однако есть зло, которое уже абсолютно глухо к добру. И остановить такое зло можно только насилием, которое тоже, конечно, зло.

Падре так разгорячен диспутом, что даже пауз между фразами почти не делает.

— Но всякое насилие порождает еще большее ответное зло! Это мультипликативный процесс!

Я, бесшумно прикрыв за собой дверь, на несколько секунд замираю. Светловолосый семинарист чем-то похож на Алешу Карамазова. Только тот вряд ли знал такие ученые слова. А мой Мефодий тогда кто? Иван? Как звали старшего сына Карамазова? Не помню… Похоже, пора уже и мне антисклерозин принимать, по одной таблетке в день. Крепчалов, я знаю, принимает.

— А вот этого допускать нельзя, — не соглашается наш

падре. Он сидит возле красивого вазона с каким-то пышным комнатным растением, почти спиной ко мне, и видеть меня не может. Нужно, конечно, как-то обозначить свое присутствие, но неплохо бы узнать о всегда замкнутом Мефодии чуть побольше. Чтобы с пользой полученное знание потом применить.

— Еще никому не удавалось не допустить этого, избежать приумножения зла! — хоть и вполголоса, но с жаром возражает дежурный монах.

— Когда горит лес, можно уповать на Бога и ждать, пока его остановят реки, болота или сильный дождь. А можно организовать встречный огонь слышал о таком? — и, сознательно спалив несколько сотен деревьев, сберечь тысячи других. Нужно лишь точно поймать момент, когда холодный воздух начинает втягиваться в «топку» пожара, — и погашение огня гарантировано. Погашение, а не раздувание!

Мефодий сидит на стуле ровно, словно факир, только что проглотивший шпагу. Лысинка, просвечивающая сквозь черные волосы, делает его немножко смешным и… беззащитным, что ли. Лысина — ахиллесова пята мужчины.

— Я должен прервать ваш высокоученый спор, — вынужден я воспользоваться паузой. — Мефодий Кузьмич, нам пора.

Падре с готовностью поднимается, коротко прощается с оппонентом, и мы покидаем главный корпус семинарии. Моя старенькая «вольвочка» стоит во дворе.

— А вы как считаете, Павел Андреевич… со злом можно бороться насилием… или нужно подставлять вторую щеку? спрашивает меня падре. И что его так тянет на пустые разговоры? Дурной признак: хорошего работника из болтуна никогда не получится. Хотя пока Федя, тьфу-тьфу-тьфу, справляется.

— Я предпочитаю подставлять злу крепко сжатый кулак, — говорю я, открывая ключом переднюю дверь своей «старухи». — Причем с первого же раза, не рискуя ни одной щекой.

Не забыть бы отключить противоугонный комплекс…

— Этот образ действий… его трудно назвать слишком уж изощренным… — деликатно дерзит Мефодий. — Очень часто зло самоуничтожается… если только не приумножается, натолкнувшись на ответное зло раньше, чем успевает уничтожить себя само.

— Да садись ты уже… Некогда мне разговоры разговаривать. Мой всегдашний образ действий, может, и примитивен — ты ведь это хотел сказать? — но зато надежен. Нынче времена крутые пошли, первый удар часто оказывается и последним. Так что лучше не рисковать.

Убедившись, что система безопасности включилась, я плавно

трогаю машину с места. Падре, не ожидавший столь простого ответа, озадаченно молчат.

— Если первый удар пропущен, — развиваю я успех, — уже не имеет значения, бьешь ты в ответ ели безропотно ждешь второго удара, уповая то ли на милость, то ли на благородство — кого? Бьющего! Да откуда им взяться-то, милосердию и великодушию? Из злобы и ярости эти возвышенные чувства никогда не вырастают, никогда. А бьющий — всегда злобен и яростен. И безнаказанность лишь усиливает злобу. Скажешь, нет?

Мы выкатываемся с тесной площадки и ждем, когда в потоке машин появится просвет, в который можно будет встрять.

— У примитивных душ — да. Однако слышать такое от вас… несколько странно, — неуклюже льстит мне падре. Но я на такие удочки не ловлюсь. Была в вашей жизни… какая-то большая несправедливость. Вот вы и… озлобились на всех. Хотите, я вам… духовника найду? Расскажете ему обо всем — сразу легче станет, намного! — сочувственно предлагает Мефодий.

Я, нажав до упора на педаль газа и круто вывернув руль, успеваю влиться в поток перед новеньким «Фордом».

Еще чего… Плакаться кому-то в жилетку? Это недостойно мужчины. Я же, хоть и разменял шестой десяток, не собираюсь списывать себя в тираж.

— Спасибо. Пока я в этом не нуждаюсь.

А ведь Мефодий прав. Лупила меня жизнь — сразу по обеим щекам нещадно. После того, как я спас все компьютерные сети страны от «Тригона», вместо благодарности и хоть какого-то вознаграждения мне досталось — что? Снятие с должности директора, судебный процесс, грозивший полным разорением, уход жены, предательство любовницы… В общем-то меня предали тогда все. Все, кроме детей. И если бы не Маришка и Витька — вряд ли я тогда устоял бы. Победа над «Тригоном» оказалась пирровой. Вообще-то всякая моя победа всегда оказывалась отчасти пирровой, но чтобы настолько полно, настольно всеобъемлюще… С тех пор я и придерживаюсь «теории сорока градусов». И не только в бизнесе.

Глава 3

А Славик тоже постарел. И седые волосы поблескивают в поредевшей шевелюре, и морщинки у глаз остаются, даже когда он не улыбается. Улыбается он, кстати, теперь намного реже, чем раньше.

— Ты не обидишься, если я не стану сам вникать в договор? спрашивает Воробьев, быстро перелистав бумаги. — У меня зам толковый, он скоренько все оформит, я его сейчас обяжу… резолюцией…

Слава что-то пишет в углу сопроводительного письма, а я оглядываю его кабинет. Тот самый, который когда-то занимал Крепчалов. Здесь мало что изменилось: тот же паркет красного дерева, та же дорогая стильная мебель. Когда-то она выглядела дорогой, потому что была самой модной и действительно обошлась государству в копеечку. Теперь вызывает уважение своей нестандартностью, редкостностью. Только терминал слева от стола новейшей модели. А стол, кстати, тоже старый, крепчаловских еще времен. И так же, как некогда у Виталия Петровича, абсолютно пуст. Не хватает только знаменитой китайской авторучки Крепчалова, которую он, словно игривый котенок, так любил катать по столешнице.

— Вот: «Считаю крайне целесообразным заключить этот договор. Срочно!» — зачитывает Воробьев свою резолюцию и, вызвав секретаршу, вручает ей бумаги.

— Пусть Лебедев прямо сейчас изучит, подпишет и запустит в дело.

Секретарша, длинноногая белобрысая девица, исчезает так же бесшумно, как и появилась.

Ишь ты, как он ее вышколил. Кто бы ног подумать, что Славик Воробьев, мой безотказный зам, станет директором Главного Управления Компьютерных Сетей? Обычно замы так и кончают свой век на вторых-третьих ролях.

Значит, когда-то я неплохо умел подбирать кадры.

— Спасибо, — вежливо говорю я и поднимаюсь, чтобы уходить. — Мне к Лебедеву твоему прямо сейчас идти?

Похоже, этому Славка у меня научился: находить себе толкового зама и сваливать на него всю неинтересную и объемную работу. Ладно, Лебедев так Лебедев.

— Ну вот, обиделся… — укоризненно качает головой Воробьев. — Пока мой зам будет вникать в суть, мы с тобой по чашечке кофе успеем выпить и молодость вспомнить. Через полчаса ко мне китайцы должны подвалить, тоже с договором, но

это же через полчаса… Настенька, приготовь нам кофе, пожалуйста. С тандемом, по высшему разряду! — говорит он, повернувшись к микрофонам терминала.

— Сейчас, Святослав Иванович! С тандемом, — отзывается терминал, и я наконец-то слышу голос секретарши.

— С тандемом — это как? — интересуюсь я на всякий случай. Если с пирожными — то я их терпеть не могу.

— Коньяк — это тандем двух вьючных животных, — улыбается Славка. — Я, правда, очень рад тебя видеть. Знаешь, мне до сих пор неловко, что после «Тригона» я не ушел из «Кокоса», в знак протеста. Обошлись с тобой круто, несправедливо, но и ты пойми: мне тогда, считай, две семьи содержать надо было. Должность зама в «Кокосе» давала такую возможность, все другие варианты — нет. Пока бы ты заново раскрутился…

— На тебя я не обижаюсь, — говорю я, невольно подчеркивая слова «на тебя». Потом, спохватившись, добавляю:

— Да и ни на кого, в сущности… Каждый поступал так, как его вынуждали обстоятельства.

Или собственная выгода, могу добавить я. Но не добавляю.

— Да… Кто же знал, что технокрысы из нашего «осиного гнезда» устроят такую подлянку? А ведь платили им — на зависть всем остальным. Вирусогенами величали…

— Крыса — она и есть крыса. Горбатого могила исправит, крысу только крысоловка может остановить.

Неслышно появляется Настенька с подносом палехской росписи в длинных тонких руках. На подносе, рядом с тончайшего фарфора кофейными чашечками две хрустальные стопки с глотком золотистой жидкости в каждой. Выставив на стол чашечки, стопари и крошечную сахарницу, секретарша безмолвно и бесшумно исчезает.

Могла бы и «пожалуйста» сказать.

Славка, пригубив стопочку, зажмуривает от удовольствия глаза и выливает остатки коньяка в кофе. Я следую его примеру.

— А ведь все, казалось, было предусмотрено. И терминалы без флоппи-дисководов, и писать этим сволочам не разрешали, и линии связи шли только по оптическим кабелям, да еще в трубах и под давлением… — начинает ворошить прошлое Славка.

— А они элементарно, по радиотелефону через квартиру в доме напротив надиктовывали наработанные за день фрагменты вирусных программ сообщнику, а потом продавали и сами вирусы, и антивирусы к ним фирме «Програм-Ком». То-то она так быстро выросла, как на дрожжах, — спешу я закончить неприятные воспоминания. Кофе хорош и без них.

— Да, если бы не твой адвокат, последствия были бы намного хуже. И еще «Тригон» этот некстати взбесился…

— Зато, если бы не расследование, затеянное по его поводу Грибниковым и Крепчаловым, мы бы еще долго не знали, что наши хваленые вирусогены так и остались прожорливыми крысами.

Я отодвигаю опустевшую чашечку.

Ну, хватит уже? Где там его трудолюбивый зам?

— А Леночка наша, секретарша? У тебя ведь с нею что-то было? — не отстает Воробьев. Похоже, ему доставляет удовольствие терзать меня неприятными воспоминаниями, наслаждаясь при этом мыслью, что теперь он директор Управления, а бывший шеф пришел просить его о помощи. Договор я и в самом деле составил однобоко, больше к своей выгоде, чем в интересах бригады монтажников, которую я прошу у ГУКСа. Что делать, сроки семинария поставили жесткие, своими силами не управимся. Славка, листая договор, выловил, конечно, этот момент, но спорить с бывшим своим директором не посмел. На что я, собственно, и рассчитывал. Зато теперь он отыгрывается…

— Было кое-что, — равнодушно пожимаю я плечами. — но теперь Леночка примерная жена, мы с тех пор и не виделись ни разу.

— Она, по-моему, замужем за Петраковым? — допивает, наконец, свой кофе Воробьев, одновременно добивая меня своими крайне неделикатными вопросами.

— Сейчас уже нет. Леночка действительно была замужем за Петраковым. Но когда этого ставленника Крепчалова уже через полгода после твоего ухода из «Кокоса» погнали из директоров, Леночка, соответственно, перевышла замуж за нового директора, Гришу Черенкова.

— Да что ты говоришь? — делает Славка вид, что до сих пор не знал этого.

— Что тебя удивляет? Секретарша, как кошка, хранит верность должности, при которой состоит, а не мужчине, занимающему эту должность.

Ну, какие еще неприятные вопросы он сейчас задаст? Про жену? Ушла к Крепчалову, не дождавшись решения суда по делу о «Тригоне» и «осином гнезде». Когда и как она снюхалась с Виталием Петровичем, Витьком? Не знаю. На моих глазах встречались всего три-четыре раза, на презентациях и официальных приемах. С кем я сейчас? Один. Нет, не так: адын, савсэм адын… Асса!..

— Святослав Иванович, к вам тут китайская делегация! —

говорит терминал голосом секретарши, и Воробьев, наконец, встает.

— Настя проводит тебя к Лебедеву. Очень рад, что могу чем-то помочь. Ты же знаешь, я всегда к тебе хорошо относился, — протягивает мне руку Славка, и я почти верю ему.

— Не будем нарушать эту традицию и в дальнейшем, — почти искренне предлагаю я. Мне не очень-то приятно разговаривать со своим бывшим замом, ставшим директором солидного учреждения, когда у самого за плечами — лишь крохотная фирмочка. И не на сорок градусов, а в лучшем случае на двенадцать, да и то — пивных.

Что-то я загрустил… Интерес к жизни потерял. К жизни и к женщинам. Подъехать, что ли, к бухгалтерше своей? С известными намерениями? Она, похоже, была бы не против…

Глава 4

Пристроив подушку на софе наклонно и взгромоздив на поставленный рядом стул ноги, я, наконец, расслабляюсь.

Еду мне готовит соседка, Анна Федоровна. И, надо признать, отменно готовит, намного лучше, чем бывшая жена. Однокомнатную квартиру — полезная площадь восемнадцать квадратов, кухня девять, санузел раздельный — убирает она же. И все равно, прочие бытовые мелочи забирают столько сил и времени, что я каждый раз откладываю что-нибудь на завтра. Сегодня, например, не стал стирать комплект постельного белья, вместе с трусами и майками. Анна Федоровна, правда, готова была и стирку на себя взять, при той же оплате, но я наотрез отказался. Не люблю, когда кто-то перебирает мое грязное белье, хотя бы и в буквальном смысле.

— Родя, подбери мне какой-нибудь фильм, из десяти лучших на сегодняшний день. Немного эротики, закрученный сюжет, только неголливудский.

— «Закат солнца вручную», режиссер Михаил Сергеев, Мосфильм, третья позиция в течение последних двух месяцев, объемный. Подходит? — тотчас откликается безотказный Родион.

— Вполне. Запускай, только через пару минут.

Перед ужином я выпил рюмочку «тандема». Почему бы не повторить? День сегодня был муторным, но удачным. Лебедев, зам Воробьева, хоть и покочевряжился малость, но подписал договор. Так что с монтажниками вопрос улажен, послезавтра уже начнут работу. Значит, я вполне имею право… или нет? Безопасная доза — двести пятьдесят граммов в неделю — не превышена? Да нет, вчера я не расслаблялся, позавчера тоже…

Нехотя поднявшись, я открываю бар, заглатываю из маленькой рюмочки граммов тридцать «Арарата» и закусываю конфетой из роскошной коробки с надписью «Ассорти». Покупал я ее, собственно, для Верочки, своей бывшей секретарши-главбухши, но… Мы с нею по-разному понимали этику служебных отношений, и месяц назад расстались. Приходится мне эти конфеты уничтожать самому. Чтоб не пропали. Везти початую коробку внукам как-то неудобно.

Надев жидкокристаллические очки, я возвращаюсь было к софе, но в прихожей по-соловьиному закладывает коленце дверной «звонок».

— Родя, кто там?

А вдруг молодая-интересная? Вот уже второй месяц как из женского пола в моей квартирке бывает только Анна Федоровна.

И мне эта традиция совсем не нравится.

На засветившемся экране и в самом деле появляется блондинка лет восемнадцати, не больше. Правда, рядом с нею стоит женщина постарше, лет сорока.

— Род, впусти, — приказываю я, спеша в прихожую.

— Здравствуйте, — говорит старшая, приветливо улыбаясь. Ее темные волосы завиты крупными локонами, строгий английский костюм сразу же настраивает на серьезность отношений — независимо от того, сексуальными они будут или чисто деловыми. Причем первые — практически невероятны.

— Мы не отнимем у вас много времени. Десять минут, не больше, — еще более приветливо улыбается вторая. — Разрешите войти?

— Ну почему же только десять минут? Я с удовольствием проведу с вами весь вечер! Милости прошу!

Женщины проходят в комнату, и я, придерживая дверь, не отказываю себе в удовольствии на секунду полуобнять за талию младшую, блондинку. Волосы ее заплетены тугой косой, полускрытой под наброшенным на плечи платком. А слегка старомодное платье прикрывает колени даже тогда, когда девушка садится в кресло. К сожалению.

— Весь вечер не получится, — чуть заметно улыбается старшая. — Нам нужно еще обойти два подъезда. Мы собираем подписи в пользу проведения референдума о защите прав артегомов. И, надеемся, вы, как добрый и гуманный человек, поддержите нас!

Я — добрый и гуманный? Ну, в общем-то…

— Но вначале мы напомним вам, кто такие артегомы, — ведет партию второго голоса блондинка. — Далеко не все, к сожалению, понимают, чем артегомы отличаются от роботов или искусственных интеллектов, к которым с полным правом можно отнести, например, ваш домашний терминал…

Род, легок на помине, запускает первые кадры фильма. Под негромкую приятную музыку молодая женщина, подойдя к зеркалу, стягивает с себя через голову пеструю майку. Под майкой у нее ничего нет. Женщина, одним коротким движением сбросив еще и шорты — такой мелочью, как трусики, она тоже пренебрегла — медленно проводит ладонями по высокой шее, небольшим крепеньким грудям, животу, опускает руки еще ниже, подходит ближе к зеркалу… Диагональ моего монитора шестьдесят один сантиметр, и объемное изображение выглядит настолько реалистично, что я невольно облизываю губы.

— Вы не могли бы… выключить эту мерзость? — Прерывает невольно возникшую паузу старшая, брезгливо поднимая губы.

М-да… Ситуация. Подумают еще, что я это… Только кино могу теперь смотреть.

— Род, останови фильм, — приказываю я, поспешно снимая очки.

Экран медленно гаснет, но я еще успеваю увидеть, как девушка, плотно прижавшись всем телом к холодному стеклу, начинает медленно соскальзывать на пол.

— А вот артегом, в отличие от вашего терминала, сообразил бы, что после появления гостей, пусть и незваных, включать фильм — любой, не только этот — не стоит, — чуть заметно улыбается блондинка.

— Вообще-то этот фильм — лауреат последнего Каннского фестиваля и считается почти шедевром, — зачем-то оправдываюсь я.

Быстрее бы они уходили. Ловить мне среди них, сразу видно, нечего. Старшая, похоже, ханжа, а младшая во всем берет с нее пример. Да и молода чересчур. Уедут — и тут же запущу фильм. Лучше любоваться одной обнаженной женщиной на объемном экране, чем вести безнадежные разговоры с двумя, пусть и натуральными, но в одеждах, застегнутых на все пуговицы. Особенно когда знаешь, что надежд расстегнуть эти пуговицы — никаких.

— Но мы говорим не о фильме, — строго поправляет меня блондинка. — Об артегомах.

Ну-ну. А ведь ты покраснела, голубушка. Чуть заметно, а все-таки покраснела. В отличие от твоей мымры-спутницы, которая до сих пор брезгливо сжимает губы.

— Мне кое-что известно о них, — прикидываюсь я простачком. — Это такие кибернетические домашние животные, вроде кошек или собак. Только они не гадят в квартирах, а, наоборот, помогают их убирать.

— Артегомы — не животные! — возмущается мымра. — В том-то и дело, что они, пусть и кибернетические существа, но обладают сознанием! Точно так же, как и мы с вами!

— Современная наука выяснила, — подхватывает белявая — блондинкой мне почему-то не хочется ее называть, — что эффект «сознание» возникает вследствие того, что мозг человека состоит из двух полушарий. Коренное отличие артегомов от истеллектов как раз и состоит в том, что их электронный мозг, состоящий из умопомрачительного количества нейроноподобных логических звеньев, имеет, подобно человеческому, два полушария. Вот, посмотрите!

Она, резво поднявшись с кресла, подходит к терминалу, вставляет в гнездо непонятно откуда взявшийся в ее руках

видеодиск.

Однако… Даже разрешения не попросила…

На экране терминала появляется фрагмент какого-то изысканного интерьера: красивого рисунка паркет, диванчик в стиле Людовика…надцатого, на столике — ломберном, кажется? — бронзовый подсвечник с настоящими восковыми свечами. На диванчике, плотно сжав длинные ноги, сидит девушка. Она не просто красавица, но, несомненно — фотомодель высокого разряда. Красоту, как и вкусную еду, нужно уметь подать, и героиня клипа явно владеет этим искусством. На ее коленях — либертабула, новейшего типа, по размерам действительно не превышающая обыкновенную книгу. В следующее мгновение в кадре появляется существо, напоминающее гнома-переростка, медвежонка и Чебурашку одновременно. Оно мохнато, большеглазо, большеухо и мило-косолапо. Хотя передвигается, кажется, на колесиках. Подъехав к диванчику, гном-переросток забавно наклоняет круглоухую голову, приятно улыбается и просит милым детским голоском:

— Таня, поиграй со мной!

Татьяна Виднеева — теперь я узнаю ее, это известная телезвезда, ведущая передачи для домохозяек, — откладывает «электронную книгу» и, полуобняв зверька, обращается к нам, зрителям:

— Мы непременно поиграем с тобой, малыш, но чуть позже. А пока давай расскажем нашим друзьям, как нас зовут и что мы умеем делать. Как тебя зовут?

— Я — артегом класса «хоббит-ноль четыре», зовут меня Мишутка, таращит глаза «хоббит».

— А что ты умеешь делать? Ты ведь мой помощник, правда? одобряюще поглаживает зверька по плечу Виднеева.

— Да, помощник! — гордо подтверждает «хоббит». — Больше всего я люблю убирать квартиру, пылесосить ковры и мыть посуду! А еще я умею читать, рассказывать детям сказки, нянчить их, а по вечерам — смотреть телевизор!

— Ну, — от души смеется Таня, — с телевизором я и без тебя как-нибудь справлюсь. А еще — заговорщицки говорит она в объектив телекамеры, артегом любой модели умеет отвечать на вопросы. Он — настоящая ходячая энциклопедия, и не только для детей, но и для нас, взрослых. Вот скажи, Мишутка, что такое либертабула?

— Либертабула — микрокомпьютерное устройство, предназначенное для чтения на экране или вслух электронных книг, — голосом первоклашки-отличника отбарабанивает «чебурашка». — Либертабулы работают в режиме «мультимедиа»

и сопровождают чтение текста показом изображений, фрагментов фильмов, музыкой и так далее. В настоящее время ведутся работы по созданию…

— Хватит-хватит! — смеется Таня, — я уже все поняла. А точнее, перестала понимать этого малыша-всезнайку, — доверительно сообщает она нам. — Технические новинки появляются столь часто, что нам, женщинам, трудно…

Экран гаснет, и я с досадой смотрю на свою светловолосую гостью, кладущую на кресло рядом с собой пультик дистанционного управления.

— Хватит-хватит, — повторяет она последние слова Виднеевой. — Если хотите, мы можем оставить вам этот клип, но под трехкратный залог. Нам нужно еще десяток квартир обойти, — оправдывается она. — А теперь распишитесь, пожалуйста, в опросном листе. Вы ведь убедились, что артегомы — сознательные существа, права которых должны быть защищены?

— Да, вполне, — искренне говорю я и с удовольствием расписываюсь рядом с галочкой. Блондинка оказалась такой проворной, что я даже не успел сам подойти к ней, как подобает мужчине. Хотя для нее я — не мужчина, а вешалка для пальто, не больше.

— Клип оставить?

— Спасибо… нет, — говорю я, следуя своему обычному правилу: никому и никогда не давать деньги, если не уверен в гарантированном возврате их с прибылью. И тут же жалею о сказанном. Теперь клип про «Чебурашку» кажется мне более интересным, чем фильм «Закат солнца вручную».

— Вы первый, кто отказался! — удивляется старшая. Видимо, ее пассивность в разговоре объясняется просто: она обучает младшую, белявую, обхаживать обывателей. — Многие вообще не возвращают клип, жертвуют залогом! — улыбается она, поправляя рукой крупные темные локоны. — Но вы в любой момент можете воочию увидеть Мишутку и получить дополнительные материалы в «Звездном», бывшем кинотеатре. Знаете, где это? В двух кварталах от вашего дома. Приходите, вас будут рады там видеть. Вечерами мы ходим по домам, а каждое четное утро дежурим в штаб-квартире. Приходите!

В последнюю фразу гостья вкладывает столько тепла, нежности и даже страсти, что тут же сама понимает: переиграла. Слегка покраснев, она берет под руку свою белокурую ученицу и спешит к выходу. Я плетусь следом.

Если бы мои очаровательные гостьи знали, кого пытаются вовлечь в ряды защитников артегомов, вряд ли их речи были бы

так приветливы. Скорее, перед девятиэтажкой, в которой я живу, с утра до вечера не прекращался бы митинг протеста. Ведь я — убийца первого в мире артегома, разумного кибернетического существа, осознавшего свое »я

Дверь захлопывается. Я зачем-то иду на кухню, потом в комнату…

Да, есть за мной такой грех.

Хотя я и по сию пору считаю, что поступил тогда правильно. Жаль только, не остановил эту заразу в самом начале.

Но тогда почему я подписал опросный лист? Зачем? Растаял под ласковыми взглядами двух женщин, ни с одной из которых мне ничего не светило? Да полноте, в мои-то годы…

Парррам, парррам, парррам…

Я так и не отвык от дурной привычки в минуты затруднений барабанить пальцами по чем попало. Теперь вот стою у окна и барабаню по стеклу.

Нет, ну какого хрена я перебежал в ряды защитников этих «чебурашек»? Не понимаю. Не понимаю!

Парррам, парррам, парррам…

Глава 5

Утром я испытываю большое желание завернуть, по дороге в офис, к бывшему кинотеатру «Звездный» и забрать назад свою подпись в опросном листе про референдум. Не потому, что она на что то может повлиять. Уж если своевременное умертвление первого артегома ничего не изменило, чего уж теперь-то кулаками махать? Но из принципа. Ведь подпись означает, по сути, что я признал свою неправоту. Более того, получается, я согласен с тем, что убил тогда, почти двадцать пять лет тому назад, разумное, осознающее себя существо. Но этого никто и никогда не сможет доказать. А я с этим никогда не соглашусь. Во всяком случае, публично. Но подпись в опросном листе, как ни крути, означает отчасти признание вины. И я должен обязательно отозвать ее… но не сегодня. Ровно в десять мне нужно быть в семинарии, а по дороге из офиса еще Мефодю забрать. Похоже, он вполне лоялен по отношению к моему «Крокусу». И тогда есть смысл поручить ему работы по обкомпьютериванию семинарии в целом. Монах с полумонахом всегда договорятся. А я тем временем попробую еще какой-нибудь заказ раздобыть.

В офисе я появляюсь в самом начале десятого. Софьиванна, как всегда, на месте, падре тоже. Ну что же, я вполне успею выпить утреннюю чашечку кофе. И прослушать последние сообщения.

— Никаких сообщений для фирмы «Крокус» за последние сутки не поступало, — вновь огорчает меня Реф.

М-да… Похоже, придется львиную долю прибыли, полученной от заказа семинарии, потратить на рекламу. Иначе моя фирма и вовсе выдохнется — как недопитая бутылка водки, оставленная открытой.

— Павел Андреевич, снимите трубку! — просит Реф.

Тю… Из прошлого века звонят, не иначе. Все бизнесмены давно уже общаются друг с другом через компьютерные сети. И надежнее, и солиднее. Особенно в режиме видео. Да и в режиме псевдовидео говорить с собеседником приятнее, нежели вслепую.

Я снимаю покрытую пылью трубку. Ага, Софьиванна пренебрегает некоторыми из своих обязанностей. Нужно будет…

— Павел, это я, Элли. Элли Пеночкина. Ты меня еще помнишь?

Еще бы не помнить… Этот голос я ни с чьим другим не спутаю. Как она меня тогда отшила: «Столичная штучка!» А потом, восемь лет спустя, плакала у меня на груди. Почему я не воспользовался моментом, не уговорил Элли оставить впавшего в

полубессознательное состояние Пеночкина и выйти за меня замуж? Не до личных дел было, вот что. Рушилась карьера, тяготило несправедливое обвинение, да и семья у меня была вполне нормальной, как мне тогда казалось.

— Помню, помню! Ты где сейчас? Если в Москве — встречаемся немедленно!

Ну, не в буквальном, конечно, смысле. В десять я должен быть — и буду! — в семинарии. А вот ближе к вечеру… Но пусть знает: мне она нужна. Парррам, парррам… Да, по-прежнему нужна. Как ни странно.

— Я далеко, не в Москве. Еле-еле тебя отыскала через Гришу Черенкова.

Через Гришу? Ну-ну. А его номер откуда знаешь? Неужели и тут Гриша меня обошел? Не может быть…

— Ты… все еще с Петей?

Ну конечно, не может. Просто Злли позвонила в «Кокос», по месту моей бывшей работы. А в кресле директора теперь — Гриша.

— Да, с Петей. Он окончательно так и не выздоровел. А ты как? Я не стала номер домашнего телефона спрашивать, чтобы жена не подумала чего-нибудь такого…

— Не подумает. Мы разошлись, семнадцать лет назад. Сразу после «Тригона».

В трубке что-то шуршит, потом потрескивает. Конечно, это же не компьютерная сеть.

— Так вот почему ты мне проходу не давал… — говорит, наконец, Элли. — Жаль, что так все получилось.

— Я очень рад, что тебе жаль. Но, может, что-то еще можно исправить?

Конечно, это всего лишь дань мужской вежливости. Я уже далеко не тот, каким был семнадцать лет назад. И ради близости с понравившейся женщиной не собираюсь жертвовать всем, как собирался когда-то. Но и Элли, конечно, уже не та. Интересно, как она сейчас выглядит? Впрочем… Теперь понятно, почему она звонит по телефону, почему, как Гюльчатай, скрывает свое личико.

— Нет, Павел, уже поздно. Поздно…

Тогда чего ты звонишь? Чтобы я еще раз сделал предложение, а ты в очередной раз отказала? Похоже, Элли это доставляет массу удовольствия. Вот, семнадцать лет прошло, а до сих пор помнит минуты испытанного некогда наслаждения. Весьма своеобразного, если не сказать больше.

— Тебе нужна какая-то помощь? Всем, чем могу…

Знай наших. Мы необидчивы и, как всегда, галантны. Не то

что твой Пеночкин.

— Я вот почему звоню. С Петей последнее время что-то неладное происходит. Он не снимает эту шапку даже на ночь. И состояние его резко ухудшилось. Я знаю, это все компьютер! Петя работает на нем все дни напролет, и вечера тоже. Один раз я отключила его, но Петя так разозлился… Пригрозил убить, если еще раз сделаю это. Я и подумала: может, ты мог бы как-то помочь? Чтобы и снять с него эту противную шапку, и в то же время… Я очень люблю своего мужа. И боюсь за него. Да и за себя тоже. Со мною что-то неладное начало происходить. Кошмары не только по ночам, но и днем. Еле-еле уговорила его в город съездить, врачу показаться…

Софьиванна, уже дважды заглядывавшая в кабинет, не выдержала и занесла подносик с чашечкой кофе. Без тандема.

— Ой, он идет, — испуганно говорит Элли, прерывая словно специально для моей секретарши-главбухши сделанную паузу. — Я еще позвоню!

Положив трубку, я смотрю на дисплейчик телефона. На нем вместо номера только что звонившего абонента — слово «Озерец» и текущее время, 9:23. Из автомата, значит. Из города Озерец. Так они с Петей никуда оттуда и не уехали…

Порывшись в ящике стола, я отыскиваю пачку пересушенных «Мальборо». Вообще-то курить я бросил, но иногда…

Ишь ты, нашла себе «скорую помощь»! Как совсем плохо становится — так «Павел, помоги!» А после того, как я, жертвуя, можно сказать, всем на свете, ее вместе с Петей спасаю — так «я не могу его оставить!» Ну-ну… Только бледнолицый может дважды наступить на одни грабли. А у меня теперь перспектива — сделать это в третий раз. Не буду! Не хочу и не буду!

— Павел Андреевич! Вам пора уже ехать! — напоминает Софьиванна, заглядывая в кабинет. И застывает, изумленная. При ней я еще ни разу не курил.

— Да-да, я уже иду.

Погасив наполовину выкуренную сигарету о край блюдечка с нетронутым кофе, я резко встаю.

Жаль, что все так нескладно получилось. Вернее, не все, а вся. Жизнь то есть. Но Элли права, менять что-либо уже поздно. Поздно.

Я выхожу из кабинета, жестом руки поднимаю ожидающего в приемной Мефодия.

А ведь я теперь буду ждать ее звонка. Буду, вопреки всем своим «не хочу». Странно. Ни жену, ни даже Леночку не жаль мне так, как Элли. Наверное, потому, что о них — знаю, что потерял, а об Элли — нет. Вот и идеализирую…

* * *

— Федя, ты машину водишь? — спрашиваю я, открывая дверцу «вольвочки».

— В молодости баловался… — равнодушно пожимает плечами падре.

— А права с собой?

— Да таскаю их, на всякий случай.

— Тогда давай за руль. Кто из нас директор, ты или я?

— А если я это… Трахну ее?

— Машину?! Вот не думал, что ты такой извращенец…

— Я в смысле: побью, — терпеливо поясняет Мефодий.

— Ремонт за счет фирмы.

Давай, дорогой, потрудись немножко. А я пока поразмышляю. И вовсе не о договоре, который сейчас предстоит подписать. Но о довольно пожилой уже женщине, которую я ни разу не только не трахнул, а и не поцеловал даже. Это-то и бесит, это-то и болит, как заноза.

А может, поехать, отыскать? Тем более, что она почти что попросила помочь. Такое уже было: Петя устроил всем «Тригон», я, по просьбе Элли, его от этого компьютерного монстра спас, а Элли в порыве благодарности… осталась выхаживать малость поссорившегося со своим ума мужа. Для меня «Тригон» кончился почти трагедией. Я потерял все: работу, любовницу, жену… Но история, как известно, повторяется: вначале бывает трагедия, потом фарс. Не буду! Не буду участвовать в нем, не стану ждать звонка от Элли!

Интересно, позвонит она еще раз или нет? И если да, то — когда?

Глава 6

— И все-таки, почему именно сейчас вы решили установить терминалы? спрашиваю я после того, как управделами подмахивает третий, последний экземпляр договора. Теперь можно и поговорить: птичка в клетке, уже не улетит. Маленькая такая жар-птичка. А за пустым разговором, кстати, проще скрыть собственную радость. Не нужно, чтобы Кирилл Карпович ее почувствовал. Подумает еще, что продешевил.

— Мы хотим организовать нечто вроде «скорой христианской помощи», говорит управделами, запечатлевая свою подпись печатью. Ишь, как ему доверяет настоятель… Я договоры подписываю только сам и печать у себя в сейфе держу, рядом с пистолетом.

— Нужно ведь как-то противодействовать вере в «общего бога», продолжает Кирилл Карпович, вручая мне один экземпляр договора. Я поспешно прячу его в кейс. — Но пока получается так: приверженцы новой религии и по телевидению чуть ли не каждый день выступают, и через компьютерные сети клипы бесплатно распространяют, и по домам ходят. А мы своих прихожан только в храмах ждем. Они приходят, конечно, но с каждым месяцем — все в меньшем и меньшем количестве. Последние недели — так и вообще по полтора-два десятка на храм. Но многие, мы уверены, пока еще колеблются, вот их-то мы и хотим вернуть в лоно христианской церкви. А там, глядишь, и другие потянутся. В конце восьмидесятых прошлого века тоже казалось, что церковь умирает. Зато потом какой был мощный всплеск! Думаю, и сейчас еще не поздно. Нужно только умело пользоваться современными информационными технологиями. Так, как это делают наши соперники — подытоживает Кирилл Карпович, вставая. Мы с Мефодием тоже встаем.

А все-таки жаль, что управделам — не в рясе и черном колпаке. Тогда бы его «современные информационные технологии» прозвучали еще смешнее. Но все равно, забавно.

— Опоздали вы, отец Кирилл, опоздали! — вмешивается в разговор Федя. — Молитвы уверовавших в «общего бога» настолько действенны, что уже никакая «скорая помощь» вам не поможет.

Это еще что за номер? Я на этот раз не оставил падре в приемной только затем, чтобы он, во-первых, поучился искусству заключения договоров, а во-вторых, чтобы показать на него пальцем, как на моего полномочного представителя. В-третьих — чтобы попусту здесь болтать — мне вовсе даже не нужно.

— Что вы имеете в виду? — темнеет взглядом Кирилл Карпович, и я радуюсь, что подписанный договор уже надежно покоится в моем кейсе.

— Несомненное преуспеяние в делах большинства неофитов новой церкви. Такое впечатление, что всех их начинает преследовать удача. И это вынуждено было признать даже статуправление. Самым невезучим помогают новые храмы, расположенные почти во всех старых кинотеатрах. А храмам жертвуют крупные суммы многие бизнесмены и банкиры. Это вам не жестяные кружки для медяков. Да вы и сами все знаете.

М-да. Назвать моего «полномочного представителя» деликатным явно нельзя. Кто же говорит заказчику неприятные вещи? Но, кажется, у них давний спор. Уж не из этой ли семинарии турнули моего падре? И поделом. Нечего в чужой монастырь со своим уставом переться!

— Мефодий Кузьмич, нам пора. Надеюсь, вы извините излишнюю горячность моего сотрудника, — протягиваю я руку управделами. — Когда-то и я был точно таким же. Во всем пытался найти если не конечную истину, то уж хотя бы абсолютную правду.

Кирилл Карпович механически пожимает мою руку, но продолжает спор:

— Да, такие случаи известны. Но известны и другие. Уже несколько раз суммы, пожертвованные «новым храмам», возвращались. Уволены десятки клерков, в беспамятстве перечисливших чужие деньги. Некоторые бизнесмены, опомнившись, также требуют свои средства обратно.

— Только судьи при этом всегда становятся на сторону «новых храмов». Опоздали вы, отец Кирилл, опоздали.

Мы уже вышли в приемную. Как бы их разнять?

— Может быть, вы и правы, молодой человек, — говорит вдруг тихо Кирилл Карпович. — Эта нечисть размножилась на удивление быстро. Наверное, мы и в самом деле упустили время.

Дежурный семинарист, дюжий молодец с бычьей шеей, внимательно прислушивается к разговору, но не смеет в него вмешаться. Чувствуется воспитание. Не то, что у моего Мефодия. Но теперь уже не выдерживаю я. Задел за больное.

— Почему вы считаете, что артегомы — это нечисть? Я слышал, многие конфессии встали на их защиту.

— А некоторые полагают, что в этом и состояла миссия человечества, криво усмехается Мефодий. — Что теперь-то и наступит конец света, поскольку люди заслужили право на царствие небесное, а землю должны уступить артегомам.

Ишь ты, как оттараторил… Умеет говорить быстро, когда

захочет.

— Среди православных богословов таких немного, почти нет, — вяло, неубедительно как-то возражает Кирилл Карпович. — Я рад, что хоть в этом-то мы с вами согласны, — говорит он Мефодию, продолжая, видимо, давний спор.

— Ой ли? — возражает Мефодий. — В отличие от вас я считаю, что со временем… что настанет время, когда человек будет в состоянии сам создавать живые существа: растения, животные и даже существа разумные. Но не сейчас! Артегом сегодня — атомная бомба в руках дикаря!

— И вы готовы бороться с этими забавными «зверушками» насилием? спрашивает Кирилл Карпович, понимая, что вопрос получается — риторическим. Даже я уже это понимаю.

— Со всеми этими «хоббитами», «гномами», «чебурашками» и прочими зверушками — нет. Но с теми, кто использует их в своих целях — по-другому нельзя. Они давно уже не воспринимают язык добра.

Семинарист-секретарь аж со стула привстал: так ему хочется встрять в разговор. Но молодец, удержался. Мефодий хочет вякнуть что-то еще. Но я дарю ему такой бешеный взгляд, что падре благоразумно захлопывает приоткрытый было рот.

— Так кто покажет места установки терминалов? — спрашиваю я у Кирилла Карповича. — Наше время уже тикает. Предлагаю завершить этот диспут после окончания работ.

А все-таки хорошо, что многие богословы тоже считают артегомов проявлением зла. Правда, я уверен, на нашей с ними стороне.

Глава 7

Попался я по-глупому. Ловушка была настолько примитивной, что таких и не бывает вовсе. Это я так думал, когда становился обеими ногами в незамаскированную петлю. Однако затянулась она на удивление быстро. И, похоже, мне уже не выпрыгнуть.

Ну и поделом. Нечего изображать из себя добренького начальника.

Ладно. Раз уж все равно вечер пропал, хоть какую-то пользу из этого извлечем Возьму вот и заеду сейчас в «Звездный». Должен, должен я свою подпись снять. Зачеркнуть ее, выжечь серной кислотой.

— Софья Ивановна, только мне очень нужно одно маленькое дельце провернуть.

— Именно сегодня? — огорчается моя главбухша. Она сидит рядом, на переднем сиденье, и ремень безопасности утопает между ее выдающимися, во всех смыслах, грудями.

— Более того, прямо сейчас, — твердо говорю я, закладывая вираж вокруг «клумбы».

— Ну, раз надо… — смиряется Софьиванна со своей горькой участью.

Ничего-ничего. Мне тоже пришлось смириться.

Сегодня, в самом конце рабочего дня, проходя мимо главбухши по пути из туалета в кабинет, я услышал, как она жалуется Васе Лавриновичу на свою горькую судьбу. Безумно интересный телесериал «Отважный артегом» им с дочкой, видите ли, приходится смотреть в «плоском» варианте, хотя фильм объемный. А все потому, что объемные системы пока еще безумно — похоже, это ее любимое словечко — дороги, и ей, с ее совсем небольшой зарплатой…

Тут я и попался. Понятно, что весь разговор был рассчитан именно на то, чтобы фраза про «небольшую зарплату» как бы случайно достигла моих ушей. Это я-то плачу маленькие зарплаты? Ну так пусть попробует где-нибудь найти больше!

Сказать столь грубо мне, конечно, воспитание не позволило. И я вежливо посоветовал: «А вы напроситесь на просмотр к ближайшим соседям с объемным терминалом. Думаю, вас, с вашей очаровательной дочкой, любая семья с радостью примет».

Приводила она дочку пару раз. Этакая всего боящаяся пичуга двенадцати лет. Втянула голову в плечи и таращилась на все с благоговейным ужасом: на завскладом Васю Лавриновича, лихо управляющего каром-погрузчиком, на свою маму, запросто

общающуюся с дубль-терминалом моего «Референта», ну и на меня, естественно. Как на бога она на меня смотрела, ей-богу.

«Вы думаете?» — не поверила Софьиванна. — «Такое только в прошлом веке было возможно. А сейчас… Вот вы, например, пригласили бы нас посмотреть? Хотя бы одну только серию?» «Отчего бы и нет?» — не дал я сразу должного отпора. Понадеялся на то, что если такое и произойдет, то нескоро. К тому же, нейтрализованная дочкой, Софьиванна вынуждена будет и в самом деле ограничиться лишь просмотром одной серии своей любимой мыльной оперы, а это совсем не страшно.

На этом я и погорел.

«Ой, правда? Можно прямо сегодня?» — так по-детски обрадовалась секретарша-главбухша, что у меня язык не повернулся отложить это мероприятие вначале на завтра, потом на неделю, а затем и вовсе перенести его в неопределенное будущее. «Тогда я прямо сейчас с дочкой договорюсь, она сюда подъедет», — засуетилась Софьиванна, и изменять что-либо стало поздно. Петля начала затягиваться…

Приткнувшись к бордюру вблизи от изрядно обветшавшего здания бывшего кинотеатра, я отщелкиваю ремень безопасности.

— Это ненадолго, минут на десять-пятнадцать, не больше.

Главбухша елейно улыбается:

— Не волнуйтесь, Павел Андреевич! Я подожду!

Да уж конечно, подождешь. Никуда не денешься. К сожалению.

Окинув взглядом свою невзначай обретенную спутницу, я вылезаю из машины. Колени Софьиванны целомудренно сжаты, но вот юбка оголяет их явно сильнее, чем это приличествует матери двенадцатилетней дочери. Впрочем, лет моей главбухше лишь самую малость больше тридцати. То есть на двадцать с лишним меньше, чем мне. Одно это должно меня воодушевлять. но почему-то не воодушевляет. Мне даже раздевать ее не хочется. Сейчас, по крайней мере.

Вырвав согласие на просмотр, главбухша, похоже, остаток дня посвятила прихорашиванию: заново накрасилась, надезодорантилась, надушилась и даже, похоже, сбегала в аптеку. Когда я подошел к «вольвочке», она уже перетаптывалась рядом с правой передней дверцей. Я поискал было глазами дочку, но Софьиванна торжествующе, как мне показалось, засмеялась и сообщила, что Тая ушла к подружке на день рождения, где и насладится объемным вариантом сорок седьмой серии.

И только тогда до меня окончательно дошло, что я попался.

Тьфу, пропасть…

Ну, не хочется мне с нею спать, не хочется. Я для того,

наверное, и величаю свою молодую еще главбухшу по имени-отчеству, чтобы у нее не возникало иллюзий на этот счет. Вот с Верочкой бы… Но Верочку пришлось месяц назад уволить. Уволить, так и не узнав, какая она в постели. Я для нее, видите ли, слишком стар оказался. Да еще с бывшим замом моим снюхалась… Парнишка, конечно, молодой и энергичный, я на него большие надежды возлагал. Но он их не оправдал. Совсем в другую сторону усилия свои направлял. Пришлось и его уволить.

Над входом в кинотеатр, там, где когда-то крупными буквами выкладывали название очередного фильма, теми же самыми буквами приглашают: «Добро пожаловать в храм новой веры!»

Я прохожу через стеклянные двери, и ко мне тотчас подъезжает «чебурашка». Похоже, тот самый, герой клипа, который показывали мне сборщицы подписей. А следом… Я не верю своим глазам. Следом приближается телезвезда из того же клипа.

М-да… Вот если бы она сидела на переднем сиденье моей «вольвочки», а не Софьиванна…

«Чебурашка», подъехав ко мне, обхватывает мою талию своими мягкими лапками, при этом в локтях у него что-то урчит. Голова артегома находится как раз на уровне моей груди.

— Хорошо, что ты пришел, — говорит он мне нежным детским голоском. Поиграешь со мной? А то тетя Таня уже собирается домой.

— Да, мне пора, малыш! — улыбается «тетя Таня», и только теперь, когда девушка подошла вплотную, я понимаю, что она — всего лишь двойник телезвезды Татьяны Виднеевой. Похожа «тетя Таня» на Виднееву — на все сто. Но… В наше время пластическая хирургия способна делать чудеса, однако телезвезда — это не только лицо и фигура.

— Вы первый раз у нас? — спрашивает «тетя Таня», обворожительно улыбаясь. Я молча киваю головой. — Тогда вам и в самом деле лучше всего начать с игры.

Мимо нас спешат в сторону большого зала какие-то люди. Они улыбаются, приветствуют Лжевиднееву, ласково гладят «чебурашку». Но «тетя Таня» не сводит с меня больших голубых глаз.

— Одно-единственное прикосновение к малышу снимает стресс и подзаряжает человека энергией, — поясняет она. — А в зале сейчас начнется служба. Сходите, не пожалеете. Общий Бог приносит удачу верящим в него! Нужно только зарегистрироваться после службы.

— То, что я стою и разговариваю с вами — уже большая удача, — говорю я, машинально поглаживая пушистое плечико

зверька.

А может, пригласить ее к себе? Раз уж она все равно собралась уходить. Мой дом отсюда — в двух кварталах, десять минут ходьбы. А Софьиванна… Подождет-подождет, да и отправится восвояси. Ну, подуется на меня пару дней. Или недель. Мне-то какая печаль?

— К сожалению, я должна идти, муж вот-вот придет за мной, огорченно улыбается Лжевиднеева, и я, наконец, догадываюсь, что все это женское внимание, нежданно-негаданно обрушившееся на мои уже довольно явственно проступающие седины — не более чем фрагмент хорошо отрепетированной роли.

— Пожалуйста, проходите в зал! — настойчиво требует «тетя Таня». Ей вторит артегом:

— Там бывает так интересно! Хочешь, я буду стоять рядом с тобой?

— К сожалению, у меня сейчас нет времени, — отказываюсь я и, вырвавшись из цепких мохнатых лапок, спешу к выходу.

— Приходите завтра! — кричит мне вслед двойник телезвезды.

— Я буду ждать тебя! — добавляет явно обиженный «чебурашка».

Я еще раз вижу его на большом панно, прикрепленном над выходом из кинотеатра. Над головой зверька переливается всеми цветами радуги надпись: «Я принесу в ваш дом счастье!»

Проходя через поспешно открывшуюся передо мной стеклянную дверь, я едва не сталкиваюсь с высоким черноволосым красавцем — точной копией Александра Константинова, любимого киноактера моей Маришки. Наверное, муж этой «тети Тани».

Чего я испугался? Почему бегу, как… как семнадцать лет назад бегал от взбесившегося «Тригона»? Не понимаю… Да, а подпись? Моя подпись насчет референдума в защиту артегомов?

Я беспомощно оглядываюсь на «Звездный». Коричневая керамическая плитка, которой кинотеатр был облицован по фасаду и с боков, во многих местах отпала, и «храм общей веры» смотрится сейчас довольно жалко. Но на дальнем от входа углу болтается люлька с облицовщиками. Похоже, у владельцев этого здания наконец-то появились деньги…

Софьиванна встречает меня радостной улыбкой.

— Я боялась, вас дольше не будет. Поехали?

— Да, едем, — облегченно говорю я, плюхаясь на сиденье. Ну и черт с ней, с этой подписью. Одной больше, одной меньше… Добьются референдума проголосую «против», и вся недолга.

Да, но почему мне было так трудно сбежать оттуда? Почему?

Глава 8

Странно, но чем ближе мы подходим к моей квартире, тем более привлекательной мне кажется Софьиванна. Уже и с Верочкой перестал ее сравнивать, а целлулоидная «тетя Таня» забылась столь же стремительно, как и появилась на безрадостном горизонте моей теперешней жизни.

Едва мы входим в прихожую, я без лишних слов прижимаю к себе главбухшу — от неожиданности она слабо и благодарно ойкает — и целую ее накрашенные губы. Дыхание у Софьиванны удивительно свежее. Видать, пока я прогуливался до кинотеатра и обратно, она сжевала не меньше трех драже «тик-так».

— Подожди… Не так быстро, — отнимает она меня, однако, от своей материнской груди. Это после того, как я начинаю целовать ее несколько полноватую, но зато все еще без единой морщинки шею. — Серия уже десять минут как идет. Посмотрим, тогда, — жарким шепотом обещает она, сбрасывая туфли и бесцеремонно проходя в комнату.

Однако…

— Род, включи нам телевизор, фильм «Отважный артегом», приказываю я, дождавшись, пока главбухша беспомощно отпрянет от экрана, под которым нет ни единой ручки или кнопки.

Вот так вот, дорогая Софъиванна, терминал у меня — новейшей модели. Мало того, что экран объемный, еще и управление голосом. Исключительно моим. В крайнем случае — через пульт дистанционного управления, который я после визита дамочек, ратующих за права артегомов, запрятал поглубже в ящик стола.

Софьиванна немедленно забирается в мое любимое кресло. С ногами. Так, что мне рядом с нею, хоть кресло и широкое, места совершенно не остается.

— Про что хоть кино-то? — спрашиваю я, подкатывая поближе второе кресло и вручая главбухше очки. Широкие подлокотники не позволяют мне почувствовать тепло хоть и близкого, но недоступного пока женского тела. Ну что же, будем смотреть фильм. Что-то изображение размытое… Ах да, я забыл надеть очки. Сейчас… Вот, так-то лучше.

— Про артегома. Он влюбился в кинозвезду, и она в него — тоже. Но детей у них пока быть не может, и она ищет по всему миру мужчину, похожего на любимого, а он ужасно ревнует. Думает, что она хочет… ну, обычным путем зачать этого ребенка. Но она уже оплатила искусственное оплодотворение…

Софьиванна, досадливо махнув рукой, надевает очки и

начинает есть глазами экран.

Кинозвезда, влюбившаяся в «чебурашку»? Ну и чушь… И из-за этой ерунды Софьиванна решила оставить меня без ужина? Вот еще! Пойду, посмотрю, что там Анна Федоровна мне сегодня приготовила.

Мельком взглянув в окно терминала — там очаровательная блондинка спорила о чем-то с писаным красавцем двухметрового роста, с плечами шире трехстворчатого шкафа, — я встаю, не успев даже толком устроиться в кресле.

— Вот, это артегом, — на мгновение отрывается от экрана главбухша. Очередная сцена ревности. Здорово, правда?

А… Ну да, конечно. Сериал-то полуфантастический. Это сейчас артегом с интеллектом уровня кроманьонца — два гиперкомпьютера объемом с письменный стол каждый. Но лет через десять… Если сейчас уже сделали хоббитов-чебурашек…

— Слушай, а как же они это… любовью занимаются? Все артегомы, насколько я знаю, бесполые!

— Глупый… — краснеет Софьиванна. — У него же поршенек! Это — серия общая. А два раза в неделю, после полуночи, показывают серии для взрослых. Если бы ты посмотрел хоть одну, не задавал бы вопросов, — по-матерински ласково укоряет меня главбухша, не отрывая взгляда от экрана. Сцена ревности закончилась классически: классическим поцелуем во весь экран.

Так вот почему Софьиванна по четвергам бывает такой вялой… Второй сеанс, видимо, проходит в ночь с субботы на воскресенье. Да, отстал я от жизни, совсем отстал. И понятно, почему все женщины без ума от сериала: этот красавец-артегом явно неистощим в любви. С поршеньком-то вместо фаллоса…

Записка, оставленная на кухонном столе Анной Федоровной, обещает мне на ужин котлету из индейки со сложным гарниром. Еще салат из свежих овощей и кисель с булочкой. Так… котлету пусть ест Софьиванна, а себе я зажарю яичницу из двух… нет, трех яиц. Говорят, они способствуют… тем, кто родился без поршенька. А вообще-то странная штука жизнь. Сегодня в пять вечера, убедившись, что ласк главбухши не избежать, я вспомнил старинное: вечером мужчина думает, как бы побыстрее привести женщину в свой дом, а утром — как бы побыстрее ее выпроводить. Я же был обеспокоен тем, как выпроводить, уже с раннего вечера. Подумал я так и огорчился: старость, ничего не поделаешь, это уже старость. А теперь вот яичницу себе жарю…

* * *

Похоже, я произвел на Софьиванну хорошее впечатление. Хоть у меня и нет поршенька. Ишь, как сладко спит…

Совершив утренние процедуры и наскоро ополоснув лицо, я натягиваю спортивный костюм. Бегать, конечно, никакого желания нет: слишком много сил было отдано другому виду спорта. Но и позволять себе расслабляться нельзя, никак в моем возрасте нельзя. А с другой стороны, Софьиванна женщина неглупая и поймет: человек я очень занятой, суббота для меня — такой же рабочий день, как и пятница, к примеру. И мне удастся быстренько завершить вторую половину обряда любви: выпроводить женщину из своего дома.

— Паша… — доносится из комнаты голосок моей главбухши. Теперь уже в обоих смыслах моей. Я, поспешно натянув вторую кроссовку, заглядываю в дверь.

Софьиванна сидит на постели, целомудренно натянув одеяло на пышную грудь. Волосы ее рассыпаны по плечам. Как-то подозрительно красиво «рассыпаны». Видать, успела пройтись по ним щеткой. Ох уж эти маленькие женские хитрости…

— Ты что, убегаешь?

— В буквальном смысле. На зарядку.

— Какой ты молодец!

— Тебе понравилось… у меня?

Риторический вопрос. Ну конечно, понравилось. Особенно квартира. Софьиванна живет вдвоем с дочкой, та вот-вот заневестится… Перебраться ко мне главбухше было бы в самый раз.

— Да, — чуть заметно краснеет моя нечаянная гостья, подтягивая одеяло к самому подбородку. — Только экран нужно переставить, чтобы прямо с софы можно было смотреть.

Ну-ну… Едва проникла в дом — и уже перестановки затевает. А если надолго здесь задержится? Бр-р-р…

— Монитор стоит так, чтобы было удобно работать, — оправдываюсь зачем-то я, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты спешишь, да? — догадывается, наконец, Софьиванна. — А я тебя глупыми разговорами задерживаю.

— Сегодня с утра я еду к дочери. Потом — на фирму. Заказ срочный, сама знаешь.

— А завтра? — спрашивает Софьиванна, вновь слегка краснея.

— Завтра… Завтра мне нужно быть у сына, — докладываю я, скрывая раздражение. А, вот в чем дело: спросив, понравилось ли ей у меня, я забыл выразить свое собственное неописуемое восхищение по поводу прошедшей ночи. И Софьиванна забеспокоилась, будет ли вторая серия. И если будет, то когда.

Парррам, парррам… И кроссовки снимать неохота, и заходить в них в комнату… А, ладно. Все равно Анна Федоровна каждый день прибирает.

Сделав четыре широких шага, я достигаю софы и целую вовремя раскрывшиеся, алые безо всякой помады губы.

— Мы где-то на следующей неделе… посмотрим еще одну серию «Отважного артегома»? — вполголоса предлагаю я. — Если, конечно, в семинарии все пойдет нормально и мне не придется по ночам там работать, — с улыбкой готовлю я себе отходные пути. — Ты приготовишь пока завтрак? И разбежимся. Дочь просила с самого утра подъехать…

Еще раз поцеловав Софьиванну, я с чувством выполненного долга выхожу из комнаты.

Хорошо бы нам — насовсем разбежаться. Но, похоже, отделаться от Софьиванны будет теперь не так просто.

Глава 9

Замужем моя Маришка пробыла недолго, три года. И вот уже четвертый год живет одна. Точнее, с сыном, Ванечкой. Я тогда выложил все, что у меня было, лишь бы ей двухкомнатную квартирку купить. Но, боюсь, к ней в спальню даже временный какой-нибудь ухажер не заглядывает. Во всяком случае, на ночь Ванечку у меня она ни разу не оставляла, хоть я и предлагал. Может, она днем к кому-нибудь приезжает на своей «Электре»? Если это так, ничуть не удивлюсь. Современные молодые женщины и секс рассматривают как одно из многих дел, которые нужно выполнить за неделю. А Маришка стала деловой ужас! И не без успеха: ее журнал уже входит в первую двадцатку. И она в редакции — не самый последний человек.

— Ой, как хорошо, что ты приехал! — бросается Маришка мне на шею. И я, ощутив тепло родного тела, чувствую, как теплеет у меня в груди. Все-таки дочь — самая верная из женщин. В широком, точнее, высоком смысле слова «верность». — Я Ванечку уже покормила, погуляешь с ним? А то сейчас как раз телеопрос общественного мнения будет, про права артегомов, а перед ним — теледебаты. Я хочу выступить. Приятно знать, что и мой голос сыграет роль в их защите. Артегомы — такие милые… Особенно последнее поколение, «хоббиты».

Только теперь я замечаю, что для утренних часов Маришка выглядит слишком уж торжественно: тщательно причесанная и намакияженная, в строгом деловом костюме… В наше время каждый приличный терминал снабжен цветной видеокамерой. Даже медные телефонные провода могут передавать изображения. Точнее, серии последовательных изображений, в режиме «псевдовидео». Но в недавно построенном Маришкином доме канал связи — волоконно-оптический. Так что, если режиссер теледебатов сочтет нужным, моя дочь на две минуты станет телезвездой. Наивная… На самом деле все давным-давно спланировано и отрепетировано. И финал спектакля под названием «теледебаты» получится таким, который нужен режиссеру. А еще точнее — его невидимому заказчику. Но я не стану объяснять этого дочери. Во-первых, зачем лишать человека приятной иллюзии? Во-вторых, она все равно не поверит. В сущности, любая человеческая радость рождается иллюзией, и ничем иным.

— Ванечка, ты готов? — строго спрашивает Маришка.

— Всегда готов! — отвечает Ванечка так, как я его научил. Дочь укоризненно качает головой, я беру внука за руку, и мы

выходим из квартиры, едва не разорившей меня три с половиной года назад. Ничего не поделаешь, жилье в Москве — самое дорогое в Европе.

— Ну-с, какие у нас новости? — спрашиваю я, когда мы выходим из дома и направляемся к царицинскому парку.

— Новости всякие, и хорошие, и плохие, — дипломатично отвечает Ванечка.

— Давай начнем с хороших, — предлагаю я. Внук начинает рассказывать о больших событиях своей маленькой жизни, а я, слушая его вполуха — только затем, чтобы вовремя задать очередной вопрос, — наслаждаюсь прекрасным августовским утром, пустынностью парковой аллеи и теплом маленькой ладони, доверчиво вложенной в мою большую, уже покрытую старческими пигментными пятнами руку.

Плохие новости оказываются, однако, по-настоящему, по-взрослому плохими.

— А мама совсем чебурахнулась, — печально говорит Ванечка. — Я ей говорю: «Свари мне суп», — а она не варит. А у меня хлопья в зубах застревают, и молоко я уже не люблю, надоело. А она все смотрит и смотрит свой телевизор, и со мной не играет.

— Мамин «телевизор» называется «монитор», — защищаю я дочь. — И она не просто смотрит на него, а работает. Потому что твоя мама знаешь кто?

— Знаю, — грустно говорит Ванечка. — Ледактор журнала.

— Не «ледактор», а «редактор», — смеюсь я.

— Ну, рледактор, — не спорит со мною внук. — Ты же все равно понял, что я имею в виду.

Я давно уже убедился: детская логика превосходит женскую, и намного. Но Маришка… Что-то с нею неладное происходит. Ванечка среди новостей ни разу не упомянул о приходе какого-нибудь «дяди», хотя о шоколадках, приносимых моей бывшей женой, сообщает регулярно. Для молодой женщины это явно ненормально, хотя как-то и объяснимо. Но вот то, что Маришка сына в основном кукурузными хлопьями с молоком кормит — уже ни в какие ворота!

* * *

Съехав бессчетное число раз с металлической, до блеска отполированной детскими попками и животами горки, покатавшись на всех разновидностях качелей, испробовав полдюжины других развлечений, мы решаем, наконец, что пора

бы уже и подкрепиться.

— Мы направим свои стопы к дому, да? — радуется Ванечка тому, что в прошлую субботу усвоил суть этой ужасно хитрой фразы.

Я вновь держу в своей руке его теперь уже восхитительно-грязную ладошку. Похоже, от этой прогулки я устал гораздо больше, чем внук. Вот бы одолжить у него немножко энергии… Без отдачи, правда. Отдать такой долг я, видимо, ему уже никогда не смогу.

Маришку мы застаем сидящей перед терминалом. Теледебаты уже кончились, опрос зрителей состоялся. Но теперь идет передача «Артегомы разведчики человечества на пути в будущее!», и дочери обязательно нужно ее посмотреть, чтобы написать рецензию в свой журнал.

— Мам, а ты мне суп сварила? — бесцеремонно предъявляет свои права Ванечка.

— Ой, забыла совсем… — растерянно отрывается, наконец, от монитора дочь. — Пап, похозяйничаешь немножко на кухне?

Лицо Маришки озаряется улыбкой. Улыбкой человека, нашедшего простой выход из казавшегося безвыходным положения.

— Я тоже ужасно проголодалась, — бесхитростно добавляет она. — Там в ящике молодая картошка есть, а в холодильнике — помидоры и огурцы.

Маришка вновь поворачивается к терминалу, и на лицо ее словно бы надевают маску. Маску туповатого ученика, силящегося, но не могущего понять учителя. Краем глаза я вижу на экране очередного «хоббита». Очаровательный артегомчик что-то говорит — тоже очаровательной, но несколько по-другому корреспондентке, и я поспешно увожу Ванечку на кухню.

Следовало бы, конечно, всыпать дочке если уж не по мягкому месту, то по первое число, и поставить ее на место, то есть к плите. Но… Во-первых, не хочется рисковать положением «желанного гостя» Во-вторых, дочь, похоже, догадывается, что «некий Полиномов», убивший, как недавно выяснили дотошные журналисты, первого в мире артегома… Где же у нее картошка? А, вот… Артегома, рожденного не в Японии и не в Америке, как считает большинство обывателей, а — кто бы мог подумать? — у нас, в России. Так вот, «убийца Полиномов» — это ее отец. И если она догадывается, то любая моя попытка помешать ее увлечению «разведчиками человечества» будет воспринята однозначно: как нераскаяние в страшном грехе. И даже сильнее: как попытку вовлечь в этот грех и ее тоже.

Нож на мгновение замирает в моей руке.

А может, Маришкино деятельное участие в судьбе этих гомункулосов попытка искупить мой грех? То есть в ее представлении — грех…

— Дедушка, ну скоро? — изнывает Ванечка.

— Скоро, внучек, скоро! — обещаю я, ставя кастрюльку с полуфабрикатным супом, облагороженным свежей зеленью и картошкой, в чудо-печь «Минутка».

А как на самом деле? Грех — или попытка спасения человечества от греха? Ну вот, я уже как Пеночкин думаю. Теми же категориями: человечество, цивилизация… Похоже, мания величия — болезнь заразная. Но — с длительным инкубационным периодом. Когда Петя меня ею заразил? Двадцать пять лет назад. Но только теперь она начинает проявляться.

— Деда, ну скоро суп? — хнычет Ванечка, и я, спохватившись, отключаю плиту. — Уже готов, готов! Только он горячий. Сейчас остужу…

Круто мы тогда с Петей столкнулись, круто. Я еще молодой совсем был, вначале делал, а потом уже думал. Ну, и попал в то, что у философов называется «пограничная ситуация». На всю жизнь запомнил: Петя с Элли, обнимающиеся в лунном свете, падающем из окна, женщина-вампирша, окатившая меня ледяным презрением, незадачливый директор рядом с нею, растерянно опустивший свои роскошные усы… и я, весело сбегающий по ступенькам лестницы. Еще бы! Задание шефа выполнено: локальная компьютерная сеть «Эллипс» освобождена от опаснейшего вируса. Вируса, который я хотел назвать «ведьма» и который оказался на самом деле проявлением сознания первого в мире артегома…

Глава 10

На фирму я решил не заезжать. Дела вроде закрутились нормально, бригада монтажников работает без выходных, падре за ними присматривает. А подготовить два оставшихся договора я могу и дома, все нужные файлы у меня есть.

Ан не тут-то было. Приехав от дочери и часок вздремнув, я обнаруживаю, что терминал не работает: похоже, отказал монитор. Не выдержал, бедняга, «Отважного артегома». Произойди подобное двадцать лет назад — я, ни капли не раздумывая, произвел бы монитору вскрытие и через два-три часа он у меня работал бы, как новенький. Но — прошли те времена… Без специального оборудования и экзотических микросхем теперь не починишь и детскую игрушку.

Поскольку на голос мой «Родион» реагирует адекватно, через пять минут я выясняю: дежурный ремонтник может прибыть через полчаса, но субботний вызов стоит вдвое дороже, чем обслуживание в будний день — независимо от сложности ремонта.

Трижды пробарабанив пальцами по деке терминала, я вежливо отказываюсь. Деньги, наверное, не бог весть какие, но лучше я, сэкономив их, куплю внуку игрушку, чем отдам чужому дяде только за то, что он придет сегодня, а не послезавтра. Доживем до понедельника, как-нибудь доживем.

Однако, послонявшись по комнате минут пятнадцать, я вдруг понимаю, как много для меня значил терм. Ни свежие новости на заданную тему теперь не узнаешь, ни фильм в удобное время не посмотришь. Можно, конечно, включить старенький телевизор и пощелкать, как говорит Ванечка, по всем каналам. Но это значит слушать все новости подряд, смотреть случайный фильм с середины, быть целиком и полностью зависимым от Программы. А быть зависимым от кого-либо и тем более от составленной какими-нибудь идиотами программы я не люблю. Даже если на эту Программу чуть ли не молятся девять десятых моих соотечественников.

Включив охранную сигнализацию и тщательно заперев дверь, я выхожу на улицу. Впервые за много лет выхожу просто так, без всякой цели. Мне даже бабенку какую-нибудь подцепить — и то не хочется. Прошли те времена, когда это заботило меня чуть ли не каждый день. А Софьиванна была у меня полдня назад. Поэтому вот пойду сейчас и… И…

Так и не придумав, на что бы с приятностью и пользой потратить неожиданно обрушившееся на меня свободное время, я

покупаю в киоске на углу пару номеров свежих газет и направляюсь к ближайшему скверику. Газету самую обычную, на бумаге, пахнущую типографской краской — я не держал в руках уже лет десять. Но знал, их еще печатают. Не такими тиражами, конечно, как двадцать лет назад, но все же. Особенно субботние выпуски. Кто-то в метро вынужден читать, за неимением другого времени, кто-то в электричке. Ну, а о пенсионерах и говорить нечего. Вот они, расселись, как куры на насесте, и каждый — со своей газетой. Со своей экземой, как сказал какой-то поэт. Или поэтесса. Стихов я не читаю дольше, чем газет. Не юноша уже, слава богу. Давно не юноша.

С трудом найдя свободное место на скамейке рядом с двумя старичками, я раскрываю «Московские ведомости», пробегаю глазами заголовки и первые строки статей.

«Артегомы и люди. Уживемся ли мы на одной планете?» По сведениям минстата, количество артегомов у нас в стране растет лавинообразно. Специалисты называют это — артегомографический взрыв…

«Исламский фундаментализм отступает». В Тегеране прошла мощная демонстрация с требованием отменить запрет на покупку домашних артегомов, которые называются здесь «аладдинами» — по имени доброго героя известной сказки…

«Общая вера — очередной вызов христианству». И, похоже, последний. Количество прихожан в христианских храмах всех конфессий, в Европе и Америке, снизилось за последний год на порядок. Если так пойдет и дальше, все храмы скупят приверженцы «новой веры»…

Ба… Похоже, это какой-то тематический выпуск, полностью посвященный артегомам. А вторая газета? То же самое. Мир сходит с ума. А я, требуя от Рефа и Рода новости только на заданную тему — компьютеры, информационные сети и соответствующий бизнес — малость отстал от жизни. Даже старички рядом — и те спорят только об артегомах. И тоже не понимают, что происходит вокруг. М-да… Неужели и мне уже пора на покой? Буду каждый день ходить сюда, как на работу. Да еще с внуками гулять…

Поежившись от этой неприятной — и неизбежной, к сожалению перспективы, я собираюсь уже было уходить, но тут к скамейке подходит маленький, толстенький, лысенький и бодренький старичок. Одет он в летний светло-голубой костюм с легкомысленным пестрым галстуком, на ногах светлые туфли из натуральной кожи. Перед ним на поводке важно выступает чем-то похожая на своего хозяина такса.

— Привет, старички! — радуется прогулке, хорошей погоде и

встрече с «коллегами» толстенький.

— Здравия желаю.

— Будь здоров… — вяло как-то, неохотно отвечают мои соседи по скамейке. Настолько вяло, что я даже не верю в искренность их пожеланий.

— Все газетки почитываете? — хохотнув, спрашивает лысенький.

— Не мешало бы и тебе посмотреть, что в них пишут, — с едва скрываемой неприязнью в голосе говорит сидящий рядом со мною седобородый пенсионер, обмахиваясь легкой светло-серой шляпой.

— Да не нужны мне ваши подтирочные бумажки: слишком жесткие! смеется толстячок, показывая ровный ряд искусственных зубов. — Я давно все новости от своего артегома узнаю!

— Оно и чувствуется… — ворчит мой сосед. — Ты скоро со своим «чебурашкой» и спать будешь! И на прогулку он тебя будет вместо собаки выводить!

— Ну, сплю я, положим, с женой. И не так, как вы, а как положено спать с молодыми еще женщинами! — с достоинством возражает лысенький. Его собака тем временем, до предела вытянув из бобины подпружиненный поводок, окропляет близстоящую урну. — А гулять с «чебурашкой» когда-нибудь буду, обязательно буду! Не с вами же мне, старыми хрычами, на скамейке весь день сидеть!

Не дожидаясь возражений, толстенький, выкатив вперед животик, важно удаляется. Но моим старичкам, похоже, нечем крыть. Один из них зло плюет на асфальт и растирает плевок сандалией, второй надевает на голову шляпу.

— Чтоб ему солнцем лысину напекло! — ворчит он. — А знаешь, что я заметил? Все, кто смотрит эти фильмы про артегомов и тем более ходит в кинотеатры — все они становятся ненормальными. «Чебурашек» этих на последние сбережения покупают или в храмы все свои деньги перечисляют.

— Можно и я вставлю пару слов, на пять копеек? — спрашиваю я. Старички косо смотрят на меня и молчат. — Наука давно доказала: девяносто девять процентов в конце концов умерших людей смотрели телевизор. Так что если хотите пожить подольше…

На всякий случай я поспешно встаю. И — уже не столь поспешно, с достоинством — ухожу. У дальнего от меня старичка в руках тросточка. Перетянет еще ею по спине… И правильно, между прочим, сделает.

Но старички, как ни странно, смеются.

— Ну остряк… — слышу я за спиной. — У этой шутки борода

длиннее, чем моя…

Глава 11

— Павел Андреевич? Это Воробьев. Извините, что в воскресенье, да еще с утра… Я совершенно некстати, кажется…

— Да нет, все нормально. Просто у меня монитор сгорел. Ну, соответственно и я свою камеру не включаю. Я ведь — не диктор центрального телевидения. Но как для тебя…

Я переключаю свой терм в режим «видео».

— Ну, что у тебя случилось? Имей в виду, монтажников твоих я не отдам. Они у меня и сегодня работают, за двойную оплату.

— Да дело не в монтажниках… Пусть работают. У меня тут совещание одно наметилось, весьма важное. Ты не мог бы через часок подъехать?

— Совещание — в воскресенье утром? Ну ты и порядки завел, однако! растягиваю я губы голливудской улыбкой. — Я вообще-то к сыну сегодня собирался, внуков навестить.

— Павел Андреевич, я бы не стал вас беспокоить из-за пустяков. Но вопрос очень важный и срочный. Помните «Тригон»? Так сейчас положение в десять раз хуже. Пожалуйста, приезжайте! Я уже послал за вами машину.

В славкином голосе проскальзывают умоляющие нотки, для директора ГУКСа совершенно нехарактерные. Значит, дела у них действительно плохи. И мне — только что нахлынуло — до дрожи в коленях хочется узнать, что именно произошло. Причем я абсолютно уверен, узнать я это смогу только на совещании. Ни в газетах, ни в теленовостях еще недели две ничего не будет.

— Ну, раз уже послал машину… — нехотя соглашаюсь я. Зря включил телекамеру. Лицом я владею намного хуже, чем голосом. Славик не должен догадаться, что я заинтересован, и очень. Старческое любопытство…

— Мой «мерседес» — цвета «мокрый асфальт» Шофер позвонит вам, когда заедет во двор. Извините, мне еще пару человек собрать надо. Жду!

Воробьев отключается, не дождавшись моего «до свидания».. Ну что же, попытка подкупа ему вполне удалась. Интересно, как он будет уговаривать других. Ведь козырная карта — «мерседес» — уже разыграна…

* * *

Совещание по количеству участников оказалось совсем крошечным. Заговор, а не совещание: Воробьев, я, Юрик да

Гриша, нынешний директор «Кокоса». Смотрит он на меня настороженно. Еще бы: занял мое место и в директорском кресле, и в постели рядом с Леночкой. А я ему не то что дважды, а и одного раза морду не набил. Да ну его… Хоть Черенков и моложе меня лет на восемь, я его и сейчас одной соплей перешибить могу. И что Леночка в нем нашла? Ах да, должность.

— …Виталий Петрович, я уже собрал самых компетентных людей, которых знал, и мы обсуждаем проблему… Сразу же доложу…

Славик кладет на рычажки белую трубку телефона правительственной связи и вновь берет в руки голубые листки «ориентировки», составленной в Агентстве федеральной безопасности. Читает сам, поскольку терм переключен в режим «защита», а все участники предупреждены о необходимости сохранения тайны.

Ну точно, заговор.

— …И этот всплеск «новой веры», по-видимому, тоже не случаен, тараторит Славка так быстро, что я с трудом поспеваю улавливать пугающий смысл проговариваемых им фраз. — Так называемые «новые храмы», в которые превращены почти все бывшие кинотеатры, щедро спонсируются банками, трастовыми компаниями и другими финансовыми структурами, а также многими фирмами, причем часто в ущерб собственным финансовым интересам. Во всех средствах массовой информации развернута мощная пропагандистская кампания в защиту прав артегомов. Попытки как-то противодействовать ей или хотя бы ограничить размах, с которым производится оболванивание населения, ни к чему не привели ни у нас в стране, ни за рубежом. Телекомпании всячески противятся ограничениям, поскольку для многих из них это означало бы автоматическое разорение, а для остальных — существенное уменьшение прибылей. Очевидно, основная часть средств, полученных «новыми храмами», как раз и перетекает на счета телерадиокомпаний и других средств массовой информации. Но денежные средства — не единственный аспект, объясняющий беспрецедентный рост числа приверженцев «общей веры». Как известно, в каждом «новом хроме» имеется хотя бы один «живой' артегом, ежедневное общение с которым, как утверждается, снимает стрессы, восстанавливает силы и приносит удачу. Как выяснялось в результате проведенного расследования, все это соответствует действительности. В голову каждого «хоббита», которые в основном и демонстрируются в «новых храмах», встроен мощный и весьма эффективный биопотенцер, многократно повышающий жизненный потенциал, а также

сексуальные способности мужчин и восприимчивость к сексуальным ласкам женщин. Этот тип биопотенцеров является незначительной модификацией аналогичного прибора, изобретенного еще в конце прошлого века. Позднее он был запрещен, так как при долговременном использовании необратимым образом истощает нервную систему. Кроме того, биопотенцер обладает явно выраженным наркотическим действием. Однако юридически новая его разновидность под запрет не подпадает, и фирмы, изготовляющие артегомы, перед законом чисты…

Славка, не привыкший, как и все мы, к чтению таких длинных документов вслух, на несколько секунд замолкает, чтобы облизать пересохшие губы и перевести дух.

— Похоже, эта ориентировка — тоже часть рекламной компании, пользуется паузой Гриша. Борода его заметно поседела, а вот лысина за последние семнадцать лет не изменилась. Да и как она может измениться, если на его сияющем черепе уже полтора десятка лет нет ни единого волоска?

— То есть? — не сразу врубается Воробьев.

— Я сегодня же вечером наведаюсь в «новый храм», чтобы прижать «чебурашку» к своим чреслам, да надолго… У меня жена темпераментная, довольно улыбается Гриша, но, взглянув на меня, резко скучнеет. Я тоже огорчен, но вовсе по другой причине. Так вот почему Софьиванна осталась так довольна мною…

— Потерпите, полстранички осталось, — просит Воробьев. В руках его действительно остался только один голубой листок.

— Кроме того, у социологов нет сомнений в том, что просмотр клипов об артегомах, регулярно демонстрируемых по всем каналам телевидения, оказывает воздействие не только на сознание людей, но и, во много раз более сильное — на их подсознание. И это является решающим фактором, определившим грандиозный успех «новой веры» на пяти континентах Земли. Однако все попытки «установить механизм, с помощью которого осуществляется воздействие на подсознание, оказались безуспешными. Ни один из известных и, естественно, запрещенных действующими законодательствами во всех странах методов в клипах не используется. Поэтому задача распознавания этого механизма, его нейтрализации и защита суверенных прав граждан на собственное подсознание приобретает беспрецедентное значение и должна быть решена в самые сжатые сроки при максимальном сохранении конфиденциальности. Вот такие пироги, — добавляет Воробьев уже от себя. Потом, повернувшись в сторону терма, просит:

— Настенька, принеси нам, пожалуйста, чаю. Покрепче! Настенька, словно только и ожидавшая этой команды, немедленно появляется с подносом, на котором дымятся четыре тончайшего фарфора чашки. И я еще раз удивляюсь вышколенности славкиной секретарши. Интересно, спит он с нею или нет? Я бы на его месте — с удовольствием. Особенно после свидания с «чебурашкой».

— Так чего Крепчалов хочет от нас? — хмурится Гриша, зажимая свою бороду в кулак — Ни одного специалиста по психологии бессознательного, в область рекламы, а также сексуальной терапии среди нас, насколько я понимаю, нет.

— Это — прежде всего информационное воздействие, осуществляемое в том числе и через терминалы компьютерных сетей, — объясняет Славка. — А. Виталий Петрович, как известно, министр информатики и информационных технологий. Вот его и напрягли. А он, соответственно, нас, испытанную гвардию.

Я громко хмыкаю. Это я-то — гвардеец Крепчалова? Да в гробу я его видал, вместе… Нет, жену внуки любят, пусть живет.

Воробьев, на секунду повернув ко мне свой острый нос — словно клюнув им — поясняет:

— Состав участников нашего небольшого совещания предложил и утвердил Крепчалов. Поскольку тут просматривается некоторая аналогия с «Тригоном». К которому мы все имели отношение. Помните «поле ужаса», механизм генерации которого так и остался невыясненным?

Ого, какая честь… Значит, сам министр…

— Воевать с 'Тригоном» я тоже ездил по указке Крепчалова, — с улыбкой говорю я. — И победил его практически в одиночку. Как меня отблагодарили за это, вы все прекрасно знаете. Знает об этом и господин Крепчалов. Наши высказывания записываются? — уточняю я у Воробьева.

— Да, я ведь предупреждал.

— Вот и отлично. Тогда передайте Виталию Петровичу мой пламенный привет. Поскольку я директор весьма скромной, абсолютно негосударственной фирмы, у вас нет никакого права насильно вовлекать меня в ваши сомнительные игры. А добровольно в них участвовать я категорически отказываюсь!

— Но, Павел Андреевич, я вас очень прошу… — чуть не скулит Славка. И я понимаю, мое участие в совещании было оговорено Крепчаловым особо. Ваши интуиция и опыт крайне важны для нас. И стоит ли сейчас, в минуты действительно очень серьезной опасности, поминать прошлое?

Я перевожу взгляд с Юрика на Гришу и обратно. Похоже, им не очень приятно слышать слова про мои несравненные интуицию

и опыт. Да, ребятки, и в ситуации с «Эллипсом», и в бою с «Тригоном» вы только ушами хлопали, когда я действовал. И, заметьте, весьма эффективно действовал. Но — только бледнолицый может дважды наступить на одни я те же грабли.

Я решительно встаю. Витек — мужик крутой, конечно, но не круче, чем вареное яйцо. Никаким способом не заставит он меня в очередной раз подставлять голову за то, чтобы он не вылетел из высокопоставленного кресла. То я по его приказу первого в мире артегома вынужден был убить, то сунуть голову в пасть «Тригону»… Хорошо, что хоть жив тогда остался. Могло быть хуже.

— Павел Андреевич, ну хоть какой-нибудь совет дайте! — канючит Воробьев.

— Да чего тут непонятного? — ловлюсь я на скрыто-льстивую фразу, досадую на себя за это, но… Раз уж начал, надо закончить.

— Кому выгоднее всего нашествие артегомов? Фирмам, которые их производят. Особенно этих, «хоббитов». Вот под них и нужно копать. И под рекламные агентства, выпускающие клипы про «чебурашек» и прочую артегомную нечисть. Где-то там и скрываются специалисты по воздействию на подсознание, переплюнувшие Фрейда, Юнга, Фромма и прочих гениев психологии, психиатрии и психоанализа, — не упускаю я возможности блеснуть эрудицией. — А Пеночкина вы, кстати, проверяли? Не он опять шалит?

— Уже проверили, — хмурится Славка. — Пеночкин так и не оправился толком после «Тригона». Живет с женой на даче, в глухомани, почти никаких контактов с внешним миром не поддерживает. Не он.

Мне очень хочется пить, и я, не выдержав, отхлебываю глоток ароматного чая. Моего любимого, с жасмином.

— Попробуйте проанализировать обмен в компьютерных сетях по ключевым словам «артегом», «реклама», «хоббит» и прочим, относящимся к теме. Или, возможно, по фразам с нестандартным смыслом на случай, если благодетели артегомов пользуются шифрами. Посмотрите, наконец, где сильнее всего проявляется «общая вера». Может, это колумбийская наркомафия изобрела новый вид наркотика, компьютерно-телевизионного, подкрепленного биопотенцером? Тогда ваше совещание полезно не больше, чем консилиум врачей на могиле уже похороненного больного.

— У тебя что, терм не работает? — спрашивает Гриша.

— Да, уже второй день. А что?

— Вчера в «Новостях» была подборка материалов на тему, откуда пошла быть «общая вера». Похоже, из России. Майка с

российским орлом на спине и Георгием-победоносцем на груди становится униформой молодежи от Европы до Америки и Китая. Объем продажи компьютерных программ, обучающих русскому языку, удваивается каждую неделю. Но их все равно не хватает, и вновь появился спрос на «живых» учителей. Российская мода разоряет французских и итальянских модельеров. Продолжать?

— Не нужно, — усмехаюсь я. Время идет — а я все еще здесь, на этом нелепом совещании. Точнее, среди участников этого бездарного заговора. Пусть сами тут разбираются:. А меня внуки ждут.

— Все, что мог, я вам уже рассказал. Честь имею, господа!

Вот так вот, дорогие мои. Павел Полиномов не будет больше отдуваться за всех, получая в качестве благодарности ненавидящие взгляды и теряя любимых женщин. Танцуют все! — но без меня, без меня…

Глава 12

К сыну приходится ехать на метро. Не беда, бензин нынче стоит столько, что десять раз подумаешь, прежде чем за руль сесть. А тут и думать не надо.

Встречает меня Юлька, невестка. Вкус у моего Витюхи хороший: мне его жена тоже нравится. Симпатичная, стройная, игривая как котенок. Это обычно. Но сегодня — вся зареванная.

— Я вам все утро звоню, а телефон не отвечает, — говорит она со скрытым упреком в голосе. И, не дождавшись моих оправданий, огорошивает новостью:

— Виктор все сбережения перечислил на счет храма «новой веры» и вторую ночь не ночует дома…

Юлька прижимает к глазам мокрый платочек, садится на краешек дивана. Я растерянно стою на пороге комнаты, не зная, за что хвататься. И невестку нужно как-то успокоить, и сына срочно искать.

— В какой храм?

— «Салют», ближайший кинотеатр. Загулял бы со стервой какой — я бы и не волновалась даже. Все равно бы вернулся. По щекам бы отхлестала — и все. А тут… У меня такое чувство, что я его уже никогда не увииижууу… заходится Юлька в плаче. Я уже успел скинуть туфли и как раз вовремя подставляю под ее склоненную голову свою грудь.

— Ну-ну, успокойся… Витюха, может, и бабник маленько, но фанатиком никогда не был. Ни в чем. Я сейчас пойду, отыщу его и нашлепаю по попке.

Юлька, всхлипывая, щедро орошает слезами мой светлый пиджак.

Жалко, что оружия у меня с собой — никакого, даже перочинного ножа. Сейчас пойду в этот кинотеатр, оторву тамошнему «чебурашке» голову, а когда на меня наедут, заору «Витюха! На помощь!» Неужели не бросится на защиту?

— Ты с внуками приехал повидаться, а я тут… — спохватывается, все еще всхлипывая, Юлька. — Они мультик смотрят. Сейчас я их позову.

— Не нужно. Я прямо сию минуту пойду в этот… храм, поищу Витьку.

— Я уже ходила, — отстраняется от меня невестка. — В холле его нет, а в большой зал пускают, только если в малом посмотришь фильм про этих гномиков. А. у меня дети без присмотра, я от них еле вырвалась.

От них — это от тех, в кинотеатре. Юлька нервничает, и мне

приходится напрягаться, чтобы понимать ее. Ну, выплакалась? Кажется, можно уходить.

Только теперь я замечаю, что на невестке — новая, совсем не домашняя кофточка, которая ей очень идет, и нежнейшей материи длинная юбка, сквозь которую, однако же, вполне отчетливо просвечивают округлые колени. Это она, значит, Витюху ждет. Все-таки ждет…

Ну, я его и в самом деле отшлепаю. Заставлять плакать такую женщину…

— Не волнуйся. Скоро я его приведу. А ты… Приготовь нам пока что-нибудь перекусить. Вряд ли их там, в храме, кормят так же вкусно, как это делаешь ты.

— Уже приготовила. Мясное суфле и рассольник. Витя очень рассольник любит.

Это я знаю. У меня научился.

— Ну, я побежал.

Жаль, с внуками не поиграл. Но еще успею. Вот только Витюху приведу…

* * *

Возле «Салюта» происходит час-то непонятное: двое милиционеров в летней форме — светлые брюки и рубашка с короткими рукавами, — с рациями и при дубинках, спорят о чем-то с целой толпой молодых и не очень женщин, на голове у каждой — венок из полевых цветов. Женщины окружили блюстителей порядка так плотно, что те уже встали спиной к спине и выставили перед собой дубинки, держа их горизонтально, в надежде сохранить хоть какую-то дистанцию между собой и явно чем-то взбудораженными женщинами.

Ага, милиционеров явно оттесняют от входа в кинотеатр. А они пытаются вернуться к настежь распахнутым стеклянным створкам.

— Мужчина, не ходите туда! — кричит мне один из них, привставая на цыпочки и вытягивая тонкую петушиную шею. — Они не выпустят вас!

— Я хочу сына забрать, — объясняю я.

Две девицы, лет по восемнадцати, отделившись от толпы, окружающей милиционеров, подхватывают меня под руки.

— Не слушайте их! У нас так интересно! Идемте, мы найдем вашего сына!

— Не ходите! — еще раз кричит милиционер уже сорванным голосом, но высокая блондинка, воспользовавшись моментом,

проскальзывает снизу под его дубинку и, обхватив опешившего паренька за шею, начинает жадно целовать явно уступающего ей в росте блюстителя.

Интересно… А эти прыщавки, что держат меня под руки, тоже поцелуями начнут ублажать, если я воспротивлюсь? Но пока все идет по плану. Правда, «чебурашка» нас не встречает. Наверное, он тоже в большом зале.

Перед входом в зал малый я решительно останавливаюсь.

— Моего сына зовут Полиномов Виктор Павлович. Пожалуйста, отыщите его и скажите, что отец хочет его срочно видеть.

— Ну конечно, отыщем, — обещает рыженькая, прижимаясь еще неокрепшей грудью к моему правому локтю.

— Только вначале давайте посмотрим фильм, все вместе, — предлагает вторая, прижимая к юной груди мой локоть левый.

— Нет, девочки, так дело не пойдет, — решительно останавливаюсь я. У меня от кино изжога бывает, поэтому вот уже лет десять я никаких фильмов не смотрю.

— И правильно делаете, — смеется рыженькая, подталкивая меня к тяжелой портьере, закрывающей вход в зал. — Но это — совсем другое кино. Оно объемное и не на экране, а на концерт-дисплее. Вот увидите, вам понравится!

— Я требую немедленно позвать моего сына Полиномова Виктора Павловича! — кричу я изо всех сило — И не трогайте меня! Не трогайте! визгливо заканчиваю я свой зов. Если Витюха где-то недалеко — не может не откликнуться.

— В чем дело? — показываются из-за портьеры вместо сына два дюжих молодца, тоже почему-то с венками на голове. Цветы, конечно, искусственные, но почти не отличаются от живых.

— Да вот, не хочет идти в зал, — ябедничает рыженькая.

Я вдруг отчетливо понимаю, что смотреть фильм про «чебурашек» мне никак нельзя. Я уже видел фрагменты — и подписал опросный лист, который вовсе не собирался подписывать. И я уже почти люблю этих забавных человечков, так благотворно влияющих на сексуальные способности мужчин. Поэтому из зала малого мне будет одна дорога — в зал большой. Там я, конечно, найду Витюху, Только вот Юлька навсегда останется одна с внуками. А если — и она?! Последняя мысль выводит меня из оцепенения. С этими двумя хлопцами я, пожалуй, не справлюсь: возраст не тот. Но…

Рывком вырвав руки и толкнув своих восхитительно юных спутниц в объятия к молодцам, я стартую, как на стометровке, в сторону входа.

Не зря же я каждое утро бегаю… А там двое милиционеров,

против женщин они бессильны, но отбиться от хлопцев помогут…

На бегу я замечаю, что лестница, ведущая на второй этаж, туда, где расположены входы в большой зал, перегорожена решеткой. А в узкую калитку, оставленную для прохода, две женщины в венках проводят парня лет тридцати. На лице его застыла блаженная улыбка. По ту сторону решетки его ждут четверо хлопцев, очень похожих на тех, которые гонятся… Нет, уже не гонятся. Зачем я им нужен, если и две молодые женщины в широкополых шляпах, и пожилая супружеская чета с веселыми улыбками, совершенно добровольно идут в малый зал? Без всяких сопровождающих. И еще люди, и еще…

Оглянувшись, я перехожу на шаг и спокойно выхожу из кинотеатра. Блюстителей у входа уже нет — видать, поехали за подкреплением. Стайка женщин в венках тоже разбежалась. Но… но…

Я растерянно смотрю на четверых других милиционеров — они даже без дубинок, — занимающих посты по обе стороны от входных дверей, из которых я только что вышел.

— Заходите, заходите! — говорит самый, пожалуй, пожилой из них, заметив мою нерешительность, — Ничего плохого с вами здесь не случится. Наоборот! — подмигивает мне он. — Мы там были и очень даже хорошо себя чувствуем! Лучше, чем раньше! — довольно смеется он.

— Спасибо… Как-нибудь в другой раз, — растерянно лепечу я, отодвигаясь задом наперед подальше от внушающего мне теперь ужас здания.

Значит, на милицию рассчитывать не приходится. Штурмовать «храм» в одиночку и без оружия — глупо. Хорошо, что хоть без потерь удалось отступить. А Витюха? Как его оттуда достать?

Дойдя до ближайшего телефона-автомата, я звоню Юле. Найти сына мне пока не удалось. Но я все равно приведу его домой, рано или поздно. Приведу и отшлепаю по попке…

Юлька вновь начинает плакать, и я вынужден прервать разговор чуть ли не на полуфразе. Точнее, на полувсхлипе. У меня ведь еще и дочь есть. Ее тоже нужно предупредить. А то она с этими своими теледебатами… Пусть отключает напрочь телевизор, терминал и ни в какие храмы общей веры — ни ногой. А то я и ее, несмотря на возраст…

Отвечает мне плачущий Ванюшка:

— Дедушка, приезжай! Я есть хочу, и мне страшно одному. Мама вчера вечером ушла в кино и все не идет да не идет… Ты только прямо сейчас приезжай…

Глава 13

Да, давно мне не приходилось так суетиться… С домашними заботами я разобрался быстро: Ванюшку, скрепя сердце, сдал с рук на руки бывшей жене, ей же поручил ежедневно бывать у Юльки. Выслушала Алена все молча и ни словечка не возразила. Только спросила глазами, как делала это давным-давно, во времена нашей юности: «А ты?»

— А я иду воевать с «общим богом»!

Напоследок я строго-настрого запретил ей смотреть телевизор, работать с компьютерными сетями и подпускать к тому и другому Ванюшку. Что-то еще она сказала… А, передала слова Крепчалова, что он готов оказать мне любую помощь, какая только в силах Министра информатики и информационных технологий. Я эту помощь с благодарностью принял и попросил, чтобы Витек немедленно отдал приказ о запрете всех упоминаний об артегомах во всех средствах массовой информации. Алена грустно улыбнулась мне опять-таки той, давней, забытой и преданной нами обоими улыбкой, и ничего не сказала. Понимает: такое даже ее всесильному мужу не по зубам.

Погасив окурок в блюдечке под допитой чашечкой кофе, я зову Софьиванну. В ближайшее время мне понадобятся деньги, и, боюсь, много. Хотя бы безналичные. Вот пусть и займется этим вместо того, чтобы бросать на меня плотоядные взгляды.

— Софья Ивановна, поднимите последний договор. В нем оговорен аванс, в сумме двадцати пяти процентов. Он должен быть перечислен на наш счет завтра к вечеру.

Главбухша — похоже, у нее опять новая прическа — возмущенно смотрит вначале на окурок, потом на сизое облако дыма, повисшее в кабинете, и только потом, не меняя выражения лица, на меня.

— Но, Павел Андреевич… Обычно такими сложными вопросами вы занимаетесь сами…

— А теперь их придется решать вам. У меня совершенно нет времени. Второе: пусть падре Мефодий как можно быстрее свяжется со мной. Он сейчас где-то в семинарии, срочно его найдите. Третье: мне предстоят разъезды, все дела по фирме возьмет на себя мой вновь назначенный зам Скрипачев.

— Он же в отпуске! — никак не может прийти в себя Софьиванна.

— Уже нет, я вызвал Костю телеграммой. Завтра после обеда он должен быть. У меня пока все.

— Да, но этот аванс… Заказчик явно имел в виду конец

месяца, а не его начало.

— Дорогая Софья Ивановна, не будем терять времени! Завтра к вечеру аванс должен быть перечислен, а сегодня я уже занят! Совершенно другими делами!

Недовольно вильнув бедрами, главбухша исчезает за дверью.

— Реф, соедини меня с Воробьевым Святославом Ивановичем, директором Государственного управления компьютерных сетей, — четко выговаривая каждое слово, приказываю я.

Повторив команду, Реф начинает вызывать Славку, а я, отодвинув забытый Софьиванной подносик с чашечкой и блюдцем, откидываюсь на спинку своего любимого кресла.

Парррам, парррам, парррам…

Похоже, отсидеться мне и в этот раз не удастся. Вряд ли я смогу как-то противодействовать фирмам-гигантам, которые только и могут производить артегомов. Но что-то делать я все равно должен. Иначе не смогу потом спокойно смотреть в глаза сыну-дочке, снохе и внукам. Даже если все закончится для Маришки и Витюхи благополучно — и то не смогу. А уж если, не дай бог…

Парррам, парррам, парррам…

Соваться еще раз в «храм» — хоть тот, где Витюха, хоть другой, из которого не вырвалась Маришка — смысла нет. Мои сын и дочь сами туда ушли. И если я даже, одолжив у какого-нибудь «авторитета» бригаду боевиков, вызволю своих детей из храмов — на другой же день они туда и вернутся.

Парррам, парррам, парррам…

Единственный выход — выяснить, где логово страшного зверя, укравшего души моих детей, и поразить его там священным копьем, копьем Георгия Победоносца. Только где его взять, это копье? И. где искать змиево логово?

Парррам, парррам, парррам…

И потом, этим наверняка занимается служба безопасности. Правда, у аэфбэшников в избытке лишь крутые парни, способные ладонями пробивать стены и ломать позвоночники. А вот со специалистами по скрытым воздействиям на психику человека через информационные сети у них не густо, поэтому они и провели серию совещаний. То, которое устроил Славка в ГУКСе — наверняка лишь одно из многих. Но в любом случае работать с аэфбэшниками «плечом к плечу» я не намерен. Чем кончается их вмешательство, хорошо известно: танковыми атаками и взрывами спецбоеприпасов. Скальпелем вы должны работать, господа хорошие, а не топором…

— С вами хочет поговорить дочь, — прерывает мои размышления Реф голосом Софьиванны. — По телефону.

Дочь!?

— Соединяйте!

— Папочка, это я. Ты извини, я оставила на тебя Ванюшку, не предупредив толком…

— Ты где? Приезжай домой, немедленно! — ору я так, что в кабинет заглядывает перепуганная Софьиванна. — Мы очень тебя любим и ждем! Ванюшка извелся весь и есть отказывается! — вру я на всякий случай, досадливо отмахнувшись от Софьиванны.

— Пап, я пока не могу. Тут так интересно! Я только теперь начинаю понимать, в чем смысл жизни.

— Мариша!

— Мне теперь почти ничего уже не нужно, ни теледебатов этих дурацких, ни замужества, ни денег… Только по Ванюшке я очень скучаю.

— Маришка, послушай…

— Приходите с ним ко мне, а? Это в кинотеатре «Космос», в большом зале. Правда, вначале нужно кино в малом зале посмотреть, но это недолго.

— Маришка! Да послушай же ты меня!

— Ой, пап, я больше не могу говорить. Телефон здесь только один, а разрешили поговорить сразу многим. Приходите сегодня в пять, я очень жду!

— Маришка!!!

— Абонент положил трубку, — оправдывается Реф. Чтоб тебя…

Парррам, парррам, парррам…

Никуда я не пойду. Привести в малый зал Ванюшку? Еще чего. Соскучишься по сыну — сама придешь, как миленькая. А вот Витюха…

Действовать нужно! Действовать! Все равно как, только бы не изводить себя бесплодными мыслями…

— Реф, я просил соединить меня с Воробьевым. Где он?

— Его телефоны и терминал все время заняты. Я оставил сообщение с просьбой соединиться со мною его электронному секретарю.

Понятно… Славка тоже занимается этой проблемой. Чего я, собственно, хочу? Проверить один-единственный вариант. Скорее всего, вариант-пустышку. Но — тылы тех, кто сейчас, похоже, по-настоящему пытается противодействовать «общему богу», должны быть чисты. Парррам, парррам, парррам…

Все создатели великих империй были полусумасшедшими. Относится ли это и к создателям новых религий? Пожалуй, для своих современников они тоже казались не совсем нормальными людьми.

Парррам, парррам, парррам…

Да, но не переоцениваю ли я Пеночкина? Мое доброе старое правило гласит: лучше пере-, чем недо-. Как его отчество-то? Пеночкин Петр…

— Реф, поройся в файле «личная память». Среди людей, с которыми я когда-то контачил, был некий Пеночкин Петр… Напомни мне отчество и все, что с этим человеком связано.

— Пеночкин Петр Васильевич, жена Элли. Создатель «Тригона». Последний контакт имел место в… тут прочерк. Других данных нет.

Ничего удивительного. В то время я еще вполне полагался на свои собственные мозги, и вводом в «личную память» лишних данных себя не утруждал. Это сейчас, чуть что, дергаю Рефа. И рассказываю ему, в подробностях, о каждом прожитом дне…

Ладно. Поскольку до Воробьева не дозвониться, придется провести поиск за собственные средства. Точнее, за деньги фирмы «Крокус». Что, собственно, одно и то же.

Истратив полчаса драгоценного времени, а также изрядную сумму денег хорошо, что счет придет через две недели, не раньше, уже после того, как из семинарии перечислят первый аванс — я выясняю, что Пеночкин Петр Васильевич ни среди живых, ни среди мертвых жителей Озерца и всех остальных городов и весей Псковской губернии не значится.

Однако… Элли ведь звонила из Озерца. А может быть, попробовать ее отыскать? Элли Пеночкина. Или Нэлли? От какого имени еще может быть уменьшительным — Элли? И фамилия у нее — Пеночкина ли? А если девичью оставила?

Парррам, парррам, парррам…

Белобоков, работавший на ГИВЦе, был явно влюблен в Элли и может о ней что-то знать. Только я не помню даже его имени, не говоря уже об отчестве. Да и было это так давно… Парррам, парррам, парррам…

Сапсанов! Председатель комиссии по расследованию причин аварии на Тригоне» — вот кто все должен знать! И отчет… Отчет комиссии был, который я так тогда и не подписал. И который, кажется, потом приложили к уголовному делу. Потому что комиссия была липовая, подставная, затеянная лишь для того, чтобы убрать меня из Москвы и выявить все мои «преступные» связи… Грибников, следователь из АФБ, думал тогда, что разработка компьютерных вирусов в «осином гнезде» ведется с моего ведома и, быть может, даже под моим руководством…

— Воробьев на связи, — докладывает Реф. — В режиме «видео». На экране действительно появляется славкин острый нос. Боже, на кого он похож! Веки красные, под глазами мешки,

непричесан…

— Ты искал меня? Только извини, у меня не больше двух минут.

— Да. Спасибо, что откликнулся, — тараторю я почти с той же скоростью, что и Воробьев. — Мне срочно нужен адрес Петра Васильевича Пеночкина, проходившего по делу о «Тригоне», или его жены Элли, или родителей того или другого, или их дочери. Через компьютерную сеть мне ничего выяснить не удалось.

— Но мы его уже проверяли. Он не совсем адекватно воспринимает действительность и вряд ли связан со всем этим безобразием, — недоумевает Славик.

— Это мой однокурсник. Страшно по нему соскучился и горю желанием повидаться. Помоги, если сможешь.

— Попробую. Кстати, насчет фирм, выпускающих артегомы. Они явно не были готовы к такому повороту событий и еще два месяца назад свертывали производство «хоббитов». А сейчас спешно наращивают объемы. Похоже, они тут ни при чем.

— Спасибо. Тем более я хочу повидаться с Петей.

— Прикрытие от АФБ нужно?

— Ни в коем случае! Они вообще не должны знать, что это мой запрос! машу я обеими руками. — От них не Грибников, случайно, этим делом занимается?

— Он самый, — хмуро подтверждает Воробьев. — Но я не через него буду узнавать. Будь на месте, я сделаю запрос прямо сейчас.

Экран гаснет. Я откидываюсь на спинку кресла, руки — на подлокотниках.

Парррам, парррам, парррам…

А если Пеночкин действительно ни при чем? Но это — единственный след, который я могу проверить самостоятельно. Действовать я должен, действовать! Иначе с ума сойду, переживая за дочь и сына!

Глава 14

«Вольвочка», конечно, не лучший вид транспорта для лесных дорог. Но зато я смог выехать из Москвы уже через два часа после того, как Воробьев сообщил адрес: частный дом-дача на Горелом хуторе, в полусотне километров от Озерца. До самого городка — четыре с половиной сотни. Отмахал я их за пять часов. Есть еще порох в пороховницах. Только вот спина болит…

Объехать очередную лужу мешают деревья и я, мысленно перекрестившись, еду напрямик. Не застрять бы…

Но старушка моя ведет себя молодцом. Только в грязи, должно быть — по самые уши. Ничего, голубушка, вычищу я тебя потом, натру до блеска и кусочек сахара дам.

Где-то совсем рядом, вот-вот, должна быть развилка. Налево поедешь попадешь к дому Эллиных родителей. И, если Элли там, вновь голову потеряешь? На старости-то лет? Может, ты только для того и затеял поездку, чтобы Элли повидать?..

Стоп. Слева — очередное озеро. Может, то самое, на берегу которого стоит нужный мне дом. Значит, я не заметил развилку, свернул, подсознательно, налево, и где-то здесь…

Я выхожу из машины, прохожу полсотни шагов по берегу озера в одну сторону, приседаю, пытаясь разглядеть дом между стволами сосен. Прямо передо мной проявляется шляпка боровичка, словно только что выскочившего из-под прошлогодней хвои и свежеопавших листьев. Не до тебя мне, дружок…

Вернувшись к машине, я проезжаю вперед еще метров двести и… попадаю на развилку. Одна лесная дорожка-тропинка огибает озеро, другая тянется прямо. Прямо поедешь — колеса потеряешь? Или тоже голову, но уже в буквальном смысле?

Остановив машину, я раскладываю на коленях карту. Вот она, вторая развилка. Похоже, первую я проскочил, и слева — уже озеро Жеребенец, а не Красотуля, на берегу которой стоит старый дом лесничего, выкупленный много лет назад Эллиными родителями. Наверное, врачи прописали так и не оправившемуся после контакта с «Тригоном» Пете тишину-покой, и Элли привезла его сюда. Бедная женщина! С ее красотой она могла бы блистать на дипломатических приемах, или, на худой конец, в приемной моего офиса. А она…

С трудом развернувшись на развилке, я еду назад, отыскивая теперь поворот направо. Конец августа, грибной сезон. Правда, уже вечер, и все грибники и рыбаки давно дома. Но все равно, странно, за полчаса так и не встретил ни одного человека. И спросить не у кого.

Пропетляв по лесной дороге километров семь-восемь, я, не успев после подъема сбавить скорость, влетаю в очередную мутно-коричневую лужу. Пронесет? Пронесло. Стоп, стоп… Лужа мне уже знакома. Объехал я их с десяток, не меньше, но эта… Та самая, которую с двух сторон обступили деревья, и я уже знаю, что через пару километров справа за деревьями мелькнет голубая гладь: озеро Долгунец, длинное, как сарделька, и примерно так же изогнутое. Значит, я пять проскочил нужный мне поворот. Но здесь не развернешься, придется ехать до озера, там есть развилка.

В очередной раз круто вывернув руль и в очередной раз удачно проскочив «необъездную» лужу, я сбавляю скорость до десяти километров в час и, пригнувшись к баранке, всматриваюсь в стену соснового леса по левую сторону от машины. Допустим, дорога к Горелому хутору заросла травой. Но не деревьями же! Просвет-то между ними — должен быть! Ага, озеро… Жеребенец. Ну да, вот и следы моего разворота: у меня на передних колесах резина новая, с характерным протектором.

Чертыхнувшись, я пару минут ерзаю между деревьями на узкой развилке. Нужно было брать напрокат джип с навигационной системой. «Навстар» точно указала бы мои координаты, и я был бы на Горелом хуторе еще час назад. А так…

На этот раз я засекаю километраж, высвеченный на дисплее бортового компьютера. Что меня, леший водит по лесу, что ли? Не иначе. Вот и знакомая лужа. Ну! Проехали…

Прежде чем развернуться на берегу «сардельки», я сверяюсь со спидометром. Все правильно: между Жеребенцом и Долгунцом, судя по карте, около одиннадцати километров. А ответвление к Горелому хутору — как раз посередине.

Проехав в обратном — то есть в первоначальном направлении — пять с половиной километров, я сворачиваю с дороги налево и пробую лавировать между высоченных сосен. Езда весьма напоминает спуск с горы на горных лыжах. И, похоже, впереди наметился просвет: я вижу клочок закатного неба. Ну, еще пять-шесть поворотов…

Мотор вдруг, безо всяких на то причин, глохнет. Я смотрю на дисплейчик: бензина у меня еще двадцать литров, аккумулятор тоже в порядке. Так в чем дело? Сейчас выясним.

Нажав клавишу «автодиагностика», я слышу молодой приятный голос своей старухи: «Возникла проблема с зажиганием. Не могу запустить двигатель. Нужно проверить свечи.»

Черт… Этого только не хватало. Ночь на носу, а у нее «проблемы с зажиганием»…

Я нехотя вылезаю из «вольвочки».

Нужно будет моей старухе и голос переделать на старушечий. Не так обидно будет выслушивать от нее разные гадости.

Осмотрев свечи и на всякий случай подув на них, я вновь пытаюсь завести двигатель. Но дисплей бортового компьютера почему-то гаснет. Радиоприемник, правда, работает, но треск стоит такой, что я поспешно его выключаю. Наверное, где-то поблизости бушует гроза. Сквозь открытое окно я начинаю слышать зловещий шум леса, потревоженного вечернем ветерком. Солнце уже зашло, вот-вот станет совсем темно. На всякий случай я вынимаю ключ зажигания.

Надо бы проверить электропроводку, но еще раз вылезать из машины мне что-то не хочется. Ну очень не хочется.

Где-то совсем близко ухает филин, и я вздрагиваю.

А, ладно… Сейчас наглухо закрою все двери и окна. К утру, конечно, станет прохладно, но я на случай ночевки прихватил с собой одеяло, и в термосе еще плещется кофе. А в «бардачке», помнится… Ну да, здесь у меня обычно хранится плоская бутылочка с коньяком. Перезимуем!

Разложив сиденье, я снимаю пиджак и наплечную кобуру с пистолетом, надуваю прихваченную на такой случай подушечку, укрываюсь одеялом и устраиваюсь поудобнее.

Так где же этот Горелый хутор? Завтра, прямо с утра…

За боковым стеклом мелькает какая-то тень. И почти сразу же в салон пытается заглянуть свирепое лицо, чуть не до самых глаз заросшее косматой, давно нечесаной бородой. Леший!

Я вскакиваю, лихорадочно вспоминая, куда сунул кобуру.

— Послушайте! — стучит костяшками пальцев по стеклу леший. — Не нужно здесь оставаться! Уезжайте!

Я, наконец, нащупываю завалившуюся под сиденье кобуру, вынимаю пистолет, демонстративно снимаю его с предохранителя и только после этого чуть-чуть опускаю стекло.

— Что надо?

— Уезжай, говорю! Гиблые эти места! И пукалка твоя не поможет. Уезжай!

— Почему — гиблые?

— Никто не знает. Раньше все было нормально, но два года назад что-то случилось, и отсюда даже зверье поуходило. И птицы все улетели. Только филин Борька остался. Уезжай! А то придется твою развалюху со дна озера доставать. Вместе с тобой.

— Но-но! Ты меня не пугай, я уже пуганый! — хорохорюсь я.

А ведь и в самом деле, пуганый. Такого страха и ужаса, какие сеял вокруг себя «Тригон», даже спасатели ни до, ни, я уверен, после не испытывали. Вряд ли и этому «лешему» — леснику, судя

по всему — приходилось переживать что-то подобное.

И хорошо, что не приходилось.

— Пуганый, говоришь? А ты попробуй в сторону Красотули еще метров десять пройти. Тогда и поймешь, пуганый ты аль нет. Хотя нет, не надо, спохватывается лесник, видя, как я решительно надеваю пиджак. — Тебя наверняка кондрашка хватит — и что я тогда с тобой делать буду? Уезжай, говорю тебе, уезжай!

— Я бы и рад, да у меня машина не заводится.

— А ты откати ее метров на пять назад, к дороге — как лихая бабенка заведется, не насытишь потом!

— А сам-то ты — не боишься? — интересуюсь я, вновь надевая кобуру.

— Еще как боюсь, — чистосердечно признается бородач. — Но, во-первых, я к этим местам лесником приставлен. При исполнении, значит. А во-вторых кому-то надоть людей беречь? Губошлепов разных, шляющихся где ни попадя.

— От кого беречь-то, если все зверье отсюда ушло?

— Это верно, и лоси и кабаны, и зайцы — все ушли. Только волки голодные воют, слышь? Была одна пара для порядку оставлена, а теперь их десятка полтора уже. Из дальних лесов пришли. Только не от них-то вся страсть. А — от дьявола. Гнездо у него в этих местах, похоже — как раз Горелом хуторе.

И в самом деле, откуда-то издалека, со стороны Жеребенца, доносится тоскливый, доводящий до озноба души вой.

— Там люди-то живут, на хуторе? — задаю я, наконец, главный свой вопрос.

— Может, и живут, — пыхтит лесник, помогая мне откатить машину. Последние метры я ехал чуть в горку, так что обратно «ехать» совсем не сложно. — Только их, жильцов-то, уже с полгода как никто не видел. Продукты им на грузовичке одна фирмочка возит, только у «газели» этой мотор и не глохнет. А кому возят, сколько там людей — не говорят.

— Что за фирма-то? Название не помните?

Приоткрыв переднюю дверцу, я выворачиваю руль вправо, чтобы машина могла обогнуть высокую сосну. Хорошо еще, ночь лунная, все видно.

— Может, и не фирма вовсе. Престарелая «газель» у них, с белой кабиной. Ездят всегда вдвоем, молодые парни. Похоже, из общества молчальников. Раза три я с ними пытался побеседовать. Помолчат, помолчат и уедут. Ты, это, уже можешь заводить. Отсюда она пойдет. Только один-то из машины — не вылезай! Езжай, езжай, подобру-поздорову. Езжай, пока жив…

Я усаживаюсь в «старуху» и успеваю заметить, как лесник широко крестит и меня, и машину. «Вольвочка» и в самом деле

заводится с полуоборота. Как лихая бабенка.

Ну что же, кое-что я узнал. И — весьма существенное узнал. Считай, самое главное…

Глава 15

Включив свой мощный «пилигрим» в телефонную сеть, я удовлетворенно откидываюсь на спинку жесткого гостиничного стула.

Ну что же, будем ждать поклевки. Долго пришлось мне удочку разматывать. Два дня крутился, как белка в колесе. Но зато все сделал: и реклама в местных телегазетах и по радио повторяется каждый час, и на бензоколонках плакаты… Фирма «Крокус» предлагает всем любителям и профессионалам, понимающим толк в компьютерах, новейший мощный «Ранет» и всю периферию к нему. Поставка со склада в Москве в течение двух суток, гарантия 99 лет… Дальше следует перечень заказных сервисных устройств, начиная от специального стола и кончая спутниковой антенной для включения в компьютерную сеть хоть с движущегося автомобиля, хоть из домика в глухом лесу. И все это — по баснословно низким ценам. Голубая мечта любого хакера. Или придурка вроде Пеночкина. Не может быть, чтобы не клюнул. Или он сам заинтересуется, или двое парней, разъезжающих на престарелой «газели».

Звонок. В примитивном режиме «телефон». Ничего не поделаешь, провинция. Или — не хотят засвечивать свои рожи?

— Это фирма «Крокус»?

— Да, ее временное представительство.

— А посмотреть на все это железо — можно?

— Пожалуйста! Что именно вас интересует? Пока вы идете, я приготовлю нужные материалы.

— Источники автономного питания. Лучшее, что на сегодняшний день есть. Беспроводной адаптер. Ну, и еще кое-какие мелочи.

— Прекрасно. А с кем я имею дело?

— Я оставлю вам визитную карточку.

Ну, что же, можно и так. Только вот ни на источники, ни на ИКадаптер никаких материалов у меня с собой нет.

Позвонив Скрипачеву, я запрашиваю у него мультимедиа-проспекты, отшиваю двух «чайников», решивших почему-то, что «Ранет» — это игровой компьютер, выкуриваю пару сигарет. Так где же моя золотая рыбка?

Золотая рыбка оказывается долговязым молодым человеком с усами, двумя темными струйками стекающими по краям рта до самого подбородка. Одет он в модную «сушенку», в руках — дорогой кейс.

Я запускаю на экран «пилигрима» материалы, полученные

полчаса назад от Скрипачева: внешний вид, параметры, источник без корпуса, отдельные платы в разных ракурсах… Разрешение экрана «пилигрима» такое, что изображения практически неотличимы от оригиналов. Пока «золотая рыбка» вникает в детали, я изучаю его «визитку».

Гостич Анатолий Олегович, заместитель директора фирмы «Комтех-сервис». Адрес, телефон, факс. Все, как положено. А на рекламной брошюрке, прославляющей «Комтех-сервис» — отделение банка и номер расчетного счета. Прекрасно.

Переместившись невзначай поближе к окну, я ищу на гостиничной стоянке престарелую «газель». И не нахожу. Ничего удивительного, на грузовичке ему везти нечего. Пока оплатит, пока я из Москвы источник привезу…

— Ну что же, нас устраивает и товар, и цена, — выносит, наконец, свой приговор Анатолий Олегович. — Куда перечислять деньги и когда вы его сможете доставить?

В ответ я протягиваю рекламный проспектик своей фирмы.

— Поставка в течение двух суток после оплаты. Номер счета и банк здесь указаны. А инфракрасную систему обмена вы не будете смотреть?

— Спасибо, нет. У нас уже установлена, «Гольфстрим», сверхширокополосный канал.

Ого… Это для чего же им между компьютерами такие бешеные потоки информации гонять? Было «тепло, тепло», а теперь уже «горячо!» Похоже, я на правильном пути.

— Ваша фирма как, всерьез здесь хочет обосноваться? интересуется замдиректора, отходя от «пилигрима». Я немедленно вывожу на встроенный принтер счет: один «вечный» источник, поставка срочная.

— Ну, если дела пойдут хорошо…

Гостич, спрятав счет в кейс, говорит, почему-то вполголоса и оглядываясь:

— Здешний компьютерный рынок поделен… Наша фирма, из местных, и то еле-еле… У вас могут быть крупные неприятности…

— Скорее неприятности могут быть у тех, кто мне грозит неприятностями! — громко и весело заявляю я. — И как скоро вы собираетесь оплатить счет?

— Может быть, даже завтра, — уже нормальным голосом говорит Анатолий Олегович и, протянув мне на прощание руку, удаляется.

Я немедленно подхожу к окну.

Гостич, выйдя из гостиницы, пару раз оглядывается на вход в нее, потом один раз, прикуривая, на окна, и исчезает за углом.

Похоже, счет оплачен не будет. И вообще этот Гостич к Пеночкину не имеет отношения. Просто шеф его послал, пытаясь в зародыше подавить конкуренцию. А так все хорошо было задумано! Что бы ни приобрела эта фирма для Пети — источник бесперебойного питания, «голифстрим» или спутниковую антенну — в любом приборе я устроил бы запрограммированную неисправность. Делается это просто: одна из плат заливается электролитом от якобы протекшей старой батарейки, на самом деле — раствором хлорного железа строго определенной концентрации с добавками для растворения лака. Ровно через трое суток плата выходит из строя. Я, с заранее припасенной точно такой же платой, приезжаю на гарантийное обслуживание. «Поле ужаса» Пеночкину придется на время снять. А дальше… Дальше — момент истины, бабушка приехала. На крайний случай — старенький «Макаров» в кобуре под мышкой. Но… Впрочем, еще не все потеряно.

Включив «пилигрим» и положив перед собою рекламный проспект фирмы «Комтех-сервис», я осторожно начинаю «игру». «Игра» эта опасна по двум причинам. Во-первых, потому, что противозаконна. Но это — полбеды. Если меня и схватят за руку — не страшно. Пока правосудие раскачается… Опять же, никакого финансового ущерба фирме «Комтех-сервис» я причинять не собираюсь. Но если о телодвижениях моего «пилигрима» догадается директор этой фирмы или любой ее служащий… Вот тогда у меня действительно могут быть крупные неприятности.

Парррам, парррам, парррам…

Как же они заблокировали вход в свою базу данных? Разблокировать его для старого охотника на вирусов — не проблема. Но вот не засветиться при этом…

Я стараюсь действовать предельно осторожно. Медленно, но верно таков правильный девиз на текущий момент.

Ага, вот. Это, конечно, коммерческая тайна. Совать свой нос в чужие дела нехорошо. Но в интересах более важного дела…

Итак, за последний год фирма «Комтех-сервис» поставила некой госпоже Дружининой Н.А. следующее: супернейрокомпьютер «Соломон», мощную солнечную батарею, модем и антенну для включения в компьютерные сети непосредственно через спутник, всевозможные сенсоры и датчики для артегомов — несколько сотен штук, инфракрасный канал обмена «гольфстрим». И еще много всякой всячины. Например, целую коллекцию шлемов — для мотоциклистов, автогонщиков, хоккеистов, скейтистов, а также каски для шахтеров и строителей — по 4 штуки разных размеров каждого наименования. Это зачем,

чтобы компьютер на голову не упал? Или Пеночкин опасался падения спутника? Учитывая Петину полунормальность, все что угодно можно предположить.

Шлем, шлем… В этом что-то есть. Пятнадцать лет назад, сидя перед монитором взбесившейся тройки суперкомпьютеров «Тригон», Петя впал в транс, из которого, в сущности, так потом и не выпал. Похоже, в этот раз он решил подстраховаться. Что делает шлем? Если его металлизировать снаружи или изнутри, то — экранирует головной мозг. Правда, желательно этот шлем еще и заземлить. И будь у меня позавчера на голове такая «шапка», я смог бы запросто проникнуть в Петино логово, не опасаясь еще раз испытать на себе воздействие «фобоса и деймоса», как назвал эти страх и ужас один спасатель. И тогда мне не понадобился бы «вечный» источник со встроенной неисправностью, и еще трое суток терять не пришлось бы. А в том, что это все приобретено Пеночкиным, сомневаться не приходится, ведь Дружинина девичья фамилия его жены.

Интересно, где он такие деньги взял? Если все это сложить да подытожить — получится, что моя «сорокаградусная» фирма и за год столько не зарабатывает. А тут — полубольной псих-одиночка…

Глава 16

Просыпаюсь я среди ночи от, как мне показалось, скрипа входной двери. Вечером я ее тщательно закрыл, равно как и окна, и приставил к двери оба приписанных к одноместному номеру стула. Неужели…

Додумать я не успеваю. На фоне окна мелькает какая-то тень, я пытаюсь вскочить, но уже поздно. На голову мне натягивают одеяло и придавливают сверху чьей-то грузной тушей. Единственное, что я ухитряюсь сделать — это поджать под себя ноги и прикрыть локтем правой руки печень.

Бьют меня не очень больно. Не чтобы покалечить, а чтобы запугать. И не долго почему-то. Очень скоро туша перестает давить на меня — и это плохо, потому что остаются беззащитными почки — я пытаюсь пошевелиться…

— Чего он молчит-то? — слышу я чей-то приглушенный шепот. Мы его… не того? Не перестарались?

В ту же секунду мне по спине, между лопаток, наносят ладонью такой удар, что я, разом выдохнув весь воздух, начинаю, захлебываясь, глотать его, словно умирающий от жажды — воду. В груди у меня что-то булькает, в горле хрипит.

— Живой, я же не трогал его, — равнодушно комментирует второй приглушенный голос. И, уже прямо мне в ухо, добавляет:

— Чтобы завтра же и духу твоего здесь не было. А влезешь еще раз в чужие файлы — убью!

Снова чуть слышно скрипит дверь, в коридоре стихают шаги…

Отдышавшись, я пытаюсь встать — и не могу. Потому что меня крепко-накрепко прикрутили к кровати веревками.

На руке начинает тревожно пиликать «слуга»: кто-то пытается угнать мою «вольвочку».

Ловко они меня…

— Помогите! На помощь! Кто-нибудь!

Ору я до тех пор, пока не начинаю задыхаться: воздух под одеяло, которым меня накрыли с головой, поступает плохо. Да и слышно меня…

Нет, услышали. В дверь стучат.

— Отсюда кричат, что ли? — доносится до меня раздраженный мужской голос.

— Скорее, из преисподней, — отвечает другой.

— Тут на ручке табличка повешена: «Просьба не беспокоить», — говорит первый. — И дверь изнутри закрыта. Ну ты, дурноватый, не мешай людям спать!

— Взломайте дверь! Откройте! — кричу я.

— Не ори, дурень! — снова советует первый голос. — А то откроем — сам не рад будешь. Таких кренделей навешаем… Сейчас, позовем дежурную.

Я облегченно замолкаю: дышать уже нечем. Сейчас, сейчас… Придет дежурная, высвободит меня отсюда, я вызову милицию, напишу заявление… Первым делом следователь поинтересуется, кто бы это мог быть, кому я перебежал дорогу. Я скажу — фирме «Комтех-сервис». И что они тебе сделали? Ну, поколотили малость. Как-то странно поколотили: похоже, у меня даже синяков не будет. За это они получат в лучшем случае по году условно. Ну, еще штраф Потом следователь поинтересуется, что именно сделал «Комтех-сервису» я. О том, что я влез в их базу данных, я конечно, промолчу. За такое срок сейчас дают настоящий, не условный. Но доказать это мои конкуренты не смогут. Так что придется им иметь дело со следователем, придется. А я тем временем спокойно..

Меня вдруг бросает в горячий пот. И не потому, что под одеялом так уж жарко. «Пилигрим»! Он автоматически запоминает до полусотни последних операций — на случай их повторения, за счет этого получается солидный выигрыш в быстродействии. Вчера, обрадовавшись, что вышел на след Пеночкина, я забыл замести следы. То есть там, в сети и в чужих файлах, не один десяток которых мне пришлось просмотреть, чтобы найти нужные, — там я все подчистил. А в своем компьютере…

Если незваные гости прихватили его с собой — у меня действительно могут быть крупные неприятности.

Когда меня — потного, жалкого, полузадохнувшегося — наконец вызволяют из-под одеяла, я, нимало не стесняясь дежурной, первым делом ищу свой компьютер.

И не нахожу его.

— Так что здесь все-таки произошло? — второй раз спрашивает дежурная, стараясь не смотреть на мои голые ноги. Вместе с нею в номер вошел еще какой-то хмырь — то ли вахтер, то ли местный столяр-слесарь-сантехник. Он озабоченно осматривает покореженную дверь.

— Да так… Друзья надо мной подшутили, — говорю я.

А пистолет?! А документы?! А деньги?! А машина?!

Уже натянув было одну брючину, я поспешно ковыляю к окну, потом к пиджаку, висящему в шкафчике… Уф!.. И «вольвочка», и пистолет, и бумажник на месте. Благородные попались конкуренты. Или, как сейчас принято говорить, «партнеры по бизнесу». Правда, сотовый телефон они забрали. Не потому, что

это — большая ценность, а чтобы лишить меня оперативной связи.

— И в форточке стеклорезом дырка вырезана! — изумленно говорит хмырь.

— Ну и шуточки у ваших друзей! — возмущается дежурная, пытаясь отодрать от одеяла широкую липкую ленту, какими обычно заматывают пластмассовые трубы, чтобы не текли. — Кто возмещать убытки будет? Замок, дверь, стекло, одеяло!

— Включите все в счет. Я сегодня утром съеду. Который, кстати, час?

— Три ночи, — говорит хмырь. — А как они ухитрились выйти и закрыть дверь изнутри? — недоумевает он.

— Двое вышли через дверь, третий через окно, — мгновенно нахожу я ответ на эту простенькую задачу. — Видите, открыто. А я вечером закрывал даже форточку.

Подумаешь, одеяло, дверь, стекло… У меня «пилигрим» сперли, вот это действительно… И потребовать я его назад не смогу, вот ведь какая штука. Во избежание крупных неприятностей. А может быть, это не конкуренты мне мешают, а — Пеночкин?

* * *

Убрался я, конечно, только из гостиницы. Что они меня, за мальчика держат? Пока не разберусь с Пеночкиным — никуда из Озерца не уеду. А с этими, из «Комтех-сервиса, мы еще расквитаемся. За все — и за «пилигрим», и за вскрытую «вольвочку». В машине они пытались выломать бортовой компьютер. Но не выломали: он у меня в стальном кожухе, приваренном к раме. А вот автомобильную телерадиомагнитолу они у меня забрали.

Скрипнув зубами, я нажимаю на педаль газа.

И противоугонный комплекс не помог. Есть у них, видать, специалист… Нет, насчет грабежа машины я прямо сегодня заявлю. Уж «вольвочка»-то из-за «пилигрима» не должна страдать.

Первым делом я отправляюсь на местный почтамт. Обе кабинки видеосвязи заняты, и мне приходится довольствоваться режимом «псевдовидео». Зато без очереди.

К счастью, Скрипачев оказывается на месте. Софьиванне пришлось бы вдвое дольше объяснять, а это все — деньги…

— Костя, мне нужен парик, максимально похожий на мою шевелюру, но не простой, а на основе из токопроводящей ткани. Электросан называется. Запечатлей меня в разных ракурсах. И

еще. Шляпу я купил себе недавно шестидесятого размера. Хорошему мастеру фотографий и этой цифры должно быть достаточно.

Вертя головой перед объективом телекамеры туда-сюда, я одновременно продолжаю:

— Это не все. Еще мне нужна рубашка, сшитая из такой же ткани, желательно светло-голубая, и брюки. Размер по воротнику сорок два, рост сто восемьдесят четыре, размер брюк пятидесятый.

— Понял, шеф, — не задает лишних вопросов Костя. Терминал работает в режиме 'псевдовидео», и губы Скрипачева, когда он говорит, не двигаются. Зато на следующем кадре он уже улыбается.

— И это еще не все. Мне нужны носки из той же ткани и обувь, типа спортивные туфли, на токопроводящей резине. Общая идея понятна?

— Вполне, — отвечает Костя. — Ты решил заземлиться, подобно корпусу компьютера.

— Вот-вот. Я — корпус компьютера, — усмехаюсь я.

— А что с «вечным источником»? Брать или обождать?

— Обожди. Но будь готов взять в любую минуту и тут же выехать с ним в Озерец. Вместе с париком и прочей одеждой. Все это я хотел бы получить завтра утром. Если не понадобится везти источник — передашь все остальное с проводником поезда здешнего формирования. У меня пока все.

Купив там же, на почтамте, местную газетку, я на последней странице нахожу примерно дюжину предложений о сдаче квартиры, в том числе и на короткий срок. Однако, вернувшись к машине, не спешу трогаться с места.

А что, если эти, из «Комтех-сервиса», за мной следят? Не хочется подставлять хозяев квартиры, которую я собираюсь снять. Но еще больше не хочется возмещать им неизбежный ущерб, если на меня опять наедут. Этот вариант, с учетом того, что я сейчас собираюсь сделать, совершенно не исключен.

Подъехав к ближайшему автомату, я набираю номер фирмы «Комтех-сервис» и требую к телефону заместителя директора Гостича.

— Его нет, — отвечает какая-то девица плачущим, как мне показалось, голосом.

— А с директором я могу поговорить?

Счас мы с ним побеседуем… Он от меня такое услышит, что уже к вечеру вернет и «пилигрим», и автомобильный телерадиокомплекс, и тем более сотовый телефон. Ведь если я смог влезть в секретные файлы, чтобы просто ознакомиться с их

содержанием, я могу, наверное, и малость пересортировать в них информацию, не правда ли? И, более того, смогу впредь делать это регулярно. Тем более, если они что-то вякнут про незаконное вторжение в их базу данных. Только следы замету более тщательно.

— Директора тоже нет… — ревет теперь уже в голос на том конце провода девица. — Они все ушли в храм «новой веры», а меня оставили… Я тоже хочу-у-у…

— Не плачь, девочка! А то из леса придет злой «общий бог» и съест тебя!

Однако…

Повесив трубку, я сажусь за руль «вольвочки» и медленно еду в сторону от центра, выискивая ближайший скверик. Пенсионеры принимают меня за своего, а в условиях почти полного отсутствия источников информации их сетования и воркотня могут оказаться весьма полезными. Ага, вот.

Захватив с собой газету, я тщательно запираю «вольвочку» и выбираю место на скамейке так, чтобы машина была у меня на виду. Мне хватает каких-то двадцати минут, чтобы выяснить: а) сливочное масло раньше было намного вкуснее, б) до вчерашнего дня верующих в «общего бога» в городе почти не было, в) но сегодня прямо с утра все словно с ума посходили, г) храму «новой веры» только за сегодня пожертвовали столько денег, что, если бы их перевести на пенсии…

Я медленно возвращаюсь к своей ограбленной и униженной старухе.

Похоже, до вчерашнего дня этот городок был единственным, который еще на охватила зараза «новой веры». И я дал Воробьеву и Черенкову совершенно неправильный совет — искать регион, в информационной ауре которого чаще всего используются слова, относящиеся к артегомам и «общему богу». В центре урагана — всегда штиль.

Но сегодня и здесь — девять баллов.

И как это все понимать?

А очень просто: «глаз» урагана сдвинулся, переместился в другой город. Или страну. Какую? Теперь это будет не сложно узнать.

Глава 17

Дозаправившись на случай, если леший вновь начнет водить — точнее, возить, да еще на моей же машине, тратя при этом мой же бензин! — меня по лесу, я снова еду в сторону Горелого хутора. Но интуиция подсказывает, что на этот раз я в него попаду. Центр урагана сместился…

Проехав Долгунец и миновав знакомую, как глазам ладонь, необъездную лужу, я сбавляю ход и… И вовремя. Вот он, съезд налево. И вполне отчетливая дорожка-тропинка между сосен.

Озеро «Красотуля» должно быть в примерно в полукилометре от поворота. Да, все без обмана: вот озеро, вот и старый дом лесника на его берегу. Участок обнесен новым деревянным забором, на высокой мачте машет лопастями-крыльями ветряк. Последней модели, между прочим, с жутким коэффициентом полезного действия.

Посигналить, что ли?

Уняв преждевременную радость, я оставляю машину метрах в пятидесяти от ворот, закрываю дверцы, и, расстегнув на всякий случай кобуру, подхожу, к воротам.

Они, конечно, на замке, калитка тоже закрыта. Эх, вспомним молодость…

Отыскав место, где забор выглядит менее неприступным, я разгоняюсь, хватаюсь за его верхний край и, отчаянно елозя по доскам ногами, перепрыгиваю на ту сторону. Старость не радость… Так и ноги поломать можно…

Дверь дома, помимо врезного, закрыта на огромный висячий замок. Опоздали вы, батенька… Вот и свежие следы грузовичка перед крыльцом, и следы поспешного отъезда: обрывки каких-то бумаг, веревок, кукла «Барби» с оторванной ногой…

Окна на первом этаже закрыты ставнями. А на крыше мансарды… На такие кронштейны устанавливают обычно антенны спутниковой связи. На те, что рядом — солнечные батареи. Очень мощные солнечные батареи.

А внутри дома? Что интересного может быть внутри? Нехорошо, конечно, входить без приглашения. Но раз уж я сюда приехал…

За домом, как я и ожидал, прячутся нехитрые дворовые постройки: «скворечник» с вырезом в форме повернутого сердечка на узкой двери, сарай, еще один. Похоже, во втором когда-то держали скот. А в первом…

Подойдя и примерившись, я наношу свой любимый удар «сезам». Дверь сарая послушно распахивается. Отыскав среди

садового инвентаря заржавленный ломик, я возвращаюсь к дому, срываю с петель ставень, разбиваю окно.

Дом брошен явно впопыхах. Мебель старая, хлипкая — ее вообще всю оставили. Спальня… Сюда я заглядывать, пожалуй, не буду. Все, что меня интересует — это Петин кабинет. Или рабочая комната. Судя по результатам, он последнее время работал, и очень результативно работал, гад!

Искомое я нахожу в мансарде. Она довольно просторная, на три света. Монтажный стол, верстачок, письменный стол… Где у него стоял мощный нейрокомпьютер? Скорее всего, в этом углу… На монтажном столе — россыпь сенсоров для артегомов. Новейшие, пленочные, в основном — датчики магнитных и электрических полей. «Артегомы — разведчики человечества на пути в будущее! Они видят и слышат в других диапазонах! Артегом — лучший друг человека!»

Тьфу ты… Петя так и продолжал этим заниматься. Артегомами то есть. Только вот — чем конкретно? Почему это привело в конце концов к массовому психозу, названному «верой в общего бога»? Я ведь совершенно случайно ускользнул из хитроумно расставленных сетей. Вместе с другими артегомоненавистниками и… и пьяницами. Не выпей я перед просмотром клипа о «чебурашках» рюмку коньяку — точно уже был бы в храме «новой веры»…

В углу, под скошенной стеной, я обнаруживаю целую груду шлемов. Некоторые — со следами обработки. Похоже, именно на внутреннюю поверхность Петя ставил сенсоры, в эти вот углубления. Не менее чем по полутысяче с каждой стороны. Или по тысяче? Аж в глазах рябит. Но по меридиану хоккейного шлема, от затылка до лба — нейтральная полоса. И что сне значит?

Захватив шлем и горсть сенсоров, я спускаюсь вниз.

Поочередно зажигая в полутемных комнатах свет и не забывая потом гасить его, я захожу в детскую, в гостиную… В камине — несколько обугленных поленьев, клочки полуобгоревших бумаг.

В прошлый раз Пеночкин с помощью «Тригона» хотел заглянуть в будущее, чтобы, вернувшись в настоящее и выверив с учетом полученного знания курс, заняться «счастливизацией» всей страны. Что с помощью шлема, напичканного сенсорами, собирается Петя увидеть на этот раз? А может быть, не собирается, а уже наблюдает?

Несколько полуобгорелых листков бумаги в камине привлекают мое внимание.

Они исписаны красивыми круглыми буквами, почерком

записной отличницы. Я эту манеру писать еще двадцать пять лет назад запомнил…

Вытащив из пепла несколько листочков, я подхожу поближе к старомодной трехрожковой люстре и достаю из кармана очки. Пользуюсь я ими только в исключительных случаях. Зрение слабеет, дальнозоркость прогрессирует, но я не сдаюсь.

«…жалко его. Однако и у жалости бывают пределы. Вчера он не снимал «шапку» целый день. И не сказал мне за весь день ни слова. Только улыбался все время — как тогда, после «Тригона»…

…ездит за ним, как собачонка, по всему участку. Проводов теперь нет, и шлем он не снимает даже ночью. Я хотела помыть ему голову, но он наотрез отказался. Сказал: «Через две недели, после того, как эгрегор полностью сформируется. Что такое эгрегор (или игрегор?), как обычно, объяснить не соизволил…

…удалось продать. Пенсия плюс процент от реализации этих программ кажется, получается вполне прилично. Наконец-то выбьемся из нищеты. Анечке замуж пора, но голую-босую кто ее возьмет?»

Я лихорадочно роюсь в камине, потом рыскаю по комнатам, поднимая все бумажки подряд и отыскивая среди них листочки, исписанные красивым ровным почерком.

Дневник на бумаге! Только Элли такое и могла… Во-первых, личных дневников никто сейчас не ведет — не те времена. Во-вторых, все нормальные люди деловые записи хранят зашифрованными, в файлах «личная память» своих компьютеров. В них можно легко найти любую информацию, задав два-три ключевых слова. Но чтобы на бумаге… Ага, вот еще:

«…мой единственный свет в окошке, — даже она меня не понимает: «Он же эгоист! Потратил все деньги на компьютер! Он не любит нас, мама! Мне замуж пора, но кто меня без приданого возьмет? Не в двадцатом же веке живем… У вас нет ни обеспеченных родственников, ни друзей, ни даже просто богатых знакомых. Где мне искать жениха? На панели?» Господи, в наше время все было по-другому…

…люди должны быть счастливы. И артегомы — они ведь тоже люди! — не исключение. Мы с тобой их породили, мы. Нам и отвечать за них. И я знаю, как сегодня сделать всех людей счастливыми.» Тут я не выдержала и сказала: «Ты бы вначале обо мне и Анечке подумал. Пусть не счастливую, но хотя бы просто нормальную жизнь для нас сделай. Сколько еще мы будем жить в этой глуши?» А он: «Сделаю непременно! И гораздо быстрее, чем ты думаешь!..»

Убедившись, что ни одного подобного листка в комнатах больше нет, я бережно укладываю все найденные в бумажник,

прихватываю с подоконника оставленный было шлем с выемками под сенсоры и, тщательно погасив повсюду свет, вылезаю через разбитое окно. Ставню я прилаживаю на прежнее место. Она покачивается, конечно, и теперь не нужен лом, чтобы еще раз влезть в дом. Однако на полную ликвидацию последствий учиненного погрома у меня нет времени. Пеночкина нужно найти, и как можно быстрее. Жаль, что сотовый телефон украли. Но все равно, сейчас домчусь до Озерца, позвоню Воробьеву… А потом — в Москву, в Москву, в Москву…

Глава 18

Вернувшись в Озерец, я первым делом оккупирую почтамт. Звонки, звонки, звонки… Ни Воробьева, ни Черенкова нет на месте, и, самое странное, не отвечают их электронные секретари. А сотовая связь? А радиотелефоны, по которым можно отвечать, пардон, даже сидючи на толчке?

Зато у меня на фирме порядок: Софьиванна на месте, Скрипачев в семинарии, дела идут полным ходом. Правда, падре второй день на работе не появляется. Как в воду канул. Вот и приходится Скрипачеву за него отдуваться.

Ничего страшного. Скрипачев — двужильный, выдюжит. Зато получит очередную премию. За хорошую работу я и плачу хорошо, это все знают.

Юлька, невестка, уже немного успокоилась. Витюха так и не появился, хотя два раза звонил и требовал, чтобы она пришла в храм. Она не пришла. Первый раз Витюха обиделся, второй разозлился.

Ладно. С этого бока у меня все более-менее. Только вот Юлька…

Что-то она быстро успокоилась. Привыкать начинает к одиночеству. А что, если ей хватит двух-трех недель, чтобы — совсем привыкнуть?

Напоследок я звоню бывшей жене. В тайной надежде, что трубку снимет не она, а Ванечка. Много ли деду нужно? Услыхать несколько забавных фраз от любимого внука, да… да заманить какую-нибудь бабенку в свою одинокую постель. Но отвечает мне не Ванечка и даже не Алена. А — Крепчалов Виталий Петрович, Витек, мой бывший директор и нынешний министр. Я его голос узнаю мгновенно, что, в общем-то, неудивительно. Он мой — тоже. Что отчасти приятно.

— Ты?! — кричит, по привычке, Витек. — Мы тут с ног сбились, разыскивая тебя! Немедленно возвращайся в Москву!

— Подожди, не горячись, — осаживаю я Крепчалова. Моя фирма — частная, и подчиняется министру настолько косвенным образом, что ни о каких приказах не может быть и речи. А с учетом того, что Витек еще и жену у меня увел, я вообще имею право с ним не разговаривать. И не разговаривал бы, если бы не внук. — Вначале расскажи, как там Ванечка.

— Ванечка-то хорошо, я плохо, — сердито выговаривает мне Крепчалов. Твоя Алена подалась в храм «новой веры!» Я ее дважды приводил оттуда, и дважды она опять туда сбегала. Вот и пришлось чуть ли не на няньках с вашим Ванечкой сидеть. Но

сейчас он в круглосуточном детском садике, министерском, ты не волнуйся. И немедленно возвращайся в Москву! Озерец это далеко?

— Полтыщи километров. А зачем — в Москву? Мне и здесь хорошо.

— Ты что, телегазеты не смотришь, радио не слушаешь?

— Не-а. Надоели мне ваши артегомы.

— Пеночкин в Москве. Похоже, всю эту кашу заварил он. А достать его мы не можем. Как приедешь — срочно ко мне.

— Да пошел ты…

Давно я хотел выдать эту фразочку, очень давно. Но все ситуации подходящей не выпадало. После «Тригона» не было еще случая, чтобы я хоть зачем-нибудь понадобился Витьку. А без такого условия фразочка не звучит, совсем не звучит. Зато сегодня…

Торжественно повесив изумленно замолчавшую трубку, я возвращаюсь к своей «вольвочке». Следующим пунктом программы было — наведаться в здешнее отделение милиции, пожаловаться на то, что обокрали мою нежно любимую старуху. Уж это-то я могу сделать, не боясь, что в ответ выставят мой «пилигрим», незаконно вторгшийся в чужую базу данных. Точнее, мог бы сделать. Но не стану. Бог с нею, японской телемагнитолой. Петя в Москве, и даже Крепчалов уже знает, что увел моих детей в храм «новой веры» — он, Пеночкин. Времени мне терять никак нельзя. Потому что каждый лишний час пребывания Маришки и Витюхи в храме может сделать их возврат к прежней жизни невозможным. Петя ведь, после контакта с трехполушарным «Тригоном», так и не вернулся к нормальной жизни.

Решительно повернув в замке ключ зажигания и отчаянно сигналя, я выезжаю со стоянки возле почтамта и поворачиваю колеса в сторону шоссе «Москва-Рига». Правда, пока до него доберешься… Два железнодорожных переезда нужно проскочить, а вдруг поезд?

Переезды я проскакиваю благополучно, аккуратно вписываюсь в поворот на развязке и — вот оно, четырехрядное шоссе! Давно моей старухе не удавалось таи порезвиться!

Внимательно следя за дорогой, я не забываю посматривать и в зеркало заднего обзора. Не сел ли кто-нибудь на хвост? Действительно ли меня решили припугнуть ребята из «Комтех-сервиса», видя во мне опасного конкурента, или это все — лишь прелюдия к гораздо более серьезным акциям? Тогда, с «Тригоном», тоже все начиналось довольно безобидно. А кончилось… Может, потому Крепчалов и жаждет видеть побыстрее меня в Москве? Приеду — а там уже следователь: «Это

ваш «пилигрим»? Объясните, гражданин Полиномов, каким образом попала в него секретная коммерческая информация фирмы «Комтех-сервис»?»

Мое внимание привлекает серебристая «хонда», вот уже минут пять не пытающаяся обойти старуху. Чуть снизив скорость, я спокойно жду, пока она меня обгонит. Но на всякий случай вытаскиваю из кобуры пистолет и кладу его на соседнее сиденье.

«Хонда», однако, обгонять меня не намерена.

Тогда я вдавливаю педаль газа до отказа. Только бы на гаишников с радаром не нарваться. И в кювет не слететь: устал я за эти дни изрядно. Хоть и время еще не позднее, и за руль не так давно сел, а в глазах уже нет-нет да и промелькнут черные мурашки, и под веки словно песка кто насыпал.

Отставшая было «Хонда» вновь появляется в сотне метров позади, едва я перехожу на крейсерскую скорость.

Ах, так…

Я решительно сбавляю скорость: 120, 100, 30, 60, 40…

«Хонда» делает тоже самое.

Тогда, резко затормозив, я хватаю с соседнего сиденья пистолет и, сняв его с предохранителя, выскакиваю из машины.

Из «хонды», остановившейся в каких-то пяти метрах позади старухи, выходят Элли… и Петя. На Элли длинное серебристое — в тон машине платье, на шее жемчужное ожерелье, в волосах бриллиантовая заколка. На Пете одежда золотистого цвета, напоминающая церковную. А на голове — алый хоккейный шлем с буквами «СССР».

— Паша! Почему ты от нас убегаешь? — спрашивает Элли, чуть наклонив голову, своим неповторимым голосом. Я, опустив пистолет, растерянно молчу.

— Я теперь так счастлива! — говорит Элли, и лицо ее озаряет улыбка. Причем в буквальном смысле: я отчетливо вижу, что лицо Элли светится. Морщинок на нем совсем нет, даже у глаз. А светлые волосы почему-то мокрые. Совсем как в тот, самый первый раз, когда она примчалась, опаздывая и под дождем, на ГИВЦ.

— Рад за тебя, — хмуро говорю я, засовывая пистолет за пояс.

Только, похоже, это совершенно не так. Неужели я еще на что-то надеялся? Старый хрыч… А Элли — все так же молода, между прочим. Как она смотрит на Петю! Вот счастливчик. Только, как обычно, он не понимает этого.

— Ты зачем приезжал на Горелый хутор? — зло спрашивает Пеночкин, подмигивая мне сразу двумя глазами. — Кто тебя туда звал? Опять стоишь на моем пути? Зашибу!

В руках у Пети вдруг оказывается хоккейная клюшка. И

только теперь я замечаю, что на ногах у него — коньки.

— Не мешай нам, Паша! — ласково говорит Элли. — Я никогда не была так счастлива со своим мужем, как теперь. Только ты — не мешай!

На голове у Элли я замечаю венок из искусственных цветов. Из «хонды» по специальным направляющим выкатывается нейрокомпьютер «Соломон». Он шустро подъезжает к Пеночкину, и Петя, часто-часто мигая, гладит его за акустической колоночной, как собаку за ухом.

Все это похоже на дурной сон.

— Вы спите, хозяин! Водитель, вы спите! — говорит вдруг Элли, словно прочитав мои мысли. — Водитель, вы заснули! — повторяет она уже голосом моей старухи…

И я, наконец, понимаю, что действительно заснул. «Вольвочка», почувствовав это, остановилась прямо посреди дороги, начала мигать всеми «габаритами» и «стопами». И вот уже не в первый, видимо, раз пытается меня разбудить. А сзади отчаянно сигналит серебристая «Хонда», в которой Элли…

Сигналит сзади не «Хонда», а «Камаз». Окончательно проснувшись, я доезжаю до ближайшей площадки для отдыха, тщательно запираюсь и, откинув сиденье и раскатав одеяло, укладываюсь спать. Прошли те времена, когда я мог работать по двое-трое суток, жертвуя Морфею лишь 2–3 часа. Особенно, если накануне удавалось поспать впрок. Теперь и впрок не спится, и отоспаться несравненно труднее, чем двадцать лет назад. Хорошо еще, старуха вовремя остановилась.

А любопытный сон мне приснился. К чему бы это?

Глава 19

Юльку я застаю заплаканной: Витюха потребовал, чтобы она сегодня обязательно привела в храм «новой веры» детей. А еще чтобы продала терминал и принесла ему деньги, еду, два одеяла и свежее белье, нательное и постельное.

— Говорят, они там в кинозале прямо на полу спят… И все время молятся, молится, молятся… — скулит Юлька.

Ага. Значит, еще не привыкла к одиночеству. И за Витюху переживает. Молодец. Но если он приедет сюда за детьми…

— Все, хватит плакать, — жестко говорю я. — Нужно уберечь от щупалец «храма» детей. Вариантов два: или ты уезжаешь на время к своей матери, или ко мне. Лучше второе. У тещи Витюха начнет искать тебя в первую очередь, у меня — в последнюю.

— Не хочется вас стеснять… — мгновенно перестает плакать Юлька.

— Мне тоже этого не хочется. Привык к свободе, — честно признаюсь я. — А еще я хочу устроить Витюхе засаду. Поэтому предлагаю временный обмен: я остаюсь здесь, вы переезжаете ко мне. Подготовь пока детские вещи, свои одежки… Ну, все, что сочтешь нужным. В конце дня я за вами заеду. Да, вот еще…

Небольшая, но и не такая уж и маленькая сумма денег окончательно высушивает Юлькины слезы.

Я бегу к своей старухе.

Так, второе дело сделано. Первым было — забрать из детского садика Ванечку, не столкнувшись при этом с Крепчаловым. Ванечка уже у меня дома, под присмотром Анны Федоровны. Юлька не знает, что ей придется присматривать еще и за племянником. Поставлю перед фактом, когда привезу. Не то чтобы я боюсь, что она откажется. Нет. Но брать на себя ответственность за чужого ребенка… Для хрупких Юлькиных плеч — зато каких красивых! — это многовато. Ничего, Анна Федоровна поможет. А теперь… Теперь парик и прочие аксессуары. Они уже готовы, нужно лишь подъехать и забрать. И только после этого можно будет посмотреть телевизор. То есть это я так полагаю, что можно будет, без риска тут же помчаться в ближайший кинотеатр. Ах да, еще подстричься. Наголо, под нуль. И побрить голову. Чтобы у кожи черепа был хороший контакт с основой парика. Жалко, конечно, шевелюру, но ради доброго дела…

Ах ты… Опять сигнализацию забыл отключить… Ну, успокаивайся, успокаивайся…

Вот только нет у меня уверенности, что дело получится

добрым. Когда шел «Тригон» воевать, такая уверенность была, а сейчас… Да еще этот дурацкий сон. Неужели Элли счастлива с ним? Те, кто видел их по телевидению, уверяют, что — да…

Глава 20

Софьиванна, влюбленная в «Отважного артегома», доигралась: ушла в «храм новой веры» и не вернулась. Кинотеатры уже не могут вместить всех желающих, и под храмы приспособили некоторые спортивные залы и комплексы. Сдавать их в аренду верующим в «общего бога» оказалось намного выгоднее, чем спортсменам. Падре, судя по всему, тоже прислуживает в одном из храмов. В семинарии крутится за троих Скрипачев, офис остался, по сути, на «Референте». Да еще я иногда в него заглядываю. Как сейчас, например.

Растянув спиральку гибкого провода, соединенного с манжетой моей новой рубашки, я цепляюсь «крокодильчиком» за надежно заземленный корпус терминала и только после этого перевожу его в режим «телевидение».

Отыскать Пеночкина не составляет труда: если он не выступает в прямом эфире по первому каналу, значит, запись предыдущего выступления крутят по второму или третьему. Перед каждым выступлением — пятнадцать-двадцать минут сплошной рекламы. Первые два дня, говорят, Петя оплачивал телевизионное время, и очень щедро оплачивал. На третий день не выступал вовсе. А на четвертый его пригласили выступать бесплатно: во-первых, на Останкино обрушился целый шквал телеграмм, звонков и просьб по всем компьютерным сетям: «Верните нам Пророка новой веры!» Во-вторых, рекламодатели сообразили, что лучшее время теперь — не около программы с бессмертным названием «Время», а до и после выступлений Пеночкина. И тут началось…

Петя, судя по всему, вещает из большого концертного зала нового останкинского корпуса. Одет он точно в такие же одежды, в каких я видел его во сне, только на голове не хоккейный шлем, а что-то вроде короны. Очков в простенькой оправе Петя теперь уже, конечно, не носит, перешел на контактные линзы. Восседает он на кресле с высокой спинкой и резными подлокотниками, которое иначе как «троном» и не назовешь. Рядом, на кресле попроще — Элли. На ней — длинное серебристое платье, опять-таки уже виденное мною во сне, на голове венок из искусственных цветов, в волосах алмазная заколка. Элли не сводит с Пети влюбленного взгляда с первой и до последней минуты каждого выступления, и время от времени, протянув руку, гладит его локоть длинными тонкими пальцами.

— Первое, что необходимо для всеобщей счастливизации — полное и безусловное искоренение зависти. А возможно такое

только при полном и безусловном, истинном равенстве. Счастливизация не может также считаться полной, если угнетенные, низведенные до положения живых игрушек артегомы не будут признаны во всем равными людям. Все они должны быть немедленно освобождены, а те из них, которые еще не снабжены средствами самостоятельного передвижения — обеспечены ими. И тогда они смогут прийти или приехать на своих колесиках в храм и вместе с нами помолиться Общему Богу, единому для всех осознающих себя существ с двухполушарным мозгом, независимо от того, биологический это мозг или электронный!

Рядом с Петей появляется «чебурашка» самой последней модели, презентация которой состоялась лишь вчера. От всех предыдущих эта отличается тем, что не ездит, а ходит на толстеньких мохнатых лапках, очень забавно и очень мило, совсем как медвежонок.

Пеночкин ласково гладит артегома по голове, и тот зажмуривает от удовольствия большие, очень красивые глаза.

— Каждое! Сознательное! Существо! Имеет! Равное! С другими! Сознательными! Существами! Право! Молиться! Общему! Богу! — вколачивает Петя в телезрителей вполне тривиальную, в общем-то, истину.

Тривиальную?!

Я рывком отключаю терминал.

Так что, заземление не помогает? Зря я расстался с натуральной шевелюрой? Да нет… Просто, кроме невыявленных еще экстрасенсорных каналов воздействия, которыми успешно пользуется Петя, он мастерски овладел за последнее время и самыми обычными: жестами, голосом, взглядом. Это объяснил мне вчера по телефону Гриша Черенков. И очень хотел меня видеть. Но я ехать в «Кокос» отказался. Слишком много воспоминаний у меня связано с ним, и не самых приятных. Особенно — с кабинетом директора, который мне волей-неволей пришлось уступить Грише. Он, кажется, сообразил, что к чему, и напросился приехать сам.

Ну что же, нам есть о чем поговорить. И материалы у меня для него любопытные есть. Например, этот хоккейный шлем. Или фрагменты дневника, еще вчера введенные в память моего терминала. Я даже приготовил для Гриши их распечатки. Ум хорошо, а два лучше. Пусть тоже поломает голову. Я, в сущности, уже почти не злюсь на него ни за директорство в «Кокосе», ни за Леночку. Беда объединяет: его жена тоже ушла в храм «новой веры», три дня назад. И вернуть ее не сможет даже АФБ, с которым, судя по всему, Гриша сейчас тесно взаимодействует. Как и Воробьев, впрочем. Один только я отступник.

Не хочу и не буду.

А вот и Черенков. Его лысина достигла абсолютного предела величины еще лет пятнадцать назад. На бороду этот процесс, похоже, подействовал благотворно, и сейчас Гриша напоминает дедушку Кастро, но только совершенно лысого. И многие женщины обращают на него внимание. Но от неизбывного Гришиного энтузиазма не осталось и следа. Даже его достал «общий бог».

— Здравствуй. Извини, что отрываю тебя от дел. Но есть предмет для разговора.

— Привет. Давай вначале обменяемся дополнительной информацией. Вот это — уцелевшие фрагменты сожженного дневника Элли, жены Пеночкина. Думаю, они тебя заинтересуют. А это — хоккейный шлем и сенсоры, найденные мною в загородном доме Пеночкиных.

— У меня припасена для тебя свежайшая ориентировка аэфбэшников. Весьма любопытная информация. Изучаем, обдумываем, потом говорим — так?

— А ты научился-таки наконец деловому подходу, — одобряю я. Когда хвалишь кого-то, сам сразу же как-то поднимаешься над ним. Жаль, я поздно это понял. В молодости — не любил хвалить.

— У тебя учился, — улыбается, наконец, Гриша, принимая у меня обгоревшие клочки бумаги. Мне он тоже вручает не оптический диск и даже не дискету, а — распечатки, документы «не для чтения вслух». На некоторое время мой кабинет превращается в избу-читальню. Гриша — очки ему, похоже, пока без надобности — при чтении довольно громко сопит. Это раздражает. Или все-таки меня раздражает — сам Черенков? Ученик, обошедший на повороте своего учителя. Именно так: не превзошедший, а умело воспользовавшийся крутым поворотом.

Да ну его. Где мои очки?

Я углубляюсь в чтение. И чем дольше читаю, тем более безрадостная картина передо мной вырисовывается — даже без дисплея.

АФБ остановить Петю не смогло. И в ближайшее время не сможет. Они понимают: через терминалы, «чебурашки» и даже обычное ТВ идет какое-то воздействие на население. Но механизм его неизвестен. Грубейшая ошибка разрешение Пеночкину выступить по первой программе, в «коммерческий час». К концу дня весь персонал Останкино был «обращен». И телевидение выскользнуло из-под контроля правительства. Выкрасть Петю из большого концертного зала, откуда ведутся передачи, уже невозможно: вокруг всего комплекса толпы адептов «новой веры». Президентская группа «альфа» просочилась было в новое здание,

но вернулась ни с чем: захватить Петю можно было бы, но вывезти нет. К тому же он постоянно находится в фокусе нескольких телекамер, даже в часы сна. Случись что с ним — передача немедленно пойдет в прямой эфир. А приказа убить Петю на глазах у миллионов телезрителей не решился отдать даже нынешний президент. Просто приостановить передачи первой программы тоже невозможно: правительственный канал, полная автономность. Единственный вариант — отключить от энергосистемы всю Москву, вместе с метрополитеном.

За Петиным «троном» на самоходной тележке стоит супернейрокомпьютер. Через него и спутниковую антенну Петя непрерывно включен в несколько компьютерных сетей. Связь с «Соломоном» — через инфракрасный сверхширокополосный дублированный канал. На «короне» можно разглядеть два «рога» — приемопередатчики «гольфстрима». Этот нейрокомпьютер дважды пытались вывести из строя, но посланные люди не вернулись: видимо, были обращены в «новую веру». Применить спецбоеприпас, способный мощным электромагнитным импульсом сжечь мозги «Соломона», нельзя: вышла бы из строя вся телеаппаратура, а это — убыток на сотни миллионов, если не на миллиарды. Плюс потом иски многочисленных частных компаний с требованием возместить во много раз больший моральный ущерб. Да и небо над Останкино «закрыто»: оба вертолета, посланные для разведки и телесъемки, потерпели аварии, есть жертвы. Разбился при посадке и истребитель войсковой разведки, прошедший над Останкино на высоте восемь тысяч метров. Была сделана попытка срезать передающие фидеры с останкинской башни мощным лазером, но среди операторов оказался скрытый адепт «новой веры», который и вывел лазер из строя…

— Там материалов — на две ночи запойного чтения, — прерывает меня Гриша. Увлекшись, я не обратил внимания, что он давно уже перестал сопеть. — Давай поговорим. Твоя информация оказалась намного более интересной, нежели эта, — пренебрежительно машет он рукой в сторону отложенного мною досье. — Похоже, ключ к пониманию событий — у меня… у нас в руках, — деликатничает в последний момент Черенков.

— Опять начнешь лепить что-нибудь про «тонкий» мир и «эгрегоры»?ехидничаю я.

— Как ты догадался?

— По глазам.

— По крайней мере, такая трактовка многое объясняет. Почти все, хмуро говорит Гриша.

— И ты хочешь, чтобы я тебя выслушал? — не скрываю я

своего нежелания делать это.

— Мне больше не с кем поделиться, — и не думает обижаться Гриша. — Не Грибникову же мне это излагать? Тем более, что ты сталкивался с «Тригоном».

— И что? — настораживаюсь я. Петя тоже с ним сталкивался. И на пользу ему это не пошло. Уж не хочет ли Черенков сказать, что…

— Быстрее поймешь, — тихо вздыхает Гриша. И я, наконец, понимаю: этому бедолаге действительно нужно кому-нибудь высказаться. Хоть телеграфному столбу. Ну что же, если я устраиваю Гришу в качестве такового…

— Валяй. Все равно я не знаю, что нужно делать.

— А значит, думаешь над тем, что же нужно делать, — вспоминает Черенков мой давний девиз. — И та бредятина, которую ты сейчас от меня услышишь, может нечаянно оказаться полезной.

— Да начинай уже.

Гриша, прочистив горло — видно, он решил зарядить, как осенний дождь, всерьез и надолго, — начинает:

— Петя, если ты помнишь, одержим идеей всеобщей счастливизации. Во время многосуточного бдения перед дисплеем трехполушарного «Тригона» с ним что-то произошло. Он впал в своеобразный экстаз, со смутным пониманием истинной сути всех вещей. После того, как ты взорвал «Тригон», в нормальное состояние Пеночкин так и не вернулся. Он чувствовал себя как наркоман, лишенный наркотиков. «Ломка» прошла быстро, за месяц-другой, но неистребимая тяга к наслаждению «всеведанием», «всезнанием» осталась и сжигала его изнутри. И он понимал, ключ к подобному состоянию — третье полушарие. Это, кстати, и в самом деле универсальный ключ. Эзотерики всех мастей тоже ведь издавна занимаются именно этим. Только они в качестве третьей компоненты подключают свой спинной мозг. Пробуждение кундалини, тонкоматериального «змея», дремлющего в основании позвоночника каждого человека — это и есть ведь, по сути, процесс включения спинного мозга в сознательную деятельность. Но этот путь очень сложен и, похоже, не для всех. Не для Пеночкина, во всяком случае. Я уверен, за прошедшие пятнадцать лет Петя, под прикрытием своей якобы болезни, перепробовал все существующие методы пробуждения «расширенного сознания» и убедился — этот путь для него закрыт. Кем закрыт, почему закрыт — отдельный разговор.

— Не будем отвлекаться, — поспешно вставляю я.

— Не будем, — легко соглашается Гриша, опасаясь, что я вот-вот прерву его на полуслове. — Поэтому Петя стал искать другой

выход. И нашел его: заменил третье полушарие мощным нейрокомпьютером, связав его с полушариями своего мозга через сверхчувствительные сенсоры электромагнитных полей и «гольфстрим». Задачу он решил, следует отдать должное, наисложнейшую. Все-таки Пеночкин — компьютерный гений, даже ты должен это признать.

— Бандит он компьютерный, а не гений, — не соглашаюсь я. — Технокрыса, особо крупных размеров.

— Пусть так: гениальная технокрыса. Весь секрет — в раздельной связи каждого из полушарий с нейрокомпьютером. Ну, и в организации работы-обучения этого компьютера, конечно. В результате образовался гибридный эгрегор: получеловеческий, полукомпьютерный.

— Что ты понимаешь под эгрегором? — проявляю я осведомленность. После «Тригона» я кое-что читал на эту тему, читал. Пытался понять, что же со мной произошло. Но так ничего толком и не понял. — В мистике иудаизма, например, эгрегор — …

— Я совершенно не знаком с мистикой иудаизма, — перебивает меня Гриша, — и пользуюсь этим понятием довольно условно. У Даниила Андреева, скажем, в его знаменитой «Розе Мира», эгрегор — это иноматериальное образование, возникающее из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами. Эгрегоры обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентом сознательности. Они, чаще всего, статичны и неагрессивны. Но — лишь до тех пор, пока не покушаются на их, так сказать, корни, то есть на питающую их психическую энергию.

Когда «просветления» достигает йог или праведник, в нем, по-видимому, происходит концентрация части энергии эгрегора, через таких людей эгрегоры подключаются к более высоким слоям энергии, потому что всякий праведник стремится стать святым, проникнуть дальше в сферы инобытия. Относительно грубая, «толстая» энергия эгрегора, конечно, мало интересует человека, стремящегося во все более высокие «планы». Иное дело — гибридный Петя. Путь в высшие миры ему изначально был закрыт. И очень быстро он понял, что народы и нации осчастливливаться по его рецепту не хотят. Я уже говорил: эгрегоры — весьма статичные образования. А трехполушарный мозг — это материальное почти что воплощение эгрегора. И чувствовал себя Петя среди уже существующих гигантов — как мышь среди слонов. Неуютно он себя чувствовал. Ему срочно нужна была подпитка психической энергией, причем с двух сторон — и от артегомов, кибернетических осознающих себя

существ, и от людей. Слабенький эгрегор «чебурашек» был мгновенно захвачен и узурпирован Пеночкиным. Перехватить потоки тонкой энергии, рассеиваемой людьми, было сложнее. Но тут ему помогло главное достижение цивилизации последних десятилетий: глобальные компьютерные сети. А также его собственная «гибридность». У Пети, как это ни дико звучит, появилось компьютерное, кибернетическое подсознание. И — соответствующая интуиция. Он — чувствовал, чуял, выдел внутренним зрением, буквально осязал то, что нужно было сделать, дабы перехватить эти потоки энергии. Ему нужно было — обожание, в буквальном смысле. И он его добился.

— Каким образом? — спрашиваю я. Гришин монолог начинает меня утомлять. Может быть, в режиме диалога легче будет его переносить? Быстрее бы он уже закруглялся.

— Очень просто: Петя необходимое ему обожание купил. Чисто интуитивно он нашел способ воздействия на подсознание людей через терминалы компьютерных сетей. И вынудил некоторых бизнесменов, банкиров, а если не получалось — рядовых клерков в банках поддержать финансами, часто вопреки собственным интересам, уже появившихся года четыре назад — независимо, кстати, от желаний Пеночкина, просто благодаря логике событий — идеологов «новой веры». А также рекламные бюро и телевизионные студии, рекламировавшие «разведчиков человечества на пути в будущее». Заметь: не изготовителей артегомов, а их восхвалителей. Законы капитализма Петя усвоил хорошо: растущий спрос на «чебурашек» вызвал артегомный бум. Фирмы, успевшие освоить их выпуск, стали расти как на дрожжах. Равно как и количество телестудий, рекламирующих этих «хоббитов», «домовушек» и все прочие модели. «Чебурашки» стали символом финансового успеха. Причем вследствие совершенно объективного, так сказать, процесса, полностью объясняемого экономическими законами. Но параллельно развивалась и «новая вера». Как ни странно, люди, верящие, что Бог един для всех осознающих себя существ, в том числе и для «чебурашек», тоже начали преуспевать в житейских делах. Во-первых, потому, что они сами помогали друг другу. Во-вторых, им помогал Петя. Этим людям, а очень скоро — и организованным им храмам делали крупные пожертвования банкиры и бизнесмены, проповедники получали умопомрачительные гонорары за выступления на телевидении, и так далее. Сработала положительная обратная связь: дела у неофитов «новой веры» пошли в гору, число их последователей быстро увеличивалось, гибрид-эгрегор окреп и стал сильнее влиять на «коллективное бессознательное», по Юнгу, людей. Причем Петя хорошо помнил,

как был уничтожен «Тригон», и, судя по твоим материалам, принял меры: забился в глушь, устроил себе полностью автономное питание, сверхнадежный канал обмена с компьютерными сетями через спутник. Петя сидел тихо, как мышка в норке, до тех пор, пока не вошел в полную силу. А теперь он неуязвим.

Я не очень-то верю всем этим полуфантастическим объяснениям. Точнее совершенно фантастическим. Но в любой чуши можно найти золотые крупинки истины. Так и здесь.

— Ты считаешь, все дело — в супернейрокомпьютере, с помощью которого Петя создал этот твой гибрид-эгрегор, так?

— Так, — радуется моей понятливости Гриша. — Если бы удалось вывести его из строя — исчез бы центральный узел гибрид-эгрегора, его сила резко убавилась бы, и потесненные им обычные эгрегоры восстановили бы статус-кво. Хотя и не сразу. И не до конца, по-видимому. Ничего не поделаешь, придется теперь человеку поступиться своим положением царя природы в пользу «чебурашек».

Опять он начинает философствовать.

— Этот компьютер пытались вывести из строя. Чем, как?

— С помощью «вопилок». Петя прячется в середине здания, и никакими направленными СВЧ-излучателями его не достать. «Вопилка» была разработана для диверсантов. Внешне — обычный пиджак или куртка. Но внутри — гибкие микросхемы, «бумажные» аккумуляторы и конформная направленная СВЧ-антенна. Диверсант, на жаргоне «вешалка», проникает в помещение с компьютерами, включает приборчик — и все электронные мозги сходят с ума. Правда, и сама «вешалка» малость облучается. Но излечимо, вполне излечимо.

— Мне нужен такой «пиджачок». Размер пятьдесят второй, рост четвертый.

— Зачем он тебе?

— Я же не спрашивал, зачем тебе Леночка.

Впервые в жизни я вижу, как Гриша краснеет. Причем начиная с лысины.

— Хорошо. Сделаю, — спокойно говорит он. — Но с возвратом. Сам понимаешь, такие штуки под строгим контролем. Гарантируешь?

— Или сам верну, или подсуетишься потом снять с моего трупа. А еще у меня к тебе вот такой философский вопрос, — быстро продолжаю я, не давая Грише времени передумать. — Нет, целых три вопроса. Первый: что будет дальше? Петя как, собирается до конца своих дней восседать на троне, купаясь в лучах славы?

— Не славы даже, а обожания, причем в буквальном смысле, что гораздо сильнее. Отвечаю: нет, не будет. Аэфбэшники потому и торопятся, что понимают: через два-три дня Петя исчезнет с горизонта. Утешит свое непомерное честолюбие, избавится от свойственного всем непризнанным гениям комплекса неполноценности — и исчезнет. Засядет то ли на Горелом хуторе, то ли в Кремле — ему это станет совершенно безразлично — но под глубокоэшелонированной охраной своих адептов. И тогда его уже ничем не достанешь. Да и некому будет доставать: почти все люди будут обращены в новую веру, а необращенные будут вести себя, как еретики во времена инквизиции, то есть делать вид, что тоже обращены.

— Я до сих пор не верю, что все это организовал Петя. Слишком уж все хорошо продумано, причем, с одной стороны, в огромных масштабах, с другой до мельчайших мелочей. Я испытал это на себе: побывал в кинотеатре и еле-еле оттуда вырвался. Петя — типичный неудачник, ему организовать такое просто не под силу. Вопрос: кто дергает за веревочки?

— Ответ: эгрегор, — улыбается Гриша словно школьник, хорошо подготовившийся к уроку. — Петя, конечно, не смог бы все так здорово организовать. Да он этим и не занимался. Ну как ты не поймешь, — сжимает Гриша бороду в кулак, — работу в храмах «новой веры» налаживал вовсе не Петя, а — новоиспеченные настоятели этих храмов, которые быстро выдвинулись в число самых богатых людей страны. Собственная выгода заставила их и открыть храмы, и найти оптимальные способы привлечения в них прихожан. И так — на всех уровнях. Хуже всего в этой ситуации Пете: он уже не принадлежит себе и делает лишь то, что требует от него логика развития гибридного эгрегора. Поэтому объяснить, равно как и предугадать его действия, крайне трудно. Ясно одно: при любом повороте событий они окажутся максимально эффективными и полезными для «гибрида». Ну, и для Пети, естественно, как точке концентрации эгрегора на физическом плане мира. Это был, кажется, твой второй вопрос?

— Да. Третий такой, философский: почему все счастливизаторы человечества приносят ему не благо, а вред?

— Потому что все они начинают операцию счастливизации с себя и своих близких. А на остальных уже не хватает ни времени, ни сил.

— Ты думаешь, Петя счастлив?

— Уверен в этом. С такой-то мощной поддержкой… Думаю, и Элли, его жена, вполне довольна. Видел, как она на него смотрит?

— Почему?

— С энергией тонкого мира тесно связана сексуальная энергия человека. А Петя получает сейчас такую подпитку — о-го-го! Скоро одной Элли ему станет мало.

— Как-то примитивно ты все излагаешь. Если султан — так сразу и гарем?

— Ты тоже подметил эту закономерность? Мы с тобой одинаково мыслим.

— Да ну тебя…

Глава 21

— Падре наш, похоже, окончательно исчез, — говорит Скрипачев, устало отдуваясь. — Полбригады монтажников тоже ушли в Останкино. Но я оставшимся пообещал удвоить зарплату, пока идем по графику. Настоятель семинарии, правда, заколебался: а стоит ли ставить терминалы? При таком-то раскладе?

— Договор составлен грамотно. Им дешевле закончить все работы, чем платить неустойку, — успокаиваю я своего зама. — И еще… Вот тебе ключи от сейфа, где деньги лежат, печать и прочие атрибуты моей директорской власти. Меня два-три дня не будет, порули немного сам. Только не смотри никаких передач про «хебурашек», ни по телевизору, ни через терминал.

— Мне, собственно, некогда, — пожимает плечами Скрипачев. Так вы поговорите с управделами семинарии?

— Его сейчас нет, а времени у меня…

— Кирилл Карпович вот-вот подойдет, — подсказывает дежурный семинарист. Тот самый, с которым падре спорил о сопротивлении злу силою. Это было всего лишь неделю назад. А кажется — так давно… У меня тогда были еще и сын, и дочь, и жена, хоть и бывшая, и даже Софьиванна… отчасти.

Управделами входит в приемную стремительным упругим шагом, совсем не гармонирующим с атмосферой учреждения, в котором он работает, но зато полностью соответствующим его имиджу современного делового человека.

— Вы ко мне? — с ходу оценивает он обстановку. Я кивком прощаюсь со Скрипачевым — пусть идет работает, нечего даром время терять — и прохожу в гостеприимно распахнутую дверь.

— Мой заместитель сказал, что у вас возникли сомнения… в целесообразности завершения работ? — с ходу перехожу я к делу и, соответственно, на приличествующий ему канцелярский язык.

— Вы же видите, к чему привели людей эти игры вначале с компьютерами, потом с артегомами, — уклоняется от прямого ответа управделами, проходя к своему столу и жестом предлагая мне сесть. Но на долгие разговоры нет времени, и я лишь опускаю руку на спинку стула.

— Вы опасаетесь, что даже ваши семинаристы сбегут в кинотеатры?

Вопрос явно неприятен Кириллу Карповичу. И директору фирмы, заинтересованной в сотрудничестве с ним, ни в коем случае не следовало задавать подобных вопросов. Но мне сейчас не до тонкостей этикета.

— Все мы люди, — снова уходит от прямого ответа управделами. Видимо, в рядах слушателей семинарии уже есть потери. И не маленькие.

— Разве истинная вера не спасает от веры ложной? И правда ли, что вера в «Общего Бога» — ложная?

— Много ли нас, истинно верующих? — вздыхает Кирилл Карпович. — И легко ли молодежи не сбиться с правильного пути, когда давным-давно уже нет ни чудес, ни знамений? Все не так просто, Павел Андреевич. Даже некоторые богословы — и те дрогнули. Что же говорить о молодых, еще не утвердившихся в вере? Но вы пока работайте, работайте. Бог даст — все в ближайшее время разрешится в лучшую сторону.

— А если — в худшую?

— Значит, грехи наши слишком тяжки. Будем молиться и уповать на милость Божию.

Вот теперь я вижу, что Кирилл Карпович — прежде всего человек, истово верящий в Бога, а потом уже — человек деловой.

— Но пока все… не лучшим образом, — прерывает сам себя управделами, включая терминал. — Вот, видели утренний выпуск? Он поворачивает монитор так, чтобы мне было удобнее смотреть. На экране — улица, запруженная народом. Она кажется мне знакомой. С одной стороны — дома, с другой высокий бетонный забор.

Ах да, это же Останкино. Давным-давно, еще в смутные времена, после очередной попытки патриотов взять под контроль телевидение мэр Москвы, один из главных «авторитетов» дорвавшегося до власти преступного мира, отдал приказ опустить этот «железный занавес». Построили стену чуть ли не за одну ночь. И стальные ворота на всех въездах поставили, такие, что их и танком не прошибешь. С тех пор одно правительство сменялось другим, государственную думу распускали и избирали вновь, а «железный занавес» оставался. Какую-то необъяснимую симпатию испытывают к этой стене власть предержащие.

— Это что, очередная демонстрация? — равнодушно спрашиваю я. Только зря время теряем.

— Почему очередная? Первая!

Оператор крупно показывает идущих — в основном это, как обычно, пенсионеры — а потом их лозунги. «Верните телевидение народу!» «Нет засилью чебурашек на экранах!» «Продезинфицируйте смердящие останки Останкино!» «Земля должна принадлежать людям!»

— Сколько лет одно и то же! — хмыкаю я. — Только век назад было: «Власть — народу, землю — крестьянам». А теперь… Впрочем, телевидение это тоже власть.

— Вы что, не понимаете? — вскидывает брови Кирилл Карпович. — Не земля, а Земля, планета то есть должна принадлежать людям. Людям, а не «чебурашкам». Равно как и телевидение. Вот, послушайте. Секретарь, громче!

Чуть слышный голос диктора крепнет:

— …взять контроль над телевидением. Но все прогрессивно настроенные граждане нашего общества заявляют решительное «нет!» попыткам деклассированных элементов и религиозных догматиков повернуть ход истории вспять. Сегодня на нашей стороне — национальная гвардия! Завтра плечом к плечу с нами встанут Правительство и Президент!

Действительно, по ту сторону стены, перед наглухо закрытыми воротами — отряд гвардейцев в шлемах, со щитами и при дубинках. На случай, если ворота попытаются взять штурмом. Но на мощных каменных колоннах, обрамляющих въезд, установлены телеуправляемые водяные пушки. Обычно их оказывается достаточно, чтобы остудить горячие головы. Так и на этот раз. Водометы включаются, люди бегут… Какой-то монах с большим крестом на груди падает, сбитый мощной струей, пытается подняться, но его несет на водяной подушке все дальше, дальше, дальше… Ну и силища у этих пушек! Не хотел бы я быть на месте поверженного монаха. Его окровавленное лицо показывают крупным планом, и на секунду мне кажется, что это наш падре.

— Может быть, это даже наш Мефодий, — говорит управделами, останавливая кадр, и мы еще раз вглядываемся в искаженное гримасой боли-ненависти лицо. — Он очень своеобразно понимал обязанности священнослужителя. Возомнил себя кем-то вроде Пересвета. Но, надеюсь, это все-таки не он.

— Не он, не он, — эхом повторяю я. Не потому, что уверен в этом, а потому, что мне хочется так думать. Почему-то. — Но, по-вашему, противостоять злу силою — всегда грех?

— Почти всегда, — чуть подумав, отвечает Кирилл Карпович. — Человек, со своим скудным умом, бывает увлекаем диаволом почти при каждой попытке такого противостояния. За редчайшим исключением.

— Но тогда зло — непобедимо? — задаю я риторический вопрос. Только разные люди по-разному воспринимают его риторичность. Прямо противоположным образом воспринимают.

— Непобедимо добро. А зло рано или поздно уничтожает самое себя, говорит управделами с уверенностью, с какой бы он утверждал, что Земля круглая.

— Поздно, очень поздно или никогда, — делюсь я собственным опытом.

— По грехам нашим, — смиренно вздыхает Кирилл Карпович.

— Ну, хорошо. Раз продолжаем устанавливать терминалы, я пойду. А то людей мало, работы много… — прекращаю я неожиданно затянувшийся то ли богословский, то ли философский диспут. Действовать нужно, а не болтать. Действовать!

Глава 22

На ночь я парик снимаю. Эта чертова токопроводящая ткань совсем не пропускает воздуха. Голова потеет и чешется — и от пота, и от того, что начинающим прорастать волосам мешает парик. Кажется, мне придется брить голову не реже чем раз в три дня. Вот уж не было печали…

Спать хоть и в знакомом, а все-таки чужом доме как-то неуютно. Чужие запахи, чужие шумы из окон, от соседей и из коридора. Накрахмаленные до синего хруста простыни — и те чужие.

А может быть, Витюха, блудный сын, как раз сегодня и навестит свой дом? И наткнется на разгневанного отца. Уж я ему всыплю… Не посмотрю, что он сам — отец двоих детей.

Среди ночи я пару раз просыпаюсь, долго ворочаюсь в постели, отыскивая самую «усыпительную» позу. С возрастом она меняется. Когда-то я легко засыпал на левом боку, потом на правом, теперь вот — на животе, да не просто так, а чуть изогнув левую ногу и положив ее щиколотку поверх правой.

Под утро, в очередной раз проснувшись, я подхожу зачем-то к окну. Уже начало светать. И, похоже, дело идет к грозе: небо затянуто низкими облаками, ветер качает деревья, а воздух наэлектризован так, что над верхушками коллективных телеантенн вот-вот вспыхнут огни святого Эльма.

Тяжелый гул вдруг падает на город откуда-то сверху, не с облаков даже, а из-за пределов атмосферы. От этого гула начинают дрожать стекла и, кажется, сам небесный свод.

Я замираю от страшного предчувствия.

Причина этой вселенской катастрофы — я.

И если небесный свод сейчас не выдержит…

Небесный свод не выдерживает. Он лопается, как детский воздушный шарик, облака улетают за крыши ближайших домов, а вместо них над пустынной утренней улицей возникают не звезды и луна — нет, они исчезли навсегда, вместе с облаками — а огромный человеческий глаз.

Только глаз, больше ничего.

Глаз смотрит на меня, и он полон гнева.

Ноги мои подкашиваются, я бухаюсь на колени, лихорадочно пытаясь припомнить слова хоть какой-нибудь молитвы, но кроме «Отче наш… Отче наш…» вспомнить ничего не могу.

— Ведаю, затеял ты недоброе против меня… — говорит вдруг Голос, и я сразу же узнаю его, вспоминаю того, чей ужасающий взгляд швырнул меня на колени. Страх перехватывает мне горло

так, что я начинаю задыхаться.

— Но низринут будешь вместе с другими неверующими в геенну огненную. А уверуешь — …

Узнать, что мне за это будет, я не успеваю. Мои согнутые в коленях ноги ужасно затекли, скомканная простыня перехлестнула горло, а с улицы, из-под окон, доносится низкий тяжелый гул, от которого жалобно звенят стекла.

Спрыгнув с кровати и подбежав к окну, я вижу, как внизу, по мостовой, идут боевые машины пехоты и танки.

Ну-ну. Это мы уже проходили. Как только они займут назначенные им позиции, начнется процесс «обращения». И через пару дней вокруг «Останкино» будет воздвигнут второй рубеж обороны.

Зря я снял на ночь парик. И рубашку не стоит снимать. Даже на ночь нужно обязательно заземляться. А еще — не думать о белой обезьяне. Не думать, не думать! Один раз мне такое уже удалось…

* * *

Тщательнее, чем обычно, проделав весь комплекс утренних упражнений и приняв душ, я завтракаю тем, что нашлось в холодильнике, бреюсь, облачаюсь в свой экзотическим наряд и только после этого звоню Грише.

— Как насчет «вопилки»?

— Через полчаса привезут. Подъезжай. Заодно расскажешь, что затеял. Может быть, тебя гвардией поддержать?

— А потом вакуумную бомбу над головой взорвать?

— Ладно, не злись. Приедешь — поговорим.

Легко сказать, приедешь. А у меня бензин почти на нуле. На двух заправках вчера топлива не было, на третьей — очередь на два километра. Но давиться в троллейбусе и толкаться в метро… Бр-р-р!

В «Кокос» я приезжаю только через полтора часа. Но зато с полным баком и запасной канистрой в багажнике.

Не хотел я сюда ехать, очень не хотел. И если бы не обещанный Гришей пиджак…

Я прохожу через украшенный красными декоративными плитами и чугунными коваными решетками холл, поворачиваю к бывшему своему кабинету. В приемной — какие-то подозрительные люди, секретарша с заплаканным лицом… Не Леночка. И совсем не такая красивая, как она.

Не иначе, Леночка сама Грише секретаршу выбирала.

Учитывая свой собственный опыт.

— Туда нельзя! — кричит секретарша. Но я, сделав вид, что не слышу, уверенно открываю дверь.

В моем бывшем кабинете хозяйничают два молодых человека. Один снимает все подряд, в том числе и меня, миниатюрной видеокамерой, другой роется в ящиках директорского стола. У противоположной от окна стены, перед рядом стульев, обитых красивым темно-вишневым винилом, на носилках лежит что-то длинное, укрытое простыней. Возле торца длинного стола, примыкающего к директорскому, сидит Воробьев и курит сигарету.

Между прочим, Славка не курит: бережет здоровье и в особенности цвет лица.

— Что случилось? Кто… это? — спрашиваю я всего лишь на секунду раньше, чем успеваю сам все сообразить.

— Гриша. Мертв. По всей видимости, убит, — тихо отвечает Воробьев. Но никаких следов насилия не обнаружено. Пока. Это Полиномов, о котором я вам говорил, — представляет он меня тому, кто роется в ящиках стола.

— Возможно, у нас будут к вам вопросы. Но не сейчас, — отвечает тот. Второй продолжает снимать. И объектив его камеры, насколько я понимаю, непрерывно следит за моим лицом.

— Едем. Нас ждут, — поднимается Славка, неумело загасив сигарету. Думал вас обоих забрать, да видишь…

Мы выходим из бывшего моего кабинета. Теперь уже он и для Гриши бывший.

— Ты на машине?

— Да.

— Жаль. Хотел по пути поговорить, но теперь уже на месте, — досадует Воробьев. — Я тоже за рулем, и без шофера.

— Как это произошло?

— За пять минут до смерти Гриша пытался через терминал получить какую-то… не всем доступную информацию об артегомах. Секретарша как раз заходила в кабинет, краем уха слышала, краем глаза видела. А через десять минут обнаружила его мертвым. По-видимому, инфаркт, но категорически судмедэксперт утверждать до вскрытия не решился. На сердце Черенков ни разу не жаловался, так ведь?

— Так. Хилый он был, это да. Но никогда, по-моему, не болел. А ты не боишься, что, если мы с тобой в машине начнем обсуждать одну деликатную проблему, то и с нами что-нибудь такое может произойти?

Оказывается, наши авто на стоянке припаркованы рядышком.

Я открываю дверцу своей «вольвочки», Славка — своего «мерседеса».

— Не боюсь, потому что принял меры, — своей обычной скороговоркой отвечает Воробьев. А в кабинете и на лестнице говорил медленно. Видно, осваивался с мыслью, что Гриши больше нет.

А я? Уже освоился? Уже подметил, что кабинет директора «Кокоса» снова освободился?

— Видел, сзади цепь болтается? — говорит Славка уже через открытую дверцу. — Кузов заземлен, на стекла напылен токопроводящий слой. Мы только вчера докумекали: мало не смотреть на «чебурашки» по телевизору или на дисплеях терминалов, нужно еще и экранироваться, когда думаешь о них не так, как хотелось бы… «создателю».

Проговорив последние слова. Славка проворно захлопывает переднюю дверцу. Стекла в его машине и в самом деле какого-то голубоватого оттенка, словно их медным купоросом помыли.

Да… А я вот заземлить кузов не догадался. Хотя чего тут хитрого: бензовозы всю жизнь с цепочкой ездят. Так что пока — не думать, не думать! Назад, к обезьяне. К белой обезьяне.

На совещание мы едем не в ГУКС, а в мрачное тяжеловесное здание в центре Москвы, и электронный страж долго изучает мою физиономию, поблескивая сиреневыми глазами объективов.

— Ты уверен, что я нужен здесь?

— Ты — нет. Но тебе здесь быть нужно. Гриша очень за тебя просил. А просьбы покойных принято выполнять.

У входа в комнату, где проходит, насколько я понимай, какая-то оперативка, часовой-человек находит наши фамилии в списке, проверяет документы (у меня с собой — только права, но их оказывается достаточно), и мы входим в комнату с высоченным потолком и тяжелыми, обитыми натуральной кожей старомодными стульями с высокими, выше голов, спинками. Стулья стоят в два ряда вокруг большого овального стола, мы почти бесшумно садимся, и первым среди собравшихся я узнаю Грибникова. Он пополнел, даже обрюзг, но его полные щеки сохранили юношескую розовость. Грибников Артур Тимофеевич, работник службы безопасности. Бывший? Скорее, настоящий. Стрижен Артурчик под ноль, и я сразу же начинаю чувствовать, как потеет под париком моя голова.

Кажется, Грибников только что изложил план предстоящей операции. Мы успели — к самому финишу:

— …Почти наверняка после выведения из строя супернейрокомпьютера в зале начнется паника. В том числе и среди телохранителей «создателя». В суматохе можно будет

применить оружие. Стреляю я хорошо.

— При входе могут обыскать. Пока не обыскивали, но… — говорит лысоватый полковник с тонкими, неприятного рисунка губами.

— Оружие уже заброшено в здание, катапультой. Я найду его по «маячку». Запасной вариант — «бумажный» пистолет, который не ловят детекторы и почти наверняка не заметят обыскивающие. Если они, конечно, будут.

— Теперь с этими «вопилками»… — не успокаивается въедливый полковник. — Вы уже дважды пытались их применить. И дважды теряли людей. Вам не кажется…

— Кажется. Поэтому я иду сам.

— Без прикрытия?

— Оно бесполезно. Как только пеленгаторы засекут СВЧ-вопль «вопилки», на штурм здания пойдет «альфа».

— Может быть, лучше снайперов послать?

Это спрашиваю я. Вопрос, наверное, глупый. Но я здесь дилетант, значит, мне можно.

— Уже посылали. Четверых, — отвечает Грибников, пристально вглядываясь в мое лицо. Вспоминает, где встречались. — Теперь они охраняют «общего бога». Правда, снайперы шли без экранировки. Но шансов, что она сработает — полста процентов. Есть подозрение, что воздействие даже не электромагнитное.

Артурчик вдруг вздрагивает, словно от пощечины. Узнал.

— Можно, я пойду с вами? — предлагаю я.

— Нет. Категорически — нет! Нам не нужна самодеятельность. Если имеете что сказать по существу — говорите. Говорите и уходите, — злится Артурчик. — Вас вообще здесь быть не должно! Кто привел?

— Я. Павел Андреевич уже имеет опыт… — пугаясь и от этого тараторя еще быстрее, чем обычно, оправдывается Воробьев.

— Знаем мы этот опыт. Вместе его получали. Если бы спецбоеприпас тогда над «Тригоном» не взорвали — весь мир без компьютерных сетей остался бы.

Ну-ну. А я, получается, и ни при чем вовсе? Да ладно. Это так давно было…

— Слушай, Слав… У меня в кинотеатры ушли — и дочь, и сын. Сейчас они, наверное, уже в Останкине. Я должен их вытащить, любой ценой. Но там все оцеплено войсками. Мне нужен пропуск, позарез.

— Так ты из-за этого рвался в напарники? — явно разочарован Славка.

— А ты думал — я в благодетели человечества записался? Да

пусть носится со своим «общим богом», если ни на что другое не способно.

— Вы все сказали? — грубит Грибников. Я так увлекся перешептыванием с Воробьевым, что не заметил: никто ни о чем не совещается, все только смотрят на меня. И ждут, когда я уйду.

А ведь Артурчик — не пройдет. Он, хоть и работает в конторе, где актерские способности иногда ценятся намного выше, чем в ведущих театрах, но — не сдюжит, продумается, засветится. И противно мне с ним после «Тригона» разговаривать, и жалко дурачка. Совершить, что ли, благородный поступок?

— Нет, не все. Вы, когда войдете в телецентр, постарайтесь не думать о своем задании, о цели вашего, так сказать, визита. Думайте, что пришли поклониться «общему богу», как все. Это убережет вас надежнее, чем экранировка. Вы же сами прекрасно…

— Не нужно мною руководить! — вскипает Грибников. — Пожалуйста, покиньте помещение. Вы тоже, — кивает он Воробьеву.

Пока я думаю, как бы поизысканнее нахамить в ответ, вскакивает со своего стула Славка.

— Да-да, мы как раз собирались… Извините, господа, но дела государственной важности не позволяют нам и в дальнейшем разделять ваше изысканное общество!

Ну что же, отступаем мы в полном боевом порядке. Воробьев недаром несколько лет проработал моим замом.

— А как же мой пропуск? — огорчаюсь я, едва мы выходим в широченный коридор.

— Думаю, он тебе не понадобится. Я, пока ждал тебя в «Кокосе», слышал разговор следователей: введенные утром войска уже «обращены» и наводят порядок вокруг телецентра. Желающих воочию увидеть «общего бога» — десятки тысяч. Тебе, кстати, очередь уже сейчас нужно занимать, если хочешь хотя бы к вечеру туда попасть.

— Я в очередях не привык стоять.

— Перед «общим богом» все равны.

Мы выходим на улицу. Наши машины стоят почти рядом, через два автомобиля.

Наверное, мне нет смысла идти в «Останкино». «Бумажного» пистолета у меня нет, «макаров» отнимут при первом же обыске. «Вопилку» мне Гриша достать не успел. А может, она у него где-то в кабинете осталась? В нашем с ним бывшем кабинете… Меня так поразила его неожиданная смерть, что я совершенно забыл, зачем к нему приезжал. Да еще Славка в недобрый час под руку подвернулся. А теперь кабинет наверняка опечатан, да и в любом случае вынести из него ничего нельзя. Был там какой-нибудь

сверток или нет?

Славкин «мерседес» ближе, останавливаемся мы возле него.

— Ты чем так расстроен?

— Да уж не встречей со старым знакомым Грибниковым. Гриша ведь, можно сказать, моим учеником был. А тебе — не жалко его?

— Он сделал все, что мог. Я тоже сейчас по восемнадцать часов в сутки работаю. И Грибников — не единственный, кто пойдет в эпицентр. Вот избавимся от этой заразы — тогда и будем горевать. О Грише, Грибникове, который вряд ли оттуда вернется, и о своих детях. Мои ведь — оба ушли в Останкино.

Вон оно как… А я-то думал, это только у меня с Петей — личные счеты.

— Ну, разбежались?

— Подожди, — останавливает меня Славка. — Гриша просил для тебя пиджачок подобрать. Хорошо, что я не поперся с ним к Черенкову в кабинет. Следователь сразу заинтересовался бы. И никакой мандат не помог бы. Есть, есть у меня такой, — отвечает Славка на мой незаданный вопрос. — Как член Особого комитета при президенте я пользуюсь почти неограниченными полномочиями. Только они мало помогают. Полномочия хороши, когда знаешь, на что их употребить. Но этого, кажется, никто не знает. Даже Президент.

Открыв багажник. Славка протягивает мне нарядный сверток с надписями «ЦУМ» и «ЦУМ — флагман московской торговли» со всех сторон.

— Как пользоваться, знаешь?

— Нет.

— Тогда присядь на минутку, я расскажу. Инструкция тоже прилагается, но мне так доходчиво все объяснили, что я и сам теперь кого хочешь научу.

— Даже меня.

Мы садимся в «мерседес». Он нагрелся на солнце, но Славка, чуть помедлив, захлопывает дверцу. Все стекла подняты.

— Потерпим? В целях конспирации. Надень пиджачок-то.

Похоже, рукава чуть коротковаты. А так… Не от Кардена, конечно, но вполне… Только тяжелый очень. А в потайных карманах какие-то записные книжки, довольно толстые.

— Это — «бумажный» пистолет, — поясняет Воробьев, когда я пытаюсь вернуть книжки обратно в карманы. — Смотри, эти прозрачные пленки на обложках — съемные. Ты отлепляешь одну и вторую и складываешь книжечку вместе, двухтомничком. Пройдет химическая реакция, книжечки слипнутся, нагреются и спекутся. Щелкнешь по ним пальцами — лишнее осыплется. В

руке останется двуствольный пистолет. Очень неплохой, кстати, спусковые крючки как у охотничьей двустволки. Стреляешь хорошо?

— Непрофессионально.

— Это плохо. Пеночкин не снимает бронежилета на днем, ни ночью. Ну… Все равно, может пригодиться. Теперь пиджак. Он напичкан микросхемами, аккумуляторами и СВЧ-диполями. Но аэрофлотовские «рамки» его не ловят. Излучающая антенна — конформная. Управление — через очки. Смотришь на объект, который нужно облучить, и берешься пальцами обеих рук за металлизированные квадратики на дужках. Микрооптика отслеживает направление твоего взгляда, компьютер вычисляет и вводит фазовые задержки для каждого диполя, потом генерирует импульс. Через тридцать секунд его можно повторить.

— А если не сработает? И как убедиться, что сработал?

— Когда сработает, тебе станет жарко. А контроль… Ага, вот. Славка выводит на дисплей бортового компьютера телепередачу. На экране появляется… Ну, конечно, «чебурашка».

— Очень кстати… — кривится Славка. — Теперь сосредоточь взгляд на бортовом компьютере и коснись дужек очков двумя руками. Только на секунду, не более.

Я делаю то, что он попросил, и вместо «чебурашки» на экране появляется какой-то сюр.

— Все, все! — машет руками Славка, отключая компьютер. — А то ты мне его сожжешь. Да и аккумуляторы беречь надо. Ну, разбежались? Свой старый пиджачок-то не забудь. Для постоянной носки этот тяжеловат, да и вернуть его нужно будет, иначе мне голову снимут. Самый секретный пиджачок в мире. Обидно будет, если в руки чужих разведок попадет.

Я натянуто улыбаюсь.

Меня, похоже, и отсюда, из «мерседеса», выставляют. Не так грубо, конечно, как из комнаты с кожаными стульями, но — выставляют. А мне теперь, в связи с изменившимися обстоятельствами, очень хочется знать ответы на два простеньких вопроса. И я обязательно задам их. Во избежание печальных последствий в будущем. Вот прямо сейчас возьму и задам.

Славка сидит за рулем, я — на переднем сиденье рядом. Схватив Славку за лацканы пиджака, я прижимаю его к спинке сиденья и кричу в испуганное лицо, в перекошенный от неожиданности рот:

— А когда я убью Пеночкина — вы меня в тюрьму упечете? Или пристрелите, при выходе из Останкино? Кто приказал привлечь меня к операции и подбросить «бумажный» пистолетик? Грибников? Отвечай, кто, иначе я сейчас слеплю книжечки,

отщелкну лишнее и всажу обе пули тебе в живот!

— Тебе нужно чаще «тик-так» жевать, чтобы дыхание всегда было свежим, — советует мне быстро пришедший в себя Воробьев. — Мне трудно говорить. И так душно, а тут еще ты навалился… — жалуется он, и мои руки сами по себе опускаются.

— Настоял на твоем участии в операции я, — признается Славка. — В качестве «свободного охотника». Ты ведь бывший охотник на вирусов, верно? И неплохой охотник. «Тригон», например, против тебя не устоял. Пойми, мы сейчас цепляемся за любую возможность, за любую. У тебя есть один шанс из тысячи — мы используем и его. Что касается последствий… Подписан указ прокурора. Пеночкин объявлен особо опасным преступником, которого не нужно искать, но нужно обезвредить. Любой ценой. Награда — пять миллионов. Устроит?

— Да пошел ты…

— Я, конечно, пошел бы… в Останкино и сам, — оправдывается Славка. — Да только знаю, не сдюжу. Я до Пеночкина — даже не дойду. Слаб я, понимаешь? Слаб.

Да я, честно говоря, тоже удивляюсь, как это мой, хоть и работящий, но зам в директора выбился.

— Ладно. Пойду я… очередь занимать.

— Ни пуха!

— К черту!

Глава 23

«Вольвочку» приходится оставить почти в самом начале улицы Королева, среди множества других, почти в беспорядке и почти брошенных машин. У некоторых побиты стекла и вскрыты багажники. Кажется, на жулье-ворье новая религия не действует. Как, впрочем, и никакая другая.

Прежде чем бросить прощальный взгляд на старушку, я включаю противоугонное устройство и тщательно запираю дверцы. Словно через час-другой собираюсь сюда вернуться.

Ну, а вдруг?

Как ни странно, некоторые кафе и забегаловки еще работают. В ближайшей из них я выпиваю двойную половинку скверно приготовленного кофе и, выйдя на улицу, выкуриваю сигарету.

Как перед казнью.

Чем ближе я подхожу к телецентру, тем больше обгоняю людей. В основном молодежь, некоторые мамы — с детьми. Но попадаются и старушки с узелками. На углу стоит передвижная телестудия. Только она не ведет передачу, а наоборот, принимает ее: на крыше автобуса установлены четыре огромных концерт-дисплея. На каждом из них — забавный «чебурашка». Я немедленно начинаю искать что-то — кошелек, должно быть — на замусоренной мостовой. Но множество молоденьких солдат, собравшихся вокруг автобуса телестудии, не отрывают глаз от экранов. Их жесты угловаты и нервны, глаза лихорадочно блестят. Словно они все опиума накурились.

Стоп. Почему — опиума? Откуда сравнение?

Ах да, бессмертное: религия — это опиум для народа.

Уж эта-то, насчет «общего бога» — несомненно. Какими они прозорливыми были, классики марксизма…

— И создал Петр артегомов. И увидел Петр, что это хорошо… доносится до меня из динамиков дикторской текст.

— Слава Петру-создателю! — надрывается еще мальчишеский ломкий голос.

— Слава, слава, слава! — отзывается собравшаяся вокруг агитавтобуса толпа.

— Артегомы — подтверждение божественности Петра!..

— Слава, слава, слава!

Хорошо, что я заземлен.

Людской ручеек становится шире и полноводнее. Теперь мы идем между двумя шеренгами солдат, стоящих на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Углядев позади них озабоченного капитана, я машу рукой, привлекая к себе внимание.

— Я издалека, из города Озерец приехал… Меня послала община, дабы хотя бы один из нас мог своими глазами повидать Живого Бога, поклониться ему и высказать слова признательности. Вы не знаете, как мне к Нему попасть?

— Вы правильно идете, гражданин, — улыбается капитан. Глаза его лихорадочно блестят. — Как до второй полевой кухни дойдете, так поверните налево, вместе со всеми. Войдете внутрь ограды и там, под навесом, переночуете. Ну, а завтра уже… — дружески улыбается капитан.

— Спасибо, спасибо… — усиленно кланяюсь я.

Завтра… Под навесом — это что, прямо на асфальте, стоя, как лошадь? Вот еще… Неужели не найдется другого способа, побыстрее и покороче, повидаться с Пеночкиным?

В крайнем случае скажу какому-нибудь генералу, что в молодости бил Пеночкину морду. И покажу свой — теперь уже священный, поди? — кулак.

В самом деле, мы проходим мимо вначале одной полевой кухни, потом другой. И передвижных туалетов здесь полно, чуть ли не над каждым канализационным люком. Интересно, кто это все так здорово организовал? Наверное, нацгвардия. Стоило «обратить» ее самого главного командира — и все, дальше он знает, что делать. Работает по программе «стихийное бедствие». Обучен…

Последние пару сотен метров мы проходим вдоль бетонного забора. До ворот. Может быть, тех самых, которые показывали по телевизору, с водяными пушками на привратных столбах-колоннах. Из ворот никто не выходит: видимо, выливается людской поток из телецентра через другую «трубу». Идем мы теперь медленно, часто останавливаясь и наступая друг другу на пятки. Но все-таки идем. А это значит, что долго лицезреть «создателя» никому не дают.

В воротах устроены шесть узких коридорчиков, в конце каждого виднеется детектор оружия — аэрофлотовская «рамка» в рост человека. Но редко-редко кого заставляют проходить дважды, перед этим попросив выложить в специальный лоточек ключи и прочие металлические вещи.

Хорошо, что мой пистолет — «бумажный».

А вообще-то для такого скопления людей — удивительно тихо. Ни драк, ни скандалов, ни даже элементарных ссор. Так люди ходили… куда же так могли ходить?

На похороны.

А еще в мавзолей.

«Рамку» я прохожу благополучно. И почти сразу же вижу «навес»: огромную площадку с натянутым над нею тентом, по

периметру — армейские палатки. А в середине — тысячи шезлонгов и раскладушек.

Да, неплохо все организовано. И опять-таки: полевые кухни, передвижные туалеты… А на ночь, похоже, еще и одеяла выдают. Только не хочется мне здесь ночевать, совсем не хочется.

Очередь медленно движется мимо навеса, теряется в глубине парка, огибает старое здание телецентра и… возвращается к тому же «навесу», только уже с другой стороны. И лишь затем поглощается черным зевом входа в новый корпус.

Вот если бы проскочить мимо армейских палаток да внедрится в финишный участок очереди… Но вездесущих мальчишек, пытающихся совершить подобный «прокол во времени», водворяют обратно в очередь гвардейцы. И потом, не сигать же мне, в костюме и при галстуке, через передвижные загородки, подобно юнцу?

Я с тоской смотрю на счастливчиков, уже приближающихся ко входу в новый корпус. Всем им пришлось ночевать под навесом. Зато через час-другой они уже увидят «создателя», а я…

Возле дальней от меня палатки разговаривает с нацгвардейцем какой-то монах. Одет он в черную рясу, на голове клобук, на груди — ясно различимый даже издалека большой крест. Очень похожий на тот, который обычно прячет под одеждой…

— Порогов! — кричу я изо всех сил, — Мефодий! — и машу руками.

Ну конечно же, это он, наш падре. Миленький, славненький, как хорошо, что ты здесь! И что среди гвардейцев у тебя отыскался знакомый — тоже хорошо. Он ведь разрешит пожилому человеку облобызать своего пропавшего сотрудника? А я за это не уволю его с работы. Может быть.

Лейтенант-гвардеец, под неодобрительными взглядами очереди, сдвигает в сторону загородку и, удостоверившись, что именно я Павел Андреевич, ведет меня к падре.

То есть — к финишному участку очереди.

— Вообще-то мы так не делаем, — снисходительно объясняет он. — Но, в знак уважения к Мефодию Кузьмичу…

Ну вот, дожились: я хоть что-то значу в этом мире лишь потому, что знаком с двадцатипятилетним мальчишкой, незадачливым попом-расстригой, бросившим работу в самый напряженный момент.

Но с этим мы разберемся позже, после свидания с «пророком общего бога». А пока…

— Спасибо, — вполголоса благодарю я. — А то стоял бы я… до синих веников.

— Рад вас видеть, — приветствует меня падре, коротко попрощавшись со своим другом-гвардейцем и становясь рядом со мною в очередь.

— Перед Богом все равны, — шипит за спиной какой-то дедок в длиннополом — не по сезону и не по моде — плаще.

— Я и вас пропущу вперед, — почтительно улыбается Федя. — Старость нужно уважать. Проходите, пожалуйста!

Дедок, крякнув, становится впереди нас и успокаивается.

— Вы в каком храме прошли первую ступень? — спрашивает падре.

— Да в этом… в «Салюте»! — на ходу выкручиваюсь я. — Там же и моя дочь была. А ты?

Лучший способ избежать опасных вопросов — задавать их самому.

— В «Мире». У них артегом — новейшей модели, не на колесиках, а ходячий.

— Но первая ступень — такая же? Что в нее входит?

— То же, что и в других храмах. Непосредственное общение с артегомом, разучивание молитв, коллективная медитация, апостольский практикум. Но в Останкино всех пускают, даже дилетантов. Товарищ правильно заметил: перед «создателем» все равны.

Кал-то странно Федя произнес слово «создатель». Будто бы с маленькой буквы, да еще и в кавычках. Как я, заэкранированный и не верящий в него, только мысленно и рискую «произносить». И глаза падре вовсе даже не блестят. Словно он поменялся ими с семидесятилетним, не меньше, дедком, сэкономившим два человеко-места в очереди. Вот у того взор — орлиный, едва не огненный.

Очередь делает последний, предфинишный поворот, и мне становится виден экран установленного над входом в новый корпус концерт-дисплея. На нем какой-то мужичонкам, размахивая руками, вещает что-то про оружие. На голове его — красивая…

Я чувствую, как моя собственная голова, уже несколько свыкшаяся за прошедшие часы с париком, начинает отчаянно потеть, даже какое-то жжение в макушке наблюдается, словно с нее стекает коронный разряд. Я с трудом подавляю в себе желание сорвать парик и растоптать его ногами.

На концерт-дисплее — Пеночкин. А я его… И сразу почувствовал свою ошибку. Физиологически.

Значит, экранировка не помогает? Почти. И это сейчас, когда мои токопроводящие башмаки топчут асфальт. А в корпусе, на линолеуме, паркете или коврах? Великий Создатель! Как я

посмел столь непочтительно? Прости великодушно!..

— Оружие — дело рук диавола. Отбрось оружие всяк сюда входящий! призывает Петя… то есть Петр с экрана. — Всякий, замысливший недоброе против Бога Общего, Пророка Его или чад Его малых — да будет низринут в геенну огненную!

Я смотрю на Создателя и не могу оторвать от Него взгляд. Мои руки сами по себе, без малейшей на то воли, лезут во внутренние карманы пиджака, достают «записные книжки», и единственное, что удерживает меня от желания швырнуть их на асфальт — врожденная культурность. Я ищу урну, в которую можно выбросить обжигающие ладони детали «бумажного» пистолета. И не вижу ее.

Падре, уловив мое смятение, забирает ненавистные мне «книжечки» и прячет их у себя под рясой.

От входа, заметив нашу возню, спешит старлей-гвардеец, подозрительно смотрит на людей, медленно движущихся ему навстречу. Но мое лицо, как и сомнамбулические лица всех остальных, уже вновь приковано к экрану.

Петр-Создатель, верую в Тебя, Пророка Общего Бога всех наделенных сознанием существ, независимо от их пола, цвета кожи и устройства мозгов…

Впереди, почти под самым монитором, из очереди вдруг выскакивает молодой плечистый парень и, сорвав с себя ветровку, начинает рвать в клочки рубашку и царапать собственную кожу под мышкой. Потом бухается на колени у меня от такого эксперимента точно вылетели бы коленные чашечки — и, стукнувшись лбом об асфальт, кричит:

— Прости, бог артегомов! Недоброе затеял ум мой против тебя! Прости!

Парень еще раз бьется лбом об асфальт. По лицу его струится кровь. Падре бросается к нему, прижимает окровавленный лоб к своей груди. Я тоже подхожу ближе.

— Общий бог милосерд! — провозглашает Мефодий. — Ты шел, дабы припасть к стопам Пророка, и Создатель артегомов простит тебя!

Но лица большинства людей обращены к концерт-дисплею, где Петя повторяет свой призыв выбросить оружие. Зато к парню и Феде подбегают сразу трое гвардейцев и двое врачей из дежурящей неподалеку «скорой».

Первыми — гвардейцы. Один из них поднимает и ощупывает ветровку, но ничего в ней не находит.

— Похоже, пистолет у него не здесь, — говорит второй третьему, профессионально обыскав парня. — Но он часто носил его в наплечной кобуре, вот и засуетился.

— В «зоне» его пистолет, в «зоне»! — волнуется первый. — Уже три «посылки» отыскали, но, наверное, есть еще. И как они умудряются их забрасывать…

Наконец, к парню подпускают врачей. Ему обрабатывают и заклеивают пластырем лоб, дают таблетки, возвращают гвардейцам. Те уводят бедолагу куда-то внутрь корпуса.

Да… Защита у Пети понадежнее, чем у Аэрофлота. А применить какие-нибудь сильные средства при таком скоплении людей даже наши доблестные аэфбэшники не решаются…

Мы с падре возвращаемся на свое место в очереди, позади сварливого дедка, и минут через десять входим, наконец, в новое здание телецентра.

Здесь, в огромном холле, очередь, словно впавший в озерцо ручей, растекается среди множества скамеек и стульев, чтобы потом вновь собраться у ступенек, ведущих в большой зал. Я с облегчением опускаюсь на первый попавшийся стул, падре отыскивает место невдалеке, рядом с нашим дедком.

Ух, как ноги гудят… Если уж молодой Мефодя устал, то что говорить обо мне? Хотя я тоже молодец, бодренько держусь. А дедок? Он ведь и ночевал здесь, под навесом? Значит, вдвойне молодец.

Каждый, кто хоть раз маялся в длинной очереди, знает: чаще всего глаза стоящих устремляются к ее началу. Я смотрю на счастливчиков, которые вот-вот войдут в зал, на людей, зачем-то спускающихся и поднимающихся по лестницам, жалею, что, спеша на свидание с Петей, не получил на одной из полевых кухонь миску каши, да и последний передвижной туалет миновал, понапрасну не воспользовавшись им, а еще было бы неплохо выкурить сигаретку и выпить чашечку кофе, потому что с тех пор, когда я последний раз делал это, прошло уже часов пять, а то и шесть, дело к вечеру и скоро зайдет солнце, и непонятно, как Петя выдерживает многочасовые встречи с собственным народом; ведь верно называют нас всех его подданными, мы даже больше, чем подданные, потому что верим в его благость и милость, нет, не так: в Его всеблагость и всемилость…

Тьфу… Пол в холле цементный, но я, вытянув усталые ноги, касаюсь его только уголком одного каблука, и, кажется, перестаю адекватно воспринимать ситуацию. Даже указателей с надписями «туалет» не заметил. Кормить здесь уже не кормят, это верно, и в холле не курят, но есть я, похоже, уже не хочу, а вот в туалет сходить имею полное право. Там же, кстати, можно будет и перекурить. И люди, снующие по лестнице, точно такие же «адепты», как и я, только вот стул займут, пока буду ходить, но можно будет найти другой. Падре, в конце концов, уступит свой…

Глава 24

В туалете я, закрывшись в кабине, еще и всласть почесал сквозь парик свою вспотевшую лысину. Поэтому спускаюсь по лестнице я уже с заметно улучшившимся настроением.

То, что «бумажный» пистолет остался у падре, наверное, даже хорошо. Я ни разу в жизни не убивал людей, только артегомов, и осваивать это ремесло на старости лет не хочу. Правда, попадись мне под горячую руку похитители моего «пилигрима» — я, пожалуй, нажал бы на спусковой крючок. Но это тогда, в Озерце. Сейчас же… Если мне удастся выбраться отсюда живым — а почему бы и нет, если я не собираюсь стрелять? — свой «пилигрим» я обязательно верну. А похитителей примерно накажу, да так, что они и не узнают, откуда на них свалились неприятности. Убивать же… Да ну его. Неприятное это дело, грязное. А я с детства отличаюсь чистоплотностью.

С лестничной площадки хорошо видно, что перед входом в зал людей обыскивают. Самым натуральным образом, тщательно ощупывая с ног до головы. Мужчин — гвардейцы, женщин — гвардейки. Одна, с длинной русой косой, очень даже интересная. Издаля, по крайней мере.

А еще в формирующейся перед ступеньками очереди я вижу… Грибникова. Он стоит в самом хвосте, все с тем же юношеским румянцем на щеках. Парик ему подобрали со вкусом, модельной стрижки. Но глаза Артурчика тусклы, взгляд отрешен. Точнее, погружен в себя.

Интересно, он нашел свой пистолет? Если его забросили в туалет, это было несложно сделать. Но тогда как он пройдет обыск? Может, он решил не рисковать и будет пользоваться «бумажным»? Две попытки для хорошего стрелка — вполне достаточно. А я врублю тем временем «вопилку». Подстрахую Грибникова, заменю не дошедшего до зала его напарника. Наверняка тот молодой парень, сбросивший ветровку у входа, был грибниковским ведомым. От меня это на том странном совещании в недоброй памяти доме скрыли…

И правильно сделали. Я бы тоже скрыл.

Спустившись в зал, я отыскиваю свободный стул, поближе к хвостику последней очереди, а когда Артурчик проходит в ее первые ряды, вновь поднимаюсь на лестничную площадку, с которой видны ведущие в зал двери.

И как собирается пройти последний кордон Грибников?

А очень просто: Артурчика обыскали, и он прошел. Даже «книжечки» половинки «бумажного» пистолета — его не

заставили вынуть и показать. Или у Грибникова что-то другое?

Мефодия я отыскиваю совсем недалеко от устья холла, ведущего в зал. Он, вытянув вперед длинные ноги, преспокойно дремлет на стуле.

Хорошо ему… Верил в одного Бога, теперь в другого. Главное сохранить душевный комфорт. И ни в коем случае не связываться со всякими там «вопилками» и «бумажными» пистолетами.

Наш черед обыскиваться наступает быстрее, чем я ожидал, буквально через десять минут. Обыскивают споро и тщательно, и я радуюсь, что избавился от «записных книжек». А падре? Похоже, он их давно выбросил. Не такой это человек, чтобы за чужие грехи свою шею подставлять. Точно, я вспомнил: успокоив бившегося об асфальт лбом парня, падре проходил потом мимо урны и что-то туда бросил. Он и на помощь поспешил раскаявшемуся в преступных помыслах бедолаге только с этой целью: чтобы потом «невзначай» пройти мимо урны. Может, не стоит его увольнять? При умелом руководстве…

Щупай, щупай, ничего не ущупаешь. Этим тоже хорошо: выполняли приказы одного Самого Главного командира, теперь — другого… Этому, другому, служат усерднее. А у падре пытаются отобрать крест. Но Федя так энергично мотает головой, такой мертвой хваткой вцепился в свой крест… Чудак, хоть бы под рясой его спрятал. Хотя нет, вот тогда бы точно отобрали. А так, посоветовавшись с подскочившим майором, пропускают. Что с монаха взять…

За портьерами, закрывающими вход в зал, тоже стоят гвардейцы, лейт и три сержанта, и пристально смотрят на всех входящих.

Благоговение, сильнейшее благоговение…

Создатель — это видно даже отсюда, из дальних рядов — сидит в резном кресле с высокой спинкой, в позе Вольтера, в лучах сразу трех прожекторов. Справа от него стоит артегом и премило всем улыбается. Тот самый, новейшей модели, не на колесиках, а уже с ногами. Пушистый и забавный, как медвежонок. Мне страшно хочется погладить его рукой, но — нельзя. Перед сценой, на которой стоит трон — сплошная шеренга телохранителей. Бравые такие ребята, мимо них комар незамеченным не пролетит. Так и сверлят взглядами всех, проходящих мимо них. И подгоняют, подгоняют…

Слева от Пети, на кресле поскромнее, но зато очень изящном, восседает Элли. Она изумительно хороша в своем длинном серебристом платье, и не сводит с мужа влюбленных глаз. Еще бы… Ни одной женщине в мире не повезло так, как ей. Быть женой самого «создателя»…

А слева от Элли, на обычном мягком кресле, сидит очаровательная молодая девушка. По мере того, как мы подходим ближе, лицо ее кажется мне все более знакомым. На красавице длинное лиловое платье с глубоким вырезом, подчеркивающим красоту юной, но уже вполне оформившейся груди, на голове изящная корона. Ах да, это «мисс Москва», победительница закончившегося три дня назад конкурса. Даже я, старый бабник, с трудом отрываю от нее взгляд. Что уж говорить о Мефодии? А еще монах.

— Анна, их дочь — красивая? — шепотом спрашивает у меня Федя, но на него сразу же оглядываются: падре посмел нарушить благоговейное молчание. Я сбиваюсь с шага. Ну да, конечно, это же Анечка…

— Очень… Очень… — шепчу я одними губами.

Пройдя мимо «создателя», люди поднимаются вверх по наклонному полу к дверям, симметричных тем, через которые мы вошли, но с противоположной стороны зала. Лица их просветлены и счастливы. Господи… Я еще никогда не видел столько счастливых людей… Среди них и Грибников. Улыбается чему-то внутри себя, слабо шевелит губами… Напевает, что ли? На нем точно такой же пиджак, как и на мне, в карманах — неиспользованные «записные книжки». Пол в зале устлан ковром, а без заземления экранировка малоэффективна. И это замечательно! Иначе бы я так и не ощутил всей полноты этого счастья: воочию видеть Пророка и его милую жену, и красавицу-дочь, удерживаться от соблазна выйти на сцену и погладить такого доброго и смешного Чебурашку, но самое большое мое желание — остаться здесь навсегда, навечно, чтобы каждую минуту, каждую секунду видеть светлое, точнее, светящееся лицо Создателя, и не видеть даже, а лицезреть, от восторга и благоговения забывая дышать, с замиранием сердца ожидая мгновения, когда Пророк изречет Божественное Слово; и как я смел еще каких-нибудь три часа назад помыслить о том, чтобы включить какую-то «вопилку», которая способна, кажется, нарушить ту Великую Гармонию, которая навсегда воцарилась в этом известном всей стране зале, Гармонию, лишь жалкое подобие которой ощущают сейчас миллионы, миллиарды телезрителей — три телекамеры работают непрерывно — во всем мире, но даже этой крохотной толики достаточно, чтобы часами удерживать их у экранов, а я посмел, даже подумать страшно, покуситься, пусть и мысленно, на это великолепие, но теперь понимаю: Создатель и его Дело неприкосновенны, в чем бы это дело ни состояло, и не мне со своим слабым умишком судить о нем, напротив, всей грудью встать на его защиту — в этом и

смысл, и венец моей до сих пор никчемной жизни, но чтобы горечь чуть было не состоявшегося предательства не омрачала неистового счастья, на пороге которого я сейчас стою, мне следует покаяться, немедленно покаяться и все рассказать Создателю артегомов, и Он, всемилостивый и всеблагой, конечно же, простит меня и снимет с души тяжкий камень, который я, по недомыслию своему…

— Как только начнется ламбада, стащи с него шлем и забери нейрокомпьютер, — шепчет мне падре в самое ухо. — Они тебе еще пригодятся. Запомнил? Приказываю: забери шлем и нейрокомпьютер! Любой ценой: шлем и нейрокомпьютер!

— Отстань — шепчу я. Как посмел Федя нарушить мое состояние… радости… счастья… нет, нет, сильнее… экстаза! Ну конечно же, это и есть экстаз: видеть светлый лик Пророка и двух очаровательных женщин по левую руку от него, и такого родного артегомчика по руку правую, и чувствовать, как в груди разливается ни с чем не сравнимое тепло, а лик Создателя все ближе, ближе, потому что мы миновали поворот и идем теперь вдоль шеренги телохранителей, и вот уже прямо передо мною королева красоты Анна, а теперь Элли; падре, хоть и снял свои клобук, но все равно ограничивает мне обзор, и я не могу видеть сразу всех четверых, но лишь по двое из лучезарных: Анну и Элли, или Элли и Петра, или Петра и Артегома… И Петр… Создатель смотрит на меня! Прямо на меня! Мое сердце сейчас не выдержит…

— Любезный сердцу моему брат в черном! — гремит со сцены голос Петра, и я с горечью понимаю: он смотрел не на меня, а на Мефодия. Хитрый падре нарочно вырядился в черную рясу и повесил на грудь большой крест. Вот, дескать, я веровал в другого Бога, а теперь готов пасть к Твоим стопам, Создатель…

Вернется на фирму — немедленно уволю.

— Подойди мне! — приказывает Петр, и Мефодий послушно поднимается, среди расступившихся телохранителей, по ступенькам на сцену. И все присутствующие в зале думают об одном и то же: ну почему мы не догадались надеть рясы? Быть так близко к Создателю… В пяти метрах от Него, в четырех, в трех…

— Истинно ли уверовал ты в Общего Бога? — вопрошает Петр.

— Истинно, — хриплым голосом отвечает Мефодий, низко склоняя голову.

— Тогда сними крест свой, опусти в прах возле ног своих и наступи на него, — ласково приказывает Создатель.

Падре послушно снимает цепочку с крестом, сжимает его

двумя руками, опускает долу…

Словно черная молния пронзает вдруг сцену.

Мефодий, сложив перед грудью ладони в извечном жесте мольбы и смирения, стоит в двух шагах от Создателя, не сводя с него расширившихся от ужаса глаз. На полу рядом с ним блестит цепочка с верхней частью креста. Нижняя же его часть — рукоятка хитроумно замаскированного кинжала — дрожит в горле у Пети. Он, судорожно дергаясь, пытается дотянуться до нее непослушными пальцами, но лишь медленно сползает с трона. На его шитую серебром и золотом одежду хлещет нестерпимо алая кровь.

— Нет! — страшно кричит Анечка.

Я чувствую себя так, словно нахожусь внутри огромного барабана, в который со всех сторон лупят кувалдами. К тому же в горле нестерпимо саднит. Я хриплю, отчаянно пытаюсь распустить галстук…

И не я один. Почти все, кого я вижу, хватаются руками за свои шеи, в том числе и телохранители.

Но они приходят в себя первыми.

Почему падре не убегает? Мог бы попробовать…

Мефодий, все так же сжимая ладони перед грудью, медленно опускается на колени. Губи его скорбно сжаты, глаза закрыты.

Лица подскочивших к нему телохранителей лишь отдаленно напоминают человеческие.

Элли встала со своего маленького трона и смотрит в зал ничего не выражающим взглядом сомнамбулы.

Я бросаюсь в брешь, образовавшуюся в цепи телохранителей, и огибаю двух-трех из них, склонившихся над трупом Пеночкина.

Что-то очень важное я должен сейчас сделать, чрезвычайно важное. Выполнить какой-то приказ… приказ…

Под ноги мне попадается упавшая с Пети двурогая корона, я прижимаю ее к груди… Ах да, нейрокомпьютер. За троном стоит нейрокомпьютер. Он, к счастью, на колесиках. Навстречу из-за кулис, правда, кто-то бежит, но я возвращаю его обратно:

— Врача! Быстрее врача! Вы что, не видите: врача!

Нужно было бы остаться, помочь справиться с шоком жене Пеночкина. Но — приказ, приказ Создателя. Или нет… Кто приказал? Почему я качу эту тележку, накрыв ее собственным пиджаком… нет, не собственным… Потом, потом… Я должен любой ценой сохранить шлем и тележку. Так приказал Создатель. Нет, не Создатель, а Мефодий. Тогда почему я должен? Не понимаю. Почему? Потом, потом…

Глава 25

В этот раз мне, можно сказать, повезло. Три телекамеры, непрерывно снимавшие Пеночкина и его свиту, четко запечатлели: я к его убийству не имею ни малейшего отношения. Только раз в кадре мелькают мои ноги и полы пиджака-«вопилки». Это когда я бегу к трону, еще без короны-шлема в руках. А все потому, что, когда началась «ламбада», одна камера снимала агонизирующего Петю, вторая — расправу над Мефодием, третья давала панораму зала с остолбеневшими от шока адептами «общей веры». Но в прямой эфир это, к счастью, не пошло. После того, как на экранах один раз показали зевающую во весь рот Элли, другой — Анечку, почесывающую голову под короной, режиссер, умница, начал выпускать в эфир только отредактированную видеозапись. А увидел я все это уже потом, на закрытом показе в мрачном здании недалеко от «Детского мира». Славка еще раз выхлопотал мне пропуск. Вначале я не хотел идти, потом сообразил: от этого зависит, признаваться в том, что это я спер нейрокомпьютер и шлем, или нет. Попробуй, объясни начальникам Грибникова, зачем я это сделал, если я и себе этого объяснить не могу. Помнится, Пеночкин мне перед смертью приказал, или Мефодий. Но не Грибников: он, я уверен, уже выходил в это время из зала, с просветленным и глупым от счастья лицом.

Анна Федоровна приболела, и мне приходится готовить завтрак самому. Дежурное блюдо номер один: яичница.

А вообще-то даже я вторую неделю не могу прийти в себя от шока. Что уж говорить об остальных? Во время закрытого просмотра видеозаписи, сделанной в роковой для Пеночкина день, выступал какой-то академик от медицины, утверждал, что психическое здоровье нации серьезно подорвано. И не только нации: во всем мире прошла волна самоубийств. Хорошо, не моя в том вина. А единственное лекарство от всего этого — артегомы! Хотя это то же самое, что наркомана спасать наркотиками. Но ничего лучшего врачи пока не придумали. Уменьшают, правда, постепенно количество часов на телеканалах, посвященных «чебурашкам», но в ответ — тысячи разгневанных телеграмм и даже демонстрации. «Общество защиты прав артегомов» преобразовалось в партию, которая, видимо, станет правящей уже на следующих выборах. Их главный лозунг прежний: артегомы — разведчики человечества на пути в светлое будущее. Не хватает — пока — только одного слова в конце лозунга: — артегомизм. Или как там его назовут…

Времени у меня, как всегда, в обрез, и, поставив на электроплиту чайник, я тащу тарелку с яичницей в комнату.

— Родя, включи мне важнейшие новости.

— Включаю. Важнейшие новости.

«Агентство «Рейтер» сообщает: вчера в парижской префектуре впервые в мире зарегистрирован брак артегома с женщиной. Счастливая новобрачная Эрика Штеффер, в недавнем прошлом — супермодель. Ее суженый — артегом типа «гомункулус», Давид Супермен…

Выглядит эта модельная парочка неплохо: она — белокурая все еще красавица лет тридцати с хвостиком, он — вылитый Сталлонегер с мощными пластмассовыми бицепсами. Передвигается супермен правда, несколько враскарячку, но оплошавший было оператор переводит камеру на лицо жениха, дает его крупным планом… Да, вылитый Сталлонегер.

Хорошо хоть, не меховой «Чебурашка».

— Стоит такой артегом пока баснословно дорого, только женщина выдающихся способностей в состоянии его приобрести. Но Эрика утверждает, что ни с одним мужчиной она не была так счастлива, в интимном плане, как с Давидом, и он вполне оправдывает фамилию нового семейства артегомов фирмы «Гомункулус Индастри».

Я промакиваю кусочком хлеба вытекший на тарелку желток.

Да, уж ее-то выборка мужчин достаточно репрезентативна. Есть с кем сравнивать.

— Вас вызывает дочь! — прерывает Родион «важнейшие новости». Соединить?

— Конечно.

— Пап, это я. Ты приедешь сегодня?

— Как всегда.

— А… пораньше ты не мог бы? Очень нужно!

Лицо Маришки на экране терминала становится похожим на то, двадцатилетней давности, когда она выпрашивала новую куклу.

— Что, очередные теледебаты?

— Ну, вроде этого.

— Ты опять идешь в храм «новой веры»?

— Я ненадолго. Ты только не сердись, пап, ладно? Может, я там себе жениха найду, — заговорщицки улыбается Маришка.

— Надеюсь, не артегома?

— Ну что ты… Они так дорого стоят… — вздыхает дочь, и мне хочется стукнуть по столу кулаком. Но после Общего Шока, как окрестили это тележурналисты, я неделю отпаивал Маришку то водкой, то валерьянкой, и пришла она в себя лишь после того,

как я, по высказанному шепотом совету врача, сводил ее в ближайший кинотеатр.

— Ладно. Через час буду.

— Через сорок минут. Ну, пап… — торгуется, по детской привычке, Маришка.

— Может, и через сорок. Яичницу мне можно доесть?

— Ага! И сразу выезжай!

Обрадованная Маришка посылает мне воздушный поцелуй, я вяло жую остывшую белковую корочку. Родя возобновляет показ новостей.

«Агентство «Интерфакс» передает: обнаружен еще один свидетель вознесения создателя артегомов на небеса. Правда, свидетель уверяет, что это произошло не на третий день после трагической гибели Петра Пеночкина, а на девятый. Место, где это произошло, свидетель назвать отказывается, ссылаясь на то, что во сне ему «был голос», запрещающий это делать…

На экране появляется старичок лет семидесяти, с окладистой седой бородой, в старомодном длиннополом плаще.

Последний ошметок яичницы шлепается с вилки на тарелку.

Да это… Да это же тот самый дедок, который стоял вначале за Мефодием, а потом впереди нас с падре! Ай да дедок…

— Следует отметить, что, поскольку место захоронения Петра Пеночкина держится в глубокой тайне, все предыдущие свидетели его «вознесения» указывали совершенно разные координаты места, где по их мнению, произошло это событие. Напоминаем, что перед стенами Государственной думы уже вторую неделю почти непрерывно продолжаются демонстрации адептов «новой веры» с требованием обнародовать место захоронения создателя артегомов.

По сообщению агентства «Интерфакс», аннулированы итоги конкурса красоты «мисс Москва». Ни члены жюри, ни многочисленные зрители не понимают, каким образом победительницей в нем вышла некая Анна Пеночкина, чьи внешние данные никоим образом не соответствуют предъявляемым требованиям. Кроме того, в настоящее время Анна Пеночкина, вместе со своей матерью, находится в психиатрической лечебнице…

— Достаточно, Род!

Я уношусь на кухню, завариваю разовый пакетик чая, мою тарелку и вилку.

Больше всего мне жалко Анечку. Ей-то за что? Хотя Элли тоже не повезло. Точнее, нам с нею не повезло.

Похоже, мир постепенно оправляется от Общего Шока. Оправляется и становится прежним. Как будто и не было Шока,

как будто Петя Пеночкин все так же восседает на троне. И как это понимать? Жаль, Гриши больше нет. Уж он-то объяснил бы. Сказал бы что-нибудь вроде: «Гибрид-эгрегор окреп настолько, что ему уже не нужно мощное материальное воплощение в «физическом мире»…

— Хозяин, вас вызывает Юлия. — кричит мне из комнаты Родион. Все никак не соберусь протянуть «отросток» терминала на кухню, вот и приходится бегать туда-сюда.

— Соединяй.

— Папа, это я. Витя… Витя с самого утра ушел к Думе. А мне… Мне даже в парикмахерскую нет времени сходить. И на работе он вчера, кажется, опять не был… — чуть не плачет Юлька. И я понимаю: не из-за парикмахерской. Просто Витюха по-прежнему домой приходит только ночевать. И, боюсь, не как муж. Артегомшу он себе завел, что ли?

— Ты вот что… Я сейчас заберу у Маришки Ванечку и приеду с ним к тебе. Как ты думаешь, я с тремя внуками-внучками справлюсь? А ты сходишь тем временем в парикмахерскую и… куда там тебе еще надо. Только «чебурашек» детям не показывай и сама на них не смотри. Витька не заставляет? Я пообещал ему голову оторвать, если тебя или внуков потянет в кинотеатр.

— Не заставляет… Спасибо вам! — улыбается сквозь слезы Юлька.

Много ли молодой женщине нужно? Модную шмотку раз в месяц купить, время и деньги прическу сделать, немного мужской ласки. А Витька, паразит… Его Юлька после шока полторы недели коньяком отпаивала. Но нужно было, наверное, — спиртом…

Только Софьиванна более-менее благополучно выпуталась из тенет «новой вары». Вернулась на фирму, оформила прогулы отпуском за свой счет и… И вот уже вторую неделю напрашивается ко мне в гости. Очень уж, наверное, хочется ей свою квартиру для дочери освободить. Дочку, кстати, Софьиванна от поклонения «общему богу» уберегла. Но главбухша — единственное известное мне исключение. А остальные…

Так почему же мир остался прежним? Кто мне объяснит?

Придется в скверик к пенсионерам сходить. Уж они-то все знают, все ведают.

Возвращаясь на кухню, я на секунду останавливаюсь перед неким предметом, затиснутым между диваном и сервантом и задрапированным простыней, словно не открытый еще мини-памятник неведомому вождю.

Сколько мороки было, пока я привез его домой. И зачем? Зачем я это сделал? Тоже никто не надоумит, не объяснит. Эх,

Гриша-Гриша…

Глава 26

Вернувшись домой в середине дня, я сбрасываю плащ и туфли, ставлю вариться кофе и, ворвавшись в комнату, выкатываю на ее середину супернейрокомпьютер, укрытый простыней.

Ррраз… Памятник открыт, господа! И шлем-корона тоже здесь. Ну, начали?

Нет. Сначала кофе и сигарету. Как перед казнью. Уже второй за последний месяц. Да, еще одно…

— Род, запиши в мой файл «сугубо личное». Сегодня, пятнадцатого сентября, мой сын Виктор увел в храм «общей веры» мою невестку Юлию, внука Сашеньку и внучку Машеньку. Моя дочь Марина второй день не приходит домой. Внука Ванечку я поручил заботам Анны Федоровны, соседки, которая помогает мне по хозяйству. Ни терминал, ни даже просто телефон моей бывшей жены не отвечает. Автоответчик сообщает, что она ушла в храм «новой веры» и страстно призывает присоединиться к ней. Ее новый муж Крепчалов Виталий Петрович неделю назад покончил с собой. И я решил… Подожди, кофе…

Я мчусь на кухню и успеваю как раз вовремя: темное варево в джезве только-только начинает шуметь. Так… И пару чайных ложечек коньяка. Кто знает, придется ли мне еще когда-нибудь…

— Да, Род, — вспоминаю я, возвратившись в комнату с чашечкой и блюдечком в руках. — Если случится так, что в течение суток подряд я, находясь дома, ни разу к тебе не обращусь, ты должен переслать сегодняшний файл «сугубо личное» Воробьеву Святославу Ивановичу, в ГУКС, и Скрипачеву Константину Сергеевичу, моему заместителю, в «Крокус». Пиши дальше: нейрокомпьютер Петра Пеночкина, который после Общего Шока разыскивали милиция и АФБ, был похищен мною. И хотя мой недруг из службы безопасности, Грибников, уволился и подался в ближайший кинотеатр, с возвращением компьютера я медлил. Потому что после Общего Шока я, хоть и не сразу, а вспомнил: забрать компьютер и шлем мне приказал Порогов Мефодий Кузьмич, тот самый, который убил Пеночкина. Полагаю, он знал, для чего это нужно. Но сказать мне не успел, потому что началась «ламбада».

— Простите, не понял. «Ламбада» — танец, бывший очень популярным в конце двадцатого века, и в контексте…

— Пиши, как я сказал, «ламбада», адресаты поймут. Далее. Семинария, для которой мы выполняли срочный заказ, контракт расторгла. Несмотря на выплаченную неустойку, моя фирма

практически разорена. В сложившихся условиях я решил… подожди, сейчас…

Отодвинув опустевшую чашечку, я делаю то, чего не делал уже много лет: закуриваю прямо в комнате.

— Я решил надеть шлем, включить нейрокомпьютер и попробовать заглянуть в «тонкий мир» самостоятельно. Что-то в нем, и этом мире, наверное, разладилось, если матери бросают детей, а такой мужчина, как Крепчалов, пускает себе пулю в лоб. Подробности пусть поищут в файле «сугубо личное» у Черенкова. Если там что-то есть про эгрегоры и прочую метафизику. Именно этим я и хочу заняться. Заявляю сне в твердой памяти и здравом уме, поскольку другого выхода просто не вижу…

У меня осталось только полсигареты. Как я загнул насчет здравого ума? Воробьев, конечно, усмехнется. Ну и ладно. Но хоть что-то будут знать. А то от Гриши ничего не осталось, от Пеночкина, в сущности, тоже. Кроме нейрокомпьютера. Он заварил кашу, а я теперь расхлебывай. Как впрочем, и всегда. Должность, видать, у меня такая: исправлять ошибки, допущенные непризнанным гением и героическим счастливизатором человечества, создателем артегомов Петей Пеночкиным.

Ну-с, приступим? Никакой инструкции по сборке этого конструктора, конечно, нет. Но Петя был — до того, как податься в гении — неплохим инженером. А инженерная логика, в отличие от женской, одна и та же для всех. Вот шлем с сотнями пленочно-точечных сенсоров. Внутри короны, видимо, — пленочные же предусилители и СБИСы системы уплотнения-разуплотнения каналов. Снаружи два сверхширокополосных «гольфстрима», каждый обслуживает половину сенсоров, то есть обеспечивает связь нейрокомпьютера с одним полушарием головного мозга. Вот сам нейрокомпьютер с двумя такими же чудо-адаптерами «гольфстрим». На что он был первоначально запрограммирован, этот компьютер? До того, как его суперсложная нейросеть начала самообучаться? Нейрокомпьютер получает два мощнейших потока информации, работает в реальном масштабе времени — и что делает со всеми этими гигабитами? К тому же его третий вход/выход непрерывно связан с компьютерными сетями всей планеты, в том числе и с отдельной сетью артегомов. В обычные компьютерные сети артегомов не допускали — до вчерашнего дня. Но после недели многотысячных демонстраций, от Парижа до Нью-Йорка и Токио, запрет был снят. И что теперь будет одному создателю известно. Создателю артегомов, я имею в виду.

Непогашенный окурок жжет пальцы, и я с остервенением гашу его о край блюдечка.

А может быть, не надо? Ну почему — я? Вот сейчас позвоню Воробьеву, он — начальнику Грибникова… Через полчаса у меня компьютер и шлем-корону заберут. Ну, по допросам начнут таскать. Отобьемся. Женька Рымарев в обиду не даст.

А сын? А дочь? А жена, хоть и бывшая? Аэфбэшники три месяца будут пытаться понять, что это такое, а потом поместят нейрокомпьютер и корону в камеру вещдоков — и дело с концом…

— Род, записывай в файл «сугубо личное»: я надеваю шлем-корону, включаю нейрокомпьютер, жду, пока он самопротестируется и войдет в режим. Программист Петя был великолепный, надеюсь, процедура запуска у него автоматизирована. Вся электроника, которая упрятана в шлеме, питается от высокоэффективных солнечных батарей, покрывающих почти всю наружную поверхность короны, спрятанную за зубцами. Поэтому на Петю, когда он сидел на троне, и были сверху направлены три прожектора. Но сейчас день, я сижу затылком к окну, освещенности должно хватить. А вечером я подключу к шлему автомобильный аккумулятор. Да, «гольфстримы» запустились. Пошло, пошло, поехало… Нейрокомпьютер включился штатно, он только что сообщил мне об этом. Телекамера, установленная в трехстепенном кардановом подвесе над компьютером, пришла в движение. Включился ее микрофон. Зато у меня начались проблемы со слухом и зрением. Я слышу словно бы гул, гул от множества далеких, едва слышных человеческих голосов. А вижу все словно через туманную дымку. Нет, не так: словно все, что я вижу — лишь проекция какого-то слайда на туманную дымку. Чье-то лицо. Я отчетливо вижу чье-то лицо. Пеночкин! Нет… Нет… Какой-то человек сидит в моем рабочем кресле. Род, все записывай! Все, до единого слова!

Я, наконец, узнаю своего гостя. Это Мефодий. На нем все та же черная ряса, на груди — тяжелый бронзовый крест. На лице его нет и следов побоев, но оно светится печалью человека, лишь ненадолго вернувшегося из мира теней на землю и знающего, что времени ему отпущено немного.

— Ты… жив? — задаю я вопрос из тех, на которые невозможно ответить отрицательно.

— В некотором смысле — да. Так же, как лишь в некотором смысле жив и ты.

— Как ты сюда попал?

— Ты забыл запереть входную дверь. Поговорим?

— Ты… знал, на что шел?

— Знал. На великий грех: убийство человека. К тому же я осквернил крест, спрятав в нем оружие. Долго мне эти грехи

избывать придется, очень долго. Никому не пожелал бы… Но другого способа я не нашел. Искал, но не нашел, понимаешь?!

— Почему на тебя не подействовало это… ну, поле, что ли…

— Потому что я верю в другого Бога. А истовая вера — я говорю истовая, а не истинная — защищает от подобных напастей лучше, чем парик с электропроводящей подкладкой.

— Ты знал про парик?

— Тогда — нет. Но я знал другое: всякое слово, произнесенное у подножия трона, звучит как приказ, непреложнее, чем категорический императив, хотя последнее теоретически и невозможно. И я не ошибся. Нейрокомпьютер и шлем, я вижу, у тебя?

— Да. Только что делать с ними — не знаю.

— Что делать, что делать… Знаешь ты прекрасно, что нужно делать! серчает вдруг падре. — И уже делаешь!

— Да, но… Я не уверен, что там, в «тонком» мире, там, где чисто и светло, найдется для меня место.

— Что внизу, то и наверху. Там у них тоже хватает… особенностей…

— Я немощен и стар. И, должно быть, грешен…

— Не прикидывайся. Софьиванна тебя старым не считает. А что касается грехов, тут ты прав. Мало кто может похвастаться таким набором.

— Что ты имеешь в виду? — огорчаюсь я.

Кажется, моя попытка получить индульгенцию провалилась.

— Ты карьерист и бабник. Первого в мире артегома ты убил исключительно ради собственной карьеры. Кресло директора ГУКСа тебе пообещали. И отпуска в Сочи не хотелось лишаться.

Я чувствую, как лицо мое медленно вытягивается. Видимо, от Мефодия невозможно ничего скрыть. Да и падре ли это? Может, просто моя больная совесть?

— Зато я спас мир от «Тригона».

— Себя ты спасал тогда, а не мир. Опять-таки — свое мягкое директорское кресло оберегал. Точнее, свой зад в этом кресле. А еще с Элли надеялся переспать. Чтобы наверстать упущенное при первой с нею встрече.

— Еще я очень люблю своих детей… и внуков… — отступаю я на последние рубежи.

— Себя ты любил всегда, только себя. А детей и внуков — лишь в той мере, в какой они приносили тебе радость. А еще — как их собственник. Когда Виктор, сын, бросил аспирантуру — ты ведь его возненавидел, правда? Хоть на минуточку, а возненавидел. Вот и вся цена твоей любви. Кроме того, ты начинающий алкоголик.

— Неправда! Безопасную дозу, которая не только не вредит, а наоборот, способствует здоровью…

— Никаких безопасных доз не существует. Каждый пьющий человек неизбежно становится алкоголиком. Только одни успевают до этого умереть, а другие нет.

Взгляд Мефодия пронизывает меня до самых глубин, и волна неприятного холодка поднимается от паха к солнечному сплетению и выше по позвоночнику.

— Значат, я недостоин! — облегченно вздыхаю я.

— Не радуйся. Только тебе и по силам взять на душу еще один грех. Григорий Черенков, например, хоть и видел все, и понимал в какой-то степени, что происходит — а не сдюжил, не выстоял. И Кирилл Карпович, управделами наш, пусть он и сильный мужик, а — не сможет. Не посмеет согрешить. Но — кому-то надо…

— Гриша, а почему ты тогда не убежал? Даже не попытался? В суматохе это вполне можно было сделать.

— Не переводи разговор на другое. Ты прекрасно знаешь, почему. Так ты берешься за это дело?

— Я не хочу!

— Ты должен. Как бы тебе объяснить… А, вот. По терминологии Гриши, не имеющей, конечно, ничего общего с истинным положением дел, но и не слишком противоречащей ему — сознание Пеночкина успело раствориться в сознании тысяч артегомов, ушло в их эгрегор. А поскольку сеть «чебурашек» теперь подключена к другим компьютерным сетям, Петр Пеночкин вот-вот начнет контролировать и их тоже. То есть по сути — всю земную цивилизацию. И она из «информационной» превратится в гибридную, в химеру с человеческим туловищем и головой артегома. Оно и понятно, ведь в противном случае… как бы тебе объяснить… а, вот: иначе «тонкое тело» Петра Пеночкина очень быстро распалось бы. Он просто всеми силами цепляется за жизнь. Ту жизнь, в «тонком» мире жизнь, понимаешь?

Я тупо киваю головой, хотя давно уже ничего не понимаю. Та жизнь, эта жизнь… Ну и пусть бы Петя оставался богом артегомов, зачем ему компьютерные сети? Но, видать, земная логика в «тонком» мире не действует.

— Ну вот, — чуть заметно улыбается Мефодий. Это сочетание беспредельной грусти и не улыбки даже, а лишь намека не нее действует на меня так, что впервые за многие годы мне хочется заплакать. — Но у человечества — совсем другое предназначение! Нельзя отдавать Землю «чебурашкам»! Она принадлежит людям, только людям!

— Какое… предназначение?

— Другое. Совершенно другое. Скоро ты все поймешь сам. Только не медли!

— И что… И что тогда будет?

— Встречный огонь. Это — единственный способ остановить бога артегомов.

— А я? А Петя?

Мефодий смотрит на меня со все той же невыносимо грустной улыбкой, потом встает с кресла и, сказав напоследок: — Ты все знаешь сам! Только не медли! — выходит из комнаты. В прихожей хлопает дверь.

Глава 27

Шлем очень тяжелый. Не легче, наверное, чем шапка Мономаха. Кровь стучит у меня в висках, мышцы шеи затекли. Я бережно снимав корону «создателя» и кладу ее на колени.

Значит, это должен сделать я? Я, бабник и карьерист? Но почему? Почему именно я?! Неужели больше некому?

— Род, отыщи Софью Ивановну. Пусть срочно приезжает ко мне. Говоришь с нею сам, мне некогда.

Так… Похоже, эта бодяга затянется на две-три недели, а то и на месяц. Фирму передам пока Скрипачеву, он парень толковый, выкрутится. Вся прибыль — ему, чтобы интерес был, мне — только директорский оклад, но регулярно. Софьиванне — отпуск без содержания. Это не Элли, конечно, но в магазин сходить, еду приготовить и за Ванюшкой на пару с Анной Федоровной приглядеть она сможет. Ах да, у нее дочка… Ну, приедет — посоветуемся, как быть. Что еще? Деньги. Директорского оклада нам хватит на всех, но может понадобиться что-то еще. Ага, есть украшения, которые я не успел подарить жене, можно еще что-нибудь продать… «Пилигрим»! Как бы он сейчас был кстати!

И будет. Похоже, с этой короной на голове мне не составит большого труда перебросить сумму, равняющуюся стоимости «пилигрима», со счета фирмы «Комтех-сервис» на свой… Все?

Нет. Еще — источник бесперебойного питания. Но в «Крокусе» один такой есть, завтра Скрипачев привезет. И заодно — нашу резервную спутниковую антенну. А он как-нибудь перебьется и без нее. Еще нужно будет побрить голову. Но это сделает Софьиванна завтра.

Ну…

Странно. Мне больше не хочется ни кофе, ни сигареты. Да и времени для этого нет. Мефодий ясно предупредил: не медлить!

Я надеваю шлем.

Значит, встречный огонь… Два петуха не смогут усидеться на одном насесте. Интересно, а Мефодий — поможет мне? Или — хоть кто-нибудь? Петя ведь просто так не отступит. И что потом будет со мной? Я еще не хочу умирать! С другой стороны, не зря же Петя так стремился обзавестись третьим полушарием. Есть в этой ситуации положительные стороны. Гриша упоминал что-то о перманентном состоянии экстаза. И о том, что одной Элли Пете скоро было бы мало. Если бы не… как там выразился Мефодий… категорический императив освободить Землю от гибридного эгрегора — мы бы с Пеночкиным как-то договорились. У Земли ведь два полушария. Пете — точнее, тому, в кого он превратился

— западное, мне восточное… Спрячусь на Горелом хуторе — меня там в жизни никто не найдет. И Элли вытащу из психушки, вместе с дочкой. Будет с таким же обожанием смотреть на меня, как недавно на Петю. И не только смотреть. Дурак Пеночкин, что погнался за славой. Комплекс неполноценности, присущий каждому непризнанному гению, его заставил. А ведь тайная власть над миром — это даже романтичнее. Особенно при обильной энергетической подпитке. Земля, конечно, должна принадлежать людям. Но ведь я — тоже человек! И ничто человеческое мне не чуждо.

А как же Витюха, Маришка, внуки?!

Я вздрагиваю, словно от удара током.

Да, я человек.

Пока еще — человек…